

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»



**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 12, № 1, 2019

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Решением
Минобрнауки РФ
журнал «Экономические
и социальные
перемены: факты,
тенденции, прогноз»
включен в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны
быть опубликованы
основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой
степени кандидата
наук, на соискание
ученой степени доктора
наук по научным
специальностям:
22.00.00 –
социологические
науки; 08.00.00 –
экономические науки.

Журнал размещается в
следующих рефератив-
ных и полнотекстовых
базах данных:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access
Journals (DOAJ), RePEC,
Ulrich's Periodicals
Directory, ВИНТИ
РАН, Российский
индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала
направляются в
Библиотеку Конгресса
США и в Германскую
национальную
экономическую
библиотеку.

Все статьи проходят
обязательное
рецензирование.
Высказанные в статьях
мнения и суждения
могут не совпадать
с точкой зрения
редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.vsc.ac.ru>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тозин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к.с.н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHES), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кшиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентий С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнапов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окреплов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES



**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 12, no. 1, 2019

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tizgin Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHESS), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Sztopka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

V.V. Ivanter, RAS academician (Institute of Economic Forecasting of RAS, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu. Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© VoIRC RAS, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. Оценка населением региона эффективности государственного управления в 2000–2018 гг.	9
---	---

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Кудряшова Е.В., Зарубина Л.А., Сивоброва И.А. Вызовы и возможности трансграничного инвестиционного сотрудничества в Арктическом регионе	39
Мотрич Е.Л., Молодковец Л.А. О формировании населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке России	53

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Каргаполова Е.В., Дулина Н.В. Модернизация региона как гетерархической системы	70
Кожевников С.А. Проблемы Европейского Севера России и возможности его участия в развитии Арктической зоны РФ	87

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Гулин К.А., Дианов С.В., Антонов М.Б. Проблемы мотивации арендаторов лесных участков на использование эффективных методов лесовосстановления в России	108
---	-----

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Росошанская Е.А. Комплексная агент-ориентированная модель воспроизводства трудового потенциала муниципального образования	124
Тихонова А.В. Имитационное математическое моделирование системы подоходного налогообложения с использованием критерия Q-Тьюки	138
Дементьева И.Н., Шаклеина М.В. Применение индексного метода в исследованиях потребительских настроений населения	153

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Тимушев Е.Н. Приоритеты бюджетного финансирования городов и районов Российского Севера	174
---	-----

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Иванова Л.Ю. Экологическая культура в российском обществе как условие формирования экосознания и поведения подрастающего поколения	189
Дидковская Я.В., Трынов Д.В. Социальное самочувствие и ожидания молодежи индустриального региона	202
Иванова Е.М., Марков Е.А., Соловьева С.А. О трансформации моделей взаимодействия власти, СМИ и общества в районных печатных изданиях	215

ЭКОНОМИКА ТРУДА

Аликперова Н.В., Ярашева А.В., Виноградова К.В. Мотивация трудового поведения молодежи как возможности для реализации финансовых стратегий	226
--	-----

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Забелина И.А. Эффект декаплинга в эколого-экономическом развитии регионов – участников трансграничного взаимодействия	241
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

VIII Международная научно-практическая конференция «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект»....	256
Правила приёма статей	264
Информация о подписке	270

CONTENT

EDITORIAL

- Ilyin V.A., Morev M.V. Public Administration Efficiency in 2000–2018
in the Assessments of the Region’s Population 9

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

- Kudryashova E.V., Zarubina L.A., Sivobrova I.A. Cross-Border Investment Cooperation
in the Arctic Region: Challenges and Opportunities 39
- Motrich E.L., Molodkovets L.A. Shaping the Population and Labor Resources
in the Russian Far East 53

REGIONAL ECONOMY

- Kargapolova E.V., Dulina N.V. Modernization of a Region as a Heterarchical System 70
- Kozhevnikov S.A. Problems of the European North of Russia and the Possibilities
of Its Participation in the Development of the Arctic Zone
of the Russian Federation 87

BRANCH-WISE ECONOMY

- Gulin K.A., Dianov S.V., Antonov M.B. Issues Related to the Motivation of Tenants
of Forest Plots to Use Effective Methods of Reforestation in Russia 108

MODELING AND FORECAST OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

- Rossoshanskaya E.A. Integrated Agent-Based Model of Labor Potential Reproduction
of a Municipal Formation 124
- Tikhonova A.V. Mathematical Simulation Modeling of the Income Taxation System
with the Use of Tukey’s Q-Test 138
- Dement’eva I.N., Shakleina V.M. Applying the Index Method in the Research
on Consumer Sentiment 153

PUBLIC FINANCE

Timushev E.N. Priorities of Budget Financing of Cities and Regions of the Russian North	174
--	-----

SOCIAL DEVELOPMENT

Ivanova L.Yu. The Environmental Culture in the Russian society as a Condition for Building Eco-Consciousness and Behavior of the Younger Generation	189
Didkovskaya Ya.V., Trynov D.V. Social Well-Being and Expectations of the Youth in the Industrial Region	202
Ivanova E.M., Markov E.A., Solov'eva S.A. On the Transformation of the Models of Interaction between the Authorities, Mass Media and Society in Regional Print Editions	215

LABOR ECONOMICS

Alikperova N.V., Yarasheva A.V., Vinogradova K.V. Motivating Young People's Labor Behavior as an Opportunity for Implementing Financial Strategies	226
---	-----

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

Zabelina I.A. Decoupling in Environmental and Economic Development of Regions-Participants of Cross-Border Cooperation	241
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

VIII international research-to-practice conference "Strategy and Techniques of Socio-Economic Reforms: Regional Aspect"	256
Manuscript Submission Guidelines	264
Subscription Information.....	270

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.1

УДК 354:303.4.025, ББК 66.033.141:60.506

© Ильин В.А., Морев М.В.

Оценка населением региона эффективности государственного управления в 2000–2018 гг.*



**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru



**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru

Аннотация. В предыдущих выпусках журнала в рубрике «От главного редактора» размещались статьи, посвященные наиболее острым вопросам современной жизни и будущего России. Опираясь на экспертные оценки, а также на результаты международных, российских и собственных исследований, мы затрагивали ключевые аспекты эффективности государственного управления в реализации задач, обеспечивающих национальную безопасность. Среди них – преодоление социального неравенства и «капитализма для избранных», обеспечение устойчивости психологического состояния общества и развития гражданской активности его основных слоев. Мы анализировали положение дел в науке и образовании, в экономике и социальной сфере; давали объективную оценку ключевым выступлениям

* В статье представлены данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН (1998 – февр. 2019 гг.).

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. Оценка населением региона эффективности государственного управления в 2000–2018 гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 9–38. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. Public administration efficiency in 2000–2018 in the assessments of the region's population. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 9–38. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.1

Президента и эффективности реализации Правительством целевых установок главы государства (в том числе зафиксированных в «майских указах»). Освещали наиболее резонансные события, происходившие на внутренней и внешней политической арене. В контексте обеспечения национальной безопасности анализировали соотношение интересов широких слоев населения и элитарных групп. Неоднократно обращались к историческому опыту России и зарубежных стран, проводя аналогии между прошлым и настоящим, пытаясь ответить на вопрос, насколько правящая элита извлекает уроки для устойчивого развития страны в целях соответствия всё более сложным условиям глобальной конкуренции в XXI веке. Следует отметить, что главным критерием успешности деятельности органов власти, эффективности государственного управления и изменения положения дел в стране, как неоднократно отмечал и сам Президент¹, является общественное мнение. При этом начало 2019 года можно рассматривать как точку отсчета в реализации основных положений «майского указа» 2018 года и, если смотреть шире, – в реализации целевых установок на прорывное развитие внутренней, прежде всего социально-экономической ситуации в России, что является лейтмотивом нового политического цикла и последнего (согласно действующей Конституции РФ) президентского срока В. Путина.

Первый выпуск журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в 2019 году мы решили начать с анализа ключевых тенденций субъективных оценок населения за последние 18 лет относительно различных аспектов повседневной жизни, включая динамические изменения, происходящие в оценке деятельности органов государственного управления, в восприятии уровня и качества жизни, в складывающемся в обществе эмоционально-психологическом фоне. Основным информационным источником, позволяющим реализовать эту задачу, выступил социологический мониторинг, который проводится ВолНЦ РАН на территории Вологодской области уже более 20 лет (с 1996 года).

Нижеследующие таблицы показывают тенденции ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в долгосрочной (годовой) ретроспективе, а также текущие (последние 6 волн мониторинга) изменения общественного мнения.

Акцент в анализе существующих трендов общественного мнения сделан на итогах III президентского срока В. Путина (2012–2017 гг.) и на текущей динамике оценок населения (последние 6 опросов: апрель 2018 – февраль 2019 г.), во многом говорящих о том, насколько главе государства удастся выстроить систему государственного управления на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном) в соответствии с целями, отмеченными в Послании Федеральному Собранию РФ и закреплёнными в «майском указе» 2018 г., и в соответствии со стратегически важной для национальной безопасности задачей эффективного транзита российской государственности на период до 2024 года.

Ключевые слова: общественное мнение, оценка деятельности власти, Президент, социальное настроение, итоги года.

¹ См., например:

1. Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации : стенограмма селекторного совещания. 10 янв. 2012 г. URL: <http://archive.government.ru/special/docs/17719/>

2. Выступление В.В. Путина на заседании Комиссии при Президенте по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития Российской Федерации 7 мая 2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20974>

3. Обращение Президента к гражданам России 29 августа 2018 г. // Сайт Президента РФ. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58405>

И. Динамика общественного мнения о деятельности органов власти и положении дел в стране

Как показывают результаты проведенных исследований, несмотря на многочисленные свидетельства неэффективности выполнения Правительством Д. Медведева «майских указов» 2012 года², оценка деятельности В. Путина за период его III президентского срока (2012 – 2017 гг.)³ улучшилась: доля позитивных суждений увеличилась с 52 до 67%, отрицательных – снизилась с 33 до 20% (вкладка 1, рис. 1). Ключевым событием, повлиявшим на положительную динамику общественного мнения, стало вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, что нашло поддержку у подавляющего большинства россиян. Именно в 2014 г. отмечается резкий «скачок» в уровне одобрения деятельности главы государства (на 9 п.п., с 55 до 64%).

² См. например:

1. Обещания третьего срока: как исполняются майские указы президента / О. Волкова, П. Никольская, И. Ткачѳв, А. Могилевская // Сайт РБК. Реж. дост.: <http://www.rbc.ru/economics/17/05/2016/573a034a9a7947d18967193a>

2. Ильин В.А., Морев М.В. «Российская Федерация – социальное государство»? Оценка 25-летних итогов реализации статьи 7 Конституции РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 9–25.

3. Дисциплинирующая сущность майских указов (редакционная статья) // Независимая газета. 2018. 16 мая. http://www.ng.ru/editorial/2018-05-16/2_7225_red.html

4. Шейнис В.Л. Исторический транзит: российская драма // Независимая газета. 2017. 27.01. Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2017-01-27/5_6914_drama.html

5. Оформление загранпаспорта обойдется в 5 тысяч рублей: почему так дорого // Московский комсомолец. 2018. 19 июня (мнение аналитика ГК «Финам» А. Коренева). URL: <http://www.mk.ru/social/2018/06/19/oformlenie-zagranpasporta-oboydetsya-v-5-tysyach-rublej-pochemu-tak-dorogo.html>

³ Здесь и далее для анализа общественного мнения принята следующая периодизация президентских сроков:

2000–2003 гг. – I президентский срок В. Путина (4 года, включая последний полный год I президентского срока);

2004–2007 гг. – II президентский срок В. Путина (4 года, включая последний полный год II президентского срока);

2008–2011 гг. – президентский срок Д. Медведева (4 года, включая последний полный год президентского срока Д. Медведева);

2012–2017 гг. – III президентский срок В. Путина (6 лет, включая последний полный год III президентского срока);

2018 г. – начало IV президентского срока В. Путина.

В марте 2018 г., накануне президентских выборов, В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ обрисовал ключевой вектор развития страны на период до 2024 года в случае сохранения за ним полномочий главы государства. Заявление о том, что «в основе всего лежит сбережение народа России и благополучие наших граждан. Именно здесь нам нужно совершить решительный прорыв»⁴, было воспринято россиянами с высокой долей оптимизма: по данным Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ФНИСЦ РАН), более 90% россиян отметили важность таких озвученных в президентском Послании задач, как «увеличение средней продолжительности жизни до 80 лет», «закрепление России в пятерке крупнейших экономик мира», «обновление и развитие российских городов с учетом мнения их жителей», «формирование равных образовательных возможностей», «создание современной инфраструктуры в сельской местности», «увеличение размеров пенсий, их индексация выше темпов инфляции», «приведение в порядок региональных и местных дорог», «создание доступной и качественной медицинской помощи», «рост реальных доходов работающего населения»⁵.

На состоявшихся 18 марта 2018 г. выборах Президента РФ российское общество продемонстрировало значительный рост уровня поддержки действующего главы государства, а также явки на избирательные участки: по сравнению с президентскими выборами 2012 г. избирательная явка в России увеличилась с 65,34 до 67,54%, а поддержка В. Путина – с 63,60 до 76,69% (для сравнения: за П. Грудина, занявшего второе место по количеству набранных голосов избирателей, проголосовало всего 11,77% россиян).

7 мая 2018 г. В. Путин официально вступил в должность Президента РФ и в своей речи во время инаугурации еще раз подтвердил намерения относительно планов развития на период

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию 01.03.2018 // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

⁵ Филина О. Синицы превратились в журавлей: что думают россияне о выполнимости стратегических задач государства // Коммерсант. 2018. 28 мая. <https://www.kommersant.ru/doc/3635558>

до 2024 года, заявив о том, что **«сейчас мы должны использовать все имеющиеся у нас возможности, прежде всего для решения внутренних, самых насущных задач развития, для экономического, технологического прорыва, для повышения конкурентоспособности в тех сферах, которые определяют будущее. Новое качество жизни, благополучие, безопасность, здоровье человека — вот что сегодня главное, вот что в центре нашей политики»**⁶. Эти слова Президента были адресованы не столько избравшему его российскому обществу, сколько правящим элитам и задавали четкий вектор государственной политики на ближайшие 6 лет.

Вместе с тем первые 9 месяцев IV президентского срока В. Путина (с июня 2018 по февраль 2019 гг.) прошли под знаком реформ, негативно воспринятых обществом. Особый резонанс вызвал проект повышения пенсионного возраста, который катализировал ряд массовых протестных выступлений по всей стране, во многом из-за того, что сама реформа была проведена в режиме спецоперации, без организации предварительного широкого обсуждения с населением.

Следует отметить, что повышение пенсионного возраста — далеко не первый случай подобной практики «шоковой терапии». В таком же режиме проводилась монетизация льгот (2005 г.), реформирование РАН (2013 г.)... В случае же с пенсионной реформой постепенной «рутинизации»⁷ вопроса способствовало выступление В. Путина по федеральным телеканалам (29 августа 2018 г.), в котором он, обращаясь непосредственно к гражданам России, попытался объяснить необходимость и своевременность данного шага, а также внес ряд поправок в правительственный законопроект реформы, существенно облегчив ее протекание для многих категорий населения.

⁶ Выступление В.В. Путина во время инаугурации 7 мая 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57416>

⁷ Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий: прессы-выпуск ВЦИОМ. 2018. №3788. 12 октября. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9363> (комментарий руководителя практики политического анализа и консультирования Департамента исследований М. Мамонова).

Н. Зубаревич: «Надо было делать комплексную историю, но сделали так. Тянули 15 лет, а потом разом все готово. Во всех странах повышение пенсионного возраста проходило через общественное обсуждение, был очень постепенный ввод этой реформы... Повышение пенсионного возраста неизбежно, это никакая не реформа, это фискальная история, чтобы снять нагрузку с федерального бюджета, **но проведено все это безобразно, кирпичом по башке...** Что такое режим спецоперации? Сначала быстро запустить, ни с кем не обсуждая, как монетизацию льгот, обухом по голове запустить, а потом, если пошли протесты, откатить. Монетизацию льгот дополнительно залили деньгами, чтобы народ ушел с улиц. Вот и теперь делают все, как в нормальной двухходовке: объявили мужчинам 65, женщинам 63, в итоге женщинам сделают 60, мужчинам 63. Это же обычная политическая история — правительство плохое, президент хороший»⁸.

В октябре 2018 г. соответствующий Закон об изменениях в пенсионном законодательстве был принят⁹, однако, как показывают результаты мониторинга, ни он, ни телеобращение главы государства к народу так и не смогли обеспечить возвращение позитивного тренда динамики общественного мнения: с июня 2018 г. (когда россиянам впервые был представлен проект пенсионной реформы) по настоящее время поддержка В. Путина снижается на 2–4 п.п. каждые два месяца и в целом за последние 5 «волн» опроса снизилась с 70 до 59%.

Важно подчеркнуть, что по итогам 2018 года ухудшение оценки деятельности Президента отмечается во всех социально-демографических категориях населения, включая традиционно наиболее позитивно настроенные группы — молодежь и жителей области с высокой самооценкой собственных доходов (вкладка 1, табл. 1).

⁸ Материалы интервью с директором региональной программы Независимого института социальной политики Н. Зубаревич (источник: Костарнова А. Пенсионная реформа — спецоперация в режиме аврала. <https://www.discred.ru/2018/07/18/pensionnaya-reforma-spetsoperatsiya-v-rezhime-avrала/>).

⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: ФЗ №350 от 3 октября 2018 г.

Вкладка 1

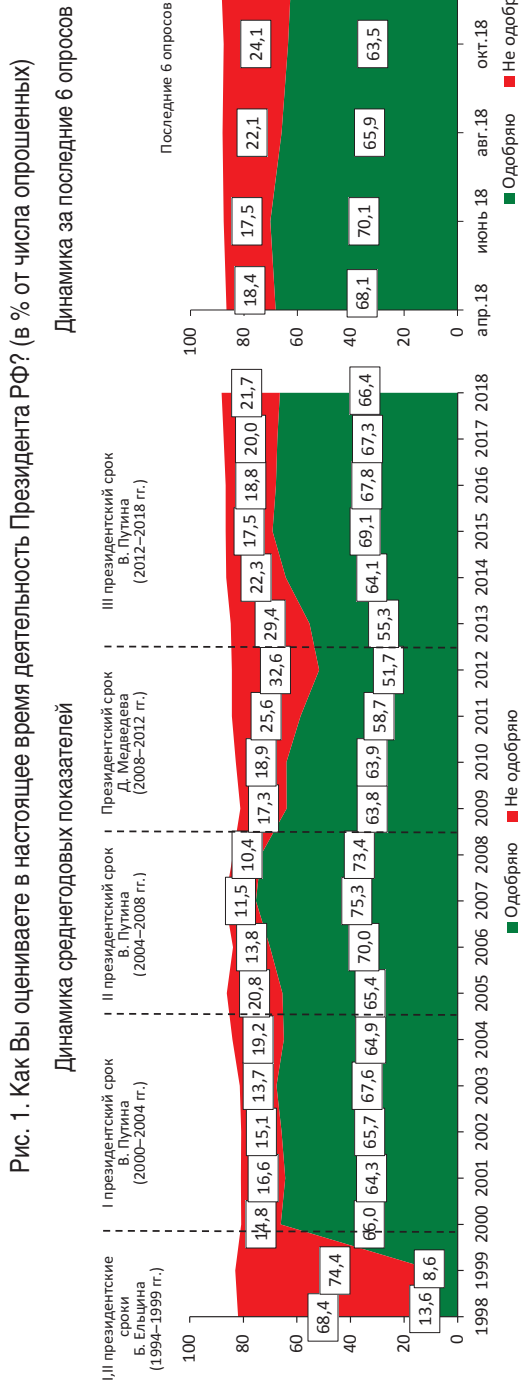
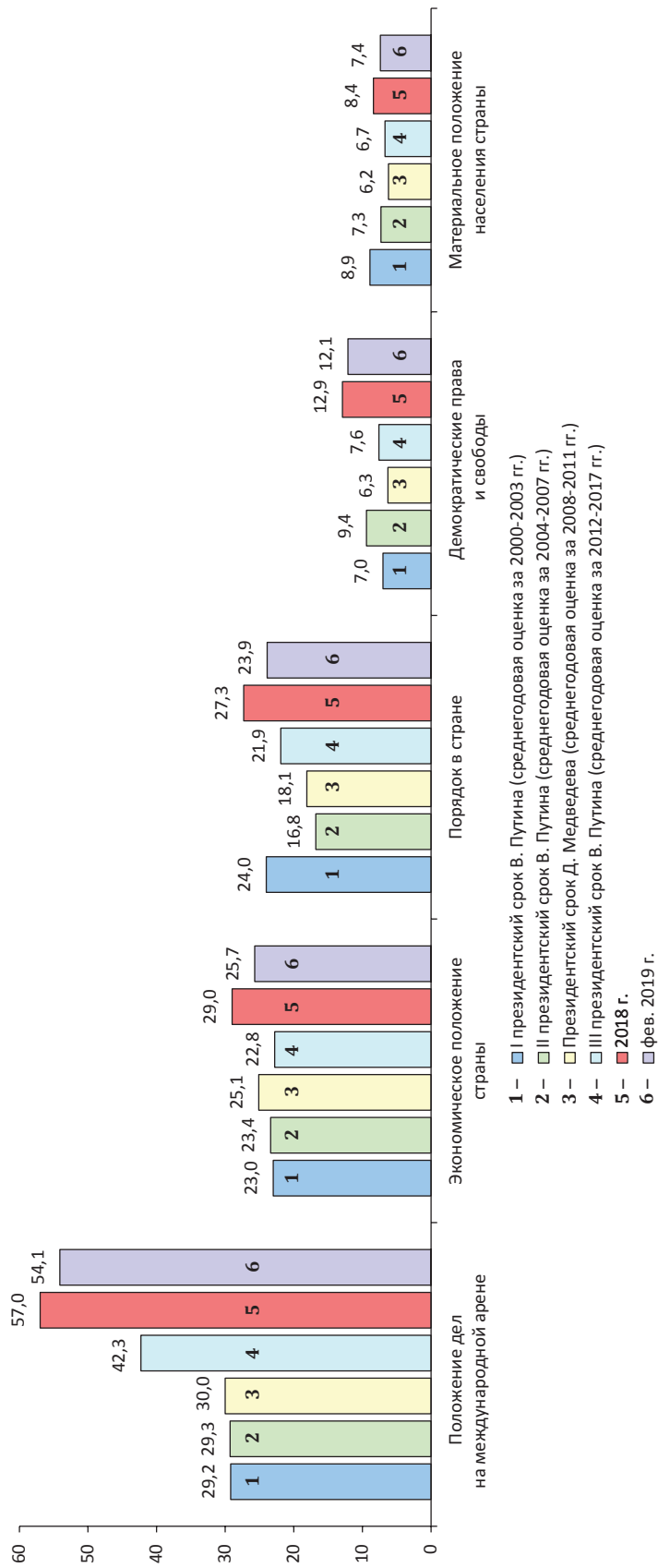


Таблица 1. Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ? (вариант ответа: полностью и в основном одобряю, в % от числа опрошенных)

Категория населения	Средне-годовая оценка за 2000		Средне-годовая оценка за 2004		Средне-годовая оценка за 2008		Средне-годовая оценка за 2012		Средне-годовая оценка за 2018		Изменение средних годовых оценок (+/-)		Фев. 2019	Изменение (+/-), фев.19 к апр.18
	2000-2003	2004-2007	2008-2011	2012-2017	2012-2017	2018 г. к 2012 г.	2000-2003	2012-2017	2012-2017	2018 г. к 2012 г.	2012-2017	2018 г. к 2012 г.		
Мужской	65,8	69,0	63,1	59,6	64,0	64,0	-6	+4						-6
Женский	66,0	68,9	66,5	64,9	68,3	68,3	-1	+3						-12
До 30 лет	68,8	70,7	64,7	61,2	63,0	63,0	-8	+2						-5
30-55 лет	65,2	68,6	64,4	61,4	64,8	64,8	-4	+3						-10
Старше 55 лет	64,4	67,9	66,0	5,1	69,9	69,9	+1	+5						-11
Образование														
Н/среднее и среднее	61,9	65,3	60,4	56,9	58,0	58,0	-5	+1						-9
Среднее специальное	66,6	70,2	65,8	63,8	70,0	70,0	-3	+6						-10
Н/высшее и высшее	70,1	71,9	69,1	67,2	70,3	70,3	-3	+3						-10
Доходные группы														
20% наименее обеспеченных	55,4	60,8	55,4	50,2	9,9	9,9	-5	0						-6
60% среднеобеспеченных	68,3	71,4	66,7	64,8	68,8	68,8	-4	+4						-15
20% наиболее обеспеченных	73,2	76,5	72,7	71,9	76,4	76,4	-1	+5						-5
Территории														
Вологда	66,2	65,3	64,5	61,1	62,5	62,5	-5	+1						-9
Череповец	64,6	72,5	73,8	74,1	78,1	78,1	+10	+4						-13
Районы	66,5	68,8	60,7	56,9	6,8	6,8	-10	+5						-8
Область	65,9	68,9	65,0	62,5	66,4	66,4	-3	+4						-9

Вкладка 2

Рис. 2. Что, на Ваш взгляд, в первую очередь заботит В. Путина?
(в % от числа опрошенных, без учёта вариантов ответа: «другое» и «затрудняюсь ответить»)



Так, с апреля 2018 по февраль 2019 г. среди лиц в возрасте до 30 лет поддержка деятельности главы государства снизилась с 61 до 56%, а среди тех, кто по самооценке собственных доходов относится к категории 20% наиболее обеспеченных жителей области, — с 71 до 66%.

По мнению населения, позиция России на мировой арене беспокоит главу государства гораздо больше, чем материальное положение людей. Так, в среднем за период III президентского срока В. Путина 42% жителей области считали, что он отвлечен в первую очередь на вопросы международного характера (вкладка 2, рис. 2). Причем в феврале 2019 г. доля разделяющих это мнение увеличилась до 54% (даже несмотря на характер программных заявлений Президента, в которых был сделан акцент на приоритетном решении внутренних социально-экономических и политических проблем в период до 2024 г.). Для сравнения: точку зрения о том, что В. Путин беспокоит прежде всего «материальное положение населения страны», стабильно разделяют лишь 7–8% жителей области.

Мнение людей о том, что Президента беспокоит в первую очередь ситуация на международной арене, небезосновательно и объективно. Фактически на протяжении всего периода постепенного восстановления международного статуса России после распада Советского Союза и периода «лихих 90-х» (то есть с 2000-го и особенно с 2007 года, когда В. Путиным была произнесена знаменитая Мюнхенская речь) Соединенными Штатами Америки и их союзниками ведется полномасштабная война, нацеленная на предотвращение появления нового сильного игрока на геополитической арене. Как отмечают эксперты, «для США стратегически важно остановить возрождение России. Ведь Россия не просто на глазах становится самостоятельным государством, а мировым геополитическим игроком; одним из геополитических центров мира. Становится «несущей конструкцией» нового мирового порядка... Потому американцы и засуетились. Цель одна — остановить Россию»¹⁰. Экономические санкции, антидопинговые скандалы вокруг российского спорта, «дело Скрипаля»,

сохранение напряженной обстановки в Сирии и Украине, обострение политической ситуации в Венесуэле — все эти события и «инструменты» гибридной войны, безусловно, отвлекают внимание Президента хотя бы потому, что обеспечение территориальной безопасности границ является необходимым условием для решения задач устойчивого развития. Тем не менее нельзя умалять и значение внутренней повестки: российская история уже неоднократно доказывала, что долговременное игнорирование правящими элитами назревающих потребностей широких масс создает угрозу не меньшую, чем внешняя экспансия, и приводит к самым плачевным последствиям для государственности.

Поэтому в эффективности реализации основных задач государственного управления нужен баланс, и историческая задача, которая стоит сегодня перед Президентом в целях реализации максимально эффективного транзита в 2024 году и далее, заключается в том, чтобы проявить политическую волю и принять непростые, но давно назревшие решения об ответственности чиновников и механизмах реально работающего общественного контроля за принятием управленческих решений на всех уровнях власти.

Ни для кого в стране не секрет, что Путин отвечает за рост ВПК и за усиление армии, разведку запасов недр России, в том числе и континентального шельфа, их освоение, добычу и реализацию. Медведев получил в своё пользование сельское хозяйство, лес, рыбу, водные пути, реки, порты, развитие городов и посёлков, ЖКХ и т.д.

Везде, где идёт личный контроль или, если хотите, заинтересованность Путина В.В., у нас всё в порядке. Где наступает ответственность правительства и ряда его членов, почти везде разруха, коррупция и экспортно-сырьевая экономика»¹¹.

Как отмечают эксперты, «мы в России частенько болеем раздвоением, параллелизмом, дублированием. У нас только один государственный пост, институт не раздваивается — это президент... Ни фиктивность, ни бедные

¹⁰ «Похоже, НАТО готовится к войне с Россией» (интервью с Л. Ивашовым) // Московский комсомолец. 2016. 27 июн. <https://www.vologda.kp.ru/daily/26547.7/3563115/>

¹¹ Президент! Ты нас не продай! // Аргументы недели. 2018. №13(606). 5 апр. <http://argumenti.ru/society/2018/04/568556?typelink=openlink>

пенсионеры, ни плохое образование Конституцию само по себе не поменяет, потому что надо менять политику правительства»¹².

По итогам III президентского срока В. Путина увеличилась доля позитивных суждений о том, что он успешно справляется с укреплением международных позиций России (с 43 до 54%), с наведением порядка в стране (с 35 до 51%), с защитой демократии и укреплением свобод граждан (с 29 до 41%; вкладка 3–4, рис. 3–5). **Однако стабильной и крайне низкой остается доля жителей области, считающих, что глава государства успешно справляется с проблемой подъема экономики и роста благосостояния населения:** фактически со времен мирового финансового кризиса (2009 г.) доля разделяющих это мнение колеблется в интервале 27–35%, а по итогам 2018 г. она составила 31%, то есть столько же, сколько в кризисном 2009 году (32%), и лишь немногим больше, чем в 2000–2001 гг. (26–28%; вкладка 4, рис. 6), когда страна только-только начинала восстанавливаться после тяжелейших экономических потрясений 1990-х годов. В феврале 2019 г. доля положительных отзывов об успешности решения Президентом проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан снизилась до 28%.

Отношение к власти, так же как и в целом социальное самочувствие населения, зависит прежде всего от того, как люди оценивают динамику своего благосостояния. В данном вопросе существенных изменений (ни в худшую, ни в лучшую сторону) не наблюдается с 2009 года. Фактически на протяжении последних 10 лет доля жителей области, субъективно причисляющих себя к категории людей «среднего достатка», составляет около 40–44%, а удельный вес «бедных и нищих» колеблется в интервале 45–50% (вкладка 5, рис. 7). По итогам III президентского срока доля «бедных и нищих» жителей области составила 47%.

«Застойный» характер самооценки динамики материального положения — важнейшего фактора социального самочувствия и социальной активности людей — пока что не позволяет говорить о

¹² Следующего юбилея Конституции России не будет? (интервью с профессором С. Шахраем) // Аргументы недели. 2018. №49(642). 13 дек. Реж. дост.: <http://argumenti.ru/society/2018/12/595669?typelink=openlink>

каких-то серьезных оснований для «прорывного развития», причем и в первые 9 месяцев очередного президентского срока В. Путина ощутимых положительных подвижек в данной ситуации нет.

Управленческие решения, принятые в 2018 году (повышение НДС и пенсионная реформа), судя по всему, больно ударили по россиянам, отразившись не столько в восприятии текущего материального положения, сколько именно в оценке перспектив его будущего. Так, в июне 2018 – феврале 2019 г. доля людей «среднего достатка», а также «бедных и нищих» не изменилась (43 и 45% соответственно; вкладка 5, рис. 7), однако индекс потребительских настроений¹³, демонстрирующий динамику прогнозов людей о будущем российской экономики и своего собственного материального положения, за этот же период снизился с 92 до 90 п. (вкладка 5, рис. 8).

Несмотря на преимущественно негативное восприятие динамики и перспектив материального положения, настроение людей в некоторых аспектах остается позитивным. Устойчивое улучшение эмоционального фона наблюдается практически на протяжении всего периода измерений (с 2000 по 2018 г.). За период III президентского срока В. Путина доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное», увеличилась с 67 до 70% (вкладка 6, рис. 9).

¹³ Индекс потребительских настроений рассчитывается исходя из ответов на вопросы:

1. Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи: оно лучше или хуже, чем было год назад? (варианты: «лучше», «хуже»).

2. Если говорить о крупных покупках для дома, то, говоря в общем, как Вы считаете, сейчас хорошее или плохое время для того, чтобы покупать большинство таких товаров? (варианты ответов: «хорошее», «плохое»).

3. Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше, хуже или примерно такое же, как сейчас? (варианты ответов: «будет лучше», «будет хуже»).

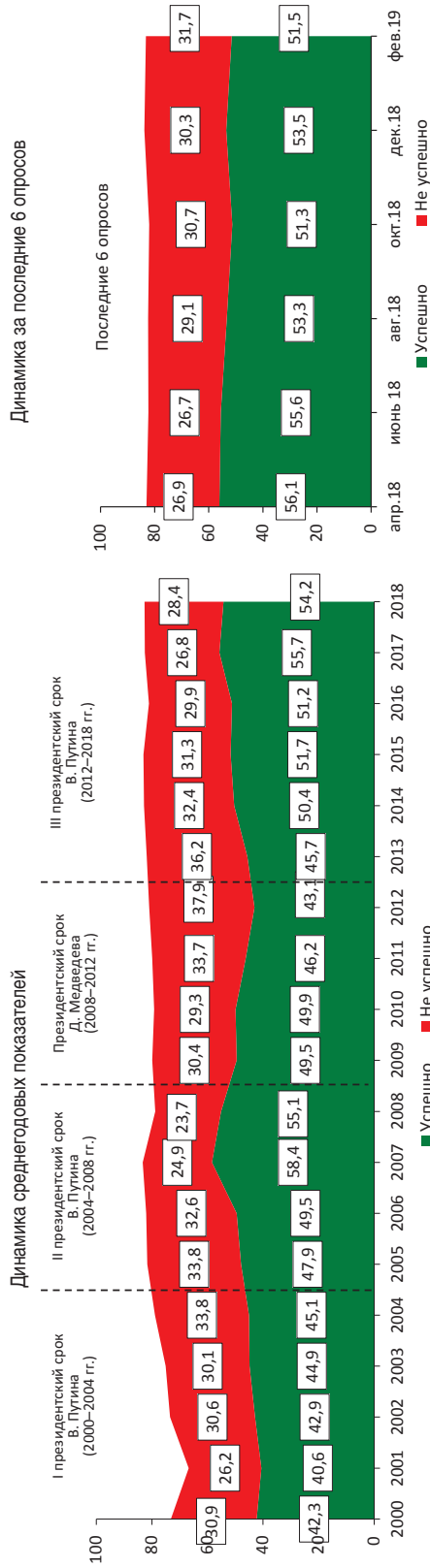
4. Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут для экономики страны хорошим временем или плохим или каким-либо еще? (варианты ответов: «хорошим», «плохим»).

5. Если говорить о следующих пяти годах, они будут для экономики страны хорошим или плохим временем? (варианты ответов: «хорошим», «плохим»).

Для каждого вопроса рассчитываются частные индексы. Среднее арифметическое частных индексов даёт совокупную величину — индекс потребительских настроений.

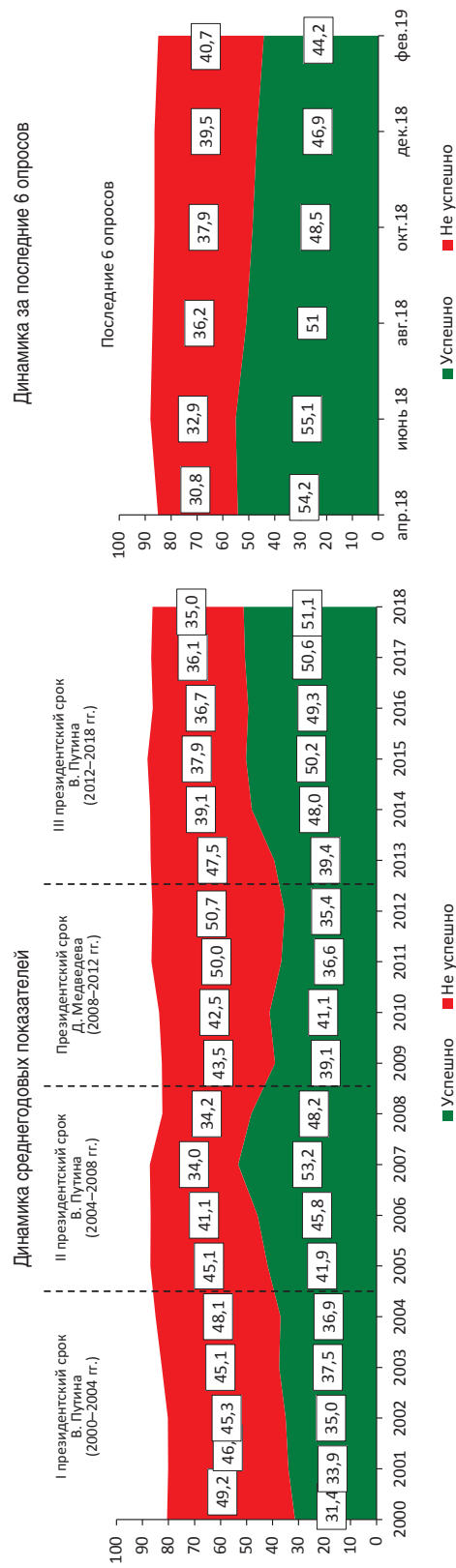
Вкладка 3

Рис. 3. Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемой укрепления международных позиций России? (в % от числа опрошенных)*



* Вопрос задается с 2000 г.

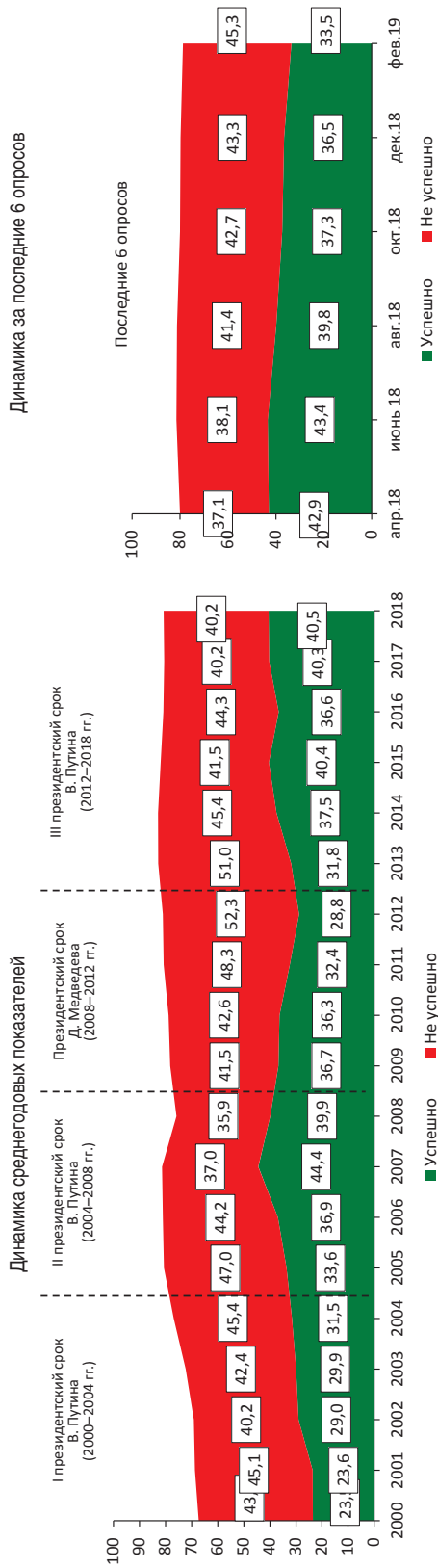
Рис. 4. Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемой наведения порядка в стране? (в % от числа опрошенных)*



* Вопрос задается с 2000 г.

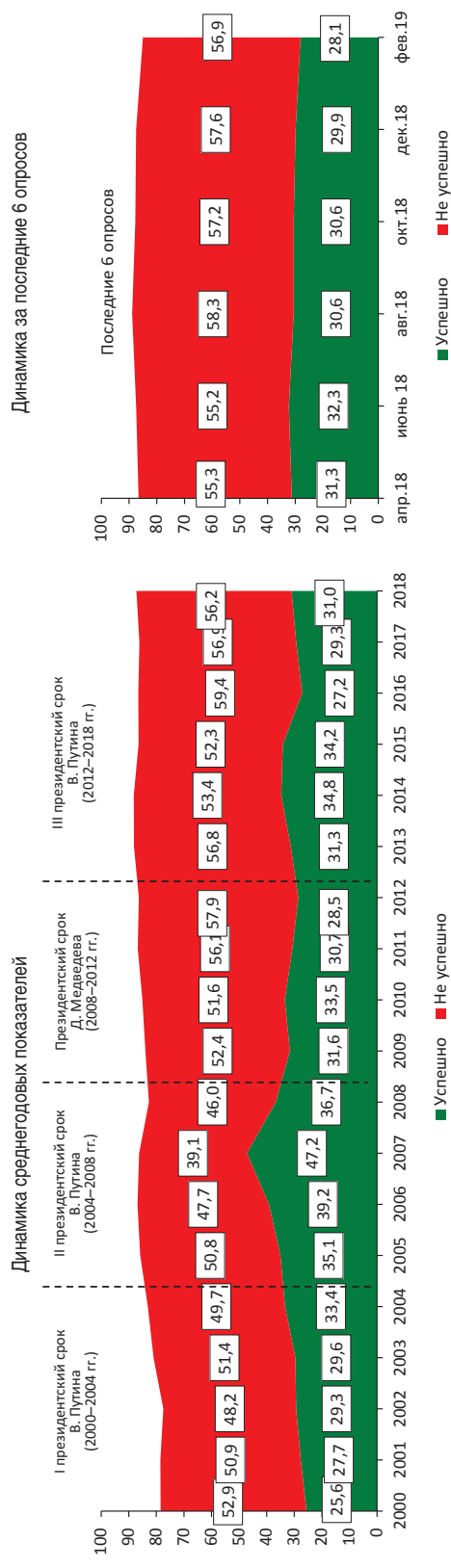
Вкладка 4

Рис. 5. Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемой защиты демократии и укрепления свобод граждан? (в % от числа опрошенных)*



* Вопрос задается с 2000 г.

Рис. 6. Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемой подъёма экономики, роста благосостояния граждан? (в % от числа опрошенных)*



* Вопрос задается с 2000 г.

Вкладка 5

Рис. 7. К какой категории Вы себя относите? (в % от числа опрошенных)

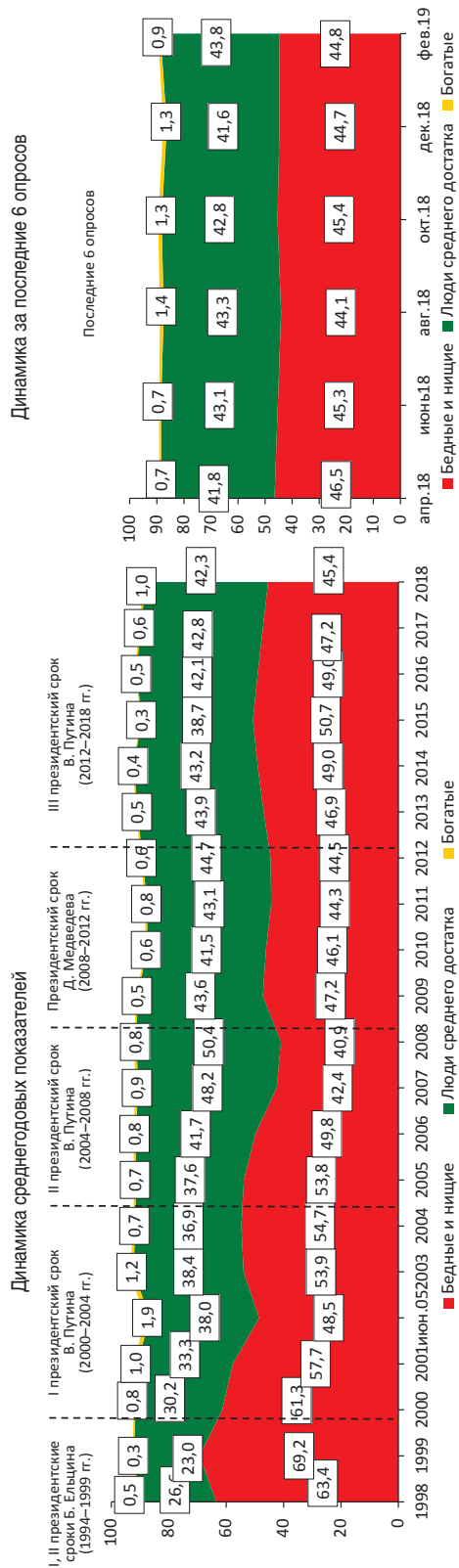
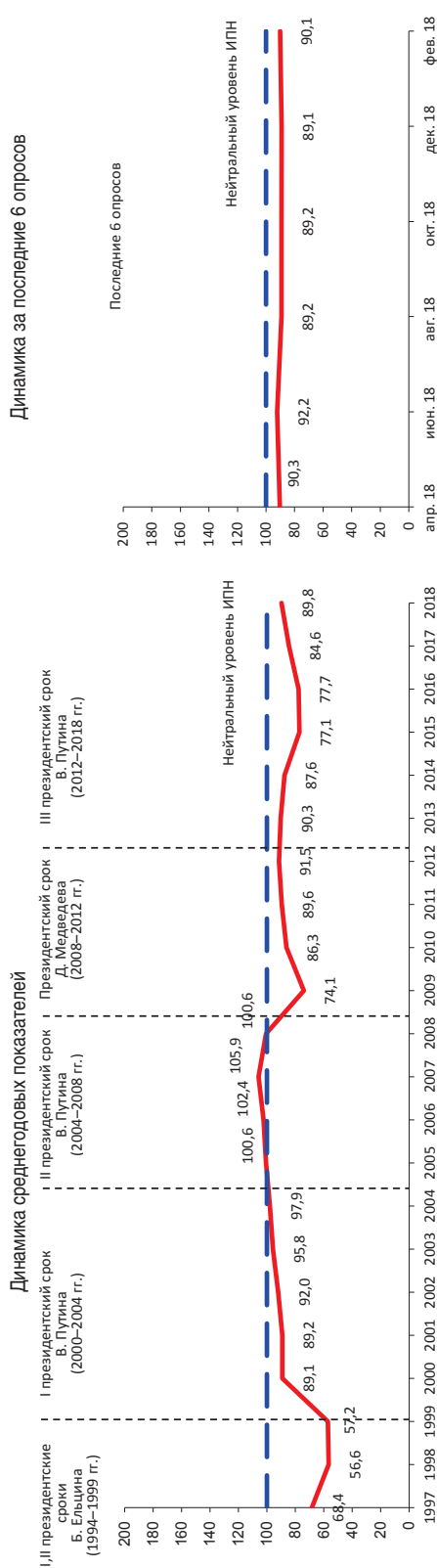


Рис. 8. Индекс потребительских настроений (ИПН, в пунктах*)



* Для расчёта ИПН из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой (— — —). Значение ИПН ниже 100 пунктов означает, что более 50% населения дают негативные прогнозы относительно будущей экономической ситуации в стране и своего личного материального благополучия.

Вкладка 6

Рис. 9. Что бы Вы могли сказать о своём настроении в последние дни? (в % от числа опрошенных)

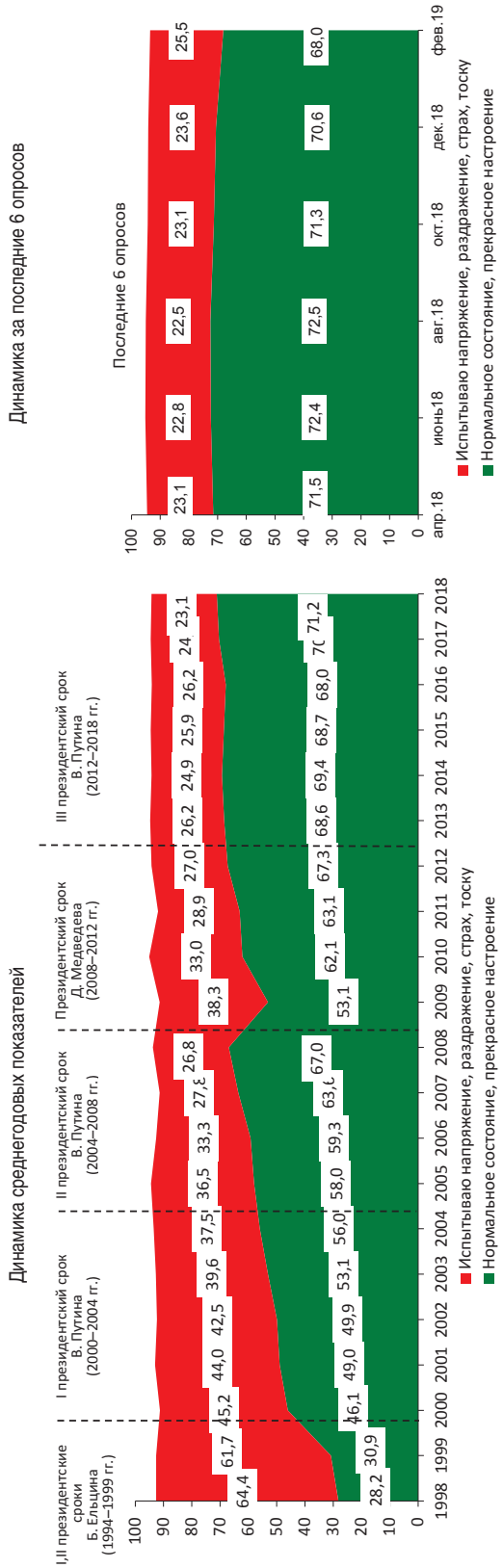
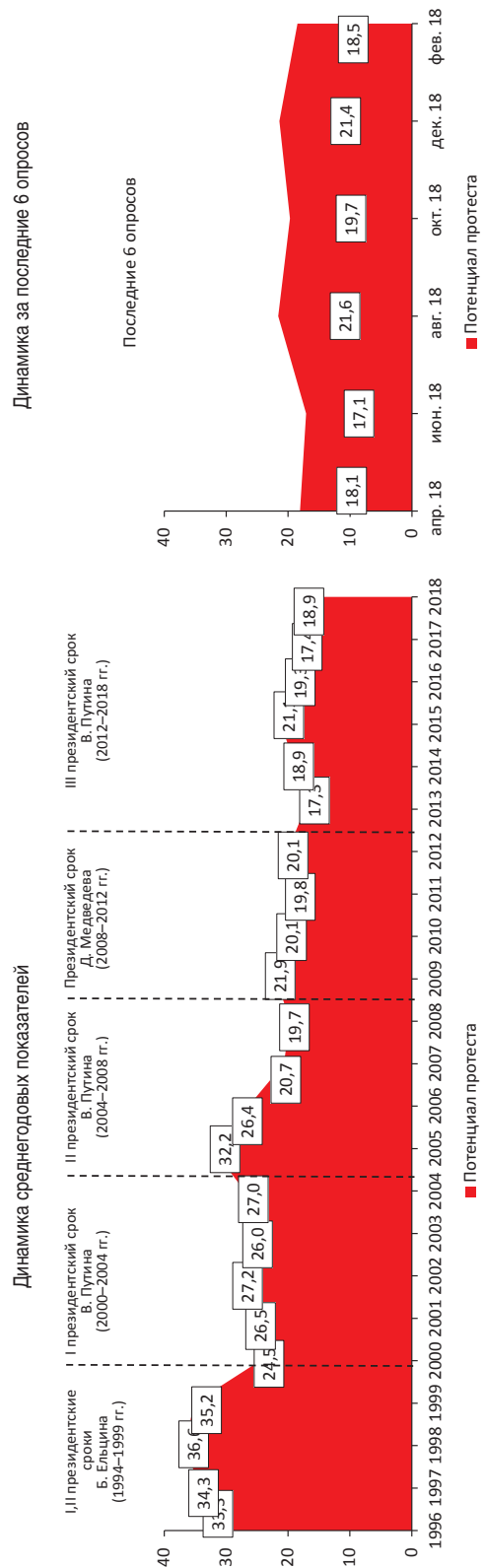


Рис. 10. Потенциал протеста



Некоторую настороженность, тем не менее, вызывает динамика оценок населения в 2018 году: с одной стороны, в ней не произошло негативных изменений (даже несмотря на однозначно негативное отношение большинства жителей области к повышению НДС и пенсионного возраста, доля тех, кто позитивно характеризует свое настроение, сохранилась на уровне 71%). С другой стороны, оптимизма людям неоднозначные правительственные решения также не прибавили. Так, с февраля по декабрь 2018 г. доля «испытывающих напряжение, раздражение, страх, тоску» стабильно составляла 23%. В начале 2019 г. уже отмечаются заметные негативные изменения: в частности, доля людей, положительно характеризующих своё настроение, за последние два месяца снизилась с 71 до 68%.

В динамике протестного потенциала за последние 6 опросов наблюдаются разнонаправленные тенденции. В целом за период с апреля 2018 по февраль 2019 г. он сохранился на уровне 18%, при этом «скачок» отмечался в июне – августе (с 17 до 22%; вкладка 6, рис. 10), что также указывает на однозначно негативную первую реакцию людей на изменения в пенсионном законодательстве. В декабре 2018 г. уровень протестного потенциала составляет 21%, и это столько же, сколько в кризисные для российской экономики 2009 и 2015 годы.

Завершившийся 2018 год представил яркий пример того, как общий уровень недовольства положением дел в стране оперативно конвертируется несистемной оппозицией в реальные акции протеста, и опасность здесь заключается не только в целенаправленном подрыве доверия общества к власти, но и в очередном факторе, препятствующем реализации намеченных планов по прорывному развитию страны.

II. Оценка динамики итогов прошедшего года

Ежегодно в феврале ФГБУН ВолНИЦ РАН проводит социологический опрос, в котором предлагает жителям Вологодской области оценить итоги прошедшего года и охарактеризовать свои ожидания по поводу перспектив года наступившего. В данном разделе показаны основные результаты очередной «волны» опроса. Для сравнения представлена динамика соответствующих данных за весь период исследования (с 2000 по февраль 2019 г.).

В целом за указанный период в динамике общественного мнения лишь дважды отмеча-

лось довольно резкое ухудшение оценок уходящего года (как в целом для страны, так и лично для своих семей). Это был период 2008–2009 гг. (совпавший с мировым финансовым кризисом и окончанием II президентского срока В. Путина), а также 2013–2015 гг., когда в России заговорили о новой волне экономического кризиса, причем сопоставимой с экономическими шоками 1990-х гг. (вкладка 7, рис. 11–12). Даже эйфория от «крымской весны», имевшая место в начале 2014 года, уже к июню 2014 г. «стала уступать место ценникам в магазинах»¹⁴.

Примечательно, что в эти кризисные периоды оценки итогов года для России в целом ухудшались более быстрыми темпами, чем для своей семьи. Так, в 2008–2009 гг. доля положительных суждений об итогах года для страны уменьшилась на 24 п.п. (с 43 до 19%), для семьи – на 18 п.п. (с 48 до 30%). В 2013–2015 гг. – для России – на 26 п.п. (с 45 до 19%), для семьи – на 11 п.п. (с 50 до 39%). **Эти изменения говорят о том, что в личной, семейной жизни люди находят больше возможностей для улучшения своих жизненных условий, поддержания благосостояния.** Не случайно более половины жителей области (от 54 до 82%) отмечают, что их радует положение дел на работе, в отношениях с друзьями и родственниками, в состоянии здоровья (вкладка 9, табл. 2). Однако когда речь заходит о политической или экономической ситуации в стране, доля положительных суждений не превышает 40% (вкладка 10, табл. 3).

Концентрация интересов и надежд людей именно на своем микросоциуме коррелирует с оценками экспертов, которые еще в 2010-х гг. отмечали такое явление, как социальная атомизация российского общества¹⁵, а сегодня фик-

¹⁴ В сознании россиян Крым отстает под натиском кризиса // Ведомости. 2015. 30 янв. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/38844121/krizisprotiv-kruma>

¹⁵ Социальный атомизм – политико-философская концепция, согласно которой общество состоит из изолированных индивидов (своего рода «атомов»), вступающих в социальные взаимодействия для реализации собственных интересов и целей (источник: Аналитический портал «Гуманитарные технологии» / <https://gtmarket.ru/concepts/7227>). См., например: Горшков М.К., Тихонова Н.Е. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. 2012. №12. С. 3-11; Жуков В.И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 29-40.

сируют устойчивый рост так называемых «самодостаточных россиян», «которые не нуждаются в государственной опеке или просто не верят в ее эффективность»¹⁶. По оценкам ФНИСЦ РАН, за период с 2011 по 2016 г. доля «самодостаточных россиян» увеличилась с 34 до 48%. Эксперты отмечают: «Сегодня самодостаточные россияне — это не социальная периферия, не маргинальная прослойка, а существенная по масштабу социальная группа, выражающая собой тренд на формирование активистской доминанты в российском обществе»¹⁷.

Таким образом, научившись обходиться без поддержки власти, общество всё чаще перестает рассчитывать на неё и пытается находить ресурсы для адаптации в рядах своего ближайшего окружения. Эта тенденция отмечается как в целом по стране, так и по результатам исследований, проведенных на территории Вологодской области.

В списке проблем, с которыми сталкивались респонденты в прошедшем году, особое место принадлежит «неуверенности в будущем». На протяжении всего периода измерений (с 1998 по февраль 2019 г.) она занимала 1-е место, за исключением 2007 года, когда по большинству показателей мониторинга были достигнуты наиболее высокие оценки (вкладка 11, табл. 6). С 2012 года неуверенность в завтрашнем дне отмечают 50–60% жителей Вологодской области.

Неуверенность в будущем — проблема характерная, по большому счету, для всей современной мировой цивилизации, которую ученые не случайно называют «обществом опасностей и катастроф»¹⁸, обществом, «в котором безопасность поднята до уровня центральной ценности»¹⁹; «обществом риска, постоянно балансирующим на грани безопасности и ненадёжности, неопределённости и выбора»²⁰. Это связано не только с нестабильной геополитиче-

ской ситуацией, но и со стремительным ходом научно-технического прогресса, и в частности с развитием информационных технологий, усиливающих вариативность выбора мнений и, соответственно, противоречивость общественного сознания.

Тем не менее стоит сказать о том, что ключевые проблемы, с которыми сталкиваются от 25 до 35% населения («невозможность улучшить жилищные условия из-за высокой стоимости жилья», «отсутствие средств на платное лечение», «необходимость поиска дополнительной работы в связи с низким доходом», «сокращение времени для отдыха в связи с необходимостью работать дополнительно»), безусловно, являются факторами, дестабилизирующими представления людей о завтрашнем дне и еще больше заставляющими их искать опору в кругу самых близких друзей и родственников.

Анализируя перечень актуальных жизненных проблем, как критерий эффективности деятельности правящих элит, следует отметить, что в целом за период с 2000 по февраль 2019 г. актуальность некоторых из них снизилась (это, в частности, касается таких проблем, как разгул преступности, задержки в выплате зарплат и пенсий, невозможность улучшения жилищных условий; табл. 4). Вместе с тем актуальность ряда важных проблем за три президентских срока В. Путина сохранилась и даже усилилась. Так, по итогам III президентского срока в сравнении с I президентским сроком:

- ✓ сохраняется доля людей, сталкивающихся с проблемой неуверенности в завтрашнем дне (54%);
- ✓ остается стабильным удельный вес тех, кому не хватает средств на платное лечение (27%);
- ✓ 26–29% жителей области по-прежнему сталкиваются с необходимостью поиска дополнительной работы в связи с низким заработком;
- ✓ 8–9% отмечают, что в прошедшем году сталкивались с проблемой потери работы.

Кроме того, за указанные периоды увеличилась доля тех, кому не хватает времени для отдыха в связи с необходимостью работать дополнительно (с 21 до 25%), а также удельный вес тех, кто не может приобрести туристическую путевку по причине дороговизны (с 19 до 24%).

¹⁶ Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. №11. С. 50.

¹⁷ Российское общество весной 2016 г.: тревоги и надежды: информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского исследования. М., 2016. С. 30.

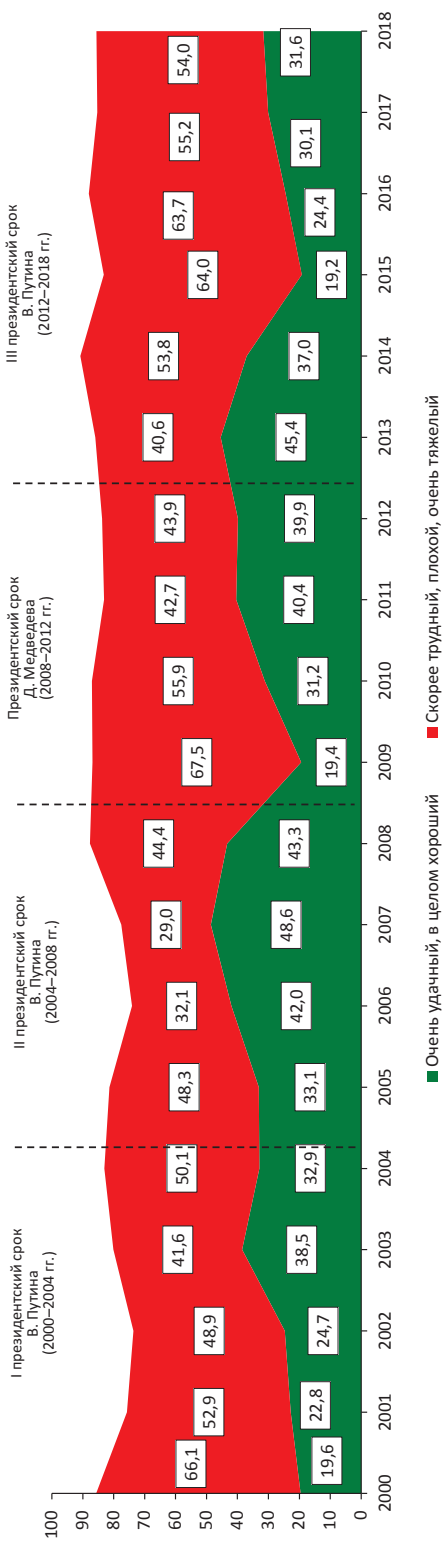
¹⁸ Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. — Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1986, 391 p.

¹⁹ Ewald F. Die Versicherugs – Gesellschaft. Kritische Justiz, 1989.

²⁰ Бехман Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 26–46.

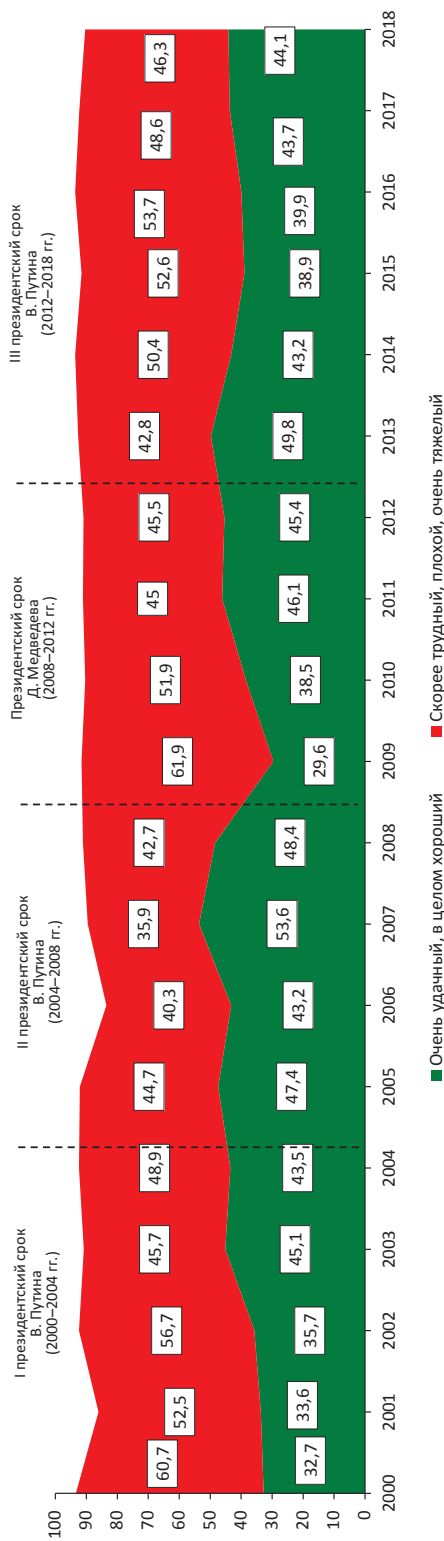
Вкладка 7

Рис. 11. Оцените, пожалуйста, итоги прошедшего года для России (в % от числа опрошенных)*



Вопрос задается с 2001 г.

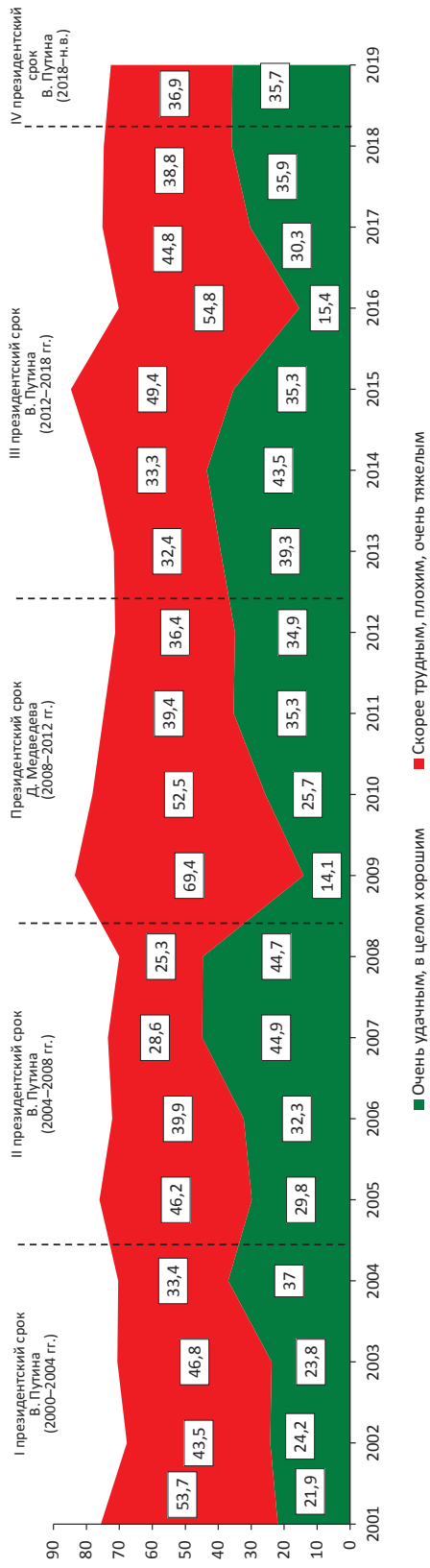
Рис. 12. Оцените, пожалуйста, итоги прошедшего года для Вас (Вашей семьи) (в % от числа опрошенных)*



* Вопрос формулируется следующим образом: «Как бы Вы оценили итоги прошедшего года?». Таким образом, в представленных графиках данные за 2016 г. получены в феврале 2017 г., данные за 2017 г. – в феврале 2018 г. и т.д. Вопрос задается с 2001 г.

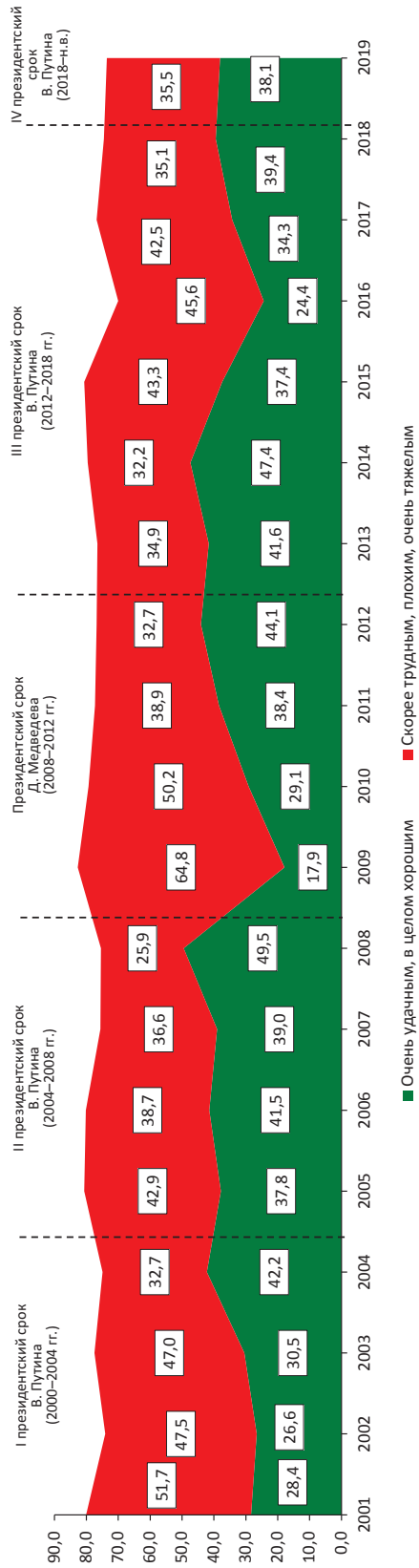
Вкладка 8

Рис. 13. Как Вы считаете, каким будет наступивший год для России? (в % от числа опрошенных)*



* Вопрос задается с 2001 г.

Рис. 14. Как Вы считаете, каким будет наступивший год для Вас (Вашей семьи)? (в % от числа опрошенных)*



* Вопрос задается с 2001 г.

Таблица 2. Положение дел в каких из следующих сфер в последнее время Вас лично наиболее радует? (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	Справочно: среднегодовая оценка за 1998–1999 гг. (президентский срок Б. Ельцина)	I президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2000–2003 гг.)	II президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2004–2007 гг.)	Президентский срок Д. Медведева (среднегодовая оценка за 2008–2011 гг.)	III президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2012–2017 гг.)	Средне- годовая оценка за 2018 г.	Изменение среднегодовых оценок (+/-), 2018 г. к					
							2012–2017 к ...		2000–2003		2012–2017	
							1998–1999	2000–2003	1998–1999	2000–2003	2012–2017	2012–2017
							+	-	+	-	+	-
1. Отношения с друзьями, сотрудниками	58,0	62,6	67,0	71,5	78,2	82,1	+20	+16	+4		+4	
2. Отношения в семье	54,8	58,6	64,0	69,3	76,0	79,9	+21	+17	+4		+4	
3. Романтические отношения, сексуальная жизнь	37,8	41,4	49,4	50,7	58,8	59,3	+21	+17	+1		+1	
4. Состояние здоровья	30,8	35,7	45,5	45,3	56,5	58,6	+26	+21	+2		+2	
5. Успехи в работе, учёбе	32,8	43,1	51,8	52,3	59,0	57,5	+26	+16			-2	
6. Состояние здоровья близких	24,0	30,0	39,9	43,0	52,3	54,1	+28	+22	+2		+2	
7. Ситуация на международной арене	9,8	30,3	45,8	44,9	34,1	39,0	+24	+4	+5			
8. Политическое положение в регионе	10,0	26,0	37,8	37,1	38,4	36,8	+28	+12			-2	
9. Политическое положение в России	2,9	20,2	33,4	36,5	35,8	36,1	+33	+16	0			
10. Материальное положение семьи	11,9	23,3	31,2	29,1	36,6	35,4	+25	+13			-1	
11. Экономическое положение в России	3,1	14,5	29,1	20,9	26,4	23,5	+23	+12			-3	
12. Экономическое положение в регионе	7,3	20,8	33,4	21,9	23,7	21,3	+16	+3			-2	

* Ранжировано по данным за 2018 год.

Вкладка 10

Таблица 3. Положение дел в каких из следующих сфер в последнее время Вас лично наиболее **огорчает?** (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	Справочно: среднегодовая оценка за 1998–1999 гг. (президентский срок Б. Ельцина)	I президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2000–2003 гг.)	II президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2004–2007 гг.)	Президентский срок Д. Медведева (среднегодовая оценка за 2008–2011 гг.)	III президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2012–2017 гг.)	Средне- годовая оценка за 2018 г.	Изменение среднегодовых оценок (+/-), 2018 г. к				
							2012–2017 к ...		2000–2003		2012–2017 к ... 2018 г. к
							1998–1999	2000–2003	1998–1999	2000–2003	
							+	-	+	-	+
1. Экономическое положение в регионе	67,5	52,8	50,0	62,8	70,2	74,0	+3	+17	-	+4	
2. Экономическое положение в России	79,6	62,1	55,6	64,5	67,7	72,8	-12	+6	-	+5	
3. Материальное положение семьи	73,0	61,2	58,2	60,7	57,9	62,7	-15	-	-3	+5	
4. Политическое положение в России	74,6	53,9	49,8	47,0	56,8	61,0	-18	+3	-	+4	
5. Ситуация на международной арене	61,8	42,3	37,2	38,4	58,4	59,3	-3	+16	-	+1	
6. Политическое положение в регионе	60,0	44,3	44,2	45,3	53,6	58,7	-6	+9	-	+5	
7. Состояние здоровья близких	51,1	52,1	45,8	45,9	42,3	40,6	-9	-	-10	-2	
8. Состояние здоровья	51,4	48,0	43,5	44,5	38,0	37,6	-13	-	-10	0	
9. Успехи в работе, учёбе	36,1	30,3	31,9	30,6	31,8	36,8	-4	+2	-	+5	
10. Романтические отношения, сексуальная жизнь	28,4	30,1	31,7	31,8	32,2	35,4	+4	+2	-	+3	
11. Отношения в семье	23,7	22,4	23,6	20,2	18,7	18,6	-5	-	-4	0	
12. Отношения с друзьями, сотрудниками	18,6	15,9	18,7	15,3	15,3	15,9	-3	-	-1	+1	

* Ранжировано по данным за 2018 год.

Вкладка 11

Таблица 6. С какими из перечисленных проблем Вы лично столкнулись в прошедшем году?* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа **	Справочно: среднегодовая оценка за 1998–1999 гг. (президентский срок Б. Ельцина)	I президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2000-2003 гг.)	II президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2004-2007 гг.)	Президентский срок Д. Медведева (среднегодовая оценка за 2008-2011 гг.)	III президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2012-2017 гг.)	Средне- годовая оценка за 2018- 2019 гг.	Изменение среднегодовых оценок (+/-),							
							2012-2017 к...		2018-2019 к		2012-2017		2012-2017	
							1998-1999		2000-2003		2012-2017		2012-2017	
							+	-	+	-	+	-	+	-
1. Отсутствие уверенности в завтрашнем дне	69,7	53,5	40,2	53,5	54,5	51,7	-15	+1	-	-	-	-3		
2. Невозможность улучшить жилищные условия из-за высокой стоимости жилья	39,5	38,7	35,9	33,0	33,3	33,2	-6	-	-5	0	-	-		
3. Отсутствие средств на платное лечение	27,8	27,0	23,0	23,2	26,0	28,8	-2	-	-1	+3	-	-		
4. Необходимость поиска дополнительной работы в связи с низким доходом	32,0	26,3	22,7	24,0	28,7	24,8	-3	+2	-	-	-	-4		
5. Сокращение времени для отдыха в связи с необходимостью работать дополнительно	14,5	20,8	17,7	22,0	24,9	24,2	+10	+4	-	-	-	-1		
6. Разгул преступности	36,4	32,1	33,7	23,6	18,6	23,8	-18	-	-14	+5	-	-		
7. Невозможность приобрести туристическую путёвку по причине дороговизны	14,7	18,5	18,4	17,9	23,6	20,8	+9	+5	-	-	-	-3		
8. Недостаток средств на покупку лекарств	33,4	23,9	17,3	15,4	16,7	18,6	-17	-	-7	+2	-	-		
9. Задержки выплаты зарплаты (пенсии, стипендии)	57,5	21,8	15,4	17,0	14,4	13,7	-43	-	-7	-	-	-1		
10. Потеря работы	13,7	8,2	7,0	8,1	9,0	10,0	-5	+1	-	+1	-	-		

* В 2009 г. вопрос не задавался.

** Представлены 10 вариантов ответа, наиболее распространённых в 2018–2019 г. Полный перечень состоит из 13 вариантов.

Вкладка 12

Таблица 7. Что из запланированного на прошедший год Вам удалось реализовать? (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	I президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2000-2003 гг.)	II президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2004-2007 гг.)	Президентский срок Д. Медведева (среднегодовая оценка за 2008-2011 гг.)	III президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2012-2017 гг.)	Среднегодовая оценка за 2018-2019 гг.	Изменение среднегодовых оценок (+/-)		
						2012-2017 к 2000-2003	2018-2019 к 2012-2017	2018-2019 к 2012-2017
						+	-	+
1. Приобрести новую одежду, обувь	34,7	40,1	42,9	43,5	46,5	+9	+3	-
2. Улучшить качество питания	24,2	27,7	24,8	19,5	21,7	-5	+2	-
3. Получить работу	18,4	18,6	15,6	15,0	16,8	-3	+2	-
4. Обеспечить детям получение качественного образования	13,9	12,6	12,4	12,0	12,5	-2	+1	-
5. Осуществить необходимое медицинское лечение	13,3	12,9	14,1	12,6	11,3	-1	-1	-1
6. Улучшить жилищные условия	11,1	12,9	10,3	11,1	11,6	0	+1	-
7. Повысить зарплату	18,7	18,2	13,1	11,4	11,3	-7	0	-
8. Приобрести автомобиль	6,4	9,8	9,5	9,2	7,5	+3	-	-2
9. Провести отпуск в санатории (доме отдыха) в пределах России	6,4	7,6	7,4	6,8	5,9	0	-	-1
10. Провести отпуск за рубежом	2,8	4,6	5,8	6,1	4,9	+3	-	-1
11. Приобрести загородный дом, дачный участок	9,6	9,1	7,1	4,3	3,6	-5	-	-1
Затрудняюсь ответить	11,4	14,5	7,2	9,4	7,4	-2	-	-2

* Вопрос задается с 2000 г.

Таблица 8. Что из запланированного на прошедший год Вам не удалось реализовать? (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	I президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2000-2003 гг.)	II президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2004-2007 гг.)	Президентский срок Д. Медведева (среднегодовая оценка за 2008-2011 гг.)	III президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2012-2017 гг.)	Среднегодовая оценка за 2018-2019 гг.	Изменение среднегодовых оценок (+/-)		
						2012-2017 к 2000-2003	2018-2019 к 2012-2017	2018-2019 к 2012-2017
						+	-	+
1. Приобрести новую одежду, обувь	35,7	24,7	24,2	21,6	17,5	-14	-4	-4
2. Улучшить качество питания	38,5	29,1	29,1	29,2	25,2	-9	-4	-4
3. Получить работу	18,4	17,2	18,1	19,1	17,6	+1	-2	-2
4. Обеспечить детям получение качественного образования	18,6	17,0	14,3	12,5	14,0	-6	+2	-
5. Осуществить необходимое медицинское лечение	33,8	29,2	31,3	29,3	31,5	-5	+2	+2
6. Улучшить жилищные условия	37,8	34,3	33,3	31,8	34,2	-6	+2	+2
7. Повысить зарплату	42,0	39,2	45,7	47,6	45,8	+6	-2	-2
8. Приобрести автомобиль	23,6	24,0	23,5	24,3	23,5	+1	-1	-1
9. Провести отпуск в санатории (доме отдыха) в пределах России	28,1	24,8	25,8	27,8	28,1	0	0	0
10. Провести отпуск за рубежом	14,5	16,1	18,3	22,6	24,2	+8	+2	+2
11. Приобрести загородный дом, дачный участок	10,4	11,3	13,1	13,9	14,4	+4	+1	+1
Затрудняюсь ответить	11,4	14,5	7,2	9,4	7,4	-2	-	-2

* Вопрос задается с 2000 г.

Таблица 4. С какими из перечисленных проблем Вы лично столкнулись в прошедшем году?* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа**	I президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2000–2003 гг.)	III президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2012–2017 гг.)	Среднегодовая оценка за 2018–2019 гг.	Изменение среднегодовых оценок (+/-),			
				2012–2017 к 2000–2003		2018–2019 к 2012–2017	
				+	-	+	-
Отсутствие уверенности в завтрашнем дне	53,5	54,5	51,7	+1			-3
Невозможность улучшить жилищные условия из-за высокой стоимости жилья	38,7	33,3	33,2		-5	0	
Отсутствие средств на платное лечение	27,0	26,0	28,8		-1	+3	
Необходимость поиска дополнительной работы в связи с низким доходом	26,3	28,7	24,8	+2			-4
Сокращение времени для отдыха в связи с необходимостью работать дополнительно	20,8	24,9	24,2	+4			-1
Разгул преступности	32,1	18,6	23,8		-14	+5	
Невозможность приобрести туристическую путёвку по причине дороговизны	18,5	23,6	20,8	+5			-3
Недостаток средств на покупку лекарств	23,9	16,7	18,6		-7	+2	
Задержки выплаты зарплаты (пенсии, стипендии)	21,8	14,4	13,7		-7		-1
Потеря работы	8,2	9,0	10,0	+1		+1	

* В 2009 г. вопрос не задавался.
 ** Представлены 10 вариантов ответа, наиболее распространённых в 2018 г. Полный перечень состоит из 13 вариантов.

Таким образом, если сравнивать ситуацию с началом 2000-х гг. (2000–2002 гг.), то в целом для населения региона актуальность большинства анализируемых проблем снизилась. Однако этого никак нельзя сказать, если сравнивать оценки населения в 2018 году и в начале второго (2004 г.) и третьего (2012 г.) президентских сроков В. Путина. Другими словами, за последние 10–15 лет никакой позитивной динамики не наблюдается.

Несколько иная картина отмечается в отношении реализации жизненных планов (вкладка 12, табл. 7). В период с 2000–2003 по 2012–2017 г. люди стали чаще говорить о том, что в прошедшем году им удалось приобрести новую одежду и обувь (с 35 до 44%), но по всем другим перечисленным в опросе позициям существенных изменений не наблюдается. Более того, за три президентских срока В. Путина снизилась доля тех, кто смог улучшить качество питания (с 24 до 20%), повысить зарплату (с 19 до 11%), приобрести загородный дом или дачный участок (с 10 до 4%).

Можно предположить, что люди реже реализуют свои планы на год не потому, что для этого снижаются возможности, а потому что эти планы уже были реализованы ранее и, соответственно, на следующий год они уже просто не планируются. Однако это можно было бы

сказать, например, о приобретении автомобиля, загородного участка или получении работы. Отсутствие позитивных изменений по улучшению качества питания, образования, лечения, жилищных условий, причем не только для себя, но и для своих детей, вряд ли объясняется тем, что люди полностью удовлетворены данными сферами жизни. Особенно если учесть, что доля тех, кто отмечает остроту таких проблем, как «недоступность здравоохранения, низкое качество медицинских услуг», «низкая доступность жилья», «неудовлетворительное качество инженерной инфраструктуры (ЖКХ, дороги, транспорт)», составляет (по данным за 2018 год) 30–35%; «недоступность образовательных услуг, низкое качество образования» – 10–12%, и этот показатель не меняется с 2008 года.

Обращает на себя внимание тот факт, что по итогам III президентского срока В. Путина, так же как и в 2018 – феврале 2019 гг., доля жителей области, которые не реализовали свои планы на год, по большинству позиций значительно превышает удельный вес тех, кто смог это сделать. В том числе это касается планов по улучшению качества питания, получения необходимого лечения, улучшения жилищных условий, повышения заработной платы (табл. 5; вкладка 12, табл. 7–8).

Таблица 5. Реализация годовых планов в период III и в начале IV президентских сроков В. Путина (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	III президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2012–2017 гг.)			Среднегодовая оценка за 2018–2019 гг.		
	Удалось реализовать	Не удалось реализовать	Изменение	Удалось реализовать	Не удалось реализовать	Изменение
Приобрести новую одежду, обувь	43,5	21,6	22	46,5	17,5	29
Улучшить качество питания	19,5	29,2	-10	21,7	25,2	-4
Получить работу	15,0	19,1	-4	16,8	17,6	-1
Обеспечить детям получение качественного образования	12,0	12,5	-1	12,5	14,0	-2
Осуществить необходимое медицинское лечение	12,6	29,3	-17	11,3	31,5	-20
Улучшить жилищные условия	11,1	31,8	-21	11,6	34,2	-23
Повысить зарплату	11,4	47,6	-36	11,3	45,8	-35
Приобрести автомобиль	9,2	24,3	-15	7,5	23,5	-16
Провести отпуск в санатории (доме отдыха) в пределах России	6,8	27,8	-21	5,9	28,1	-22
Провести отпуск за рубежом	6,1	22,6	-17	4,9	24,2	-19
Приобрести загородный дом, дачный участок	4,3	13,9	-10	3,6	14,4	-11

* Без учета людей, которые не планировали указанные в вопросе варианты ответа или затруднились ответить.

Таким образом, подводя итоги краткого анализа динамики общественного мнения за период с 2000 по 2019 г., охватывающий три президентских срока В. Путина и начало четвертого, а также один президентский срок Д. Медведева, необходимо прежде всего подчеркнуть явное снижение темпов позитивных тенденций, отмечаемое преимущественно после мирового финансового кризиса. **Фактически после «обрушения» большинства показателей в 2008–2009 гг. докризисный уровень не достигнут ни в оценках деятельности главы государства, ни в характеристике личного материального положения, ни в представлениях людей о будущем. Лишь динамику их повседневного эмоционального состояния можно оценить сравнительно позитивно, что (как показывают данные исследования) связано не с улучшением положения дел в стране, не с эффективным решением социально-экономических проблем, а с «уходом» интересов жителей области в сферу личных, семейных, микросоциальных отношений.**

Сохранение стабильных оценок в целом отражает стратегическую линию политики В. Путина, предпочитающего действовать аккуратно, постепенно, прибегая к кардинальным решениям только в «пиковые» моменты (как, например, в ситуации с вхождением Крыма в состав России). Однако по прошествии 9 месяцев

IV президентского срока В. Путина появляется всё больше факторов, указывающих на то, что одного лишь поддержания стабильности недостаточно.

Запад ведёт дело к тотальной войне, любой ценой, вне всяких правил, ибо регулярную войну, как показывает история, ему у России не выиграть... именно тот факт, что грядущий шестилетний срок будет последним, и придаёт всей ситуации предельного драматизма, ибо разворачиваться он будет в условиях каскадного нарастания внешних вызовов и, в конечном итоге, тотальной войны...²¹

Во-первых, сохраняется давление на Россию со стороны США, Великобритании и поддерживающих их государств. При этом ситуация на международной арене указывает на то, что в ближайшие годы рассчитывать на дружественно-партнерские отношения с Западом России не приходится. Следовательно, единственный способ сохранить свой статус в стремительно развивающемся геополитическом пространстве состоит в том, чтобы наращивать мощь и эффективность реализации человеческого потенциала внутри страны, а это значит соз-

²¹ Коровин В. Голгофа последнего срока // Завтра. 2018. 21 мая. http://zavtra.ru/blogs/golgota_poslednego_sroka

давать комфортные условия для жизни, повышать доверие населения к власти, обеспечить нормальную работу «социальных лифтов» и условий для самореализации гражданских инициатив. Необходимость развиваться опережающими темпами была отмечена и самим Президентом, подчеркнувшим, что «именно отставание — вот главная угроза и вот наш враг. И если не переломим ситуацию, оно будет неизбежно усиливаться»²². Однако достичь этого невозможно в условиях добровольного дистанцирования широких слоев населения от общественных и государственных проблем.

Во-вторых, с 2014 года в России отмечается тенденция роста числа людей, считающих, что в настоящее время реформирование ключевых сфер жизни в стране важнее, чем поддержание стабильности. **«Значительная часть российского общества сегодня приходит к выводу: в новых реалиях ориентация на стабильность фактически означает ориентацию на консервацию застоя и кризисных явлений. Это не отрицание стабильности как общественного блага, тем более в стране, пережившей в своей новейшей истории множество катаклизмов, а скорее понимание исчерпанности реализуемой властями в данный исторический момент инерционно-охранительной парадигмы общественного развития»**²³.

Число тех, кто полагает, что страна нуждается в существенных переменах, в политических и экономических реформах, выросла за последние шесть лет в 2 раза (с 28% в 2012 г. до 56% в 2018 году). Российское общество, таким образом, постепенно подходит к очередному повороту, к развилке, за которой открывается новая социально-экономическая и политическая перспектива. В стране растет понимание того, что без серьезной переоценки тех стратегий и приоритетов, которые оправдали себя в минувшее относительно успешное десятилетие, страна вряд ли сможет эффективно двигаться вперед²⁴.

²² Послание Президента Федеральному Собранию 01.03.2018 // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

²³ Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. №11. С. 43.

²⁴ Российское общество после президентских выборов — 2018: запрос на перемены: информационно-аналитическое резюме / ФНИСЦ РАН. М., 2018. С. 7.

Так, в целом по стране с 2014 по 2018 г. доля тех, кто полагает, что «страна нуждается в стабильности», сократилась с 70 до 44%, а удельный вес тех, кто считает, что «страна нуждается в существенных переменах», возрос с 30 до 56%.

Опрос, проведенный на территории Вологодской области, показал аналогичную тенденцию: с февраля по август 2018 г. доля жителей региона, считающих, что России нужна стабильность, уменьшилась с 44 до 37%, а удельный вес тех, кто полагает, что страна нуждается в переменах, возрос с 38 до 46%²⁵. Таким образом, очевидно, что реализация именно этой потребности (запроса на перемены) будет являться главным фактором доверия к органам власти и лично к В. Путину.

Изменения в новом составе российского правительства произошли, но в основном они свелись не к устранению «отыгранных» или появлению «свежих» фигур (хотя и без этого не обошлось), а к «рокировкам» внутри кабинета министров. Вся эта живописная чехарда со сменой кресел и кабинетов в Белом доме при взгляде снаружи кажется очередной иллюстрацией к знаменитой крыловской басне «Квартет» с известной моралью: «А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь!» Но...²⁶

По данным мониторинга ВолНЦ РАН в 2015 году 51% жителей Вологодской области считали, что «современное российское общество устроено несправедливо». В 2016 году их доля составила 57%, в 2018 году — 60%.

Тем не менее пока что ощутимых позитивных сдвигов в том, как люди оценивают ситуацию в стране, не наблюдается. Оставшееся практически без изменения Правительство, «благополучно забывшее предыдущие майские

²⁵ Методический нюанс: в структуре опроса, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области, фигурировал ответ «Затрудняюсь ответить». В феврале и в августе 2018 г. его выбрали 17–18% населения. Это объясняет некоторое расхождение в оценках жителей Вологодской области и России в целом. **Тем не менее схожесть общей тенденции роста потребности в переменах прослеживается в обоих исследованиях.**

²⁶ Нагорный А. Путин: срок четвертый // Завтра. 2018. 18 мая. http://zavtra.ru/blogs/putin_srok_chetvyortij

указы Президента от 2012 года»²⁷, для пополнения бюджета и поиска средств на реализацию нового «майского указа» 2018 года не придумало ничего лучшего, чем:

А. Увеличить возраст выхода на пенсию, то есть, мягко говоря, в очередной раз закрыв глаза на недопустимый (по словам даже министра экономического развития РФ М. Орешкина)²⁸ уровень социального неравенства и, соответственно, проигнорировав общественный запрос на социальную справедливость.

Б. Повысить НДС с 18 до 20%, хотя, по данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), 34% россиян уверены в том, что повышение НДС принесет экономике больше вреда, чем пользы (противоположной точки зрения придерживается 19% населения); 57% граждан считают, что данная реформа отрицательно повлияет на их личное благосостояние (иное мнение высказывают лишь 4% респондентов)²⁹. Как отмечают эксперты, «налог на добавленную стоимость — один из наиболее удобных для власти, поскольку относится к легко администрируемым (то есть собираемым) налогам. Его повышение, разумеется, является болезненным для бизнеса. И, разумеется, бизнес будет стараться по максимуму переложить тяжесть повышения налога на потребителей, то есть граждан, закладывая повышение в цены товаров и услуг. И, разумеется, это не может не повысить инфляцию и не понизить жизненный уровень населения, причем вовсе не разово и не кратковременно»³⁰.

В. Осуществить так называемый «налоговый маневр» в нефтяной отрасли, что официально преподносится как инструмент для пополнения бюджета, однако, по мнению не-

которых аналитиков, продиктовано лишь «тем, чтобы компании не теряли позиций на мировом рынке», хотя при этом «топливо будет дорожать, и это совершенно неизбежный процесс»³¹.

Помните, мы все говорим о прогрессивной шкале налогов. Мы говорим, что бедные должны платить мало, а богатые должны платить много. Прогрессивной шкалы налогов не будет, ее очень сложно реализовывать, а налоги будут плодить, и налогами будут регулировать все. Налогам на недвижимость, налогам на квартиры, налогам на дорогие машины, налогом на бензин, потому что цена на бензин – главный налог³².

Какой следующей категории населения придется «затягивать пояса», пока остается только догадываться, но очевидно, что у самозанятых, например, «шансов» на это значительно больше, чем у миллиардеров, число которых в нашей стране только за последние два года увеличилось на 29 человек (с 2016 по 2018 г. — с 77 до 106), причем «совокупное состояние всех 200 богатейших российских предпринимателей за год выросло на 5,4%, или на \$25 млрд, до \$485 млрд.»³³.

В мае 2018 года на Петербургском международном экономическом форуме депутат Государственной Думы А. Макаров иронично высказался о том, что «главная задача по выполнению Указа Президента решена. Мы передали Министерству экономического развития Росстат»³⁴. Однако спустя почти год мы можем воочию убедиться в том, что эти слова не далеки от истины. Так, по данным Росстата, ВВП в 2018 г. вырос на 2,3% по сравнению с 2017 г. «Таких темпов роста российская экономика не показывала с 2012 года. При этом роста экономики более чем на 2% в прошлом году не ждал практически никто: консенсус-прогноз Выс-

²⁷ Оформление загранпаспорта обойдется в 5 тысяч рублей: почему так дорого // Московский комсомолец. 2018. 19 июня (мнение аналитика ГК «Финам» А. Коренева). URL: <http://www.mk.ru/social/2018/06/19/oformlenie-zagranpasporta-oboydetsya-v-5-tysyach-rublej-pochemu-tak-dorogo.html>

²⁸ Орешкин назвал недопустимым уровень неравенства в России // Московский комсомолец. 2019. 15 янв. <https://www.mk.ru/economics/2019/01/15/oreshkin-nazval-ndopustimym-uroven-neravenstva-v-rossii.html>

²⁹ О повышении НДС: пресс-выпуск ФОМ. 2018. 2 июля. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/14058>

³⁰ Бялый Ю. Пенсионный фарс — 2018 // Информационное агентство «Красная весна». 2018. 29 июня. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/365b3ffa?gazeta=/gazeta/284>

³¹ Чем грозит России обнуление пошлины на нефть? <http://www.nykhas.ru/460863/chem-grozit-rossii-obnulenie-poshliny-n/> 26.02.2018 (мнение вице-президента группы компаний «НьюТек Сервисез» профессора РГУ нефти и газа им И. М. Губкина В. Бесселя).

³² Там же.

³³ В России за два года появилось 29 новых долларовых миллиардеров // Новости РБК. 2018. 19 апр. <https://www.rbc.ru/business/19/04/2018/5ad82b929a79475a053b96f5>

³⁴ Выступление А. Макарова на ПМЭФ 2018 // Комсомольская правда. 2018. 27 мая. <https://www.vologda.kp.ru/daily/26834.7/3874829/>

шей школы экономики предусматривал рост на 1,7%, Минэкономразвития говорило о 1,8%»³⁵.

По мнению большинства экспертов, уровень неравенства в стране только растет. Даже Росстат признал, что в 2018 г. рост неравенства начал увеличиваться. Правда, по официальной статистике, в 2017 г. и вовсе был зафиксирован минимальный за 12 лет уровень неравенства, что вызывает определенные вопросы.

Наиболее четко динамику отражает рост числа долларовых миллиардеров. По данным, опубликованным в апреле прошлого года, за последние два года был отмечен рекордный рост числа долларовых миллиардеров. Более того, состояние 200 богатейших превысило резервы ЦБ и накопления всех россиян в банках.

Наиболее распространенным в мире показателем имущественного расслоения общества является коэффициент Джини. Он сравнивает годовые доходы бедных и богатых граждан и показывает уровень отклонения от абсолютной нормы, то есть одинакового роста доходов социальных групп. Чем ближе к нулю – тем больше равенство и наоборот. За январь-сентябрь 2018 года индекс вырос по сравнению с тем же периодом 2017 г. с 0,400 до 0,402. Но в реальности статистика не дает полной наглядной картины, тем более что часто доходы и активы самых богатых слоев населения просто нигде не фигурируют... Согласно докладу о неравенстве в мире (World Inequality Report), подготовленному исследователями Всемирной лаборатории экономического неравенства, опубликованному еще в 2017 г., уровень экономического неравенства в современной России сопоставим с дореволюционными показателями³⁶.

Однако, как отмечают эксперты, «существенный прирост ВВП достигнут лишь за счет пересмотра данных по строительству. Это не масштабный рост по всей экономике»³⁷. На са-

³⁵ Чем объясняется неожиданное ускорение российской экономики // РБК. https://www.rbc.ru/economics/04/02/2019/5c586c9f9a79472433e1d9a2?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

³⁶ Орешкин назвал неравенство в России запредельным. Чем опасна эта проблема? // Вести. Экономика. 2019. 15 янв. https://www.vestifinance.ru/articles/113095?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

³⁷ Мнение макроаналитика Райффайзенбанка С. Мурашова (источник: РБК. https://www.rbc.ru/economics/04/02/2019/5c586c9f9a79472433e1d9a2?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com).

мом деле «инвестиционный рост слабый, внутренний потребительский спрос замедляется»³⁸. Потребительские расходы российских домохозяйств по итогам минувшего года составили всего 2,2%, хотя по итогам первых трех кварталов 2018 года этот показатель достигал отметки в 2,5%³⁹.

Таким образом, «в цифры Росстата можно верить – и в строительство, и в данные по росту ВВП. Но тогда мы должны честно признать, что система сбора статистики полностью развалена»⁴⁰.

Доверие к этому прибору для измерения состояния экономики [Росстату] оказалось не просто под угрозой. Оно просто рухнуло... Возвращение доверия требует общественного контроля за работой Росстата. Его уже недостаточно вернуть в лоно кабинета, как это уже неоднократно проделывалось. Предложение, лежащее на поверхности, – уравнивать статус ведомства, например, со Счетной палатой, которая формально не относится ни к одной из ветвей власти⁴¹.

«Не исключено, что новые параметры оценки могут быть следствием новой стратегии правительства по подведению итогов работы федерального центра... Не стоит забывать и о том, что власти планируют радикально изменить критерии оценки бедности в стране, поэтому не стоит исключать, что в ближайшее время федеральные ведомства бодро отрапортуют о том, что бедность в России побеждена, малоимущих граждан в стране не осталось, а бал правит средний класс»⁴².

³⁸ Мнение главного экономиста ING по России и СНГ Д. Долгина (источник: там же.).

³⁹ Тагоров В. Богатеем на бумаге: Росстат «нарисовал» российской экономике рекордный рост / <https://wek.ru/bogateem-na-bumage-rosstat-narisoval-rossijskoj-yekonomike-rekordnyj-rost>

⁴⁰ Мнение директора аналитического департамента «Локо-Инвест» К. Трemasова, бывшего руководителя департамента макроэкономического прогнозирования Минэкономразвития (источник: РБК. https://www.rbc.ru/economics/04/02/2019/5c586c9f9a79472433e1d9a2?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com)

⁴¹ Как нам реорганизовать Росстат? (редакционная статья) // Независимая газета. 2019. 07 фев. http://www.ng.ru/editorial/2019-02-07/2_7502_red.html

⁴² Тагоров В. Богатеем на бумаге: Росстат «нарисовал» российской экономике рекордный рост. <https://wek.ru/bogateem-na-bumage-rosstat-narisoval-rossijskoj-yekonomike-rekordnyj-rost>

Как показывает многолетняя динамика исследований, индикаторы мониторинга общественного мнения достаточно чутко реагируют на ключевые события, происходящие в стране (такие как «крымская весна», ухудшение экономической ситуации в 2008 и 2014 гг.). В этой связи можно сказать, что сохранение стабильных оценок деятельности власти, материально-го положения, настроения в 2018 году – скорее не «минус», а «плюс» на фоне реформ в пенсионном законодательстве и в налоговой системе, против которых первоначально высказывалось 80 и 57% россиян соответственно⁴³.

Нынешние темпы экономического развития нас не устраивают, а оснований ожидать более быстрого роста валового внутреннего продукта (ВВП) и доходов населения пока нет. Цели есть, все необходимые ресурсы есть, а результатов нет. Почему? Потому что явно сформулированной, целостной экономической политики у нас так и не появилось. Вместо нее – набор разрозненных решений, которые не складываются в общую понятную картину⁴⁴.

Тем не менее в контексте амбициозных планов на период до 2024 года и, при этом, в условиях отсутствия «времени для раскачки» существующие тенденции общественного мнения сложно оценивать позитивно. Особенно если учесть тот факт, что рубежом периодом следует считать не 2024-й, а 2021 год, в котором состоятся выборы в Государственную Думу РФ. «Выборы в парламент 2021 года очень важны для организации нормального транзита в 2024 году», – отмечают эксперты. Если общество не поддержит «Единую Россию» и возникнет ситуация «непонятного формата следующего парламента», то «это будет означать очень серьезные политические проблемы»⁴⁵.

⁴³ См.: 1. О повышении НДС: пресс-выпуск ФОМ. 2018. 2 июля. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/14058>

2. Повышение пенсионного возраста: реакция граждан: пресс-выпуск ФОМ. 2018. 29 июня. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/14057>

⁴⁴ Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России / под науч. ред. акад. В.В. Ивантера. М.: Научный консультант, 2017. 196 с.

⁴⁵ Гурова Т., Скоробогатый П. Люди слишком самостоятельные, чтобы их можно было купить за грант (интервью с председателем Общественной палаты РФ В.В. Фадеевым) // Эксперт. 2019. № 1–3. С. 59.

Дальнейшая политика консервации существующего положения дел в стране с каждым месяцем становится все более ощутимой угрозой социальной стабильности и в целом национальной безопасности. Поэтому решения, способные обеспечить прорывное развитие в динамике уровня и качества жизни населения, должны быть приняты уже в ближайшее время.

В прогнозе экономического развития наименее интересны стандартные цифровые показатели – цена нефти, валютный курс, темпы инфляции, т.е. все то, о чем так любят писать газеты. Гораздо важнее был бы перечень конкретных действий для достижения целей, поставленных Президентом... Прогноз – это не план действий, а оценка возможных последствий той политики, которая главенствует в экономике. Нужен не прогноз, а государственный план. Конкретный и реальный⁴⁶.

Для преодоления консервации застоя и обеспечения прорывного развития в динамике уровня и качества жизни нужны две вещи:

во-первых, «система стратегического управления», основанная на «системе долго-, средне- и краткосрочных прогнозов и выборе приоритетов экономического развития, инструментов и механизмов их реализации»⁴⁷. Нужен конкретный и реально работающий план действий, а не просто перечень амбициозных целей и оптимистических показателей;

во-вторых, нужен «новый Примаков» – человек, способный не только заявить, но и организовать прорыв в развитии; способный объединить представителей разных политических сил и элитарных групп, причем на основе не просто общей идеи, а конкретного и достижимого плана действий; способный призвать к ответственности чиновников всех уровней за невыполнение этого плана. Как отмечают эксперты, «в действительности вся необходимая система инструментов уже определена властью – есть закон о стратегическом планировании. Беда только в том, что он просто не исполняется. Это как раз тот случай, когда заново ничего придумывать не надо,

⁴⁶ Ивантер В.В. Механизмы экономического роста // Мир новой экономики. 2018. №3. С. 27.

⁴⁷ Глазьев С.Ю. Рывок в будущее: Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. С. 481.

достаточно взять и исполнить закон»⁴⁸. Таким образом, механизм ответственности органов государственной власти и уполномоченных должностных лиц за объективные результаты своей работы должен быть доведен до автоматизма.

В условиях, когда Правительство РФ «не может формулировать стратегические цели и контролировать их достижение»⁴⁹, ключевую роль в реализации этих двух задач должен играть непосредственно Президент, в полномочиях которого находится, по сути, главный инструмент, способный изменить вектор развития государственного управления в сторону национально ориентированных целей, отмеченных главой государства в Послании Федеральному Собранию и «майском указе» 2018 года.

Необходимо переформатирование институциональной среды в рамках принятия решений и выстраивание четкой иерархии органов власти в рамках выработки стратегии развития и ее превращения в жизнь.

В рамках такой конфигурации **определение задач стратегического развития является функцией Главы государства**, который на основе использования потенциала правительства и экспертного сообщества, должен предложить согласованный и реализуемый набор целевых ориентиров развития страны на средне- и долгосрочную перспективу⁵⁰.

Речь идет о системе подбора управленческих кадров на всех уровнях властной вертикали, начиная с Правительства РФ. В России необходимо изменение политического сознания, ценностных приоритетов и моральной ответственности властвующих элит, что не может произойти само собой без активного участия главы государства (который на протяжении последних десятилетий уже неоднократно доказывал российскому обществу свою нацеленность на реализацию интересов широких слоев населения, в

том числе в вопросах внутренней политики). Нужна четкая система критериев эффективности деятельности органов власти, основанная на объективных и комплексных показателях... **Без изменения политического сознания и политической ответственности властвующих элит перед обществом невозможен тот самый «прорыв», о котором Президент говорил в Послании, а без «прорыва» — невозможно обеспечить конкурентоспособность страны на геополитическом уровне, что в современных условиях развития мировой цивилизации фактически означает утрату суверенитета и кризис российской государственности.**

Захочет и сможет ли Президент проявить политическую волю для принятия трудных, но уже давно назревших решений, от этого зависит судьба главной, по сути, исторической задачи, стоящей перед ним в период последнего президентского срока, — обеспечение поступательного вхождения страны в новый политический цикл 2024 года.

* * *

В Послании Федеральному Собранию РФ 20 февраля 2019 г. Президент справедливо отметил: «Людей не обманешь. Они остро чувствуют лицемерие, неуважение к себе и любую несправедливость. Их мало интересует бюрократическая волокита, бумажная текучка. Для людей важно, что реально сделано и как это улучшает их жизнь, жизнь их семей. И не когда-нибудь, а сейчас»⁵¹. Именно поэтому В. Путин подчеркнул:

во-первых, что «реальные изменения жизни к лучшему» люди должны почувствовать «уже в этом году»;

во-вторых, — что первые итоги работы по национальным проектам, запланированные на начало 2020 года, будут подводиться «именно на основе мнения, оценок граждан»⁵².

Это сильное заявление, поскольку сделано оно на фоне «самых низких показателей доверия главе государства за всё время проведения ВЦИОМ опросов о доверии»⁵³ (33,4% по дан-

⁴⁸ Ивантер В.В. Механизмы экономического роста // Мир новой экономики. 2018. № 3. С. 27.

⁴⁹ Глазьев С.Ю. Рынок в будущее: Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир., 2018. С. 482.

⁵⁰ Трансформация структуры экономики: механизмы и управление / А.А. Широков, М.С. Гусев, А.Ю. Колпаков и др. М., 2018. С. 257.

⁵¹ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 20 фев. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>

⁵² Там же.

⁵³ Угланов А. Что на уме у глубинного народа // Аргументы недели. №6(650). 2019. 14-22 фев. <http://argumenti.ru/society/2019/02/602299?typelink=openlink>

ным ВЦИОМ на 13 января 2019 г.)⁵⁴. Кроме того, глава государства выразил свою поддержку финансовому блоку Правительства, заявив буквально следующее: «Я обращаюсь к тем коллегам, которые постоянно критиковали Правительство, финансовый, экономический блок: где деньги, куда мы их вкладываем. У нас есть задача — дорастить до определённого уровня и потом потихоньку, потихоньку использовать это, не раскачивая макроэкономическую ситуацию. Мы сейчас к этому подошли, мы начинаем это делать»⁵⁵.

Таким образом, В. Путин берет на себя личную ответственность за реализацию националь-

ных проектов и выполнение целевых установок по прорывному развитию в повышении уровня и качества жизни людей и динамичному развитию экономики, определенных в «майском указе» 2018 г.

Ключевые ориентиры и конкретные направления улучшения качества жизни, вероятно, будут находить поддержку в динамике общественных настроений. Но будет ли соответствовать ожиданиям населения их конечная реализация... С учетом негативных итогов работы Правительства по выполнению «майских указов» 2012 г. это не только большой, но и большой вопрос.

Литература

1. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. 2012. №12. С. 3-11.
2. Жуков В.И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 29-40.
3. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. №11. С. 40–53.
4. Российское общество весной 2016 г.: тревоги и надежды: информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского исследования. М., 2016. 32 с.
5. Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. — Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1986, 391 p.
6. Ewald F. Die Versicherung — Gesellschaft. Kritische Justiz, 1989.
7. Бехман Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 26-46.
8. Российское общество после президентских выборов — 2018: запрос на перемены: информационно-аналитическое резюме / ФНИСЦ РАН. М., 2018. 55 с.
9. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России: монография / под науч. ред. акад. В.В. Ивантера. М.: Научный консультант. 2017. 196 с.
10. Гурова Т., Скоробогатый П. Люди слишком самостоятельные, чтобы их можно было купить за грант (интервью с председателем Общественной палаты РФ В.В. Фадеевым) // Эксперт. 2019. №1–3. С. 59.
11. Ивантер В.В. Механизмы экономического роста // Мир новой экономики. 2018. №3. С. 24-35.
12. Глазьев С.Ю. Рынок в будущее: Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.
13. Трансформация структуры экономики: механизмы и управление / А.А. Широков, М.С. Гусев, А.Ю. Колпаков и др. М., 2018. 262 с.

⁵⁴ Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий // Пресс-выпуск ВЦИОМ №3859. 2019. 18 янв. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9518>

⁵⁵ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 2019. 20 фев. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

Public Administration Efficiency in 2000–2018 in the Assessments of the Region's Population

Abstract. Previous issues of our journal contain editorials devoted to the most acute issues of Russia's modern life and its future. Using expert assessments and the results of international, national and our own research, we touched upon key aspects of public administration efficiency in addressing the issues that ensure national security. These tasks are as follows: overcoming social inequality and “capitalism for the few”, ensuring the stability of the psychological state of society and promoting civic engagement of its main strata. We analyzed the state of affairs in science and education, in the economy and social sphere; we gave an objective assessment of the President's key speeches and analyzed how effectively the Government was implementing the President's orders (including those that were set out in the “May decrees”). We covered the most resonant events happening in the internal and international political arena. In the context of national security, we analyzed the correlation of interests of the general population and the elite. On repeated occasions, we considered the historical experience of Russia and foreign countries, drew analogies between the past and the present, trying to answer the question of how well the ruling elite learns the lesson and promotes sustainable development of the country in order to handle the increasingly complex conditions of global competition in the 21st century.

We should point out that, as the President himself has repeatedly noted, public opinion is the main criterion that determines the success of the work of the government and public administration efficiency, and influences the changes in the situation in the country. At the same time, the beginning of 2019 can be seen as a starting point in the implementation of the main provisions of the May 2018 Decree and, more broadly, in the implementation of the targets for the breakthrough development of the internal, primarily socio-economic, situation in Russia. Achieving these goals is a keynote of the new political cycle and the last (according to the current Constitution of the Russian Federation) presidential term of Vladimir Putin.

We decided to begin the first 2019 issue of the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* by analyzing key trends in people's subjective assessments concerning various aspects of everyday life over the past 18 years, including the dynamic changes taking place in the assessment of the work of public authorities, in the perception of living standards and the quality of life, and in the emotional and psychological background in society. The main information source that allows us to implement such a task is the sociological monitoring conducted by VolRC RAS on the territory of the Vologda Oblast for more than 20 years (since 1996).

The following tables show trends in a number of parameters of social well-being and socio-political sentiment of the Vologda Oblast residents in the long-term (annual) retrospective, as well as current (last six waves of the monitoring) changes in public opinion.

When analyzing current trends in public opinion, we place an emphasis on the results of V. Putin's third presidential term (2012–2017) and on the current dynamics of people's estimates (the latest six surveys:

April 2018 – February 2019). These results show how well the head of state is able to build a system of public administration at all levels (federal, regional, municipal) in accordance with the goals noted in his Address to the Federal Assembly of the Russian Federation and set out in the May 2018 Decree and also in accordance with the task of effective transit of Russian statehood for the period up to 2024, the task that is strategically important for national security.

Key words: public opinion, assessment of performance of the authorities, President, social sentiment, results of the year.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.2

УДК 339.924, ББК 65.59

© Кудряшова Е.В., Зарубина Л.А., Сивоброва И.А.

Вызовы и возможности трансграничного инвестиционного сотрудничества в Арктическом регионе



**Елена Владимировна
КУДРЯШОВА**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация, 163002, наб. Северной Двины, д.17
E-mail: e.kudryashova@narfu.ru



**Любовь Альбертовна
ЗАРУБИНА**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация, 163002, наб. Северной Двины, д.17
E-mail: lazarubina@yandex.ru



**Ирина Анатольевна
СИВОБРОВА**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация, 163002, наб. Северной Двины, д.17
E-mail: i.sivobrova@yandex.ru

Для цитирования: Кудряшова Е.В., Зарубина Л.А., Сивоброва И.А. Вызовы и возможности трансграничного инвестиционного сотрудничества в Арктическом регионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 39-52. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.2

For citation: Kudryashova E.V., Zarubina L.A., Sivobrova I.A. Cross-border investment cooperation in the Arctic Region: challenges and opportunities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 39-52. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.2

Аннотация. В статье рассматриваются инвестиционные процессы, происходящие в зарубежной и российской Арктике, инструменты привлечения инвестиций и возможность аккумулирования лучших практик в осуществлении инвестиционных проектов. Анализ данных о запланированных, незавершенных и отмененных проектах в российской и зарубежной Арктике, в том числе совместных, позволяет диагностировать проблемы трансграничного инвестиционного сотрудничества. В рамках глобальных экономических вызовов при обсуждении возможностей северных регионов, альтернативных крупномасштабной добыче и транспортировке, определяется необходимость поиска новых перспективных направлений инвестирования, включая инфраструктурные проекты. На основе официальных, статистических и экспертных оценок проанализированы приоритеты и направления инвестиционной деятельности в Арктике, а также основные инструменты повышения инвестиционной привлекательности и стимулирования инвестиций. В качестве аналитического кейса рассмотрена программа «Европейский инструмент соседства и партнерства ЕИСП Коларктик 2007–2013» как один из наиболее эффективных инструментов финансовой поддержки многосторонних проектов трансграничного сотрудничества в Баренцевом Евро-Арктическом регионе (БЕАР). Проектное поле программы достаточно обширно и вмещает в себя различные тематики, что содействовало стимулированию трансграничного сотрудничества в различных сферах деятельности, вовлечению разных целевых групп и стейкхолдеров, развитию проектного взаимодействия между различными секторами в БЕАР. Заслуживает внимания зарубежная практика комплексного использования как прямых, так и косвенных методов привлечения инвестиций, что может стать основой создания банков лучших инвестиционных практик в северных регионах России. Осознание инерционности инвестиционных процессов в Арктике приводит к выводу о необходимости разработки стратегии повышения инвестиционной привлекательности северных территорий.

Ключевые слова: Арктический регион, трансграничное инвестиционное сотрудничество, масштабные инфраструктурные проекты, программа сотрудничества «Коларктик», лучшие инвестиционные практики, стратегия инвестиционной привлекательности.

Введение

Широкий перечень стратегических вопросов развития Арктического региона является сферой государственной компетенции и решается на региональном, национальном и международном уровнях. И если для реализации стратегического развития Дальневосточного и Северо-Кавказского макрорегионов созданы специальные федеральные министерства (Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Министерство РФ по делам Северного Кавказа), то решением проблем Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) занимается совещательный орган при Правительстве РФ – Государственная комиссия по вопросам развития Арктики [1]. Кроме того, к настоящему времени в Правительстве принято решение не создавать отдельный орган государственного управления АЗРФ, а определить полномочия по развитию этого региона для Министерства по развитию Дальнего Востока. Следует отметить, что окончательный состав территорий АЗРФ как Северного макрорегиона продолжает

формироваться. Так по Указу Президента России «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» № 296 от 2 мая 2014 г. АЗРФ определена в границах Мурманской области, Ненецкого, Чукотского, Ямало-Ненецкого автономных округов, а также ряда муниципальных образований Республики Саха (Якутия), Красноярского края, Архангельской области, земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане¹. А в 2017 г. новым Указом Президента РФ перечень территорий АЗРФ был расширен посредством включения Беломорского, Лоухского и Кемского муниципальных районов Республики Карелия². Поскольку Арктическая зона РФ состоит из 25

¹ О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 г. № 296. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38377>

² О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»: Указ Президента Российской Федерации от 27.06.2017 г. № 287. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42021>

городских муниципальных поселений, 32 муниципальных районов и 2 специфических муниципальных образований (островное – Новая Земля и поселок сельского типа – Амдерма), характеризующихся неоднородностью социально-экономического развития, достижение ключевых приоритетов возможно только за счет более широкого регионального и трансграничного сотрудничества, направленного на обмен инновациями и на развитие человеческого капитала на циркумполярном Севере. Арктические проекты, способные принести грандиозные социально-экономические эффекты для населения приарктических территорий, в частности создать до 1 млн. рабочих мест, требуют значительного объема инвестиционных ресурсов (по оценкам порядка 25 млрд. долларов в год) не только в разведку, но и в развитие инфраструктур³. В 2017 году эксперты Ernst & Young зафиксировали своеобразный инвестиционный бум – зарубежные инвесторы вложили средства в 238 проектов в России⁴. Конкуренция за привлечение инвестиций в реальную экономику обострилась как в глобальной экономике, так и между регионами внутри России. Без инвестиций невозможно осуществить инновационный прорыв, особенно в тех регионах, которые имеют большое геополитическое значение для России, но при этом не обладают повышенной привлекательностью в силу тех или иных причин и обстоятельств. Проблема инвестиционной привлекательности для регионов Европейского Севера России является ключевой в решении задачи эффективного социально-экономического развития. В принципе для любой страны и для любого из регионов в условиях мировой рыночной экономики финансовые источники инвестиций безграничны. Проблема заключается лишь в том, как привлечь инвестиции именно в данную страну или регион. В перечне направлений инвестирования стоит отметить важность масштабных инфраструктурных проектов для

³ Arctic Business Forum Yearbook 2018 // Lapland Chamber of Commerce, 2018. URL: http://arcticbusinessforum.com/wp/wp-content/uploads/2018/04/ABF_2018_yearbook_web.pdf

⁴ Исследование инвестиционной привлекательности стран Европы: Россия, 2018 год // Ernst & Young. URL: [https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-european-attractiveness-survey-2018/\\$File/ey-european-attractiveness-survey-2018.pdf](https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-european-attractiveness-survey-2018/$File/ey-european-attractiveness-survey-2018.pdf)

устойчивого экономического развития российских регионов. Концентрироваться следует не только на текущих, быстро действующих инструментах регулирования инвестиционного климата, что в настоящее время архиважно, но и на тех направлениях, которые будут затрагивать глубинные процессы и факторы (эффективность, сбалансированность, диверсификацию ресурсов и потенциалов) и смогут определить значительное улучшение инвестиционной ситуации Европейского Севера России на долгую перспективу. Вклад в ускорение развития инфраструктуры территорий вносят программы приграничного сотрудничества, роль которых еще недооценена. Цель исследования состоит в обосновании принципиального значения трансграничного инвестиционного сотрудничества в развитии арктических территорий, в обобщении передового опыта данного взаимодействия по европейским программам и в разработке рекомендаций в стратегию повышения инвестиционной привлекательности северных территорий. Для достижения поставленных целей необходимо выявить проблемы и определить перспективные направления трансграничного инвестиционного сотрудничества в Арктическом регионе, а также проанализировать прямые и косвенные инструменты привлечения инвестиций, используемые в зарубежной практике.

Обзор концептуальных подходов и методология исследования

Объектом исследования являются инвестиционные процессы, происходящие в зарубежной и российской Арктике, инструменты привлечения инвестиций и возможность аккумуляции и распространения лучших практик. Все инвестиционные проекты можно классифицировать по критерию расположения участвующих в них территорий и стран на национальные, межнациональные и трансграничные. Вопросы приграничной проблематики активно рассматривались С.П. Быстрицким, А.Г. Гранбергом, В.К. Заусаевым, Н.М. Межевичем, П.А. Минакиром, П.А. Мицкевичем, М.Ю. Шинковским и др. В настоящее время и приграничное, и трансграничное сотрудничество является сферой междисциплинарных исследований. Концепции на основе теорий нового регионализма, социального конструктивизма и неолиберального институционализма

преимущественно относятся к политическим и социологическим подходам, обобщенным в диссертации А.П. Сологуб [2]. Политические исследования распространяются и на арктические регионы [3, 4], при этом в дискуссиях об инвестиционном сотрудничестве участвуют официальные лица арктических стран [5] и представители международных арктических организаций [6]. Исследования, посвященные необходимости трансграничного реформирования правовых механизмов, также являются сферой формирования новых научных концепций в юриспруденции [7, 8]. Географические теории базируются на основе пространственных и ресурсных концепций [9, 10], значительный вклад в этом направлении вносят исследования специалиста по северным регионам и Арктике профессора А. Пилясова [11]. Четко обозначенных экономических концепций трансграничного сотрудничества нет, исследователями рассматриваются отдельные стороны этого процесса: методический инструментарий оценки инвестиционной привлекательности [12], механизмы, обеспечивающие перемещение инвестиционных потоков [13], эффективность использования предпринимательского ресурса в рамках приграничного сотрудничества [14]. Хотя большинство экономических концепций сходятся во мнении, что деловое партнерство сопредельных сторон является одним из эффективных механизмов ускоренного и устойчивого развития приграничных территорий [15, 16], отдельные исследователи концентрируются на вопросах национальной безопасности. Например, Д.А. Медведев, эксперт Центра стратегических оценок и прогнозов, акцентирует внимание на перспективах и направлениях международного экономического сотрудничества в Арктическом мегарегионе с учетом национальных интересов [17]. Мы придерживаемся мнения, что трансграничное сотрудничество имеет ряд явных экономических преимуществ по сравнению с национальным и межнациональным:

1. Более стабильная и предсказуемая среда для взаимной торговли, чем в многосторонних торговых переговорах, интересы участников которых очень сильно разнятся.

2. Освобождение от жесткой административной регламентации из федерального центра, перенос ключевых решений на центры регио-

нов (субъектов РФ) и органы власти местных администраций.

3. Непосредственная географическая близость приграничных регионов, наличие общей границы и коммуникаций, исторически сложившиеся экономические связи упрощают торговый процесс за счет снижения транзакционных издержек.

4. Наличие общих региональных интересов с точки зрения устойчивости развития (экологические требования и стандарты и т.д.).

5. Создание государственно-муниципально-частных партнёрств для инвестиций в инфраструктуру.

6. Поддержка и стимулирование местных товаропроизводителей (прежде всего малых предприятий, не обладающих мощным экспортным потенциалом), для которых возникает более широкий региональный рынок.

7. Установление прямых рыночных отношений между предпринимателями с перспективой создания совместных предприятий.

Поскольку непосредственно на границе пересекаются многие важные экономические проблемы государств, трансграничное сотрудничество может выступать неким пилотным полигоном, способствуя решению отдельных вопросов межгосударственных отношений, в том числе таких, по которым затруднительно или пока невозможно принимать решение на более высоком уровне.

С этих позиций в исследовании использовались методы контент-анализа стратегических документов арктических стран, отчетов государственных институтов и институтов развития об инвестиционной деятельности и сотрудничестве, а также методы анализа баз данных по арктическим проектам и статистические методы.

Анализ зарубежного опыта позволяет сделать выводы о комплексном использовании как прямых, так и косвенных инструментов привлечения инвестиций⁵. В силу слабой инвестиционной привлекательности арктических проектов, обусловленной высокими вложениями и значительными рисками, основное финан-

⁵ The World Economic Outlook (WEO): Seeking Sustainable Growth: Short-Term Recovery, Long-Term Challenges, International Monetary Fund. 2017, Washington, DC, October. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2017/09/19/world-economic-outlook-october-2017>

Таблица 1. Финансирование со стороны ЕС инфраструктурных проектов, инициированных российским партнером, в рамках ENPI CBC за 2007–2013 гг.

Ведущий партнер	Программа	Сфера	Количество проектов	Финансирование со стороны ЕС, евро
Калининградская область	LT-PL-RU	Здравоохранение	2	4476821
		ЖКХ	2	3304500
		Туризм	1	1227634
Ленинградская область	SEFR	Дорожная инфраструктура	2	6840000
Республика Карелия	KAR	Дорожная инфраструктура	2	3480000
Составлено по: [18].				

сирование осуществляется за счет бюджетных расходов. Непосредственное государственное финансирование инвестиций на арктических территориях реализуется в 2-х аспектах: либо для развития инфраструктуры, либо для поддержки местных сообществ и выравнивания уровня доходов⁶. Вызовы, связанные с развитием, поддержанием и эксплуатацией инфраструктуры, приводят правительства арктических держав к выводу о необходимости формирования новых механизмов государственно-частных и многонациональных партнерств.

Более детальному исследованию с этих позиций была подвергнута программа Европейского союза Европейского инструмента соседства и партнерства (ENPI CBC), включающая 6 программ с российским участием. В первом периоде реализации ENPI CBC участвовало 54 ведущих российских партнера и 490 российских партнеров по проектам [18].

Наиболее активными в инициации масштабных инфраструктурных проектов стали Калининградская и Ленинградская области, а также Республика Карелия (табл. 1).

В перечне привлекательных для инвестора регионов практически нет инфраструктурных проектов, реализуемых на территории субъектов Арктической зоны РФ⁷. При этом, по дан-

ным американской инвестиционной фирмы Guggenheim Partners, в течение следующего десятилетия в Арктике потребуется около 1 триллиона инвестиций в инфраструктуру, включая транспорт, телекоммуникации и социальные услуги, для поддержки новой эры экономических возможностей от энергетики, рыболовства и добычи полезных ископаемых до обороны и туризма [19, 20]. База данных включает 900 запланированных, незавершенных, законченных, отмененных и перспективных арктических инфраструктурных проектов. Россия имеет подавляющее лидерство над своими соседями почти с 250 потенциальными проектами (рис. 1).

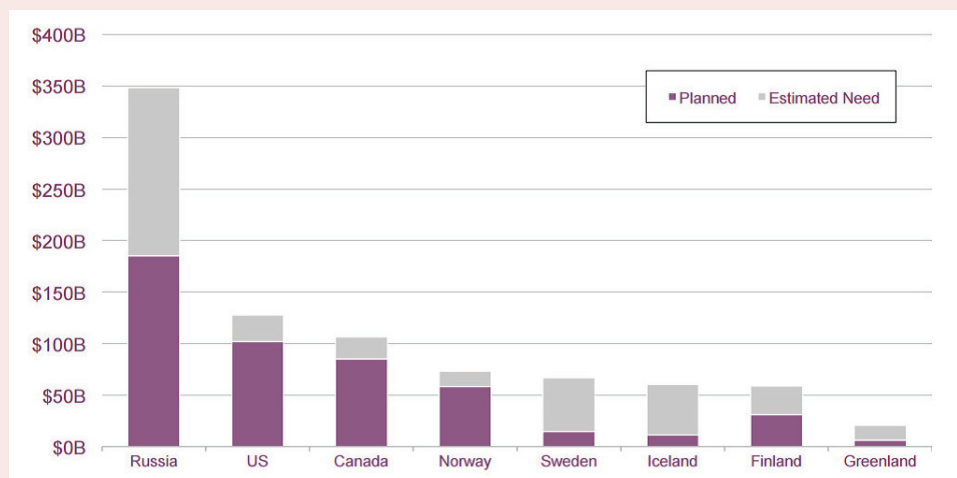
Приоритеты ЕС согласно отчету Европейской Комиссии (2017) при формировании будущих программ финансирования будут сосредоточены на следующих ключевых инвестиционных проектах в Арктике [21]:

- устойчивое рыболовство и морские ресурсы, в том числе аквакультура (Гренландия), другие морские отрасли (Фарерские острова), а также оленеводство и охота (Саамский совет);
- горнодобывающая, минеральная и другая сырьевая промышленность, а также химическая промышленность, в целях повышения их экологической устойчивости и интеграции в многооборотную экономику (Швеция и Гренландия);
- биоэкономика (Швеция и Финляндия) и биоиндустрия, основанные на лесопромышленном и агропромышленном комплексе, а также на морских, водных и других природных ресурсах (северные малонаселенные районы – Northern Sparsely Populated Areas (NSPA) в Норвегии, Швеции и Финляндии);

⁶ См. например: EU Arctic policy. URL: https://eeas.europa.eu/arctic-policy/eu-arctic-policy_en; Financing of Barents Cooperation. Report of the BEAC Ad Hoc Working Group on Financial Mechanism Study (2015). Ministry for Foreign Affairs of Finland. – Helsinki; Norway's Arctic Strategy – between geopolitics and social development, 21 April 2017. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/fad46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf>

⁷ World Investment Report 2018. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2018_en.pdf

Рис. 1. Предполагаемая потребность в инвестициях, млрд. долл.



Источник: Guggenheim Partners Endorses World Economic Forum's Arctic Investment Protocol.

- металлургическая, машиностроительная и станкостроительная промышленность (NSPA в Норвегии, Швеции и Финляндии);
- информационно-коммуникационные технологии (Финляндия), включая оцифровку медико-санитарных и социальных услуг и роботизацию (NSPA в Норвегии, Швеции и Финляндии);
- телекоммуникации и электронные технологии (Норвегия), а также развитие сетей 5G, технологии Printed Intelligence, безопасность данных, большие данные и Интернет вещей;
- спутниковые технологии, в том числе системы Galileo, GPS, Glonass и Beidou, а также цифровые услуги и автоматическое управление автомобилями посредством спутниковой навигации (Финляндия);
- производство энергии, в частности использование возобновляемых источников, таких как биотопливо и гидро-, ветро- и приливная энергия, а также извлечение энергии из лесных отходов и повышение эффективности использования ресурсов (NSPA в Норвегии, Швеции и Финляндии) и развитие гидроэнергетики и малых сетей (Гренландия);
- услуги, обеспечивающие судоходство и другие виды морской деятельности в акваториях Северной Атлантики и Арктики (Фарерские острова и Дания), дистанционная эксплуатация судов (Финляндия);

- устойчивый туризм, уважающий окружающую среду (Гренландия, Исландия и Совет самов), и совместное развитие туристических продуктов с более эффективным трансграничным сотрудничеством (NSPA в Норвегии, Швеции и в Финляндии);
- творческие индустрии (Фарерские острова);
- здравоохранение (Финляндия) и естественные науки (Фарерские острова и Швеция).

Долгосрочное устойчивое приграничное сотрудничество является одним из важнейших факторов стимулирования инвестиционной деятельности на северных территориях [22, 23]. Это вполне соответствует Арктическому инвестиционному протоколу Всемирного экономического форума, предусматривающему 6 целей для инвесторов в отношении ответственных инвестиций в Арктику⁸:

1. Создание устойчивых обществ посредством экономического развития.
2. Уважение и включение в процесс инвестирования местных сообществ и коренных народов.
3. Принятие мер по защите окружающей среды Арктики.

⁸ Arctic Investment Protocol Guidelines for Responsible Investment in the Arctic. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Arctic_Investment_Protocol.pdf

4. Внедрение практики ответственных и прозрачных бизнес-методов.

5. Интеграция науки и традиционных экологических знаний.

6. Укрепление арктического сотрудничества и обмен передовым опытом.

Содержание и основные результаты исследования

Серьезные проблемы в развитии арктических регионов привели к осознанию необходимости поиска новых точек роста, смены устоявшихся ориентиров развития, более экологически и социально устойчивых по сравнению с экономиками, ориентированными на ресурсы, к необходимости пересмотра стратегий развития [24]. Реализацию основных положений прогрессивного сценария развития российской Арктики предполагается осуществить за счет мероприятий трех различных уровней:

1) развитие приоритетных секторов экономики АЗРФ;

2) развитие опорной арктической инфраструктуры;

3) развитие локальной арктической инфраструктуры жизнеобеспечения.

Первый уровень — это масштабные инвестиционные проекты частных компаний, ориентированные непосредственно на выпуск конечной продукции, а также создание необходимой вспомогательной инфраструктуры основных производств (трубопроводы, высоковольтные линии электропередачи и т.п.), а также мероприятия по развитию научного сопровождения освоения Арктики.

Второй уровень — проекты развития опорного транспортного и инфраструктурного каркаса АЗРФ, в особенности новых территорий ее освоения, на принципах государственно-частного партнерства (ГЧП), а также государственные проекты восстановления и сохранения экологической среды АЗРФ.

Третий уровень — обеспечение функционирования и развития локальной инженерной и социальной инфраструктуры в местах старого и нового освоения.

Наиболее ресурсоемким в части бюджетной поддержки представлялся комплекс мероприятий второго уровня. В его рамках предполагалась реализация мероприятий по строительству

автомобильных и железных дорог, портовых сооружений, не вошедших в ФЦП «Развитие транспортной системы России в 2010–2020 гг.».

Но именно реализация этих проектов могла бы послужить переходом от консервативного к целевому сценарию развития российской Арктики. Очевидно, что без реализации ряда важных задач второго уровня многие крупные инвестиционные проекты частных компаний теряют свою актуальность из-за их низкой рентабельности. Необходимо подчеркнуть, что стоимость крупных инфраструктурных проектов, не вошедших в другие государственные программы и не имеющих подтвержденной государственной финансовой поддержки, составляла около 350 млрд. руб. за 6-летний период.

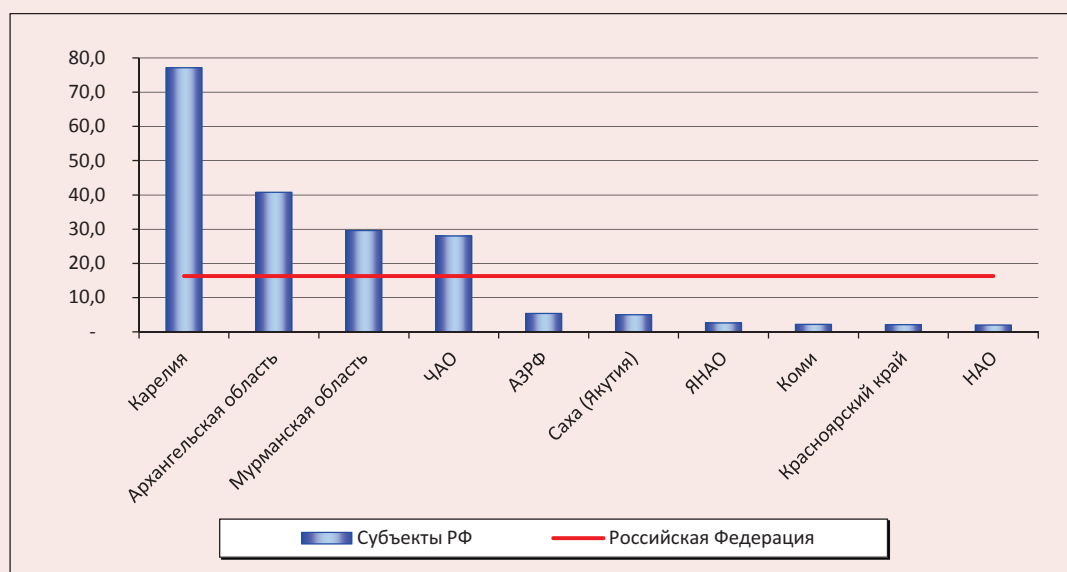
Роль бюджетных средств в реализации инвестиционных проектов в Арктике представлена на *рис. 2*.

Анализ статистических данных демонстрирует высокую значимость бюджетных инвестиций в социально-экономическое развитие российской Арктики, особенно ее западной части. У четырех субъектов АЗРФ в структуре инвестиций доля государственного финансирования превышает среднероссийский уровень, у всех остальных значение этого показателя несущественно — менее 5%. Эффективным механизмом привлечения инвестиций, в т.ч. иностранных, призваны стать опорные зоны развития в Арктике. Планируемые к реализации проекты на территории субъектов Арктической зоны РФ (на базе опорных зон) включают в себя межрегиональные и трансконтинентальные инфраструктурные проекты, создающие принципиально новые преимущества и возможности.

При этом зарубежные эксперты заявляют, что инвестиционная деятельность в Арктике сталкивается с рядом специфических вызовов⁹. Выбор инвестиционных стратегий развития арктических территорий сопряжен с преодолением

⁹ См. Например: The Global Risks Report 2018, 13th Edition is published by the World Economic Forum within the framework of The Global Competitiveness and Risks Team. URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-2018/>; The great challenge of the Arctic: National Roadmap for the Arctic, June 2016. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/frna_-_eng_-_interne_-_prepa_-_17-06-pm-bd-pdf_cle02695b.pdf

Рис. 2. Доля бюджетных средств (бюджетов всех уровней) в общем объеме инвестиций в основной капитал, осуществляемых на территории Арктической зоны Российской Федерации, 2017 г., %



Составлено по: Доля бюджетных средств (бюджетов всех уровней) в общем объеме инвестиций в основной капитал, осуществляемых на территории Арктической зоны Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/arc_zona/2018_2/pok_2.xlsx (дата обращения 11.10.2018).

ем значимых барьеров и поиском адекватных ответов на существующие вызовы [25]. В частности, в процессе анализа реализации первого периода программы Европейского инструмента соседства и партнерства «ЕИСП Коларктик 2007–2013» были идентифицированы следующие вызовы развития [18, 26, 27]:

- негативная демографическая тенденция вследствие чистой миграции и снижения рождаемости;
- миграция высококвалифицированной молодежи в центральные регионы;
- значительное сокращение рабочих мест вследствие промышленной реструктуризации;
- ограниченное развитие сектора услуг и социальной сферы;
- недостаточное развитие логистики;
- отсутствие современной социальной инфраструктуры;
- огромные риски экологической безопасности, связанные с текущей и планируемой добычей, транспортировкой и хранением нефти и газа;
- низкий уровень реальных доходов населения.

Задачи идентификации и оценки этих вызовов усугубляются высоким уровнем пространственной и социально-экономической неоднородности арктических территорий.

Региональная дифференциация является характерной чертой программ трансграничного сотрудничества, реализуемых на северных территориях России. Так анализ реализации программы «Коларктик 2007–2013» демонстрирует значительный размах в объемах финансирования совместных проектов (табл. 2).

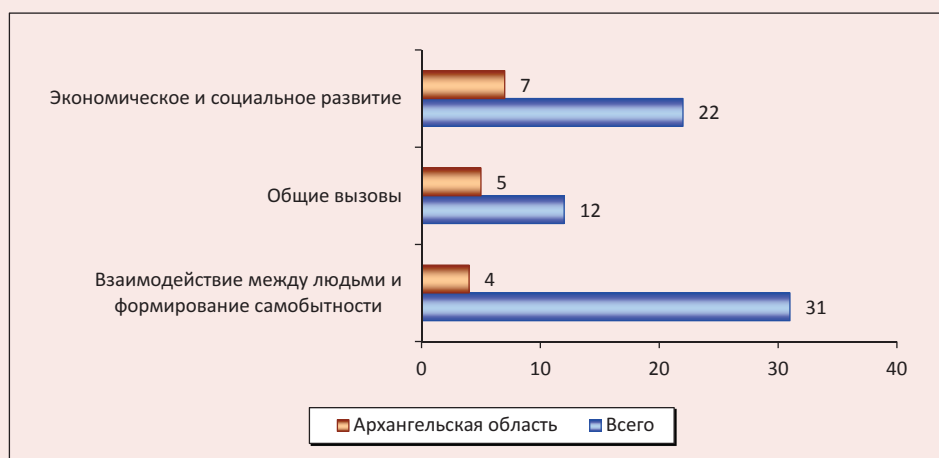
Грантовую поддержку по итогам четырёх заявочных раундов получил 51 проект, из них только 3 относятся к масштабным инфраструктурным проектам, которые были реализованы на территории Мурманской области (дорога Кандалакша–Алакуртти–Салла, реконструкция МАПП «Борисоглебск») и Ненецкого автономного округа (полярные возобновляемые источники энергии).

Проектное поле программы «Коларктик» включает в себя несколько направлений, но основные инфраструктурные проекты попадают в тематику «Экономическое и социальное развитие» (22 проекта из 65) (рис. 3).

Таблица 2. Финансирование со стороны ЕС проектов с лидирующим партнером-субъектом РФ – в программе «Коларктик 2007–2013»

Субъект РФ, лидирующий партнер-участник программы	Финансирование проектов со стороны ЕС	
	тыс. евро	%
Архангельская область	1327,244	18,5
Ненецкий автономный округ	1588,261	22,1
Мурманская область	4265,442	59,4
Итого	7180,947	100,0
Составлено по: [18].		

Рис. 3. Распределение одобренных проектов по приоритетам программы



Составлено по: Georis P., Delcours L., Levarlet F., Brignani N., Palloni P., Bonne M., Brophy P. (2018). Ex-post Evaluation of 2007-2013 ENPI CBC Programmes, Final Report. Brussels, 2018. Volume I: Main Report January 2018.

По этому направлению получили поддержку 7 проектов Архангельской области. И, несмотря на то что эти проекты не относятся к масштабным, были решены конкретные практические задачи, в том числе развития дорожной инфраструктуры посредством внедрения инновационных скандинавских технологий ROADEX. Реализация этих проектов позволила получить значимые эффекты от участия в международной экономической интеграции, привлекла в регион значительные инвестиции и ресурсы, с помощью которых удалось выработать и внедрить новые идеи, технологии, методы и практики. Вместе с тем, судя по результатам первого этапа программы, выявлена недостаточная степень активности региональных властей по инициированию и продвижению крупномасштабных инвестиционных проектов, по информированию и повышению компетенций

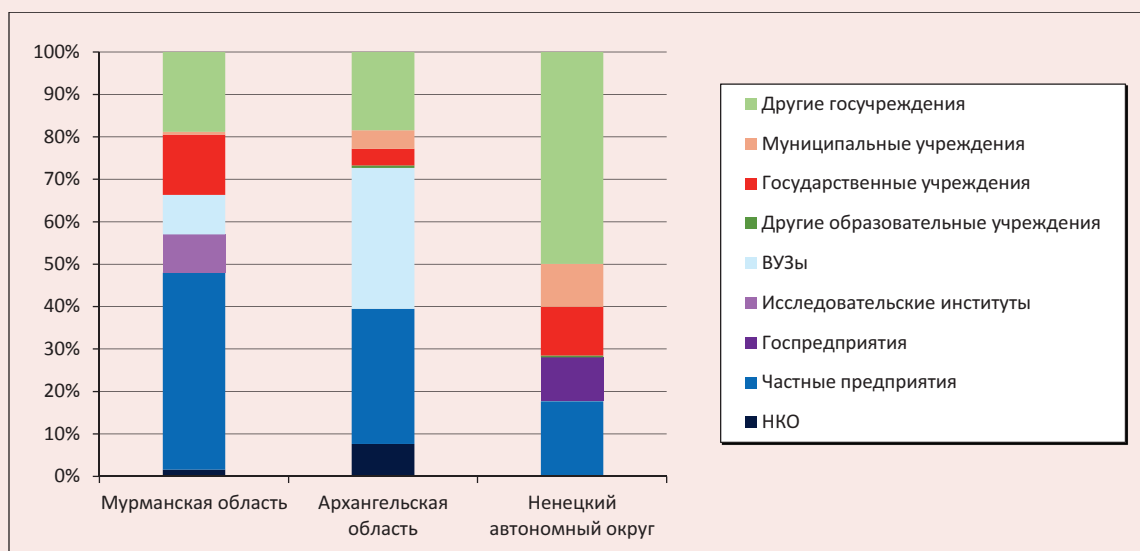
регионального бизнеса и профильных региональных структур в сфере использования различных инструментов сотрудничества.

Реализация второго этапа программы «Коларктик 2014–2020» уже продемонстрировала большую вовлеченность разных целевых групп и стейкхолдеров, включая частный бизнес (рис. 4). В Мурманской области доля частных предприятий в числе партнеров программы составила почти 50%.

При этом общая активность субъектов АЗРФ в числе 15 арктических территорий остается невысокой (табл. 3).

Сложность реализации инвестиционных программ европейской Арктики выявляется в ходе совместных консультаций институтов ЕС. Перечень основных проблем не отличается от того, что характерен для российской Арктики: доступ к информации по существующим

Рис. 4. Распределение общего бюджета программы «Коларктик 2014–2020» по типам организаций



Составлено по: Kolarctic CBC – Programme 2014-2020: Statistical data of the applications in the second call for proposals. 8.11.2017.

Таблица 3. Распределение общего бюджета программы «Коларктик 2014–2020» по регионам

Регион	Сумма выделенных средств программы, тыс. евро	Доля бюджета территории в общем бюджете программы, %
Мурманская область	5750	14,7
Архангельская область	2833	7,2
Ненецкий автономный округ	2109	5,4

Составлено по: Kolarctic CBC – Programme 2014-2020: Statistical data of the applications in the second call for proposals. 8.11.2017.

инвестиционным программам, проектам и предложениям, а также обширность, неоднородность и противоречивость предъявляемых требований. Для решения этих вопросов заинтересованные стороны в Дании и муниципалитеты малонаселенных северных территорий Финляндии, Швеции и Норвегии предложили создать единый портал для входа, который обеспечивает доступ ко всей необходимой информации в одном месте. Аналогом является ISAAFFIK – арктический портал Гренландии, созданный Королевством Дания, который предоставляет доступ к широкому спектру информации об Арктике. ISAAFFIK – независимый и публичный форум. Содержание сайта поддерживается рядом партнеров и участников, среди которых не только представители высшего образования и науки, но и государственные и хозяйственные структуры управления:

Министерство высшего образования и науки Дании, Геологическая служба Дании и Гренландии, Министерство образования, культуры, исследований и церкви Гренландии, Объединенное арктическое командование.

Чрезмерно бюрократический характер процесса участия в государственных инвестиционных программах, вариативность правил и требований к отчетности отражаются на увеличении административного бремени, что является реальной проблемой для небольших муниципалитетов с ограниченным персоналом, а также рассматривается как отрицательный фактор с позиций экономической эффективности. Заинтересованные стороны во всех странах европейской Арктики пришли к выводу о необходимости определения приемлемых затрат, разделения прямых и косвенных затрат, применения общего набора правил для

расчета затрат и интерпретации результата, а также унификации процедур отчетности и сокращения финансового контроля. Кроме того, средством преодоления проблем с финансированием является возможное увеличение поступлений в начале реализации проектов или создание начального фонда для покрытия расходов на этапе разработки проектов. В отношении проектов, планируемых к реализации в российской Арктике, возможность применения подобных инструментов даже не обсуждается.

Предложения и заключение

Программа «Коларктик» имеет ярко выраженную социальную направленность. Западные страны понимают, что дискомфортность проживания на Севере должна быть компенсирована. Достаточно активно используются косвенные методы в виде налогово-финансовых преференций и создания на их основе разного рода особых зон развития и маркетинговый инструментарий, включая брендинг арктической продукции. При этом в формах поддержки учитывается не национальная принадлежность производителя, а его локализация на северных территориях. Подобные методы больше всего пропагандируются в трех направлениях: инновационно-цифровое производство, производство продукции с местной спецификой и более экологически чистой, а также использование особых северных условий и ресурсов (технологии холодного климата и биоэнергетика).

Однако есть еще несколько мер, которые необходимо предпринять или улучшить для обеспечения того, чтобы предприятия, особенно стартапы, имели то, что им нужно для становления, роста и эксплуатации в Арктическом регионе:

- предоставление эффективных финансовых инструментов для поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП) на различных этапах их развития и для преодоления барьеров на пути к инновациям и росту [28];
- предоставление максимальной поддержки МСП, чтобы помочь им выйти на международные рынки и найти подходящие каналы сбыта и партнеров за рубежом;
- инвестиции в логистику и инфраструктуру для поддержки развития международного бизнеса [29];

- инвестирование в высококачественное местное образование, непрерывное обучение и в исследовательские проекты.

С точки зрения возможности внедрения зарубежных подходов в осуществление инвестиционной деятельности в российской Арктике особо следует отметить позитивный опыт аккумулирования лучших практик инвестирования, включая государственно-частное партнерство и муниципальный опыт поддержки малого и среднего предпринимательства (например, в Лапландии). Учитывая наличие разработанных инвестиционных паспортов российских регионов, можно рекомендовать создание банков лучших инвестиционных практик и в северных регионах России.

Осознание инерционности инвестиционных процессов в Арктике приводит к выводу о необходимости разработки стратегии повышения инвестиционной привлекательности северных территорий, в основе которой:

- разработка региональных программ, внедрение которых в практику выходит за рамки границ административных образований («зоны роста») [30];
- создание единого портала для входа по всем планируемым проектам АЗРФ;
- унификация требований к участию в инвестиционных программах и проектах;
- формирование ряда преимуществ для долгосрочного инвестирования частного капитала в развитие проблемных территорий: пониженные ставки налога на корпорации, отсутствие налога с продаж и фонда заработной платы, субсидирование затрат («зоны возможностей»);
- активное использование маркетингового инструментария, включая брендинг арктической продукции и территорий;
- продвижение готовых к реализации инфраструктурных проектов на основе трансграничного частного инвестиционного сотрудничества;
- концентрация государственных инвестиций на строительстве инфраструктуры двойного назначения;
- формирование новых механизмов государственно-частного и многонационального партнерства с учетом арктических особенностей реализации моделей финансирования инфраструктуры.

В целях обеспечения согласованности в территориальном и временном аспектах реализации приоритетных инвестиционных проектов на основе инвестиционных стратегий субъектов РФ с арктическими территориями представляется целесообразным разработать единую инвестиционную стратегию макрорегиона – АЗРФ.

Литература

1. Степанова В.В. Вызовы инновационного развития Северного макрорегиона России // Финансово-экономическое и информационное обеспечение инновационного развития региона: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, 2018 г. С. 92-95. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32616897_76958596.pdf (дата обращения 21.01.2019).
2. Сологуб А.П. Роль проектной деятельности в общественно-политическом конструировании региона Балтийского моря: дис. ... канд. полит. наук. СПб, 2016. 209 с.
3. Макаров В.А. Трансграничное сотрудничество в Баренцевом Евро-Арктическом регионе: дис. ... канд. полит. наук. М, 2000. 159 с.
4. Яровой Г.О. Трансграничная региональная интеграция в Европе. Проблемы и перспективы развития «внешних» еврорегионов на примере еврорегиона «Карелия»: дис. ... канд. полит. наук. СПб, 2006. 201 с.
5. Эскер Х., Клейст М., Хорни Х. Королевство Дания – сотрудничество в интересах устойчивого экономического развития // The Arctic Herald. 2018. №1(24). С. 16-21. URL: https://issuu.com/arctic-herald/docs/ah_01_2018_web2/22
6. Heather N. Rescaling borders of investment: the Arctic Council and the economic development policies. *Journal of Borderlands Studies*, vol. 33, no. 2, pp. 225-238. Available at: <https://doi.org/10.1080/08865655.2017.1402192>
7. Тутунов Б.М. Международное инвестиционное сотрудничество РФ // Новый юридический вестник. 2018. №2. С. 3-4. URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/84/3133/>
8. Винницкий Д.В. Правовой режим трансграничных инвестиций в государствах Прикаспийского региона // Российское право: образование, практика, наука. 2017. №5 (101). С. 70-78. https://elibrary.ru/download/elibrary_32518254_63352029.pdf
9. Петухова Л.Н. Формирование трансграничных экономических районов (Россия - Северная Европа): дис. ... канд. геогр. наук. СПб, 2006. 196 с.
10. Дружинин П.В. Особенности развития приграничных регионов // Регионология. 2017. Т. 25. № 2 (99). С. 200-216. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29389283_78812539.pdf
11. Пилясов А.Н., Котов А.В. Некоторые аспекты международного экономического сотрудничества в Арктике // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2016. Вып. 2. С. 81-96. URL: <http://vestnik.spbu.ru/html16/s06/s06v2/08.pdf>
12. Методический инструментарий оценки инвестиционной привлекательности возобновляемых ресурсов северных и арктических территорий / А.И. Татаркин, В.В. Балашенко, В.Г. Логинов, З.С. Игнатьева // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 3. С. 627–637.
13. Елизаветин М.Е. Инвестиционное сотрудничество России со странами Запада на современном этапе: дис. ... канд. экон. наук. М, 2003. 152 с.
14. Кравцова И.В. Приграничное сотрудничество как фактор развития предпринимательства в трансграничном регионе (на примере Приморского края): дис. ... канд. экон. наук. Владивосток, 2008. 189 с.
15. Ходачек А.М. Трансграничная экономика в условиях новой индустриализации России: координация стратегий Северо-Запада России и региона Балтийского моря // Новая индустриализация России. Теоретические и управленческие аспекты: колл. моногр. СПб. : НПК «РОСТ», 2014. С. 112-120.
16. Осадчая О.П., Ремизов Д.В. Основные формы организации приграничного сотрудничества. Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт, 2013. 155 с. http://www.rubinst.ru/files/static/vuz/doc/nauka/Osadchaja_Remezov_monograf.pdf
17. Медведев Д.А. Международное экономическое сотрудничество в Арктике. Арктический экономический совет / под ред. В.П. Журавеля. М.: АНО ЦСОиП, 2015. 92 с. (Проблемы безопасности в Арктике, 3). URL: <http://csef.ru/media/articles/6381/596d498587c5a7a046270b1181136097.pdf> (дата обращения 11.10.2018).

18. Georis P., Delcours L., Levarlet F., Brignani N., Palloni P., Bonne M., Brophy P. *Ex-Post Evaluation of 2007-2013 ENPI CBC Programmes*. Brussels, 2018.
19. Carney G. *Guggenheim Partners Endorses World Economic Forum's Arctic Investment Protocol*. Available at: <https://www.guggenheimpartners.com/firm/news/guggenheim-partners-endorses-world-economic-forum> (дата обращения 28.07.2018).
20. Miner S. *Sustainable Development: the Future of Investing*. Available at: <https://www.guggenheiminvestments.com/institutional/perspectives/global-cio-outlook/sustainable-development-the-future-of-investing> (дата обращения 10.10.2018).
21. Greunz L., Ward T. *Summary report of the Arctic Stakeholder Forum consultation to identify key investment priorities in the Arctic and ways to better streamline future EU funding programmes for the region*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. Available at: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/6a1be3f7-f1ca-11e7-9749-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-60752173> (дата обращения 11.10.2018).
22. Novoselov A., Potravny I., Novoselova I., Gassiy V. Selection of priority investment projects for the development of the Russian Arctic. *POLAR SCIENCE*, 2017, vol. 14, pp. 68-77.
23. Кондратьева Н.Б. Россия – ЕС: трансграничное сотрудничество вне конъюнктуры // Современная Европа. 2014. № 4 (60). С. 33-47. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22026024_67165658.pdf
24. Schulze V. *Arctic Strategies Round-up 2017*. Available at: http://www.arctic-office.de/fileadmin/user_upload/www.arctic-office.de/PDF_uploads/Arctic_Strategies_EN_10.11.17.pdf (дата обращения 01.10.2018).
25. Kapyla J., Mikkola H. The promise of the geoeconomic Arctic: a critical analysis. *ASIA EUROPE JOURNAL*, 2016, vol. 14, no. 2, pp. 203-220.
26. Myllylä M., Cicero V. *Fiftyone: Information about 51 Kolarctic ENPI CBC Projects*. Lulea, 2015. 54 p.
27. Ходько Т.С. Международный вектор развития Арктики // The Arctic Herald. 2017. №1(20). С. 48-51. URL: https://issuu.com/arctic-herald/docs/ah_01-2017_web/52
28. Longi H., Niemelä S., Tervonen P. Arctic innovation hubs: opportunities for regional co-operation and collaboration in Oulu, Luleå, and Tromsø. *The Northern Review*, 2017, no. 45, pp. 77–92. Available at: <https://doi.org/10.22584/nr45.2017.005>
29. Gunnarsson B. *Three Steps in Addressing Logistical Challenges in the Arctic*. Available at: http://www.chnl.no/publish_files/CHNL_Seminar6_1_Three_Steps_in_Addressing_Logistical_Challenges_in_the_Arctic.pdf (дата обращения 08.08.2018).
30. Гао Тяньмин. Сотрудничество России и Китая в Арктике в формате опорных зон // Вестник университета / Гос. ун-т управления. М., 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-rossii-i-kitaya-v-arktike-v-formate-opornyh-zon>

Сведения об авторах

Елена Владимировна Кудряшова – доктор философских наук, профессор, ректор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: e.kudryashova@narfu.ru)

Любовь Альбертовна Зарубина – начальник управления – заместитель проректора по международному сотрудничеству, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: lazarubina@yandex.ru)

Ирина Анатольевна Сивоброва – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: i.sivobrova@yandex.ru)

Kudryashova E.V., Zarubina L.A., Sivobrova I.A.

Cross-Border Investment Cooperation in the Arctic Region: Challenges and Opportunities

Abstract. The article considers the investment processes that take place in the foreign and Russian Arctic, the tools to attract investment and the possibility of accumulating best practices in the implementation of investment projects. Analysis of the data on planned, unfinished and cancelled projects in the Russian and foreign Arctic, including joint projects, allows us to reveal problems in cross-border investment cooperation. In the framework of global economic challenges, when discussing the opportunities for the Northern regions alternative to large-scale production and transportation, we determine the need to find new promising areas of investment, including infrastructure projects. On the basis of official, statistical and expert assessments, we analyze the priorities and directions of investment activities in the Arctic and the main tools to increase investment attractiveness and promote investment. We consider European Neighbourhood and Partnership Instrument (ENPI) Kolarctic 2007–2013 as an analytical case, since it is one of the most effective tools for providing financial support to multilateral cross-border cooperation projects in the Barents Euro-Arctic Region. The project field of the program is quite extensive and contains a variety of topics; this contributed to the promotion of cross-border cooperation in various fields, involvement of different target groups and stakeholders, and development of project cooperation between different sectors in the Barents Euro-Arctic Region. We find it necessary to consider foreign practice of the comprehensive use of both direct and indirect methods for attracting investments; on its basis it can be possible to create the banks of best investment practices in Russia's Northern regions. Having revealed the inertia of investment processes in the Arctic, we conclude that it is necessary to develop a strategy to increase the investment attractiveness of the Northern territories.

Key words: Arctic Region, cross-border investment cooperation, large-scale infrastructure projects, Kolarctic cooperation program, best investment practices, investment attractiveness strategy.

Information about the Authors

Elena V. Kudryashova – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Rector, Northern (Arctic) Federal University (17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: e.kudryashova@narfu.ru)

Lyubov' A. Zarubina – Head of department, Deputy Vice Rector for International Cooperation, Northern (Arctic) Federal University (17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: lazarubina@yandex.ru)

Irina A. Sivobrova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor at department, Northern (Arctic) Federal University (17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: i.sivobrova@yandex.ru)

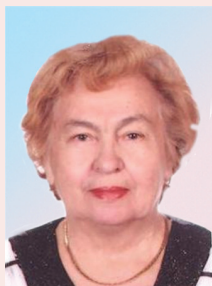
Статья поступила 15.10.2018.

DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.3

УДК 331.101.26 (571.6), ББК 60.7

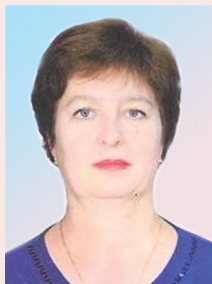
© Мотрич Е.Л., Молодковец Л.А.

О формировании населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке России*



**Екатерина Леонидовна
МОТРИЧ**

Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, д. 153
E-mail: motrich@ecrin.ru



**Людмила Александровна
МОЛОДКОВЕЦ**

Управление Федеральной службы государственной статистики
по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной
области и Чукотскому автономному округу
Хабаровск, Российская Федерация, 680000, ул. Фрунзе, д. 69
E-mail: naselenie@habstat.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам демографической ситуации на Дальнем Востоке России. В ней рассматривается формирование населенческого и трудового потенциала; показана динамика численности населения на Дальнем Востоке по данным Всесоюзной (1989 г.) и Всероссийских переписей населения (2002 и 2010 гг.) и текущего учета населения на 01.01.2018 г.; выявлена тенденция долговременного сокращения числа жителей в макрорегионе; обосновывается необходимость реализации задачи закрепления населения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью определения рисков при складывающихся параметрах естественного

* В статье территория Дальнего Востока рассматривается в административных границах на начало 2018 г. Работа выполнена в рамках Комплексной программы фундаментальных научных исследований ДВО РАН «Дальний Восток», проект № 18-5-045 «Безопасность и устойчивое развитие Дальнего Востока: трансформация системы пространственного распределения экономических ресурсов в условиях социально-демографических вызовов».

Для цитирования: Мотрич Е.Л., Молодковец Л.А. О формировании населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 53-69. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.3

For citation: Motrich E.L., Molodkovets L.A. Shaping the population and labor resources in the Russian Far East. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 53-69. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.3

и миграционного компонентов, участвующих в демографических показателях Дальневосточного региона, в выполнении стратегии по достижению численности населения в соответствии с принятой в 2017 г. Концепцией демографической политики на Дальнем Востоке¹. Рассматриваются факторы, способствующие снижению естественного прироста населения. Отмечается отрицательная роль миграции в динамике численности населения в макрорегионе. Анализ трансформации структуры населения по возрасту позволил выявить ситуацию с сокращением трудового потенциала, что влечет за собой необходимость привлечения рабочей силы с использованием межрегиональной и внешней миграции. Освещены вопросы, связанные с введением новых параметров пенсионного возраста. В статье анализируется динамика продолжительности жизни дальневосточников и показано ее отставание от среднероссийского показателя. В заключении статьи даны предложения, которые могут способствовать привлечению населения на Дальний Восток и его закреплению.

Ключевые слова: население, естественное движение, миграция, возрастная структура, продолжительность жизни, пенсионный возраст, макрорегион, регион, Россия, Дальний Восток, концепция.

Введение

Развитие Дальневосточного макрорегиона является важнейшей долгосрочной задачей в рамках государственной политики России. Можно выделить как минимум две веские причины данной политики: с одной стороны, текущие характеристики трудового и населенческого потенциала² существенно ограничивают социально-экономическое развитие Дальнего Востока, с другой — генерируют долгосрочные риски для национальной безопасности страны [1]. В общем массиве работ, касающихся социально-экономических и демографических показателей развития Дальневосточного макрорегиона, отмечается устойчивое сокращение в нем численности населения [1; 2, с. 28-37; 3, с. 154-161]. В статье рассматриваются демографические и миграционные процессы в регионе и проанализировано их соответствие целевым показателям, которые зафиксированы в программных документах по развитию Дальневосточного макрорегиона.

В соответствии с принятой Концепцией демографической политики Дальнего Востока³, планируется увеличение численности населения к 2025 г. до 6,5 млн. чел. Предполагается достижение плановых показателей за счет

естественного прироста населения, увеличения ожидаемой продолжительности жизни и привлечения в регион на постоянное место жительства граждан из других регионов страны, соотечественников, проживающих за рубежом, и их закрепления на территории Дальнего Востока.

Исследователи в области демографии по-разному оценивали возможности устойчивого наращивания демографического потенциала в стране в целом и ее регионах. Однако всегда в качестве базовых процессов изучалось циклическое поведение демографических показателей в зависимости от устойчивости характера социально-экономического развития территории [4, 352 с.; 5, с. 10-17; 6, 214 с.; 7, 76 с.; 8, с. 57-71; 9, с. 3-18; 10, 61 с.; 11, 201 с.; 12, 351 с.; 13, с. 67-72; 14, с. 23-32].

Для России, так же как и для большинства стран мира, существуют объективные долгосрочные процессы демографического развития социально-экономических подсистем. Россия — страна с явными трендами демографического и миграционного развития, особенно в пространственном измерении. Дальний Восток характеризуется долгосрочной тенденцией сокращения численности населения. С этой точки зрения, по причине реализации различного рода программных документов, не достаточно ясно, возможно ли директивными методами повлиять на различные аспекты развития населенческого потенциала макрорегиона. Поэтому **целью** исследования является определение возможных ограничений достижения параметров Концепции, заключаю-

¹ В дальнейшем по тексту — Концепция.

² В настоящем исследовании под населенческим потенциалом понимается численность населения.

³ Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г. № 1298-п. URL: <http://government.ru/docs/28228/>

щихся в увеличении численности населения. **Задачами** исследования выступают: 1) анализ демографической ситуации на Дальнем Востоке России; 2) изучение динамики возрастной структуры населения макрорегиона и выявление ее влияния на параметры регионального рынка труда.

По сравнению с имеющимися исследованиями в настоящей работе определяются возможности и ограничения воздействия мер современной государственной политики на развитие населенческого потенциала регионов Дальнего Востока. Это определяет **научную новизну** исследования. Настоящая работа выполнена авторами на основе постулатов российской научной школы народонаселения, основоположником которой является Д.И. Валентей. Принципы, заложенные в данной школе, нашли свое отражение в ходе анализа формирования численности населения и трудовых ресурсов Дальнего Востока.

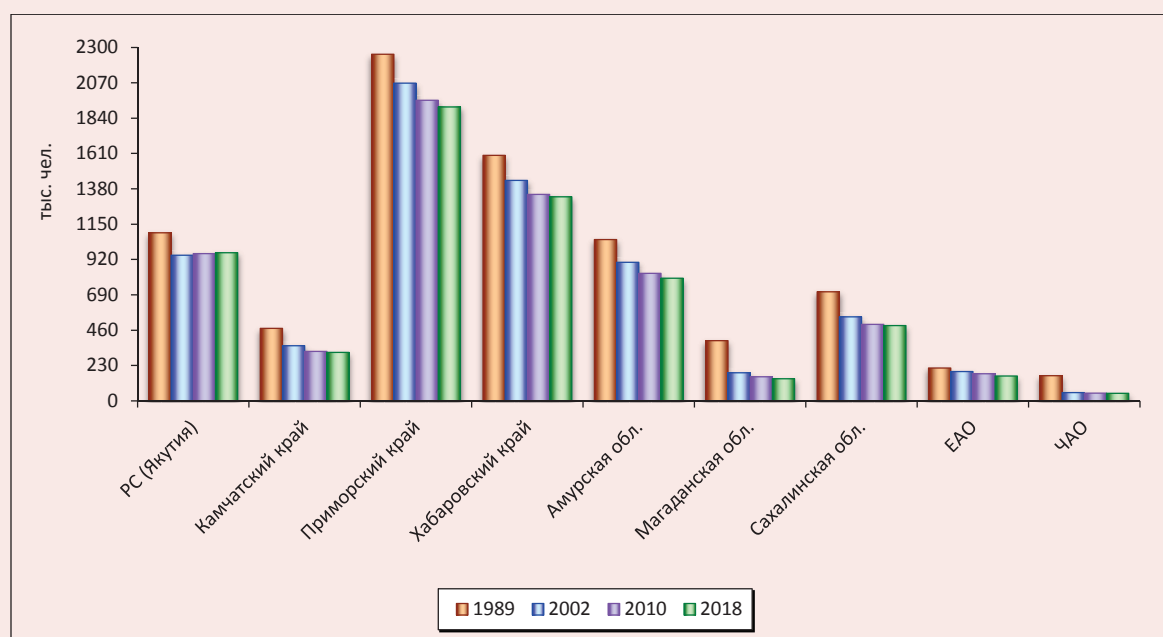
Миграционное и демографическое развитие Дальневосточного макрорегиона: современные тенденции

Несмотря на то что о первостепенной важности развития Дальнего Востока не перестают говорить, он продолжает терять свое население (рис. 1).

На 01.01.2018 г. на Дальнем Востоке проживало 6 165284 человек⁴. За период 1991 – 2017 гг. регион потерял 1898,3 тыс. чел. – 23,5%, в том числе за 2017 г. – 17,4 тыс. чел., или почти 0,3%.

Сможет ли Дальний Восток достичь предполагаемой численности населения в соответствии с принятой Концепцией его демографической политики, в которой заложена как стратегическая цель социально-экономического развития региона стабилизация численности населения на уровне 6,2–6,3 млн. чел. к 2020 г. и ее увеличение до 6,5 млн. чел. к 2025 году. Достичь численности населения, предусмотренной Концепцией, предполагается за

Рис. 1. Численность населения в дальневосточных регионах



Примечание. 1989, 2002 и 2010 гг. – по данным переписей, 2018 г. – на начало года, тыс. чел.

Источники: составлено авторами на основе данных Госкомстата РСФСР и России.

⁴ Оценка численности постоянного населения на 1 января 2018 года и в среднем за 2017 год / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/PrPopul2018.xlsx/

Таблица 1. Показатели демографического развития Дальневосточного макрорегиона

Макрорегион, регион	Численность населения, тыс. чел (на 1 января)			Коэффициенты естественного прироста населения (на 1000 чел. населения)	
	2017	2018	2018 г. в % к 2017 г.	2016	2017
Дальний Восток	6182,7	6165,3	99,7	0,8	0,05
РС (Якутия)	962,8	964,3	100,2	7,6	6,4
Камчатский край	314,7	315,6	100,3	1,4	0,9
Приморский край	1923,1	1913,0	99,5	-1,4	-2,4
Хабаровский край	1333,3	1328,3	99,6	0,3	-1,0
Амурская обл.	801,8	798,4	99,6	-0,8	-1,6
Магаданская обл.	145,6	144,1	99,0	-0,2	-0,5
Сахалинская обл.	487,4	490,2	100,6	1,1	1,0
ЕАО	164,2	162,0	98,7	-1,8	-1,6
ЧАО	49,8	49,4	99,2	3,6	3,7

Источники: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm; Естественное движение населения Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_106/Main/htm/

счет естественного прироста (повышения рождаемости, снижения смертности), увеличения ожидаемой продолжительности жизни до 76 лет и миграции – привлечения в регион на постоянное место жительства граждан из других регионов страны, соотечественников, проживающих за рубежом, и их закрепления на территории Дальнего Востока.

С сожалением приходится признать, что практически ни один из названных аспектов для прироста населения в регионе в настоящее время пока не срабатывает. В предусмотренных в Концепции расчетах содержатся определенные риски. С 2017 г. естественный прирост населения на Дальнем Востоке практически стал нулевым (табл. 1). Кроме того, регион не смог подойти и к нулевому сальдо миграции к 2018 году из-за продолжающегося миграционного оттока [15, с. 37–42].

Приведенные данные свидетельствуют, что естественное движение в субъектах Дальнего Востока после непродолжительного роста, связанного с вступлением более многочисленного поколения в репродуктивный возраст и введением материнского капитала, вновь демонстрирует свое отрицательное влияние на динамику численности населения. Правда, его положительное значение сохраняется в Республике Саха (Якутия), Камчатском крае и в Сахалинской области, но его размеры были ниже, чем в 2016 г. Только в ЧАО (Чукотский автономный округ) положительное значение естественного прироста увеличилось, но его роль была нивелирована миграцией, поскольку числен-

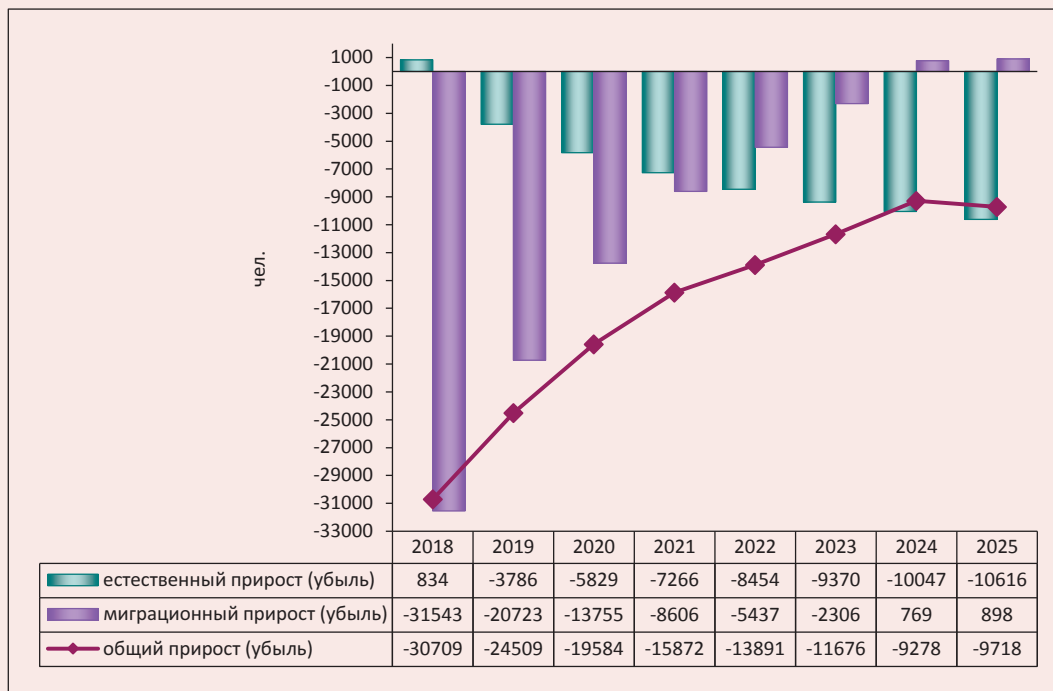
ность населения в нем на начало 2018 г. оказалась меньше, чем на 01.01.2017 г. Заметим, что имеющиеся демографические прогнозы до 2030 года⁵ и исследования демографов [16, с. 192–193] показывают уменьшение численности женщин репродуктивного возраста. Исходя из этого видимый рост рождаемости маловероятен даже при реализации политики, направленной на повышение детности в семье [17, с. 26; 18, с. 105; 19], а следовательно, может негативно отразиться на общей численности населения Дальнего Востока.

Интенсификация продолжающегося оттока населения из Дальневосточного макрорегиона является главным фактором сокращения его численности. В 2017 г. все девять субъектов региона продемонстрировали отрицательное миграционное сальдо, которое составило 17,4 тыс. человек⁶. Его уменьшение и появление положительного значения намечается с 2024 г. Но тем не менее, в условиях роста отрицательного значения показателя естественного движения населения, рассчитывать на увеличение численности жителей в регионе не приходится, что, безусловно, идет вразрез с принятой Концепцией демографической политики Дальнего Востока (рис. 2).

⁵ Демографический прогноз до 2030 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/rustatistics/population/demography/

⁶ Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2017 г. [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm/

Рис. 2. Прогнозные значения численности населения Дальневосточного макрорегиона по компонентам



Источники: средний вариант прогноза естественного, миграционного и общего прироста численности населения по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

Миграционные потери Дальнего Востока складываются в основном за счет межрегиональных миграционных потоков, которые демонстрируют неутешительный факт: в межрегиональных потоках превышают общие потери населения от миграции в целом [20]. Следует заметить, что в общем массиве исследований миграционных процессов в странах мира преобладают межстрановые исследования [21; 22; 23], а внутри – межрегиональные миграции изучаются преимущественно для протяженных в пространстве развивающихся стран [24; 25; 26; 27].

Для России, в том числе и для Дальнего Востока, как территорий, протяженных в географическом пространстве, наиболее значимы исследования межрегиональной миграции, которая, в свою очередь, определяется структурными и институциональными особенностями функционирования российской экономики [28]. Но приходится признать, что

проблемы миграционного оттока дальневосточников в центральные регионы страны на протяжении многих лет не находили должного внимания в управленческих структурах [14, с. 23–32]. Вполне вероятно, это можно объяснить тем, что долгие годы численность населения в восточных регионах России стабильно увеличивалась именно благодаря миграции. Нельзя не согласиться с тем, что «причины миграции населения – это не что иное, как реакция индивида (его потребностей, установок, ценностных ориентаций) на те факторы, которые взаимодействуют с данным явлением» [29, с. 51–61]. В межрегиональной миграции среди центров притяжения дальневосточников выделяются Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край. Миграционные взаимоотношения с ними имеют даже тенденцию увеличения. В отрицательном миграционном потоке за 2016–2017 гг. они вобрали в себя

Таблица 2. Рейтинг регионов Дальнего Востока по данным о распределении численности работников по размерам зарплаты за апрель 2017 г.

Макрорегион, регион	Доля работающих с з/п выше 100 тыс. руб. / мес., %	Доля работающих с з/п до 9 тыс. руб. / мес., %	Медианное значение заработной платы, рублей	Соотношение медианной зарплаты к прожиточному минимуму трудоспособного населения
РС (Якутия)	11,6	0,6	46028	2,6
Камчатский край	12,0	1,4	50464	2,5
Приморский край	4,0	1,3	32720	2,5
Хабаровский край	5,0	0,8	35470	2,6
Амурская обл.	4,1	3,8	31640	2,6
Магаданская обл.	16,2	0,1	53729	2,8
Сахалинская обл.	13,4	-	48792	3,4
ЕАО	1,9	2,3	28711	2,1
ЧАО	23,0	0,3	65696	3,1
<i>Справочно:</i> Москва	18,6	0,7	55434	3,0
Санкт-Петербург	8,5	0,8	43136	3,6

Источник: Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/11c4980041c1bcbf9ee9fe27f9898572 (tab10, tab32).

более 60% мигрантов-дальневосточников [15, с. 37–42]. И это не случайно. Регионы Дальнего Востока существенно отстают по показателю среднедушевого реального дохода от многих субъектов европейской части России, которые, в свою очередь, являются центрами притяжения для дальневосточников. Это – результат видимой дивергенции между доходами населения и общеэкономическими показателями, что объясняется особенностью распределения доходов. Рост реальных среднедушевых доходов в макрорегионе неустойчив по причине особенностей функционирования экономики Дальнего Востока в рамках отечественного экономического пространства и транспортной удаленности от западных регионов [30, с. 799–813]. Возьмем один из значимых факторов для населения – реальную среднемесячную начисленную заработную плату, которая в 2017 г. составила в Центральном ФО – 103,9% к предыдущему году, Северо-Западном ФО – 103,7% и 102,9% в Дальневосточном⁷ ФО [31, с. 30–32] (табл. 2).

Приведенные в табл. 2 показатели совершенно не случайно подводят к пониманию, что в Дальневосточном макрорегионе была и всегда

⁷ Социально-экономическое положение федеральных округов в 2017 г. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_20/Main.html

будет определенная часть населения, мотивация поведения которой будет ориентирована на переезд в Центр, где жизнь комфортнее по многим параметрам. Лидеры притяжения населения и трудовых ресурсов – Москва, Санкт-Петербург и Московская область. Эта тройка возглавляет рейтинг уже в течение многих лет, имея высокие рейтинговые баллы, пока недотягиваемые для других регионов. Скорее всего, в ближайшие годы эта ситуация не изменится. Развитость инфраструктуры, высокий уровень развития экономики, социальной сферы, высокий потенциал дальнейшего развития позволяют этим регионам надолго закрепиться в топе рейтинга [32, с. 26–30]. Неоднократно подчеркивалось, что существующую ситуацию в межрегиональном обмене Дальнего Востока с другими регионами России в условиях социально-экономической дифференциации изменить весьма проблематично: качество жизни здесь сравнительно ниже, а современные льготы уже не являются действенным инструментом для закрепления населения [33, с. 10–12].

Трудно согласиться с тем, что 50%, то есть каждый второй из числа респондентов, участвовавших в опросе ВЦИОМ в 2018 г., готовы переехать на Дальний Восток, если им будут предоставлены одноразовые выплаты в сумме до 1 млн. рублей. На проходившей на Сахалине 27–28 марта 2018 г. конференции «Демографи-

ческое развитие Дальнего Востока» были озвучены оптимистические данные по результатам опроса того же ВЦИОМ: если такая мера будет предложена, то о переезде на Дальний Восток задумается каждый пятый — 19% из числа опрошенных⁸. Да, в целом, казалось бы, позитивные данные для региона. Но представляется, что ни тот ни другой показатель не реален для Дальнего Востока. Общее число жителей Дальневосточного федерального округа, думающих о смене места жительства, остается высоким — 38%⁹.

Положительное миграционное взаимодействие со странами СНГ уменьшилось. Это наглядно иллюстрируется данными даже за последние два года: в 2016 г. доля выбывших в страны СНГ составляла 62,4% от числа прибывших, в 2017 г. этот показатель поднялся до 69,6%. Такая ситуация развивается вопреки прежнему предположению, что миграция из стран СНГ может играть позитивную роль в динамике населения Дальнего Востока. Первоначально большие ожидания связывались с русскоязычным населением бывших республик СССР. Теперь следует признать, что этот резерв практически исчерпан, а те, кто еще намерен принять решение сменить место жительства в пользу Российской Федерации, вряд ли останутся на выборе Дальнего Востока.

Страны дальнего зарубежья вовсе сократили свое присутствие на Дальнем Востоке: положительное миграционное сальдо в 2015 г. составило всего 15,6% от уровня 2011 г. (2860 чел. в 2011 г. и 445 чел. в 2015 г.), а в 2016 и в 2017 гг. эти страны дали отрицательное миграционное сальдо¹⁰.

⁸ Опросительный знак // Молодой дальневосточник. 2018. 4–11 апреля.

⁹ Корниенко Е. И снова крайние. Почему почти 40% жителей Дальнего Востока хотят покинуть регион [Электронный ресурс] // Известия. 2018. 10 апреля. URL: <https://iz.ru/729123/ekaterina-korinenko/i-snova-krainie/>

¹⁰ Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2017 г. [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm/; Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2016 г. [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm/

Пожалуй, здесь можно согласиться с тем, что в мотивации миграционного поведения определенную роль играет уровень продолжительности жизни населения на Дальнем Востоке. По данным Центра исследований региональной экономики, Дальний Восток России занимает худшие позиции в рейтинге продолжительности жизни. На 44-й позиции находится только РС Якутия, на 64 месте — Приморье, на 72-м — Хабаровский край. Остальные субъекты занимают самые низкие строчки рейтинга: 73 строчку — Колыма, 75-ю — Сахалин, 76-ю — Камчатка. На 78 месте — Амурская область, на 80-м — ЕАО, на 81-м — Чукотка (ЧАО). Меньше, чем в ЧАО, живут только в Туве. Таким образом, можно образно сказать, что Дальний Восток рухнул в рейтинге по продолжительности жизни [34].

Заметим, что ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России за 2017 год, по данным Росстата, составила 72,7 года, в том числе у мужчин — 67,5 года, у женщин — 77,6 года.

А как обстоят дела с показателем продолжительности жизни на Дальнем Востоке России? (табл. 3).

По последним прогнозным оценкам Федеральной службы государственной статистики (средний вариант прогноза), ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России составит в 2018 г. 72,9 года, а на Дальнем Востоке — 70,4 года (см. табл. 4) — отставание от российского показателя продолжится и составит 2,5 года.

3 октября 2018 г. был подписан Закон РФ № 350-ФЗ о повышении пенсионного возраста в России. Основным из предлагаемых законом изменений является увеличение возраста выхода на пенсию для россиян на 5 лет — то есть с 60 до 65 лет для мужчин и с 55 до 60 лет для женщин. Переход к новым значениям предлагается осуществлять постепенно, начав его уже с 1 января 2019 года¹¹. В соответствии с принятым законом предусмотрен «пошаговый переход» выхода на пенсию — до 2028 г.

¹¹ О повышении пенсионного возраста в России: Закон № 350-ФЗ. URL: <https://pensija.molodaja-semja.ru/reforma/zakon-o-pensionnom-vozraste-2018>.

Таблица 3. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2017 году, лет

Макрорегион, регион	Все население			Городское население			Сельское население		
	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины
Дальний Восток.	70,09	64,80	75,53	70,64	65,21	76,02	68,34	63,53	73,84
РС (Якутия)	71,68	66,39	77,07	72,27	66,98	77,39	70,42	65,04	76,37
Камчатский край.	70,06	65,21	75,25	70,83	65,71	76,00	67,21	62,77	71,93
Приморский край	70,36	65,34	75,50	71,01	65,82	76,13	68,22	63,81	73,29
Хабаровский край	69,74	64,23	75,30	70,02	64,39	75,54	68,31	63,41	73,82
Амурская обл.	69,06	63,66	74,61	69,64	63,91	75,20	67,80	63,06	73,28
Магаданская обл.	69,37	63,41	75,49	69,74	63,70	75,82	61,76	55,73	68,36
Сахалинская обл.	70,19	64,59	76,09	70,57	64,79	76,38	68,30	63,01	74,57
ЕАО	68,83	63,35	74,35	69,69	63,89	75,32	66,93	62,11	72,07
ЧАО	66,10	60,33	71,66	69,11	66,34	76,01	55,65	49,58	61,63

Источник: Главный межрегиональный центр обработки и распространения информации Федеральной службы государственной статистики (таблица ЗТСЕ).

Таблица 4. Ожидаемая продолжительность жизни населения Дальнего Востока (средний вариант прогноза), лет

Макрорегион, регион	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2025 г.
Дальний Восток	70,39	70,85	71,29	73,41
РС (Якутия)	71,69	72,07	72,46	74,32
Камчатский край	70,12	70,56	71,00	73,11
Приморский край	70,91	71,36	71,79	73,88
Хабаровский край	70,35	70,81	71,27	73,45
Амурская область	69,16	69,62	70,08	72,27
Магаданская область	69,88	70,35	70,81	73,03
Сахалинская область	70,02	70,49	70,96	73,18
ЕАО	67,47	67,99	68,49	70,91
ЧАО	66,28	66,87	67,45	70,19

Источник: Ожидаемая продолжительность жизни по субъектам Российской Федерации (средний вариант прогноза). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

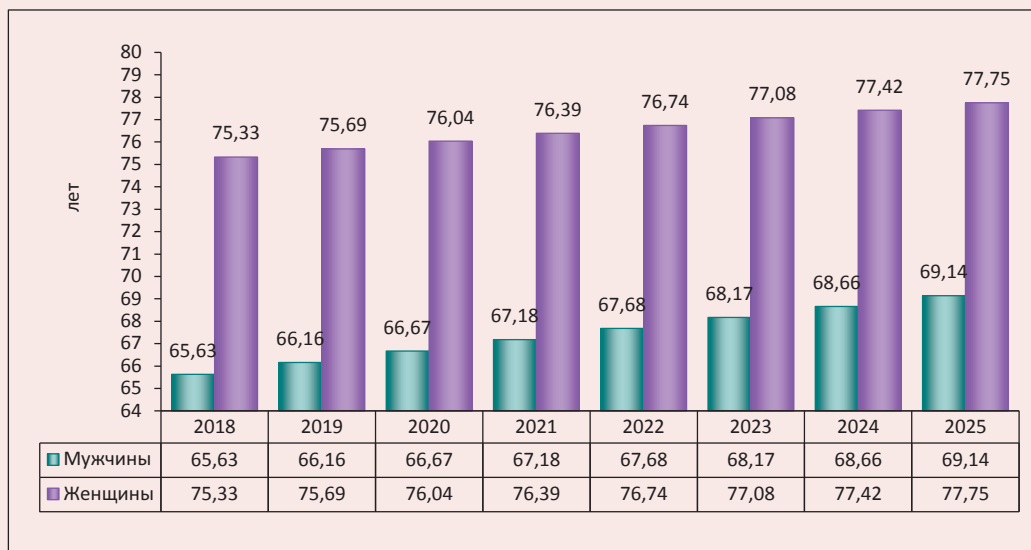
Учитывая разницу по продолжительности жизни среднероссийских и дальневосточных показателей, отметим, что введение нового порядка выхода на пенсию может стимулировать отток населения за пределы Дальнего Востока (где жить комфортнее и продолжительность жизни выше). По расчетам ожидаемой продолжительности жизни населения на Дальнем Востоке можно представить и сравнить, сколько лет отпущено дальневосточнику после трудовой жизни, если учитывать разницу в ее продолжительности с российскими показателями (табл. 4).

Данные, приведенные в табл. 3 и 4, вызывают некоторые сомнения в достижении предпо-

лагаемой средней продолжительности жизни населения на Дальнем Востоке до 73,41 лет к 2025 г. Более того, следует учесть, что в данном случае (см. табл. 3) показана средняя продолжительность жизни для всего населения, а этот показатель у мужчин ниже (рис. 3).

Средняя продолжительность жизни является зеркалом уровня и качества жизни. А между тем, как подчеркивают исследователи, уровень жизни россиян снижается который год подряд [32, с. 26–30; 35, с. 127–142] (табл. 5). Не случайно, что дальневосточные субъекты занимают не лучшие позиции в рейтинге регионов России по качеству жизни.

Рис. 3. Прогнозные значения ожидаемой продолжительности жизни дальневосточников по полу, лет



Источник: Ожидаемая продолжительность жизни по субъектам Российской Федерации (средний вариант прогноза). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

Таблица 5. Субъекты Дальневосточного федерального округа в рейтинге регионов по качеству жизни

Регион	Позиция в рейтинге в 2016 г.	Позиция в рейтинге в 2017 г.
Хабаровский край	36	30
Камчатский край	32	35
Амурская обл.	47	41
Магаданская обл.	39	44
Приморский край	51	48
Сахалинская обл.	53	53
РС (Якутия)	71	71
ЧАО	77	78
ЕАО	81	80

Источник: Зубрицкий А. Статистика не дает корректного представления о масштабах оттока // Дальневосточный капитал. 2018. № 6 (214). С. 26–30.

Динамика возрастной структуры населения Дальнего Востока и ее влияние на обеспечение регионального рынка труда рабочей силой.

Естественная убыль на протяжении многих лет в совокупности с миграционным оттоком способствовали трансформации возрастной структуры населения в Дальневосточном макрорегионе — сокращению трудоспособного населения и увеличению числа лиц пожилого возраста (табл. 6).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что к 2018 г. в сравнении с 2010 г. произошли следующие изменения в возрастной

структуре населения: увеличилась на 2,4 п.п. доля лиц моложе трудоспособного возраста и на 3,3 п.п. — населения старше трудоспособного возраста, сократилась доля населения в трудоспособном возрасте на 5,7 п.п. Данные трансформации в возрастной структуре сопоставимы с общенациональными [36, с. 215-223]. По расчетам, сделанным на основе существующих тенденций в демографическом развитии, соотношение возрастных групп в 2025 г. может быть следующим: моложе трудоспособного возраста — 17,2%, в трудоспособном возрасте — 57,3%, старше трудоспособного — 25,5% [3, с. 157].

Таблица 6. Распределение дальневосточного населения по возрасту (на начало года), в %

Макрорегион, регион	Старше трудоспособного возраста		В трудоспособном возрасте		Моложе трудоспособного возраста	
	2010	2018	2010	2018	2010	2018
Дальний Восток	19,1	22,4	63,5	57,8	17,4	19,8
РС (Якутия)	12,7	17,0	64,0	58,1	23,3	24,9
Камчатский край	17,3	20,6	65,6	60,6	17,1	18,8
Приморский край	21,6	24,7	63,1	57,5	15,4	17,8
Хабаровский край	20,7	23,0	63,7	58,2	15,6	18,8
Амурская обл.	19,5	23,0	62,4	56,6	18,1	20,4
Магаданская обл.	16,7	21,4	66,5	59,7	16,8	18,9
Сахалинская обл.	19,6	23,4	63,7	57,1	16,7	19,5
ЕАО	19,3	22,9	62,2	56,0	18,5	21,1
ЧАО	10,3	14,7	67,7	62,3	22,4	23,0

Источники: составлено авторами на основе данных Росстата России.

Таблица 7. Потребность в работниках, заявленная работодателями в органы службы занятости населения, и численность иностранных граждан, имеющих действующее разрешение на работу (на конец года)

Макрорегион, регион	Потребность в работниках, заявленная работодателями в органы службы занятости населения, чел.			Иностранные граждане с действующими разрешениями на работу, чел.		
	2012	2016	2017	2012	2016	2017
Дальний Восток	112119	98426	148563	81786	30135	24583
РС (Якутия)	10706	6822	8849	9003	440	318
Камчатский край	4739	5564	4469	4296	227	183
Приморский край	44927	34893	60790	26592	11458	10148
Хабаровский край	18677	19602	17610	18052	7588	5986
Амурская обл.	13477	5104	29710	8430	3582	3327
Магаданская обл.	4790	2344	2575	497	588	510
Сахалинская обл.	8746	15767	17548	9790	3672	2988
ЕАО	5076	7524	6135	3862	2545	1084
ЧАО	981	806	877	1264	35	39

Источник: Социально-экономическое положение федеральных округов - 2017 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_20/Main.htm/

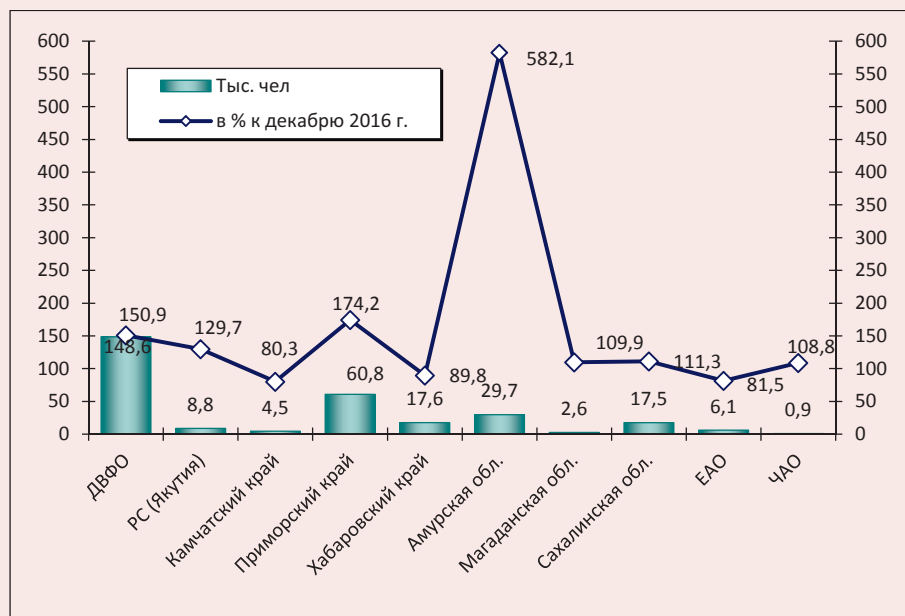
Прогнозные оценки предсказывают ухудшение ситуации с возрастной структурой населения в будущем, ограничение потребности народнохозяйственного комплекса в трудовых ресурсах, увеличение демографической нагрузки пожилыми на граждан трудоспособного возраста¹². Поэтому, несмотря на то что на Дальнем Востоке отмечается низкий и снижающийся в последние годы уровень общей безработицы (6,4% в 2014 г. и 5,6% в 2017 г.), регион заинтересован в привлечении трудовых ресур-

сов, поскольку работодатели ощущают потребность в ресурсах труда. Правда, стоит заметить, что благодаря изменению специфики занятости показатели в потребности иностранных работников имеют тенденцию к понижению. В связи с этим численность иностранных граждан, имеющих действующее разрешение на работу, идет в направлении сокращения (табл. 7).

Обращает на себя внимание изменение потребности в работниках в 2017 г. по отдельным субъектам Дальневосточного региона относительно 2016 года, что обусловлено не только спецификой экономического развития, но и изменением в численности населения доли личного трудоспособного населения (рис. 4).

¹² Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. 2-е изд. М.: ГЭОТАР-медиа, 2010. 512 с.

Рис. 4. Потребность в работниках, заявленная работодателями в органы службы занятости населения по субъектам Дальнего Востока (на конец декабря 2017 г.)



Источник: Социально-экономическое положение федеральных округов – 2017 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_20/Main.htm/

На первый взгляд потребность в работниках целесообразно было бы удовлетворять за счет повышения трудовой мобильности и привлечения населения на Дальний Восток из других регионов России. Однако в настоящее время Дальневосточный регион сам является донором населения и трудовых ресурсов для других субъектов РФ, которые испытывают ограничения или недостаток в ресурсах труда (рис. 5).

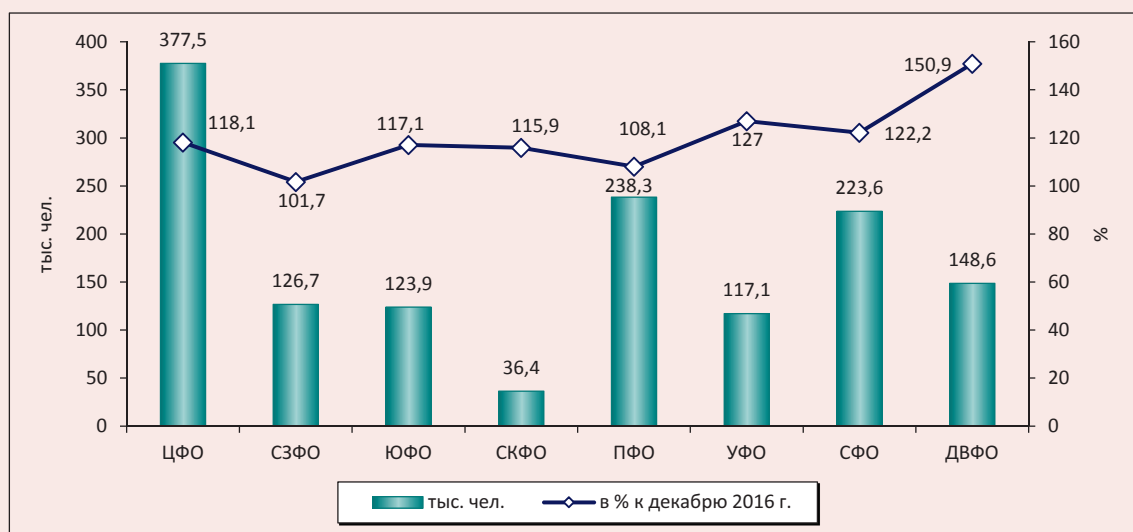
Миграция является основным фактором старения населения в условиях превышения выбывших в трудоспособном возрасте над прибывшими. В 2017 г. прибыло на Дальний Восток из других регионов России 70,5 тыс. трудоспособного населения, а выбыло в обратном направлении 84,7 тыс. чел, то есть превышение выбывших в трудоспособном возрасте над прибывшими в этой возрастной группе в миграционном взаимодействии с другими регионами России превышает 20% (табл. 8).

В Приморском крае, ЕАО, РС (Якутия), ЧАО и Камчатском крае соотношение выбыв-

ших и прибывших в трудоспособном возрасте даже увеличилось. В перспективе соотношение прибывших и выбывших в трудоспособном возрасте будет определять специфику рынка труда Дальневосточного макрорегиона. Следовательно, прирост численности населения и формирование трудовых ресурсов на Дальнем Востоке за счет межрегиональной миграции весьма проблематичны. Можно согласиться с распространенным мнением, что «мерами миграционной политики, делающей ставку на привлечение мигрантов из других регионов страны, эту проблему не решить» [37].

Результаты исследования. Основываясь на результатах исследования, можно с немалой долей уверенности предположить возможные риски (как об этом сказано выше) в ближайшем будущем в характере формирования демографического, в том числе трудового, потенциала в регионе, то есть в выполнении основополагающих показателей, предусмотренных Концепцией демографической политики Дальнего Востока. Существующая модель его демогра-

Рис. 5. Потребность в работниках, заявленная работодателями в органы службы занятости населения по федеральным округам России (на конец декабря 2017 г.)



Источник: Социально-экономическое положение федеральных округов – 2017 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_20/Main.htm/

Таблица 8. Прибывшие и выбывшие в трудоспособном возрасте в субъектах Дальнего Востока в 2016 – 2017 гг., чел.

Макрорегион, регион	2016			2017		
	Прибывшие	Выбывшие	Выбывшие, в % к прибывшим	Прибывшие	Выбывшие	Выбывшие, в % к прибывшим
Дальний Восток	70432	85335	+21,2	70508	84719	+20,2
РС (Якутия)	9883	12952	+31,1	9666	12703	+31,4
Камчатский край	5040	6430	+27,6	4829	6284	+30,1
Приморский край	16180	18822	+16,3	16036	18900	+17,9
Хабаровский край	16854	19420	+15,2	16436	18919	+15,1
Амурская обл.	7234	9387	+29,8	7258	9364	+29,0
Магаданская обл.	2880	3760	+30,6	2983	3802	+27,5
Сахалинская обл.	7566	8285	+9,5	8550	8310	-2,8
ЕАО	2120	3298	+55,6	2023	3293	+62,8
ЧАО	2675	2981	+11,4	2727	3144	+15,3

Источники: Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2016 г. // http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm; Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2017 г. http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm

фического развития указывает на перспективное снижение численности до 5,9 млн. чел. к 2030 году, что соответствует численности полувекковой давности от текущего времени. Соответственно, в рамках модельной тенденции может произойти еще большее снижение численности населения Дальнего Востока к середине XXI века – до 5,2–5,4 млн. чел. (уровень

1959 г.). Хотелось бы надеяться на изменение сложившейся ситуации в позитивную сторону, но для этого, о чем неоднократно говорилось, необходимы устойчивое демографическое развитие и принципиально новый социально-экономический механизм привлечения и закрепления населения на территориях [38, с. 69–81; 39, с. 40–50].

На наш взгляд, для этого требуется [15, с. 37–42; 31, с. 30–32; 32, с. 26–30]:

- вести постоянный мониторинг демографической и миграционной ситуации на Дальнем Востоке;

- решить вопрос о транспортной доступности (связанность с регионами РФ) и круглогодичном субсидировании перемещения дальневосточного населения авиа- и железнодорожным транспортом;

- сохраняя районные коэффициенты, ввести стажевые надбавки к зарплате за выслугу лет работы в субъектах Дальнего Востока (это позволит снизить межрегиональные различия в уровне и качестве жизни населения и повысить заинтересованность жить и работать в Дальневосточном регионе);

- формировать современные высокооплачиваемые рабочие места, рассчитанные на занятость российских трудовых ресурсов и создающие стимулы для роста численности населения Дальнего Востока [40, с. 83 - 90];

- ввести квотирование мест для дальневосточных выпускников школ в региональных вузах и Дальневосточном федеральном университете;

- не распространять закон о работающих пенсионерах (индексация пенсий) в субъектах Дальнего Востока.

Сформулированные нами предложения обсуждались и нашли поддержку на Проектном семинаре «Дальний Восток – пространство будущего», организованном ФАНУ «Востокгосплан» (Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования) в октябре 2018 г. в Хабаровске. При этом было дополнительно высказано и нашло поддержку следующее предложение:

- создание особого миграционного режима на территории Дальнего Востока, предполагающего облегчение получения гражданства.

Поскольку демографический фактор является важнейшим условием общественного развития, реализация предлагаемых мероприятий позволит выйти региону из аутсайдеров, теряющих свое население, и получать повышающие демографические результаты.

Заключение. Анализ показал, что на Дальнем Востоке наблюдается тенденция долговременного сокращения численности населения.

Естественное движение населения Дальнего Востока после непродолжительного роста, связанного с вступлением в репродуктивный возраст более многочисленного поколения, по-прежнему продолжает оказывать отрицательное влияние на динамику численности населения макрорегиона. В ближайшей перспективе видимый рост рождаемости маловероятен даже при реализации различных видов государственной политики, направленной на повышение детности в семье. Поэтому в условиях отрицательных значений показателей естественного движения населения увеличение числа жителей в макрорегионе не представляется возможным, что противоречит целевым показателям принятой Концепции демографической политики Дальнего Востока.

Интенсивность оттока населения за пределы Дальнего Востока является одним из основных факторов сокращения его численности. Макрорегион в постсоветское время характеризуется определенной частью населения, мотивация поведения которого ориентирована на выезд в западные регионы страны. Дальневосточные регионы отстают по показателю реального среднедушевого дохода от многих субъектов европейской части России, в которые, в свою очередь, стремятся дальневосточники. Поэтому миграционные потери населения макрорегиона формируются, главным образом, за счет межрегиональных миграционных потоков. Тенденцию в межрегиональном обмене Дальнего Востока с другими российскими регионами в условиях существующей социально-экономической дифференциации изменить в обозримой перспективе не представляется возможным: качество жизни здесь сравнительно ниже, а современные инструменты в виде разнообразных льгот не являются действенным инструментом для закрепления населения.

Положительное миграционное взаимодействие Дальнего Востока со странами ближнего зарубежья уменьшилось, что противоречит прежнему предположению о позитивной роли в динамике населения макрорегиона миграции из стран СНГ. Следует признать, что ожидания, связанные с привлечением русскоязычного населения из бывших республик СССР, не оправдались.

Представители стран дальнего зарубежья сократили свое присутствие на Дальнем Востоке. Однако то, насколько эта тенденция является устойчивой, зависит во многом от успехов в экономической сфере.

Показано, что Дальний Восток занимает худшие позиции в рейтинге продолжительности жизни. Данные, приведенные в статье, дают основание усомниться в достижении к 2025 г. предполагаемой средней продолжительности жизни населения на Дальнем Востоке согласно Концепции.

Долгосрочная естественная убыль в условиях миграционного оттока способствует в перспективе изменению возрастной структуры населения на Дальнем Востоке. Миграционный отток населения в трудоспособном возрасте и молодежи способствует увеличению доли лиц старшего поколения. Прирост численности населения и массовое формирование трудовых ресурсов за счет межрегиональной миграции представляются в обозримой перспективе недостижимыми. В долгосрочном периоде это обстоятельство будет определять специфику рынка труда макрорегиона, ставя под вопрос

реализацию целей ускоренного развития его экономики.

Приходится признать, что в настоящее время практически ни один из аспектов для прироста численности населения в макрорегионе пока не работает. Возможно, в предусмотренных в Концепции расчетах не содержатся поправки на определенные риски. В программах исполнительных органов власти формирование численности населения¹³ и трудовых ресурсов, вероятно, не должно являться каким-либо самостоятельным целевым показателем. Вполне возможно, что для перспективного формирования населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке необходимо прежде всего развитие его экономики, способное увеличить реальные доходы населения, которые будут сравнимы с доходами в прочих успешных странах и регионах. Также необходимо быть готовыми к обеспечению поступательного развития экономики макрорегиона в условиях низкого уровня его населенности, поскольку долгосрочную тенденцию сокращения численности населения Дальнего Востока изменить в обозримой перспективе не представляется возможным.

Литература

1. Антонов А.И., Борисов В.А. Динамика населения России в 21 веке и приоритеты демографической политики. М., 2006. 192 с.
2. Мотрич Е.Л., Изотов Д.А. Современные тенденции и проблемы миграции в приграничном регионе России: Дальний Восток // Проблемы прогнозирования, 2018. № 3. С. 28-37.
3. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко ; Рос. акад. наук. Дальневост. отд-ние. Ин-т экон. исследований. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
4. Население России на рубеже XX–XXI веков: проблемы и перспективы / под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. М.: МАКС-Пресс, 2002. 352 с.
5. Методологические основы разработки региональных программ демографического развития с учетом региональных особенностей / В.Н. Бобков, В.В. Елизаров, Н.Г. Джанаева, И.А. Данилова, Н.С. Маликов, А.Л. Сеница // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1 (179). С. 10-17.
6. Вишневский А.Г. Избранные демографические труды. Т.1. Демографическая теория и демографическая история. М.: Наука, 2005. 214 с.
7. Воробьева О.Д. Рынок труда и миграция. М.: МАКС Пресс, 2011. 76 с.
8. Елизаров В.В. Демографическое развитие России и ее регионов: общее и особенное // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 1 (191). С. 57-71.
9. Заславская Ж.А. Федеральные округа на миграционной карте России // Регион: экономика и социология. 2012. № 3. С. 3-18.

¹³ Под термином «формирование численности населения» подразумевается прирост или уменьшение численности населения под влиянием демографических и миграционных процессов.

10. Переведенцев В.И. Миграция населения и демографическое будущее России (научно-аналитический доклад) / Институт сравнительной политологии РАН. М., 2003. 61 с.
11. Рыбаковский Л.Л. Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока. Хабаровск: Хабаровский КНИИ СО АН СССР, 1969. 201 с.
12. Сонин М. Я. Развитие народонаселения: Экономический аспект М.: Статистика, 1980. 351 с.
13. Топилин А. Фактор миграции и демографический кризис в России // Экономист, 2000. № 11. С. 67-72.
14. Миграция населения как ключевой компонент демографического развития российского Дальнего Востока / С.В. Рязанцев, А.С. Лукьянец, М.Н. Храмова, Буй Т.К., Ху В.К. // Научное обозрение. Серия 1. экономика и право. 2016. № 3. С. 23-32.
15. Мотрич Е.Л. Влияние миграции на демографическую ситуацию на Дальнем Востоке России // Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока: сборник трудов 11 Междунар. научно-практич. конф., 4–5 июня 2018 г., под общ. ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой, Л.А. Савинкиной. Владивосток: Издательство ДВФУ, 2018. 266 с.
16. Рыбаковский Л.Л. 20 лет депопуляции в России. М.: Экон-информ, 2014. 231 с.
17. Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России в экстраполяциях и нормативных координатах // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 21–30.
18. Российский Дальний Восток на пути в будущее / под ред П.А. Минакира. Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 395 с.
19. Демографическое развитие России в первой четверти XXI века: условия сохранения устойчивой динамики / под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-Информ, 2009. 40 с.
20. Щербаков Д. Неостановленное бегство // Информационно-аналитическое агентство «Восток России». URL: <https://www.eastrussia.ru/material/neostanovlennoe-begstvo/>
21. Ortega F., Peri G. *The Causes and Effects of International Migrations: Evidence from OECD Countries 1980-2005. NBER Working Paper No. 14833*. Issued in April 2009. Available at: <https://doi.org/10.3386/w14833>.
22. Felbermayr G.J., Hiller S., Sala D. Does immigration boost per capita income? *Economics Letters*, 2010, vol.107, no. 2, pp. 177-179. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2010.01.017>.
23. Thangavelu S.M. Labour market integration with the world: case of Singapore. *Journal of Economic Integration*, 2017, vol.32, no. 3, pp. 723-758. Available at: <http://www.jstor.org/stable/44324475>.
24. Aubry A., Burzyński M., Docquier F. The welfare impact of global migration in OECD countries. *Journal of International Economics*, 2016, vol. 101, pp. 1-21. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2016.03.005/>
25. Bhavnani R.R., Lacina B. Fiscal federalism at work? Central responses to internal migration in India, *World Development*, 2017, vol. 93, pp. 236-248. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2016.12.018>.
26. Su Y., Tesfazion P., Zhao Zh. Where are migrants from? Inter- vs. intra-provincial rural-urban migration in China. *China Economic Review*, 2017. Available at: [doi:10.1016/j.chieco.2017.09.004/](https://doi.org/10.1016/j.chieco.2017.09.004/)
27. Chan K.W. Migration and development in China: trends, geography and current issues. *Migration and Development*, 2012, vol. 1, no. 2, pp. 191-200.
28. Kwon G., Spilimbergo A. *Russia's Regions: Income Volatility, Labor Mobility, and Fiscal Policy. IMF Working Paper European Department and Research Department. WP/05/185. September 2005*. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2005/wp05185.pdf>
29. Рыбаковский Л.Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. № 2. С. 51-61.
30. Izotov D.A. The Far East. Innovations in public policy. *Problems of Economic Transition*, 2017, vol.59, no. 10, pp. 799-813.
31. Мотрич Е.Л. Преференции должны быть не только для приезжающих // Дальневосточный капитал. 2018. № 6 (214). С. 30-32.
32. Зубрицкий А. Статистика не дает корректного представления о масштабах оттока // Дальневосточный капитал. 2018. № 6 (214). С. 26-30.
33. Ивлев Я.Я., Галичанин Е.Н. Дальний Восток и Забайкалье (историко-экономический обзор). Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов РФ «Дальний Восток и Забайкалье»; Приамурское географическое общество. Хабаровск, 1998. 56 с. С. 10-12.

34. Демиденко О. Не дожить: у дальневосточников не осталось больше иллюзий по поводу пенсии [Электронный ресурс] / Информационное агентство REGNUM. – 15.06.2018. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2431688/html> (дата обращения: 02.07.2018).
35. Калачикова О.Н., Короленко А.В. Региональная дифференциация демографического развития России в контексте демографической безопасности // Проблемы развития территории. 2015. № 6. С. 127-142.
36. Бухер С. Современные тенденции старения населения Российской Федерации // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 3. С. 215-223.
37. Мкртчян Н. Дальневосточная миграция: как управлять? URL: <https://www.eastrussia.ru/material/dalnevostochnaya-migratsiya-like.../>
38. Фаузер В.В. Демографический потенциал северных регионов России – фактор и условие экономического освоения Арктики // Экономика региона. 2014. № 4 (40). С. 69-81.
39. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Особенности расселения населения в Арктической зоне России // Арктика: экономика и экология. 2016. № 2. С. 40-50.
40. Беленец П. Демографический потенциал Дальнего Востока: проблемы и тенденции // Экономист. 2014. № 11. С. 83-90.

Сведения об авторах

Екатерина Леонидовна Мотрич – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: motrich@ecrin.ru)

Людмила Александровна Молодковец – начальник отдела статистики населения и здравоохранения, Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу (680000, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, д. 69, e-mail: naselenie@habstat.ru)

Motrich E.L., Molodkovets L.A.

Shaping the Population and Labor Resources in the Russian Far East

Abstract. The article is devoted to the problems of demographic situation in the Far East of Russia. It considers the formation of the population and labor potential; shows the dynamics of the population in the Far East according to the all-Union (1989) and all-Russian population censuses (2002 and 2010) and the current population accounting for 01.01.2018; reveals the trend of long-term reduction in the number of inhabitants in the macroregion; substantiates the need to implement the objective to secure population. The relevance of the study is due to the need to determine the risks with the emerging parameters of the natural and migration components involved in the demographic indicators of the Far Eastern region, in the implementation of the strategy to achieve the population according to the Concept of demographic policy in the Far East adopted in 2017. The factors contributing to the reduction of natural population growth are covered. The negative role of migration in the population dynamics in the macroregion is noted. Analysis of the transformation of the population structure by age revealed the situation with the reduction of labor potential, which entails the need to attract labor using interregional and external migration. The issues related to the introduction of new parameters of retirement age are highlighted. The article analyzes the dynamics of life expectancy in the Far East and shows its lagging behind the national average. In conclusion, the article presents proposals that can help attract the population to the Far East and secure it.

Key words: population, natural movement, migration, age structure, life expectancy, retirement age, macroregion, region, Russia, Far East, concept.

Information about the Authors

Ekaterina L. Motrich – Doctor of Economics, Leading Researcher Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: motrich@ecrin.ru)

Lyudmila A. Molodkovets – Head of Department for Population Statistics and Healthcare, Federal State Statistics Service Office in Khabarovsk Krai, the Magadan Oblast, Jewish Autonomous Oblast and Chukotka Autonomous Okrug (69, Frunze Street, Khabarovsk, 680000, Russian Federation; e-mail: naselenie@habstat.ru)

Статья поступила 28.11.2018.

Модернизация региона как гетерархической системы



**Екатерина Владимировна
КАРГАПОЛОВА**

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация, 117997, Стремянный пер., 36
E-mail: k474671@list.ru



**Надежда Васильевна
ДУЛИНА**

Волгоградский государственный университет
Волгоград, Российская Федерация, 400062, Университетский пр-т, 100
E-mail: nv-dulina@yandex.ru

Аннотация. Динамичность, изменчивость, рискогенность современного мира требуют разработки гибких и оперативных механизмов модернизации региональных социальных систем. Для современных российских регионов, дифференцированных по темпам развития, качеству жизни населения, важным представляется разработка таких теоретико-методологических подходов, на основе которых стало бы возможно выявить ресурсы и проблемные зоны модернизации. Научная новизна работы заключается в анализе процесса модернизации региона с использованием теоретико-методологических возможностей системного подхода, концепций гетерархии и модернизации. Подчеркивается пересечение предметных полей понятий «гетерархия», «регион», «модернизация» в решении вопросов о принципах (ценностных основаниях) управления процессом модернизации в регионе с использованием ресурсов гетерархий. На основе результатов мониторингового социологического исследования, проведенного с 2010 по 2016 г. в Астраханской области методом интервью по месту жительства по Типовой методике Всероссийской

Для цитирования: Каргаполова Е.В., Дулина Н.В. Модернизация региона как гетерархической системы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 11. № 1. С. 70-86. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.4

For citation: Kargapolova E.V., Dulina N.V. Modernization of a region as a heterarchical system. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 70-86. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.4

программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», было выявлено укрепление вертикали власти, то есть иерархических отношений в институционально-регулятивной сфере. Рост институциональной гетерархии, суть которой заключается в усложнении и имитации социальных институтов, проявляется в преобладании нерыночной мотивации у астраханцев, а также колебаниях значений рыночной и нерыночной мотивации в зависимости не только от социально-экономической, но и политической конъюнктуры. Имитация социально-экономических институтов проявляет дисфункцию жизнеобеспечивающей сферы социокультурного пространства региона и является проблемной зоной модернизации региона. Интеллектуальная гетерархия («война за нормы») зафиксирована в снижении поддержки базовых ценностей одновременно с укреплением первичных социальных сетей в структуре жизненного мира населения региона. Кроме того, изменение системы ценностных установок проявляется в снижении планки социальных притязаний относительно восприятия нормы в оценке собственного здоровья и состояния окружающей среды. Интеллектуальная гетерархия в регионе дополняется географической, так как наблюдается миграционное замещение части населения региона с более высокими социальными запросами носителями номадического (кочевнического) менталитета с заниженной планкой социальных притязаний. Имеющиеся гетерархии могут свидетельствовать о том, что Астраханская область как система близка к границе фазы реорганизации, которая означает переход системы региона к более устойчивому состоянию за счет ее упрощения. При соответствующем организационном оформлении ресурсом модернизации региона могут стать заниженные социальные притязания части населения региона.

Ключевые слова: регион, модернизация, гетерархическая система.

Введение

Сложноопределяемый концепт «регион» в современном социально-гуманитарном знании исследуется в русле различных теоретико-методологических парадигм – структурно-функциональной (системной) [1, 2], институциональной [3], неинституциональной [4, 5], пространственно-территориальной [6, 7], сетевой [8], социокультурной [9, 10], воспроизводственной [11], синергетической [9] и др. Пристальное внимание к региональным системам обусловлено наблюдающейся в современном мире тенденцией к локальной автономии на фоне процессов глобализации. Таким образом, растет актуальность изучения региона как системы, обладающей общими для всех систем свойствами, и специфики этой системы, обусловленной укорененностью действий субъектов в определенном социокультурном пространстве.

Динамика социальных процессов, их рискоспособность, сопровождающаяся специализацией подсистем, усилением их взаимозависимости, требует выработки не только форм адаптации региональных систем к вызовам современности, но и гибких, оперативных механизмов их модернизации на основе упреждающего воздействия. Соответственно, актуализируется

применение новых методов и подходов к осмыслению модернизации территорий, что особенно важно в российских условиях существования регионов с учетом дифференциации их развития.

Необходимо также учитывать, что в условиях нестабильности социальная система отличается разбалансированностью, значение случайных, единичных факторов возрастает. Следовательно, растет необходимость изучения небольших (с точки зрения исторического процесса), но масштабных (с точки зрения насыщенности социальной жизни, неясности прогнозов) периодов, а также микросоциального уровня процесса модернизации, ресурсов сетевых неформальных практик и их востребованности при осуществлении модернизации конкретных территорий.

Теоретико-методологические основы исследования

Перспективным при исследовании региональной системы, перед которой стоит задача поиска ресурсов для эффективных ответов на вызовы современности, является, на наш взгляд, междисциплинарный подход. Цель нашего исследования – анализ процесса модернизации в регионе с использованием тео-

ретико-методологических возможностей системного подхода, концепций гетерархии и модернизации. В результате будет возможно идентифицировать стадию развития, на которой находится региональная система, выявить ресурсы, а также проблемные зоны модернизации региона.

Что касается теории гетерархии, то ее основные положения разработаны Д. Старком. Под гетерархией он предлагает понимать особый способ организации социального пространства, характеризующегося интенсификацией социальных отношений, их нарастающей сложностью, внутренним разнообразием и организационной рефлексивностью, взаимозависимостью элементов социальных систем в условиях динамичности общественной жизни в эпоху современности [12, 13]. Применение концептуальных идей, выдвинутых Д. Старком, оказалось продуктивным для современного социально-гуманитарного знания. Так, например, в филологии понятие «гетерархия» используется при исследовании моделей спонтанных монологических текстов повествования и рассуждения, где существование гетерархии предполагается «на уровне озвучивания внутренней речи, претворения мысли в слово, которая, в конечном счете, образует строгую иерархию на макроструктурном уровне, т.е. на уровне законченного текста» [14, с. 264]. В психологии при анализе рефлексии в структуре сознания обосновывается тезис о том, что «рефлексия выступает базовым процессуальным средством сознания, организованным на основе гетерархического принципа» [15, с. 6]. А междисциплинарные исследования социализации личности в условиях вариативности развития современного общества сквозь призму концепции гетерархии позволили сделать вывод о межфункциональной диахронии процесса социализации, вызванной противоречиями «внутренних „институциональных образований личности..., внутрисистемных и межсистемных взаимосвязей подчинения (иерархии) и соподчинения (гетерархии)» [16, с. 104].

Историки разрабатывают гетерархическую модель политогенеза, формировавшуюся у первобытных народов на почве «военной демократии» (в частности, у восточных славян — на основе длительной консервации эгалитарных

черт) [17]. Применение концептуальных положений теории гетерархии позволило сделать фундаментальный вывод о множественности путей социальной эволюции, истоки представлений о которой базируются на идеях К. Маркса об азиатском способе производства и двух траекториях возникновения государственности. Первый путь эволюции — иерархический — основывается на вертикали власти и централизации и характеризуется концентрацией богатства у элиты, наличием сетей зависимости и патронажа, отражением социальной дифференциации в погребальной обрядности, контролем элиты над торговлей предметами престижного потребления, развитием ремесла для потребностей верхов, наличием культов вождей, их предков, отражением статусов и иерархии в идеологической системе и архитектуре. Для второго — гетерархического — пути «характерны большее распределение богатства и власти, более умеренное накопление, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества, направленные на решение коллективных целей (производство пищи, строительство фортификации, храмов и др.), универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни» [18, с. 19]. На наш взгляд, признаки иерархических и гетерархических отношений, выделенные историками при анализе путей возникновения государственности, применимы и при исследовании современной эпохи.

В экономической науке для разработки методологической базы моделирования взаимодействия и развития территориальных социально-экономических систем обосновывается необходимость экономического анализа организационных форм, обладающих свойствами гетерархии, в частности, сложившихся плотных сетей «переплетенных прав собственности, которые пронизывают отрасли и сектора экономики, простираются поверх их границ, в особенности затрагивая наиболее крупные предприятия и банки» [19, с. 91].

Нельзя не отметить концептуальную близость положений теорий гетерархии и сетевого анализа (в частности, в русле последней — идеи М. Грановеттера о силе слабых связей в обществе [20]). При социологическом анализе явле-

ний и процессов использование данных теорий особенно продуктивно, так как они направлены на решение вопросов о способах связей между элементами социальных систем, в частности, «взаимодействия микроуровня со структурами макроуровня» [20, с. 31]. Ряд ученых употребляет понятия «гетерархия» и «сетевое общество» практически как синонимы при исследовании экономической деятельности («сетевой экономики») [21], виртуальных организаций [22, с. 80], методов управления [23]. Отмечается, что ориентация на взаимовыгодное сотрудничество, отсутствие иерархичности или снижение ее значимости, формирование структуры «горизонтальных отношений» являются характеристиками как социальных сетей [24], так и гетерархий. Другие исследователи настаивают на принципиальных различиях сетевого и гетерархического подходов. Так, например, Н.Н. Крадин при анализе стратегий политогенеза употребляет термины «иерархический» и «сетевой» как синонимы, а гетерархический путь отождествляет с кооперативным [18, с. 19]. По мнению И. В. Красавина, соотношение понятий «иерархия», «сеть» и «гетерархия» является более сложным. «В процессе дифференциации размножаются иерархии, а сети — инструмент размножения упорядоченных структур; вместе они образуют гетерархию, которая представляет собой „полную” модель отношений сообщества как множественного целого» [25, с. 36].

Напомним, что термин «гетерархия» был впервые употреблен в 1945 г., на заре компьютерной эпохи, У. Маккалоком для анализа нейронных сетей [13, с. 79]. Вероятно, поэтому теория гетерархии применяется при исследовании новых масс-медиа, интернет-коммуникаций как системообразующего элемента формирования принципиально новой системности связей с общественностью, основанных на отказе от пространственной интеграции, невозможности продуцировать односторонние объект-субъектные модели, слабой координации, непредсказуемости, неконтролируемости [26, с. 53–54; 27, с. 6, 9]. Хотя и необходимо отметить, что зарубежные авторы на примере одной из фирм новой медиа-индустрии Лондона исследуют обратный процесс — от гетерархии (нелинейные, гибкие, открытые, автопоэтические, неорга-

низованные сети; краткосрочные проекты: например, разработка модных web-дизайнов; смена персонала, неполная занятость) к иерархии («прямая корпоративная работа»; долгосрочные перспективы отношений с клиентами; профессиональное консультирование) [28], что может быть, на наш взгляд, отражением процесса обретения интернет-коммуникациями институциональных форм.

Что касается теории модернизации, то мы уже обращались к анализу ее теоретических положений [29, 30]. Применение положений концепций гетерархии и модернизации к анализу региональных процессов является весьма продуктивным, так как наблюдается пересечение предметных полей понятий «гетерархия», «регион», «модернизация»: гетерархия понимается как форма организации [13], управления и принятия политических решений [31, с. 43; 32]; модернизация позиционируется как сознательно иницируемый органами власти, управляемый процесс [29, 30, 33], а характеристиками региона как самоорганизующейся системы наряду с территориальностью и способностью к интеграции / дезинтеграции являются иерархичность и управляемость [34, 35]. Таким образом, общей задачей при выявлении сущности концептов «гетерархия», «регион», «модернизация» выступает решение вопросов о природе, принципах (ценностных основаниях) управления в ситуации «„прошивания” измененного мира онтологической неопределенностью и неравновесностью базовых композиций общественного бытия, подвигающих социум к хаосу и неуправляемости» [36, с. 27].

В рамках теории гетерархии пока еще не сложилась концептуальная модель управления. Так, по мнению Д. Старка, гетерархия как новый способ организации лежит между двумя полюсами — рыночными, основанными на отношениях независимости, и иерархическими, базирующимися на отношениях зависимости, тогда как в гетерархиях преобладают отношения взаимозависимости, минимальной степени иерархичности и организационной гетерогенности [12].

Существует также точка зрения, согласно которой гетерархия и иерархия противопоставляются как две крайние точки управления системами на оси «самоорганизация — организа-

ция» [31, с. 43; 37, с. 13; 38, с. 262–263]. Но ряд исследователей оспаривает использование понятия гетерархии в качестве базового антонима иерархии [39]. Полярными являются иерархия и анархия как принципы упорядочивания, а гетерархии существуют между этими полюсами в рамках изменчивых отношений между государством и обществом [40]. Е.Е. Бочарова, отмечая оппозиционность многих характеристик иерархии и гетерархии, подчеркивает, что эти категории не являются взаимоисключающими. «Гетерархия зачастую определяется как „множественная иерархия“, как объединение в единой системе дифференцированных, но взаимозависимых уровней, каждый из которых обладает собственными принципами, механизмами организации... Все эти уровни значимы, но не всегда могут быть функционально паритетными, вместе с тем общая многомерность гетерархии поддерживается сложностью каждого уровня» [16, с. 106]. Исследователь обращает внимание на то, что в иерархиях преобладают связи управления (супреординации) и подчинения (субординации), тогда как в гетерархиях – связи координации [16, с. 106]. По мнению В.А. Осипова, гетерархию можно исследовать как процесс и результат «взаимодействия и взаимопроникновения иерархических и сетевых структур, горизонтальных и вертикальных процессов, ... что приводит к резкому росту социально полезной активности, появлению новых смыслов, ресурсов» [32, с. 40]. Близкую по смыслу точку зрения высказывает И.В. Павлюткин. Сущность природы гетерархии, по его мнению, заключается в симбиозе двух форм организаций – нескольких формальных организаций (иерархических структур, действующих согласно формальным правилам и процедурам) и сетей спонтанного общения. В результате этого симбиоза зарождается гуманитарная предпринимательская активность [41, с. 47–48].

Существует также точка зрения, согласно которой гетерархия противопоставляется государству как виду сложносоставной политической монополии, при этом гетерархия выступает условием легитимации этой монополии [42]. В связи с этим разрабатываются представления о том, что государство может инициировать имитацию гетерархий [42], создание псевдогетерархий [32, с. 41]. По нашему мнению,

данные представления рефлексированы в русле концепций о государстве–Левиафане, противостоящем общественным структурам. Но существует также представление о государстве как центральном «узле» гетерархии, который несет ответственность за метауправление [43]. Подобное представление сродни идеальной модели управления, позиционированной еще китайским философом, основателем даосизма Лао-цзы, который считал лучшим того правителя, о котором народ просто знает, что он существует [44]. В рамках теории гетерархии подобные представления концептуализированы в идеи о том, что самоорганизационные процессы необходимо понимать как передачу управления автономным частым организациям, а «контроль предполагает лишь создание условий для возникновения гетерархических систем. Конкретным способом создания условий является постановка целей для автономных частей» [31, с. 46–47]. И, таким образом, в идеале государство способно не только имитировать, но и создавать гетерархии, организовывая условия для их возникновения. Более того, «сталкиваясь со сложными задачами, высший уровень управления может повысить шансы на выживание всей системы, не только ограничивая свободу, но иногда и, наоборот, расширяя разнообразие нижних уровней, разрешая и поощряя творческую инициативу и облегчая тем самым запуск самоорганизующихся тенденций. Именно свобода нижних уровней надежно поглощает разнообразие ситуаций в активной и агрессивной среде, приводит к творческому решению труднейших проблем...» [37, с. 15].

Что касается системного подхода, то гетерархия может рассматриваться в контексте сложных систем как вид динамичных гетерархий (наряду с доминантной полной, доминантной неполной иерархиями и холархией). «Сложная система, структура которой определена как гетерархия, описывается нечеткой ситуационной сетью» [45, с. 47]. Принцип гетерархии при этом необходим для фиксации того факта, «что в развитии структурных подразделений социального целого ни за одним из них не закреплена постоянная роль ведущего...» [36, с. 27]. Идеи о наличии множественных центров развития, усиления внутреннего разнообразия и организационной рефлексивности в

теории гетерархии пересекаются также с представлениями о регионализме как характеристике многополярной модели мироустройства и постулатами неомодернистских концепций многокультурной модернизации о возможностях перехода от традиционного общества к современному индустриальному с учетом цивилизационных особенностей [46, 47]. На основе этого можно прийти к выводу, что любая цивилизационная специфика при соответствующем организационном оформлении и организационной структуре может стать важнейшим ресурсом модернизации. А создание такого оформления и таких структур – управленческая задача. Рост значимости грамотной постановки и решения таких задач в гетерархических системах повышается. «В сетевцентрической модели управления при улучшении качества управленческих решений ошибка системы уменьшается (по сравнению с иерархической организацией). При ухудшении качества управленческих решений ошибка сетевцентрической системы увеличивается (по сравнению с иерархической организацией)... Сетевцентрические методы управления имеют наибольший положительный эффект именно в тех отраслях экономики, где существует высокое качество принятия управленческих решений» [23, с. 26].

Исследование региона как гетерархической системы позволяет прояснить также процессуальные вопросы, а именно то, на какой фазе развития эта система находится, какие связи – горизонтальные (самоорганизации) или вертикальные (организации) – в настоящий момент преобладают. Как отмечает Д.М. Бондаренко, социальные системы могут изменять свою внутреннюю организацию, развиваясь в гетерархической или иерархической плоскости, что определяется политической культурой и характером отношений между людьми. «Как правило, гетерархические связи и институты получают большее развитие в тех обществах, где значение непосредственных межличностных отношений выше или хотя бы не ниже, чем отношений деперсонализированных и формализованных...» [48].

Вследствие этого необходима разработка ситуативных моделей управления, реализация которых даст максимальный эффект развития при минимальных затратах ресурсов. Исследо-

вателями уже выделены преимущества и недостатки реализации гетерархических и иерархических моделей в зависимости от конкретных условий и вызовов внешней среды. Так, в качестве достоинств гетерархий выделяются их адаптивность вследствие гибкости структуры, которая подвергается быстрой корректировке; автономность экономических элементов системы, которая «способствует минимизации упущенной выгоды за счет наиболее полной реализации условий внешней среды» [38, с. 262–263]; способность к самоорганизации, то есть решение конкретных задач при нестабильных условиях с быстрым ростом сложности [31, с. 43–44]; преобладание мотивации на «основе убеждения, превращения людей в команду единомышленников путем сближения их моделей реальности, целей, точек зрения, видения проблем»; создание возможностей для принятия решений тому, кто ближе всего к проблеме; стимулирование инициативы, эффективное использование человеческих ресурсов, создание условий для подготовки будущих лидеров, использования потенциала способных людей [37, с. 13, 16].

К достоинствам иерархических систем можно отнести способность к «минимизации затрат за счет эффективного распределения ресурсов по строго формализованным видам деятельности» [38, с. 262–263]; эффективность решения «задач со стабильным развитием с предсказуемым уровнем сложности, который позволяет регулировать темп принятия решений из единого центра...» [31, с. 44]; облегчение контроля, снижение вероятности ошибок из-за неопытности исполнителей; исключение возможности паразитирования; создание условий для использования опыта и знаний высшего руководства; сравнительная предсказуемость; эффективное использование различных ресурсов, кроме человеческих [38, с. 16]. «Ставка на иерархические структуры оправдана в стабильных условиях, без жесткой конкуренции, при монопольном характере функционирования» [38, с. 15].

Материалы и методы

Иерархические принципы организации необходимы социокультурному пространству нашей страны для сохранения целостности. Но для России характерна также дифференциро-

ванность ее огромного пространства, характеризующаяся потенциалом гетерархической самоорганизации «снизу». Для этого возможно также употребить термин «холон». «Холон, будучи целостностью, одновременно является частью другой целостности. Например, холоническую структуру имеет наше федеративное государство. Каждый из холонов (отдельно взятые люди, семья, производственные и общественные объединения людей, муниципальное образование, субъект Российской Федерации) в достаточной степени автономен, однако для решения общих задач холоны взаимодействуют между собой, опираясь на действующие нормативные правовые акты или оперативно заключая прямые соглашения. В холонической системе каждый холон – это своеобразный „строительный блок ... Процессы управления в холонических системах базируются на гетерархических и иерархических принципах... В холонических системах гибкость гетерархии сочетается со стабильностью иерархии» [49, с. 42].

Представление о регионе как своеобразном строительном блоке акцентирует роль отдельного региона в сохранении единства архитектурного сооружения российской государственности. Астраханская область (как строительный блок) занимает стратегически важное геополитическое положение на Юге России и в Прикаспии, находится на пересечении крупных торговых путей. Ее социокультурное пространство исторически сложилось на пересечении Востока и Запада и характеризуется гетерогенностью и многоукладностью, что проявляется и в хозяйственной жизни (газовая промышленность, рыба, овощи, бахча...), и в маргинальности ценностного сознания, обусловленной исторически сложившимися поликонфессиональностью и полиэтничностью и усиленной масштабами современных миграционных потоков. В менталитете астраханцев проявляется деревенский типаж со сниженной планкой социальных притязаний, с коллективистскими установками (более подробно см. [29]).

Для исследования процессов модернизации в регионе использовались анализ статистической информации, динамики индексов человеческого развития и индексов модернизации (методика расчета предложена Китайской

академией наук [33]), а также результатов мониторингового социологического исследования, проведенного под руководством Е.В. Каргаполовой в Астраханской области методом интервью по месту жительства по Типовой методике Всероссийской научно-исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (руководители и разработчики инструментария на федеральном уровне – Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, ЦИСИ ИФ РАН) [50]. Первый этап был проведен в январе 2010 г. (N = 1000), второй – в мае-июне 2012 г. (N = 600), третий – в апреле-мае 2016 г. (N=1000). Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотируемые признаки: пол, возраст, тип поселения, этническая структура. Погрешность выборки – 3%. Обработка и анализ данных проведены с использованием SPSS 17.0. Матрица разработана специалистами Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук.

Инструментарий Типовой методики включает в себя вопросы интервью, посвященные различным аспектам жизнедеятельности региона. В данной статье мы анализируем ответы астраханцев на те вопросы, которые позволяют составить представление о сложном соотношении («переплетении») иерархических и гетерархических отношений, степени соответствия/несоответствия иерархической организационной структуры и неформальных практик населения; о тех элементах социальной системы, которые могут быть использованы в качестве ресурса модернизации, и тех проблемах, которые стоят на пути данного процесса.

Проведен также сравнительный анализ динамики индексов модернизованности, человеческого развития и динамики результатов социологического мониторинга, полученных в Астраханской области. Результаты мониторинга в регионе сопоставлены с некоторыми результатами опросов в других регионах России, в которых исследование проводилось по аналогичной методике. Это позволяет повысить достоверность полученных результатов.

Результаты исследования

Рассмотрим процессы модернизации в Астраханской области на макроуровне иерархической структуры страны – в социокультурном пространстве Южного федерального округа.

Судя по индексам модернизации, в 2011 году Астраханской области удалось преодолеть системное отставание и войти в стадию «срединной» первичной модернизации [29, 51]¹. Такое качественное изменение положения региона отражается и в динамике индекса человеческого развития: с 1999 г. все субъекты ЮФО, равно как и сама Российская Федерация, значительно повысили свои индексы человеческого развития и их составляющие, но только Астраханской области в рейтинге субъектов РФ удалось подняться на 20 позиций – с 41 места в 1999 г. до 19 места в 2013 году².

В результатах второй волны мониторинга социологического исследования в Астраханской области по Всероссийской научно-исследовательской программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (2012) по сравнению с результатами первой волны

(2010 г.) укрепилось интегрирующее ядро ценностей: если в 2010 г. в интегрирующее ядро системы ценностей астраханцев входили две ценности – жизнь человека и семья, то в 2012 г. уже шесть – жизнь человека, семья, общительность, порядок, благополучие, традиция³. Данные результаты свидетельствуют о росте поддержки базовых ценностей астраханцами в этот промежуток времени. Подобная тенденция зафиксирована в результатах Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» [52, с. 20], а также в Чувашской Республике, Вологодской области [53, с. 68; 54, с. 67-69; 55, с. 78]. Кроме того, несколько снизилась нерыночная мотивация трудовой деятельности (с 57,4 до 53,4%) (табл. 1), наблюдалось снижение протестного потенциала и т.п. (с 45,2 до 35,1%) (табл. 2) (более подробно см., например [29]).

Таблица 1. Ответы астраханцев на вопрос «Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2010 г.	2012 г.	2016 г.
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	47,4	41,9	43,5
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок	10,0	11,5	13,0
Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу	5,4	6,2	9,1
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	14,6	12,4	18,2
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	12,5	15,0	11,7
Не знаю	5,3	5,3	1,8
Отказ от ответа	4,8	7,7	2,7
ИТОГО	100	100	100

¹ ИАС «Модернизация». URL: <http://mod.vscs.ac.ru> (дата обращения: 03.05.2017).

² Программа развития (ПРООН). Доклады о развитии человеческого потенциала (ИРЧП) в Российской Федерации. URL: <http://www.undp.ru> (дата обращения: 03.03.2017).

³ Система ценностных ориентаций населения Астраханской области исследуется нами на основе методики изучения структуры ценностей, разработанной Н.И. Лапиным. Цель этой методики – выявление кластеров ценностей, которые ориентируют поведение индивидов и иных социальных субъектов по отношению к основным функциям российского общества и его регионов как социокультурных целостностей. В процессе анализа четырнадцать изучаемых ценностей были разделены на два кластера: интегрирующий и дифференцирующий. Интеграция рассматривается как основная функция базовых ценностей. В свою очередь дифференциация, основывающаяся на меньшей части базовых ценностей, по своему функциональному предназначению направлена на сохранение и изменение структуры статусов и ролей. Разбиение ценностей по кластерам и слоям организовано исходя из соответствия средневзвешенной оценки той или иной ценности соответствующему балльному интервалу (границы интервалов установлены методикой исследования). Внутри каждого кластера выделяют по два иерархических слоя. Составляющими интегрирующего кластера являются интегрирующее ядро (свыше 4,4 баллов) и интегрирующий резерв (3,91–4,39 балла), а дифференцирующий кластер представлен оппозирующим дифференциалом (3–3,9 балла) и конфликтогенной периферией (2,99 балла и менее). В интегрирующее ядро входят основополагающие ценности. К слою интегрирующего резерва относят ценности второго порядка (запаса). В оппозирующем дифференциале находятся ценности, которые многие люди отказываются принять в качестве собственных ориентиров. Конфликтогенная периферия включает ценности, отрицаемые большинством [50].

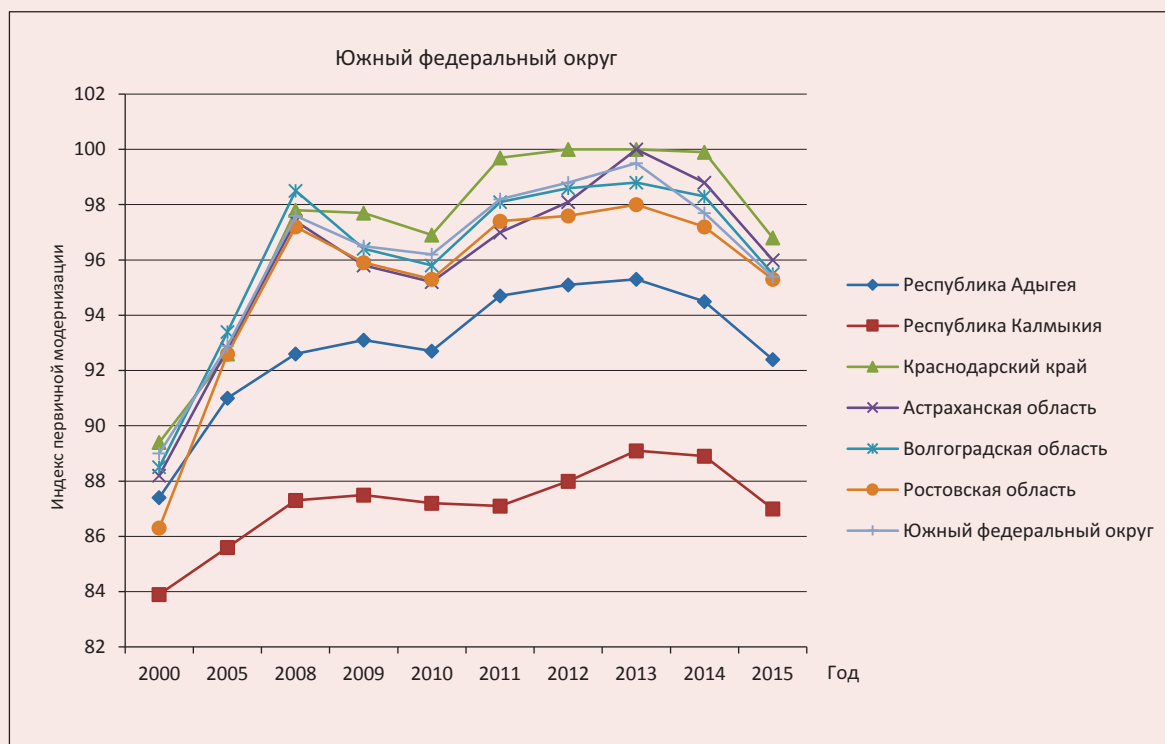
Таблица 2. Ответы астраханцев на вопрос «Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека)?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2010 г.	2012 г.	2016 г.
Готов	23,8	16,1	18,2
Пожалуй, готов	21,4	19,0	25,8
Пожалуй, не готов	15,8	21,5	21,9
Не готов	26,0	27,7	26,2
Затрудняюсь ответить	10,5	12,4	4,6
Отказ от ответа	2,5	3,3	3,4
ИТОГО	100	100	100

Но после 2013 г. показатели первичной (индустриальной) модернизации в Астраханской области начинают снижаться, так же как и во всех регионах ЮФО (рисунок). В Республике Адыгея в 2015 г. положение изменилось даже стадийно: регион от стадии «ниже срединного» возвращается к стадии, на которой находился до 2011 г., – «традиционный, предваритель-

ный». Астраханской области удалось сохранить свое положение по типологии стадий модернизации. Индекс человеческого развития этого региона в 2014 г. хотя и увеличился, но его место среди субъектов Российской Федерации снизилось с 21-го до 23-го, что связано с сокращением ВРП на душу населения и ожидаемой продолжительностью жизни⁴.

График трендов первичной модернизации регионов Южного федерального округа



Источник: ИАС «Модернизация». URL: <http://mod.vscs.ac.ru> (дата обращения: 03.05.2017).

⁴ Программа развития (ПРООН). Доклады о развитии человеческого потенциала (ИРЧП) в Российской Федерации. URL: <http://www.undp.ru> (дата обращения: 03.03.2017).

Рассмотрим, каким образом проявилось снижение показателей модернизированности и человеческого развития в состоянии Астраханской области как социокультурной системы в 2015–2016 гг. в русле представлений об институциональной, интеллектуальной и географической гетерархии [56, с. 233–241].

Что касается *институциональной гетерархии*, то, по мнению В.С. Мартыанова, ее сущность в современном обществе заключается в усложнении и имитации институтов [56]. Необходимо отметить, что в институционально-регулятивной сфере региона в последнее десятилетие наблюдается укрепление вертикали власти, то есть иерархических отношений. Это проявляется в статистических показателях численности и доли работающих в органах власти в общей численности рабочей силы. В 2015 г. в органах государственной власти и местного самоуправления Астраханской области было занято 16 145 чел. С 2000 г. в регионе наблюдается увеличение числа занятых в сфере государственного управления, причем только в 2014 г. по сравнению с 2013 г. — более чем на 40%. Это связано, как и в других регионах страны, с увеличением доли чиновников, работающих в территориальных органах федеральных органов исполнительной власти, то есть в структурах, деятельность которых регулируется указами Президента и постановлениями Правительства Российской Федерации. К 2015 г. численность чиновников в регионе, работающих в данных структурах, составила 8882 чел. — около половины всего чиновничьего корпуса региона. Объем этой социальной группы достиг максимального значения в 2014 г. (9214 чел.), что было практически в три раза больше показателя 1995 года⁵.

По результатам третьей волны мониторингового социологического исследования в 2016 г. в регионе зафиксирован рост институционального доверия. Так, по сравнению с результатами второй волны мониторинга (2012 г.) уровень доверия прокуратуре вырос на 20,3%, Законодательному Собранию, Думе региона — на

13,9%, полиции — на 17%, правительству — на 12,2%, профсоюзам — на 11,6%, муниципальным, местным органам управления — на 11,2%, губернатору — на 10,6%, суду — на 9,7%, региональным отделениям политических партий — на 9,5%, средствам массовой информации — на 5%. По всем социальным институтам (за исключением СМИ) наблюдается превышение показателей 2010 г.

Но, несмотря на укрепление вертикали власти и рост институционального доверия, в 2016 году только каждый пятый астраханец (20,4%) чувствовал себя в полной безопасности на улице в районе проживания после наступления темноты, около половины опрошенных (44,3%) — в относительной безопасности, примерно каждый четвертый респондент (23,6%) ответил «небезопасно», каждый десятый житель региона (9,8%) — «совсем небезопасно». На вопрос «Были ли случаи за последние пять лет, когда Вы или члены Вашей семьи стали жертвами грабежа, нападения, насилия?» каждый пятый астраханец ответил утвердительно. Уровень протестного потенциала в 2016 г. вернулся к уровню 2010 г. (см. табл. 2).

Ярким проявлением институциональной гетерархии в социально-экономической сфере (а именно имитация институтов рыночной экономики) является преобладание нерыночной трудовой мотивации у населения региона и колебания мотивации труда — от рыночной к нерыночной, которые зависят не только от рыночной, но и политической конъюнктуры (см. табл. 1). Институциональная гетерархия проявляется и в распределении занятых на предприятиях по формам собственности. Так, за весь период исследования на государственных организациях было занято около 40% жителей региона. Согласно результатам опроса, доля занятых на предприятиях различных форм частной собственности снижалась: если в 2010 г. она составляла примерно 35 %, в 2012 г. — около 30%, то в 2016 г. — около 23% (см. табл. 3). С 2010 г. снижалась и доля занятых по основному месту работы на акционерных предприятиях с участием государства, на частных предприятиях, в колхозах, совхозах, сельскохозяйственных кооперативах. В 2012 г. зафиксирован максимум занятых индивидуальной трудовой деятельностью, но в 2016 г. эта доля возвратилась к уровню 2010 года. При этом если в 2010 г. на дополнительной

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2009. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_14p (дата обращения: 13.02.2016); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2016. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p (дата обращения: 13.02.2018).

Таблица 3. Ответы астраханцев на вопрос «К какому типу относится предприятие (организация), где Вы работаете на основной работе?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2010 г.	2012 г.	2016 г.
Органы государственной власти или местного самоуправления	н/д	н/д	13,6
Бюджетная организация или учреждение (например, школа, поликлиника и т. п.)	н/д	н/д	13,3
Государственное, муниципальное предприятие	41,9	38,9	11,1
Акционерное предприятие с участием государства	10,2	6,5	4,3
Акционерное предприятие без участия государства	3,4	5,4	3,3
Предприятие, находящееся в Вашей личной собственности	1,9	2,7	2,4
Частное предприятие (не Ваша собственность)	14,0	7,5	10,3
Колхоз, совхоз, сельскохозяйственный кооператив	3,9	1,4	0,4
Крестьянское, фермерское хозяйство	0,9	0,8	0,4
Личное подсобное хозяйство	1,1	0,1	0,7
Индивидуальная трудовая деятельность	2,0	7,3	2,5
Другое	1,7	0,4	0,7
Не имею постоянной работы	6,5	6,9	0
Не знаю	0,8	1,7	0,9
Отказ от ответа	11,0	11,0	2,9

работе был занят примерно каждый десятый (10,8%), в 2012 г. — каждый двенадцатый—тринадцатый (7,9%), то в 2016 г. — каждый пятый—шестой (18,9%). И большая доля «подработок» (4,4%) в 2016 г. приходилась на бюджетные организации — школы, поликлиники.

От волны к волне мониторинга колебалась также мотивация занятости на предприятиях по формам собственности. Так, в 2010 г. на предприятиях, находящихся в частной собственности, хотело работать около 40 % астраханцев, что было примерно равно доле желающих быть занятыми на государственных предприятиях и в организациях. При этом среди категории желающих работать на частных предприятиях больше всего опрошенных предпочло бы работать на предприятиях, находящихся в личной собственности (15,9%). В 2012 г. доля желающих работать на предприятиях частного сектора выросла по сравнению с уровнем 2010 г. на 9,8% и составила 47,9%, что на 12,8% превышало долю желающих трудиться по основному месту работы на государственных предприятиях. В 2012 г. больше всего астраханцев хотело бы работать на собственных частных предприятиях и заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. В 2016 г. доля астраханцев, которые предпочли бы работать на предприятиях частного сектора, не только снизилась до уровня 2010 года, но и стала гораздо меньше, чем доля желающих работать на предприятиях государственного сектора экономики (37,9% против 51,5%).

Интеллектуальная гетерархия является своего рода реакцией на монополию системы ценностей, которая есть у государства, чутким индикатором «расхождения легального и легитимного, действительного и возможного в сложившейся организации общества» [56, с. 241]. Как подчеркивает Д. Старк, «гетерархии — это организации с множественными мировоззренческими позициями» [12, с. 124], «это сложные адаптивные системы, ибо в них переплетается множество принципов оценки деятельности. Они являются гетерархиями ценностей» [13, с. 77].

Интеллектуальные гетерархии в структуре жизненного мира астраханцев проявляются в росте социокультурных дистанций, и прежде всего в значительном падении поддержки практически всех базовых ценностей при сохранении их иерархии: если в 2012 г. средний балл поддержки всех ценностей составлял 3,99, то в 2016 г. — 3,56 балла по пятибалльной шкале. Это является существенным в данном, достаточно коротком временном диапазоне и не может быть объяснено обычной статистической погрешностью в рамках используемой нами методики исследования системы ценностей: падение поддержки было настолько значительным, что все ценности расположились в кластерах интегрирующего резерва, оппонирующего дифференциала и конфликтогенной периферии, а в интегрирующем ядре не оказалось ни одной ценности. Необходимо отметить, что замет-

ное снижение поддержки базовых ценностей в этот же период зафиксировано и по результатам Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» [52, с. 20], и по результатам опроса во Владимирской области [57]. Кроме того, проявлением интеллектуальной гетерархии служит зафиксированный в результатах мониторинга рост доли тех астраханцев, которые посещают культурно-массовые учреждения крайне редко (в 2016 г. таких уже около половины), но примерно каждый третий начинает их посещать чаще. Не может не радовать, что в последней группе преобладает молодежь.

Одновременно с усилением маргинальности ценностного сознания астраханцев укрепляются первичные социальные сети. Так, значимость ценности семьи в структуре первичных социальных сетей увеличилась в период с 2010 по 2016 г. на 10%: если при ответе на вопрос «Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?» в 2010 г. вариант «семья» выбрали 71,9% опрошенных, то в 2016 г. — 81%. В 2,9 раза повысилась значимость круга друзей (с 18% в 2010 г. до 52,3% в 2016 г.). Заметно возросла значимость профессионального круга и круга соседей, причем эта тенденция проявилась уже в 2012 г. (с 5,8 до 16,7% и с 4,3 до 13,5% соответственно).

Интеллектуальные иерархии отражаются в игнорировании населением ухудшения объективных показателей экологической обстановки в регионе и росте позитивных оценок чистоты воздуха (с 21,5% в 2010 г. до 28,1% в 2016 г.) и воды (с 20,6 до 32,7% за этот же период). Хотя в регионе за этот же период наблюдалась самая значительная среди субъектов ЮФО динамика снижения использования свежей воды — с 2335 до 794 млн. куб. м, то есть в 2,9 раза, а уровень выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и в 2016 г. продолжал превышать уровень 1990 года⁶.

Это, с одной стороны, свидетельствует, на наш взгляд, о снижении планки социальных притязаний у населения в условиях решения

⁶ Регионы России: социально-экономические показатели. 2010. URL: <http://www.gks.ru/bgd/regl/b10-14p/Main.htm> (дата обращения 28.09.2017); Регионы России: социально-экономические показатели. 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (дата обращения 28.09.2017).

приоритетной проблемы выживания с минимальным горизонтом планирования. С другой стороны, это демонстрация поведения потребителя, у которого экономические интересы превалируют над всеми остальными (более подробно см. [58]). Снижение планки социальных притязаний проявляется также в повышении самооценок собственного здоровья. Так, доля астраханцев, которые оценивают свое состояние как нормальное, выросла от первой волны к третьей с 28,3 до 40,3%, а доля ответивших «временами болею», напротив, снизилась с 43,7 до 37,6%. Хотя одновременно растет недовольство действующей системой здравоохранения, что проявляет ее дисфункцию как социального института. Если по результатам мониторинга в 2010 и 2012 гг. количество удовлетворенных медицинским обслуживанием составляло около 15%, то в 2016 г. эта категория сократилась в два раза и составила всего лишь 7,2%.

Географическая гетерархия проявляется в дистанцировании альтернативных источников власти и норм в географическом пространстве либо в более мягкой форме — побуждении к эмиграции [56, с. 233]. В социокультурном пространстве региона географическая гетерархия проявляется прежде всего в росте эмиграционного запроса. Так, доля тех астраханцев, которые хотят уехать из региона, выросла с 4,6% в 2010 г. до 8,2% в 2016 г.; доля тех, кто хочет уехать из России, — с 1,8 до 3% за этот же период. А доля тех, кто рад, что живет в Астраханской области, напротив, снизилась — с 29,6 до 19,9%. Выросла также категория опрошенных, которые вообще не испытывают никаких чувств к региону (с 9,8 до 16,1%).

Потенциал географической гетерархии в регионе усиливается тем обстоятельством, что Астраханская область — исторически сложившийся перекресток миграционных потоков [59]. И в последние десятилетия на ее территории наблюдается миграционный приток молодого трудоспособного населения из республик Северного Кавказа и Средней Азии [29]. Такой приток в условиях многонационального и поликонфессионального региона приводит к росту межэтнической напряженности, зафиксированной в результатах мониторинга (более подробно см. [29]). С задачей адаптации молодых мигрантов с зачастую низкой профессиональной квалификацией должна «справляться»

система образования региона, потенциал которой, судя по рейтингам, растет. Так, по расчетам Вологодского научного центра РАН регион за период 1990–2010 гг. улучшил свой статус среди субъектов Российской Федерации по сводному индексу уровня развития научно-образовательного пространства и поднялся в этом рейтинге с 67-го на 37 место [60, с. 179–180].

Анализ и пояснение результатов исследования

Таким образом, анализ процессов модернизации региона на основе системного подхода, концепций модернизации и гетерархии позволил сделать следующие выводы.

1. Применение положений теории гетерархии в различных парадигмах современного социально-гуманитарного научного знания – филологической, психологической, социологической, экономической, исторической, политологической, сетевой, системной и др. – свидетельствует о ее значительном теоретико-методологическом потенциале. Вместе с тем междисциплинарный анализ позволил выявить ряд противоречий в применении концептуальных подходов этой теории, что выражается в различных (иногда противоположных по смыслу) трактовках соотношения понятия «гетерархия» с другими понятиями, вариативности трактовки влияния гетерархий на социальные процессы.

2. Перспективными для анализа процессов модернизации региона в теоретическом и прикладном аспектах являются:

- исследовательский вывод о пересечении предметных полей понятий «гетерархия», «регион», «модернизация» в решении вопросов о природе, принципах (ценностных основаниях) управления, а также векторах модернизации региональных систем на основе многополярности, внутреннего многообразия, региональной специфики;

- представления о регионе как сложноорганизованной социальной системе, основанной на иерархических (стабильность) и гетерархических (гибкость) отношениях, которые не взаимоисключают друг друга. Данная система может модернизироваться, изменяя свою внутреннюю организацию в гетерархической или иерархической плоскости. Это актуализирует значимость грамотной постановки и решения управленческих задач, разработку ситуативных моделей управления, реализация которых

даст максимальный эффект развития при минимальных затратах ресурсов. Специфика развития системы при соответствующем организационном оформлении и организационной структуре может стать важнейшим ресурсом модернизации;

- концептуальные положения о государстве-Левиафане, противостоящем общественным гетерархическим структурам, и государстве как центральном узле гетерархии, осуществляющем функции метауправления.

3. Социокультурное пространство Астраханской области можно представить как систему, в эволюции которой можно выделить четыре фазы: роста и аккумуляции, адаптации, накопления изменений и трансформации [61]. В актуальном настоящем состоянии этой системы можно назвать турбулентным, нестабильным, что связано со сменой фаз ее состояний. Состояние системы региона в актуальном настоящем можно идентифицировать как фазу накопления изменений или как фазу реорганизации, что означает близость системы к трансформации, то есть переходу в новое качественное и устойчивое состояние, в нашем случае, путем упрощения системы. Упрощение системы проявляется в снижении планки социальных притязаний у части населения региона с одновременным укреплением ценности первичных социальных сетей и снижением поддержки базовых ценностей. Данный процесс усиливается географической гетерархией, которая проявляется в сложном процессе миграционного замещения социальных групп с более высокими социальными запросами носителями кочевнического менталитета с заниженной планкой социальных притязаний. Обладатели такого типа сознания устойчивы, у них снижен уровень социальных притязаний, но снижен и социальный капитал, проявляющийся в наличии качественного образования и высокого уровня профессиональных компетенций. Это повышает экономическую установку на простое выживание. Кроме того, у них сложилось собственное понимание базовых ценностей. Как ни парадоксально, упрощение системы при соответствующем организационном оформлении и организационной структуре может стать ресурсом модернизации региона. Проблемной зоной модернизации выступает усложнение и имитация социально-экономических институ-

тов, что проявляет дисфункцию жизнеобеспечивающей сферы социокультурного пространства региона.

Таким образом, на основе междисциплинарного синтеза системного подхода, концепций модернизации и гетерархии, анализа статистической информации, динамики индексов модернизации и человеческого развития, результатов социологического мониторинга проанализированы процессы модернизации в

конкретном российском регионе, идентифицирована стадия развития региональной системы, выявлены ресурсы и проблемы модернизации региона сквозь призму сложного «переплетения» иерархических и гетерархических отношений. Полученные результаты могут быть использованы в практике управления повседневной реальностью регионального социума, находящегося в сложном и неустойчивом переходном периоде.

Литература

1. Бондарев А.А. Моделирование и управление регионом как социальной системой: социологический анализ: дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.08 – социология управления. Пятигорск, 2004. 441 с.
2. Bango J. *Role and Function of Regional Differences in the World Society from the Point of View of Modern Luhmannian Systems Theory (Socio-region as proposed correction)*. Available at: <http://7jcsz.ajk.cltc.hu> (accessed: 07.08.2018).
3. Бондаренко В.И. Социальная структура и институты российского общества в контексте противоречий глобализации и регионализации: автореф. дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы. Новочеркасск, 2011. 59 с.
4. Бажин И.И. Социальная инноватика в системе управления регионом: автореф. дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.08 – социология управления. Нижний Новгород, 2009. 58 с.
5. Говорухин Г.Э. Символическое конструирование социального пространства осваиваемого региона (социологический анализ): автореф. дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы. Хабаровск, 2009. 38 с.
6. Ахтариева Л.Г. Организационно-институциональное развитие системы управления экономикой региона: автореф. дис. ... д-ра экон. наук по специальности 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика). Уфа, 2011. 40 с.
7. Гамбеева Ю.Н. Институциональная среда и ее влияние на конкурентоспособность региона // Вестник ПАГС. 2012. № 4. С. 103–108.
8. Завалишин А.Ю. Территориальное поведение социально-территориальной общности (на примере региональных общностей России): автореф. дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы. Хабаровск, 2009. 39 с.
9. Лапин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 25-34.
10. Социокультурное пространство региона: методология исследования: монография / Н.В. Дулина, О.В. Естрина, Т.И. Игнатенко, Н.А. Овчар, М.М. Самчук, О.И. Ситникова. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2011. 132 с.
11. Корепанов Г.С. Социальное воспроизводство региона: экономико-социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.03 – экономическая социология и демография. Тюмень, 2010. 56 с.
12. Старк Д. Гетерархия: неоднозначность активностей и организация разнообразия в постсоциалистических странах // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 2. С. 115-132.
13. Старк Д. Гетерархия: организация диссонанса // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 1. С. 57-89.
14. Сошников А.О. Основания для построения моделей спонтанных монологических текстов повествования и рассуждения // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4-1 (43). С. 261-264.
15. Карпов А.В. Рефлексия в структуре сознания // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 1 (19). С. 6-12.
16. Бочарова Е.Е. Реализация системно-диахронического принципа в исследованиях социализации личности // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник мат. Международной научно-практической конференции. 2016. С. 103-107.

17. Пузанов В.В. Посланы дервьска земл а... К проблеме типологии «летописных племён» // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. № 3. С. 44-54.
18. Крадин Н.Н. Основные закономерности происхождения государства // Краткие сообщения Института археологии. 2015. № 239. С. 7-27.
19. Малышев Ю.А. Методологические основы научных исследований к решению проблем эффективного взаимодействия территориальных социально-экономических систем в процессе воспроизводства (часть 1) // ВУЗ. XXI век. 2015. № 3 (49). С. 91-102.
20. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. №4. С. 31-50.
21. Дегтярёва С.В., Земляков А.А. К вопросу о содержании сетевых отношений и их месте в институциональной структуре национальной экономики // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2010. № 1. С. 110-115.
22. Озеров Н.И. Трансформация власти и структура организаций // Управление устойчивым развитием. 2017. № 6 (13). С. 78-81.
23. Сетевые методы управления / В.А. Иванюк, Н.М. Абдикеев, Ф.Ф. Пашенко, Н.В. Гринева // Управленческие науки. 2017. Т. 7. № 1. С. 26-34.
24. Бражник Г.В. Роль и значение социального капитала в развитии муниципального образования // Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал. 2013. №2. — Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8965> (дата обращения: 23.09.2018).
25. Красавин И.В. Концепция дифференциальной социальности // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2011. № 2 (91). С. 27-40.
26. Чабаненко М.В. Влияние использования компьютерной техники на условия функционирования новых медиа // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 2. С. 51-55.
27. Шилина М. Общественные связи как метасистема. Реалии и перспективы теоретических исследований // МедиаАльманах. 2010. № 5 (40). С. 6-10.
28. Lash S., Wittel A. Shifting new media: from content to consultancy, from heterarchy to hierarchy. *Environment and Planning*, January 1st, 2002, vol. 34, no. 11, pp. 1985-2001. URL: https://www.academia.edu/914632/Shifting_new_media_from_content_to_consultancy_from_heterarchy_to_hierarchy (accessed: 01.10.2018).
29. Астраханская область в процессах модернизации на социокультурной карте России (опыт системного анализа) / Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Е. В. Каргаполова, С. Н. Коннова, Д. Р. Крипакова, Ю. Г. Миронова, С. В. Новоселов, И. И. Потапова, Е. О. Черемных; под общ. ред. Е. В. Каргаполовой. Астрахань: АГАСУ, 2017. 378 с.
30. Каргаполова Е. В., Дулина Н. В., Стризое А. Л. Молодежь в процессах модернизации: оценка состояния (на примере регионов Южного федерального округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 2. С. 130-149.
31. Макаревич Е.Г. Гетерархия как способ управления социальными организациями: возможности и специфика контроля // Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2010. № 1. С. 43-47.
32. Осипов В.А. Гетерархия в системе взаимодействия государства и общества на примере социальной политики в г. Москве: введение понятия и методологические аспекты применения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 1. С. 36-47.
33. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Хэ Чуаньци; пер. с англ. под общ. ред. Н. И. Лапина. М.: Весь Мир, 2011. 256 с.
34. Каргаполова Е.В. Регион как объект социологического анализа // *Primo Aspectu*. 2016. №1(25). Март. С. 46-53.
35. Дулина Н.В. Социально-экономическое развитие региона как гетерархической системы // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия. 2017. №1-2(6-7). С. 27-32.
36. Баркова В.В. Актуальность разработки философских парадигм управления социумом // Социум и власть. 2016. № 3 (59). С. 25-30.
37. Зырянов А.В. Формы реализации государственной власти (синергетический поход) // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2013. № 4 (37). С. 13-16.
38. Краснов Г.А., Краснов А.А., Краснов А.А. Порядок и хаос как затратнообразующие факторы в процессе принятия управленческих решений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 3-1. С. 262-265.

39. Griffin R. Defining heterarchy: the career of a concept. *Academia.edu*. URL: https://www.academia.edu/9483797/Defining_heterarchy_the_career_of_a_concept.
40. Santini R.H., Moro F.N. Between hierarchy and heterarchy: Post-Arab uprisings' civil–military relations and the Arab state. *Mediterranean Politics*. URL: https://www.academia.edu/35044717/Between_hierarchy_and_heterarchy_Post-Arab_uprisings_civil_military_relations_and_the_Arab_state. doi.org/10.1080/13629395.2017.1385170/
41. Павлюткин И.В. Преодолевая границы между государством и церковью: случай православного университета // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 47-64.
42. Мартыанов В.С. Гетерархия как условие государства // Научные тетради Института Восточной Европы. М., 2009. С. 102-132.
43. Mohan K.A., Parthasarathy B. From hierarchy to heterarchy: The state and the Municipal Reforms Programme, Karnataka, India. *Government Information Quarterly*, 2016, vol. 33, no. 3, pp. 427-434. URL: https://www.academia.edu/28229870/From_hierarchy_to_heterarchy_The_state_and_the_Municipal_Reforms_Programme_Karnataka_India. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2016.05.007>
44. Дао-дэ-цзин / пер. Ян Хин Шун. М.: Мысль, 1972. 25 с.
45. Вовк С.П., Гинис Л.А. Элементы эволюционного моделирования принятия решения в сложных системах с динамичными видами иерархий // Фундаментальные исследования. 2016. № 6-1. С. 47-51.
46. Мартинелли А. Глобальная модернизация: переосмысляя проект современности. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. 260 с.
47. Паин Э. А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 37-54.
48. Бондаренко Д.М. Гомоархия как принцип социально-политической организации (постановка проблемы и введение понятия) // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Волгоградский центр социальных исследований, 2006. С. 164-183.
49. Основные принципы модернизации системы управления здравоохранением Самарской области / В.А. Виттих, Г.Н. Гридасов, Е.А. Гриценко, С.И. Кузнецов, Т.В. Тяпухина, Е.В. Кузьмук, Л.В. Кведер, М.С. Буклешева // Управление качеством медицинской помощи. 2012. № 1. С. 40-45.
50. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФ РАН, 2010. 111 с.
51. Дулина Н. В., Каргаполова Е. В. Между заторможенным ростом и модернизацией регионов. Южный федеральный округ // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 22-29.
52. Лапин Н.И. Симптомы социогуманитарной рецессии и способы укрепления социального государства // Общественные науки и современность. 2016. № 5. С. 19-29.
53. Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика / И.И. Бойко и др.; под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой. Чебоксары, 2015. 244 с.
54. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 158 с.
55. Социокультурный портрет Тюменской области: коллективная монография / науч. ред.: Г.Ф. Ромашкина, В.А. Юдашкин. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2011. 356 с.
56. Мартыанов В.С. Государство и гетерархия: субъекты и факторы общественных изменений // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. № 9. С. 230-248.
57. Плеханов Е.А. Стратификация ценностных предпочтений жителей Владимирской области // Ученые записки. 2018. №1(25).С. 73-77.
58. Социально-экологическая система региона: тенденции и противоречия (на примере Астраханской области) / Н.В. Дулина, Е.В. Каргаполова, Е.В. Островская, Ю.Г. Миронова // Регионоведение. 2018. Т. 26. № 3. С. 538-557. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.538-557>.
59. Дулина Н.В., Каргаполова Е.В., Наумов И.Н. «Врата народов»: Южный федеральный округ в социокультурном пространстве России // Вестник Калмыцкого университета. 2016. №1(29). С. 88-97.
60. Проблемы эффективности государственного управления. Человеческий капитал территории: проблемы формирования и использования / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова, А.В. Попов, А.М. Панов, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева, Е.А. Чекмарева; под общ. ред. А. А. Шабуновой. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. 184 с.
61. Gunderson L.H., Holling C.S. *Panarchy: Understanding Transformations in Human and Natural Systems*. Washington: Island Press, 2002. 536 p.

Сведения об авторах

Екатерина Владимировна Каргаполова – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36; e-mail: k474671@list.ru)

Надежда Васильевна Дулина – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры, Волгоградский государственный университет (400062, Российская Федерация, г. Волгоград, Университетский пр-т, 100; e-mail: nv-dulina@yandex.ru)

Kargapolova E.V., Dulina N.V.

Modernization of a Region as a Heterarchical System

Abstract. Modern world is dynamic, variable and full of risks, which requires the development of flexible and dynamic mechanisms to modernize regional social systems. For modern Russian regions, different in pace of development and people's quality of life, it is important to develop such theoretical and methodological approaches to based to identify resources and problem areas of modernization. The research novelty lies in the analysis of modernization in a region using the theoretical and methodological capabilities of the system approach, the concepts of heterarchy and modernization. We emphasize the overlap of subject fields of terms "heterarchy", "region", and "modernization" in matters of principles (value basis) of modernization process management in the region using the heterarchy resources. Based on the results of the monitoring sociological study conducted during 2010–2016 in the Astrakhan Oblast using the interview method at the place of residence according to the Standard Methodology of the all-Russian program "Socio-Cultural Evolution of Russia and its Regions", we revealed the strengthening of the vertical of power, that is, hierarchical relations in the institutional and regulatory sphere. The growing institutional heterarchy, whose purpose is to complicate and imitate social institutions, is manifested in predominant non-market motivation among the residents of Astrakhan, as well as in fluctuations in values of market and non-market motivation, depending not only on the socio-economic, but also political situation. The imitation of socio-economic institutions demonstrates the dysfunction of life-supporting sphere of the region's socio-cultural space and is a problem area of modernization of the region. Intellectual heterarchy ("the war for standards") is fixed in reducing support for basic values simultaneously with the strengthening of primary social networks in the structure of the background knowledge of the region's population. Moreover, the changed system of values is manifested in the reduced standard of social claims regarding the perception of the standard in assessing own health and the environment. Intellectual heterarchy in the region is complemented by geographical one as migration substitution of the population in a region with higher social demands by the carriers of nomadic mentality with low social claims. The existing heterarchies may indicate that the Astrakhan Oblast as a system is close to the reorganization phase which means the transition of the region's system to a more sustainable state due to its simplification. With appropriate organizational design, low social claims of the region's population may become the modernization resource of the region.

Key words: region, modernization, heterarchical system.

Information about the Authors

Ekaterina V. Kargapolova – Doctor of Sociology, Professor, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyannyi Lane, 117997, Moscow, Russian Federation; e-mail: k474671@list.ru)

Nadezhda V. Dulina – Doctor of Sociology, Professor, Volgograd State University (100, Universitetskii Avenue, 400062, Volgograd, Russian Federation; e-mail: nv-dulina@yandex.ru)

Статья поступила 22.10.2018.

Проблемы Европейского Севера России и возможности его участия в развитии Арктической зоны РФ*



**Сергей Александрович
КОЖЕВНИКОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru

Аннотация. Стоящие перед Россией вызовы, обусловленные нестабильной геополитической обстановкой в мире, требуют поиска внутренних источников развития, повышения эффективности управления территориями. В такой ситуации приоритетным объектом государственной политики, на наш взгляд, должны стать северные и арктические территории, обладающие огромным природно-ресурсным, экономическим и геополитическим потенциалом. В то же время в их развитии в постсоветский период накопился комплекс проблем, требующих осмысления и разработки механизмов решения, что и послужило целью данной работы. Проведенный анализ показал, что рыночные преобразования 90-х гг. XX века на Европейском Севере России (ЕСР) и в его арктической зоне привели к усилению процессов депопуляции населения, деградации и примитивизации промышленного производства, сворачиванию сельхозпроизводства, падению качества жизни населения; росту концентрации экономической и социальной активности в «узловых» точках и деградации потенциала периферийных муниципалитетов. На базе комплексного анализа социально-экономического развития и документов стратегического планирования ЕСР установлено, что данные территории имеют объективные предпосылки для диверсификации производства на основе глубокой переработки сырьевых ресурсов, широкой кооперации и межрегиональной интеграции. Доказано, что межрегиональной интеграции территорий ЕСР и

* Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

Для цитирования: Кожевников С.А. Проблемы Европейского Севера России и возможности его участия в развитии Арктической зоны РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 87-107. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.5

For citation: Kozhevnikov S.A. Problems of the European North of Russia and the possibilities of its participation in the development of the Arctic zone of the Russian Federation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 87-107. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.5

его арктической зоны с более южными регионами страны будет способствовать формированию и развитию в приоритетных отраслях (нефтепереработка, ЛПК, развитие гражданского, наукоемкого машиностроения и др.) длинных технологических цепочек, выходящих за пределы Арктической зоны РФ. Наряду с этим обосновано, что важную роль в качестве форпоста освоения Арктики может сыграть Вологодская область; предложены приоритетные инструменты развития транспортно-логистической системы в регионе, что позволит устранить инфраструктурные ограничения экономического роста и обеспечить встраивание европейской части Арктической зоны России в единое экономическое пространство страны. Дальнейшими направлениями исследований по данной проблематике будет детальное обоснование предложенных механизмов межрегиональной интеграции территорий Европейского Севера и его арктической зоны.

Ключевые слова: Европейский Север России, Арктическая зона РФ, социально-экономическое развитие, территориально-хозяйственная система, технологические цепочки, транспортная система, стратегия.

Введение. Особенностью России как самой большой по площади страны мира с ее огромными межрегиональными различиями в природно-ресурсных, этно-социальных, структурных, исторических, климатических условиях и факторах развития является необходимость обязательного учета пространственных аспектов. В связи с этим академик А.И. Татаркин справедливо отмечал, что «оптимальное использование экономического пространства всегда определяло и будет определять политическое, национальное, демографическое, социальное и экономическое своеобразие Российского государства» [1]. Наряду с этим академик П.А. Минакир и д.г.н. А.Н. Демьяненко указывали, что «экономическое пространство современной России – явление уникальное, вне всякого сомнения. И дело не только в том, что оно обширно и разнообразно, но и в том, что на протяжении как минимум двух последних десятилетий оно подвергалось кардинальным трансформационным преобразованиям» [2].

При этом в пространственном развитии современной России сформировался сложный и чрезвычайно болезненный клубок проблем, вызовов и угроз. Существуют даже зарубежные исследования, где предпринята попытка оценки ежегодных потерь РФ от неэффективной пространственной организации страны¹. Очевидно, что их решение требует государственного управления с использованием инструментов

¹ В частности, согласно оценке Института Брукинга (Brookings Institution, Вашингтон, США), они оцениваются в 2,3–3,0% ВВП [3].

региональной, структурно-инвестиционной, инновационной, социальной, природоохранной политики.

Важную роль в развитии страны, безусловно, должны играть регионы Севера и Арктики² России, обладающие огромным геостратегическим и природно-ресурсным потенциалом. Вместе с тем потенциал этих территорий в настоящее время используется далеко не в полной мере в связи с нарушением основных экономических связей между регионами страны в постсоветский период³, ухудшением качества человеческого капитала, разрушением инфраструктуры. Данные негативные процессы ведут не только к сжатию и дефрагментации экономического пространства страны, но и являются факторами, обуславливающими возрастание угроз её национальной безопасности [3, 5].

Европейский Север России (Архангельская, Вологодская, Мурманская области, республики Коми, Карелия и Ненецкий автономный округ) является одним из ключевых и самых больших по площади (1,466 тыс. кв. км) регионов евро-

² Границы Арктики в мировом сообществе пока однозначно не устоялись. Обычно ими является Северный полярный круг – 66°33' (Канада – 60°, Норвегия – 65°), при этом июльская изотерма для данных территорий составляет 10°С (США). В России границы данного макрорегиона утверждены Указом Президента РФ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (от 2 мая 2014 г. № 296).

³ Так, доля межрегионального оборота в ВВП России только за относительно короткий период (1990–1994 гг.) упала с 25 до 16% [4]. Восстановление экономических связей внутри России в дальнейшем шло крайне медленными темпами.

пейской части страны, отличающихся выгодным экономико-географическим положением (на севере омывается Баренцевым и Белым морями; на западе граничит с Финляндией и Норвегией, что открывает огромные возможности для развития внешней торговли; на востоке и юге – с экономически развитым Уралом и Центральной Россией соответственно).

Ведущими отраслями специализации Европейского Севера являются ЛПК, черная и цветная металлургия, химическая промышленность, ТЭК, опирающиеся на богатую минерально-сырьевую базу региона. Часть его территорий относится к Арктической зоне РФ (АЗ РФ) и характеризуется весьма суровыми природно-климатическими условиями.

В исследованиях чл.-корр. РАН, д.г.н. В.Н. Лаженева справедливо отмечается, что развитие межрегиональной экономической интеграции по линии «Север-Юг» и встраивание данного региона в экономическое пространство страны позволит эффективно использовать потенциал Европейского Севера для решения стратегических задач развития Арктической зоны и России в целом [6]. Вместе с тем эффективное управление данными процессами, на наш взгляд, требует комплексного изучения особенностей и системных проблем развития территорий Европейского Севера России, а также обоснования эффективных механизмов их участия в реализации Стратегии развития Арктической зоны РФ. Это и послужило *целью* представленной работы.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие *задачи*:

1) проанализировать тенденции и выявить ключевые проблемы социально-экономического развития территорий Европейского Севера России;

2) выявить долгосрочные ориентиры и особенности «арктического вектора» развития субъектов Европейского Севера России, закрепленные в стратегических документах регионального развития;

3) определить перспективные направления и обосновать механизмы участия ЕСР в реализации Стратегии развития Арктической зоны РФ.

Теоретические аспекты исследования. Отечественная экономическая и географическая наука имеет существенный опыт исследований по

вопросам анализа процессов развития и управления северными и арктическими территориями, роли данных территорий в пространственном развитии страны.

В целом наиболее активно исследования по пространственной проблематике начали проводиться во времена СССР. В частности, теоретическим обоснованием тенденций и закономерностей размещения производительных сил в Советском Союзе занимались такие видные ученые, как *Г.М. Кржижановский*⁴ (рассматривал народное хозяйство как целостную систему, ключевым звеном развития которой является электрификация; заложил основы создания энергопромышленных комплексов; обосновал необходимость электрообеспечения промышленных районов от крупных районных электростанций), *И.Г. Александров*⁵ (совместно с Г.М. Кржижановским осуществлял исследования по экономическому районированию территории СССР), разработал научные основы концепции энерго-производственных циклов и ТПК, в дальнейшем развитые Н.Н. Колосовским), *В.М. Четыркин*⁶ (исследовал проблемы экономического районирования – идея узловой народнохозяйственной проблемы), *Н.Н. Некрасов*⁷ (разработал принципы формирования и развития народнохозяйственных и территориально-производственных комплексов, выступал научным руководителем комплексных исследований по разработке генеральных схем развития и размещения производительных сил СССР на перспективу),

⁴ См., напр.: Кржижановский Г. Основные задачи электрификации России. Харьков: Всеукраинское государственное издательство, 1920. 60 с.; Кржижановский Г. Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной общеплановой комиссии (Госплана). М., 1922. 126 с.

⁵ Александров И.Г. Экономическое районирование России. Госплан. М.: [Тип. III Интернационала], 1921. 15 с.; Александров И.Г. Основы хозяйственного районирования СССР. М.; Л.: Экономическая жизнь, 1924. 75 с..

⁶ Четыркин В.М. Средняя Азия: (опыт комплексной географической характеристики и районирования). М.; Л.: Внешторгиздат, 1958. 207 с.; Четыркин В.М. Проблемные вопросы экономического районирования. Ташкент: Фан, 1967. 123 с.

⁷ Некрасов Н.Н. Научные проблемы Генеральной схемы размещения производительных сил СССР: тезисы доклада на Общем собрании Отд-ния экономики АН СССР. М.: [б.и.], 1966. 7 с.; Экономика СССР – взаимосвязанный народнохозяйственный комплекс. М.: Знание, 1973. 64 с.

*А.Е. Пробст*⁸ (создал схему районирования топливно-энергетического комплекса страны, разработчик идеи т.н. «концентров»), *В.С. Немчинов*⁹ (комплексно исследовал вопросы строительства промышленных, угольно-металлургических баз и гидроузлов в верховье Енисея, в бассейне Амура, рассматривая их как центры будущих крупных общехозяйственных комплексов), *С.В. Славин*¹⁰ (обосновывал неразрывную связь между освоением Севера и экономическим развитием всего СССР; активно предлагал перейти к единому социально-экономическому управлению регионом), *А.Г. Гранберг*¹¹ (исследовал национальную экономику как систему регионов, взаимодействующих в рыночной среде с госрегулированием; разработал программы регионального развития – по Сибири, Дальнему Востоку, Северу, а также крупные регионально-транспортные проекты), *А.Г. Аганбегян*¹² (внес значительный вклад в разработку первой научно обоснованной концепции состояния и перспектив развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока, работ по оптимальному планированию развития и размещения отраслей промышленности).

С 60-х гг. XX века при непосредственном участии академического сообщества был разработан предплановый (прогнозный) документ – Генеральная схема развития и размещения производительных сил СССР. Последняя Генеральная схема была разработана на период

⁸ Пробст А.Е. Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства СССР / Акад. наук СССР. Энергет. ин-т им. Г.М. Кржижановского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1939. 404 с.

⁹ Немчинов В.С. Теоретические вопросы рационального размещения производительных сил // Вопросы экономики. 1961. № 6; Немчинов В.С. Статистические и экономические вопросы построения баланса народного хозяйства // Учёные записки по статистике. Изд-во АН СССР, 1957. Т. 3.

¹⁰ Славин С.В., Догаев Ю.М. Развитие производительных сил Севера и проблемы регионального научно-технического прогресса // Проблемы Севера. 1972. Вып. 17. С. 5-20.

¹¹ Оптимизация территориальных пропорций народного хозяйства. М.: Экономика. 1973. 248 с.

¹² Аганбегян А.Г., Гранберг А.Г. Экономико-математический анализ межотраслевого баланса СССР. М.: Мысль, 1968. 357 с.; Гранберг А.Г., Аганбегян А.Г., Багриновский К.А. Система моделей народнохозяйственного планирования. М., 1972. 351 с.

до 2005 г., а последняя Комплексная программа – до 2010 г. В 70-80-х гг. были также созданы крупные региональные программы (Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, хозяйственного освоения зоны БАМ), программы формирования территориально-производственных комплексов, ориентированных на использование богатых природных ресурсов (Тимано-Печорского, Павлодарско-Экибастузского, группы комплексов Ангаро-Енисейского региона и др.) [7]. Однако, к сожалению, многие ценные результаты науки так и не были использованы на практике.

Следует отметить, что многие классические работы североведческого характера в настоящее время востребованы под углом зрения формирования концепции переосвоения Арктики (В.В. Ивантер, В.Н. Лексин, А.Н. Швецов, Б.Н. Порфирьев, А.Н. Пилясов) и формирования новых подходов к оценке северного и арктического природно-ресурсного потенциала (Т.Е. Дмитриева, М.А. Жуков, В.А. Крюков, В.Н. Лаженцев, В.Г. Логинов, В.С. Селин, С.А. Суспицин).

Исследования проблем развития Арктики активно проводятся целым рядом европейских стран. В частности, научные учреждения и университеты Дании (Арктический исследовательский центр в Университете Орхуса, Центр арктических технологий Технического университета), Исландии (Университет Исландии, Университет Рейкьявика), Норвегии (Норвежский исследовательский совет, Норвежский национальный комитет по полярным исследованиям), Финляндии (Комитет по арктическим и антарктическим исследованиям при Совете финских академий, университеты Лапландии, Аальто, Оулу, Турку и Хельсинки), Швеции (Шведский исследовательский совет и Шведский секретариат полярных исследований) проводят комплекс прикладных и фундаментальных исследований по вопросам эффективного использования полезных ископаемых, водных, биологических и туристско-рекреационных ресурсов; организации охраны природы, сохранения биоразнообразия, организации экологического мониторинга; устойчивого развития, изменения климата, изучения прибрежных зон и др. Аналогичными вопросами занимаются и ученые из стран Северной Америки [8–12].

Северная и арктическая проблематика в нашей стране находится в фокусе внимания не только научных кругов, но и государства. Еще в советский период был принят целый ряд нормативно-правовых актов и программных документов, посвященных развитию данных территорий (табл. 1).

При этом необходимо отметить, что в настоящее время не существует нормативно-правового акта, комплексно регулирующего социально-экономическое развитие северных регионов России. Законом такого рода ранее был ФЗ «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» от 19.06.96 № 78, в котором были закреплены такие принципы управления, как государственный протекционизм и селективность. Однако он утратил силу в 2005 г.

Приоритетными направлениями государственной политики по отношению к северным регионам, закрепленными в Концепции государственной поддержки экономического и социального развития регионов Севера (утв. постановлением Правительства РФ от 7 марта 2000 года № 198), были сбалансированное раз-

витие производства, сохранение окружающей среды и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера. Вместе с тем многие ее положения, к сожалению, так и не были реализованы на практике.

Впервые отдельно Арктическая зона Российской Федерации как объект комплексного государственного управления была определена в 1989 г. решением Государственной комиссии при Совете министров СССР по делам Арктики. Вместе с тем в 90-х гг. XX века арктические территории оказались на периферии государственных интересов. Новый виток развития арктической тематики датируется серединой 2000-х гг. Так, в 2008 году были приняты Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Приказом Президента РФ № 1969).

Законодательно сухопутные границы Арктической зоны Российской Федерации были определены Указом Президента РФ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 2 мая 2014 г. № 296. Наряду с этим в 2013 году была утверждена Стратегия развития Арктической зоны Российской Феде-

Таблица 1. Стратегические и программные документы развития Севера и Арктики в России

Период	Стратегические и программные документы развития Севера и Арктики
СССР (1920–1989 гг.)	<ol style="list-style-type: none"> 1. План ГОЭЛРО (принят Советом Народных Комиссаров 21 декабря 1921 г.). 2. Совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства» (принято 20 июля 1934 г.). 3. Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие указов Президиума Верховного совета СССР от 10 февраля 1960 г. 4. Об утверждении Положения о Комиссии по делам Арктики и Антарктики при Кабинете министров СССР и персонального состава этой Комиссии (постановление Кабинета министров СССР от 29 мая 1991 г. № 308).
Российская Федерация (1990 гг. – н.в.)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Межведомственная комиссия по делам Арктики и Антарктики, которая пришла на смену Государственной комиссии РСФСР по делам Арктики и Антарктики (образована в 1992 году). 2. Программа освоения запасов углеводородного сырья на шельфе арктических морей России, рассчитанная до 2010 года (утверждена в 1996 году). 3. ФЗ от 19.06.96 № 78 «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» (утратил силу в 2005 году). 4. Концепция государственной поддержки экономического и социального развития регионов Севера (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 7 марта 2000 года № 198) 5. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Приказом Президента РФ от 18 сентября 2008 г. № 1969). 6. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утверждена Президентом РФ 8 февраля 2013 г.); 7. Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» (утверждена Постановлением Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366); 8. Правительственный законопроект «О развитии Арктической зоны Российской Федерации». (в настоящее время еще не принят). 9. Проект Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года.

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Границы Арктической зоны РФ (в соответствии с Указом Президента РФ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 2 мая 2014 г. № 296)



рации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. Постановлением Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366 утверждена государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» (в редакции Постановления Правительства РФ от 31 августа 2017 года № 1064). В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, разработанной Министерством экономического развития РФ, Арктическая зона РФ названа в числе геостратегических территорий страны.

На важнейшую роль данных территорий неоднократно указывалось и в выступлениях первых лиц государства. Так, Президент России В.В. Путин на пленарном заседании IV Международного арктического форума «Арктика – территория диалога», проходившего 29–30 марта 2017 года в Архангельске, отмечал, что

«... в наши дни значение Арктики многократно возрастает... Цель страны – обеспечить устойчивое развитие Арктики, а это освоение ресурсов, развитие промышленной базы, повышение качества жизни коренных народов Севера»¹³.

Что же представляет из себя Арктическая зона РФ в настоящее время? В той части сухопутной Арктической зоны, состав которой установлен Указом Президента РФ, она является наиболее освоенной и заселенной (в ней численность населения в 2016 г. составила 2,5 млн. чел.; в Американской Арктике – 0,8 млн. чел., Арктической Европе – 1,3 млн. чел.). Общая площадь арктических территорий России составляет порядка 3 млн. кв. км (18% всей территории РФ), в том числе 2,2 млн. кв. км суши (рис. 1).

¹³ Стенограмма пленарного заседания Международного арктического форума «Арктика – территория диалога» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://szfo.gov.ru/press/events/1061/>

При этом данный макрорегион обладает огромным природно-ресурсным потенциалом [13]. Так, по оценкам ученых¹⁴, в Арктике сосредоточены значительные запасы золота (40% общероссийских), нефти (60%), газа (60–90%), хрома и марганца (90%), платиновых металлов (47%), алмазов (100%); общая стоимость минерального сырья арктических недр превышает 30 трлн. долларов¹⁵. Доля Арктической зоны в объеме продукции, производимой добывающими и обрабатывающими отраслями, составляет 1/5 и 2% соответственно.

Описание методики исследования. Для достижения обозначенной цели в работе использовались методы экономического, статистического и компаративного анализа, обобщения, монографический метод. Методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных экономистов в области региональной и пространственной экономики, государственного и муниципального управления; ученых, занимающихся исследованиями проблем Севера и Арктики.

Основные результаты исследования. Рыночные постсоветские преобразования 90-х гг. негативно отразились на социально-экономическом развитии территорий Европейского Севера России [4, 14, 15]. Одной из ключевых проблем ЕСП, как и большинства других регионов страны, является сокращение постоянного населения (табл. 2).

Так, численность населения Мурманской области в 1990–2017 гг. сократилась на 26,7%, Республики Коми – на 22,2%. Менее всего процессы депопуляции коснулись Вологодской области. Это обусловливается, в том числе, оттоком в данный субъект населения с более северных территорий страны. Ещё более быстрыми темпами процессы сокращения населения происходили на селе: за тот же период численность сельских жителей в Мурманской области снизилась почти вдвое, Архангельской – на 38% и т.д.

Наряду с естественной убылью населения наблюдаются процессы его миграционного оттока, что вызывает сокращение численности

Таблица 2. Численность населения в субъектах Европейского Севера России (на начало года), тыс. чел.

Территория	Год											2017 г. к 2000 г., %	2017г к 1990 г., %
	1990	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017		
<i>Постоянное население</i>													
Республика Карелия	792	729	698	643	640	637	634	633	630	627	622	85,3	78,5
Республика Коми	1240	1043	985	899	890	881	872	864	856	851	841	80,6	67,8
Архангельская область (включая Ненецкий АО)	1569	1369	1291	1225	1214	1202	1192	1183	1174	1166	1155	84,4	73,6
Вологодская область	1354	1290	1235	1201	1199	1196	1193	1191	1187	1183	1177	91,2	86,9
Мурманская область	1189	923	864	794	788	780	771	766	762	758	753	81,6	63,3
<i>Сельское население</i>													
Республика Карелия	144	186	171	141	138	135	132	129	127	124	122	65,6	84,7
Республика Коми	297	258	240	207	203	200	196	193	189	187	184	71,3	62,0
Архангельская область	411	343	349	297	289	282	280	27	265	259	254	74,1	61,8
Вологодская область	462	403	393	350	356	343	339	335	333	329	325	80,6	70,3
Мурманская область	100	71	74	57	57	57	56,6	57	57	57	58	81,7	58,0

Источник: рассчитано на основе данных официального сайта Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). Режим доступа: www.fedstat.ru

¹⁴ Комплексная научно-техническая программа исследований, разработок, создания продуктов и услуг на 2018–2025 годы «Научно-технологические направления повышения эффективности освоения и использования Арктики» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minec.gov-murman.ru/documents/20-gogoberidze-g-g..pdf>

¹⁵ Природные богатства Арктики [Электронный ресурс] / РИА Новости. 15.04.2010. Режим доступа: https://ria.ru/arctic_spravka/20100415/220120223.html

жителей данных территорий. Всё это приводит к «вымиранию» целых населенных пунктов, потере управляемости территориями, снижению связности пространства.

Негативные процессы отмечаются и в материальном производстве. В частности, в сфере промышленности в течение последних двух десятилетий наблюдались процессы деиндустриализации, что выразилось в сокращении доли обрабатывающих производств в ВРП (в Мурманской области за исследуемый период она сократилась на 17 п.п., Вологодской – на 9 п.п.).

При этом обрабатывающие виды деятельности существенно уступают добывающим, занимая весьма скромную долю в валовом региональном продукте; наряду с этим имеют место

значительные территориальные различия. Так, в Вологодской области в 2016 году валовая добавленная стоимость, созданная в обрабатывающих производствах, составляла 37,6% в ВРП региона, в то время как в Мурманской области – всего лишь 9,2% (при среднероссийском уровне в 17,3%, табл. 3).

Вместе с тем производимая промышленностью ЕСР продукция не является инновационной. Так, доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП Республики Коми в 2016 году составляла лишь 12%, Республике Карелия – 16,6%, Вологодской области – 16,7 (среднероссийское значение – 20,7%), и во всех регионах за последние 10 лет показатель имел тенденцию к снижению (табл. 4). Следует

Таблица 3. Доля валовой добавленной стоимости, созданной в обрабатывающих производствах, в ВРП субъектов России, %*

Территория	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2000 г., +/-
Российская Федерация	19,3	18,5	19,3	17,7	17,4	17,3	-2,0
Республика Карелия	18,1	17,6	15,8	17,5	13,4	17,9	-0,2
Республика Коми	12,1	11,7	11,0	9,7	11,7	11,7	-0,4
Архангельская область (включая Ненецкий АО)**	19,2	18,9	17,0	12,4	13,1	14,0	-5,2
Вологодская область	46,9	46,6	50,5	38,1	34,9	37,6	-9,3
Мурманская область	26,1	25,5	15,8	17,5	12,5	9,2	-16,9

* ВРП в разрезе видов экономической деятельности за 2017 год пока официально не опубликован (по состоянию на 01.02.2019 г.).
 ** Данные приведены по Архангельской области вместе с НАО, потому что в статистике по рассматриваемому показателю отдельно Архангельская область представлена только с 2010 года. В 2016 году по НАО данный показатель равнялся 0,3%.
 Источник: рассчитано на основе данных официального сайта Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). Режим доступа: www.fedstat.ru.

Таблица 4. Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъектов Российской Федерации, %

Территория	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2015 г.	2016	2016 г. к 2005 г., п.п.
Российская Федерация	20,1	19,1	19,4	19,3	20,7	0,6
Республика Карелия	18,4	17,4	18	18,3	16,6	-1,8
Республика Коми	13,2	10,3	10,7	13,1	12,0	-1,2
Архангельская область (включая Ненецкий АО)	18,8	16,9	16,9	18,9	17,6	-1,2
Вологодская область	22,8	22,6	21,1	20,3	16,7	-6,1
Мурманская область	18,3	17,1	18,6	19,1	16,9	-1,4
Калининградская область	22,6	22,4	23	26,4	23,0	0,4
Ленинградская область	14,3	13,7	12,2	13,5	15,2	0,9
Новгородская область	27,7	27,9	30,1	29,3	28,3	0,6
Псковская область	24,1	23,1	23,2	21	19,4	-4,7
г. Санкт-Петербург	28,8	29,6	30,9	31,7	29,8	1,0

Источник: рассчитано на основе данных официального сайта Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). Режим доступа: www.fedstat.ru

отметить, что по данному индикатору субъекты ЕСР весьма существенно уступают другим регионам СЗФО (например, Калининградской области и Санкт-Петербургу), что свидетельствует о некоторой примитивизации экономики северных и арктических территорий и преобладании в них производства продукции невысоких переделов.

Кризисные явления наблюдаются и в сельском хозяйстве регионов ЕСР. Однако, несмотря на снижение объемов производства сельхозпродукции в 1991–2017 гг., отдельные регионы (Вологодская область) сохранили значительный потенциал развития, реализация которого может позволить решить проблемы продовольственного обеспечения население европейской части Арктики¹⁶.

Нарушенные процессы воспроизводства основного капитала в ключевых отраслях экономики регионов ЕСР ведут к росту уровня изношенности основных фондов организаций.

Так, в Республике Карелия данный показатель составлял 53%, Вологодской области – 50,5% (средний по стране уровень – 50,9%). Причем во всех субъектах, кроме Архангельской области, в 2000–2017 гг. изношенность увеличилась на 1–12 п.п. (табл. 5).

Негативные процессы в экономике и на рынке труда, а также неблагоприятные условия на Севере, обуславливающие удорожание жизни, привели к тому, что в исследуемых субъектах, несмотря на положительную тенденцию последних семнадцати лет, в 2017 году доля населения с доходами ниже прожиточного минимума всё ещё была выше среднего по России показателя (13,2%): в Республике Карелия – 17,3%, Республике Коми – 16,8, Вологодской области – 13,6, Архангельской области – 13,5% (табл. 6).

Одним из ключевых индикаторов, характеризующих снижение экономической активности на данных территориях, является сокраще-

Таблица 5. Степень износа основных фондов, %

Территория	2000	2005	2010	2011	2012	2014	2015	2016	2017	2017 г. к 2000 г., п.п.
Российская Федерация	43,5	44,1	45,7	46,3	45,9	47,9	48,8	50,2	50,9	+7,4
Республика Карелия	40,7	26,0	35,2	37,9	41,5	44,0	47,2	49,6	52,8	+12,1
Республика Коми	37,6	49,4	54,6	55,3	44,2	45,1	46,0	45,0	47,1	+9,5
Архангельская область (с Ненецким АО)*	51,1	44,0	36,1	42,8	42,7	45,1	46,8	45,3	48,1	-3,0
Ненецкий АО	39,8	38,3	26,1	31,1	33,0	42,1	44,3	43,3	45,6	+5,8
Вологодская область	42,2	50,1	46,1	40,9	40,9	45,9	48,7	51,6	50,5	+8,3
Мурманская область	41,8	42,9	42,7	42,8	37,0	38,9	41,9	52,2	43,1	+1,3

* Данные приведены по Архангельской области вместе с НАО, т.к. в статистике по рассматриваемому показателю Архангельская область отдельно представлена только с 2013 года.
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

Таблица 6. Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, %

Территория	2000	2005	2008	2010	2011	2012	2014	2015	2016	2017	2017 г. к 2000г.
Российская Федерация	29,0	17,8	13,4	12,5	12,7	10,7	11,2	13,3	13,3	13,2	-15,8
Республика Карелия	22,3	15,9	15,6	14,9	15,7	13,6	14,2	16,4	17,3	17,3	-5,0
Республика Коми	26,3	14,9	15,1	15,6	16,4	13,5	14,3	14,6	16,3	16,8	-9,5
Архангельская область (без Ненецкого АО)	33,5	17,5	14,4	14	14,4	12,9	14,1	15,8	14,7	13,5	-20,0
Ненецкий АО	37,9	9,0	5,6	7,5	7,7	6,6	9,0	9,7	10,5	11,4	-26,5
Вологодская область	25,5	18,3	15,7	16,8	17,1	13,3	12,9	14,2	13,4	13,6	-11,9
Мурманская область	24,9	19,1	13,8	13,2	13,6	11,3	10,9	12,7	12,8	12,6	-12,3

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

¹⁶ В настоящее время сельское хозяйство Арктики специализируется в основном на животноводстве (оленоводство).

Таблица 7. Отправление грузов железнодорожным транспортом общего пользования, млн. тонн

Территория	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.	2017 г. к 2000 г., %	2017 г. к 1990 г., %
Российская Федерация	2140,1	1046,8	1273,3	1312,0	1329,0	1384,3	132,2	64,7
Республика Карелия	25,5	14,7	18,7	20,2	27,3	27,6	187,8	108,2
Республика Коми	55,7	24,9	22,6	20,7	18,3	13,7	55,0	24,6
Архангельская область (с Ненецким АО)	23,0	9,0	16,0	11,8	10,4	11,1	123,3	48,3
Вологодская область	30,7	15,5	17,6	17,6	18,4	20,4	131,6	66,4
Мурманская область	47,2	24,6	27,0	28,2	26,3	29,1	118,3	61,7

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

ние в постсоветский период (1990–2017 гг.) объемов грузооборота основных видов транспорта (прежде всего железнодорожного, *табл. 7*).

Наряду с этим наблюдается некоторая тенденция уменьшения удельного веса автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования (за исключением Республики Коми). Эти обстоятельства актуализируют проблему обеспечения транспортной связности пространства и развития логистики на территории регионов ЕСР.

Таким образом, результаты проведенного анализа свидетельствуют о наличии в субъектах Европейского Севера России целого ряда системных проблем социально-экономического развития. Вместе с тем объективные различия в предпосылках и потенциале развития данных территорий еще более усиливают их неоднородность как в экономическом, так и в управленческом аспектах. Особенно остро подобная неоднородность проявляется на внутререгиональном уровне. Отсюда возникает необходимость выделения территорий со схожими особенностями развития с целью реализации специфических методов и инструментов их государственной поддержки.

Одним из ведущих ученых, занимающихся экономико-географическим районированием и изучением процессов трансформации пространства на внутререгиональном уровне, являлся д.г.н. Е.Е. Лейзерович. При исследовании данных вопросов он использовал понятие «экономический микрорайон» (ЭМ), под которым понимал внутреспубликанские, внутрикраевые, внутриобластные территориальные общности, включающие в свой состав, как правило, несколько сельских административных районов,

а также, наиболее часто, один или несколько городов внерайонного подчинения. Данные территории имеют достаточно индивидуальное экономическое лицо, а для их жителей за пределами города-центра ЭМ характерно относительное единство образа жизни и качества жизни [16, 17]. На территории ЕСР Е.Е. Лейзерович выделял 35 экономических микрорайонов. В административных границах Вологодской области и Республики Коми имеют место следующие ЭМ (*табл. 8*).

Основная тенденция развития микрорайонов Европейского Севера – концентрация населения и экономической активности в «узловых» точках и нарастание площади периферии. Так, анализ демографических процессов во внутреспубликанских районах Коми показал, что в 1990–2017 гг. наблюдалась концентрация населения около административного центра республики (развитие Сыктывкарской агломерации: доля Сыктывкара в общей численности населения субъекта увеличилась с 19,8 до 30,6%; схожие тенденции наблюдаются и в Сыктывдинском районе); в пределах Ухтинской агломерации (доля Ухты увеличилась с 11,3 до 14%, Сосногорска – с 5 до 5,2%, *рис. 2*).

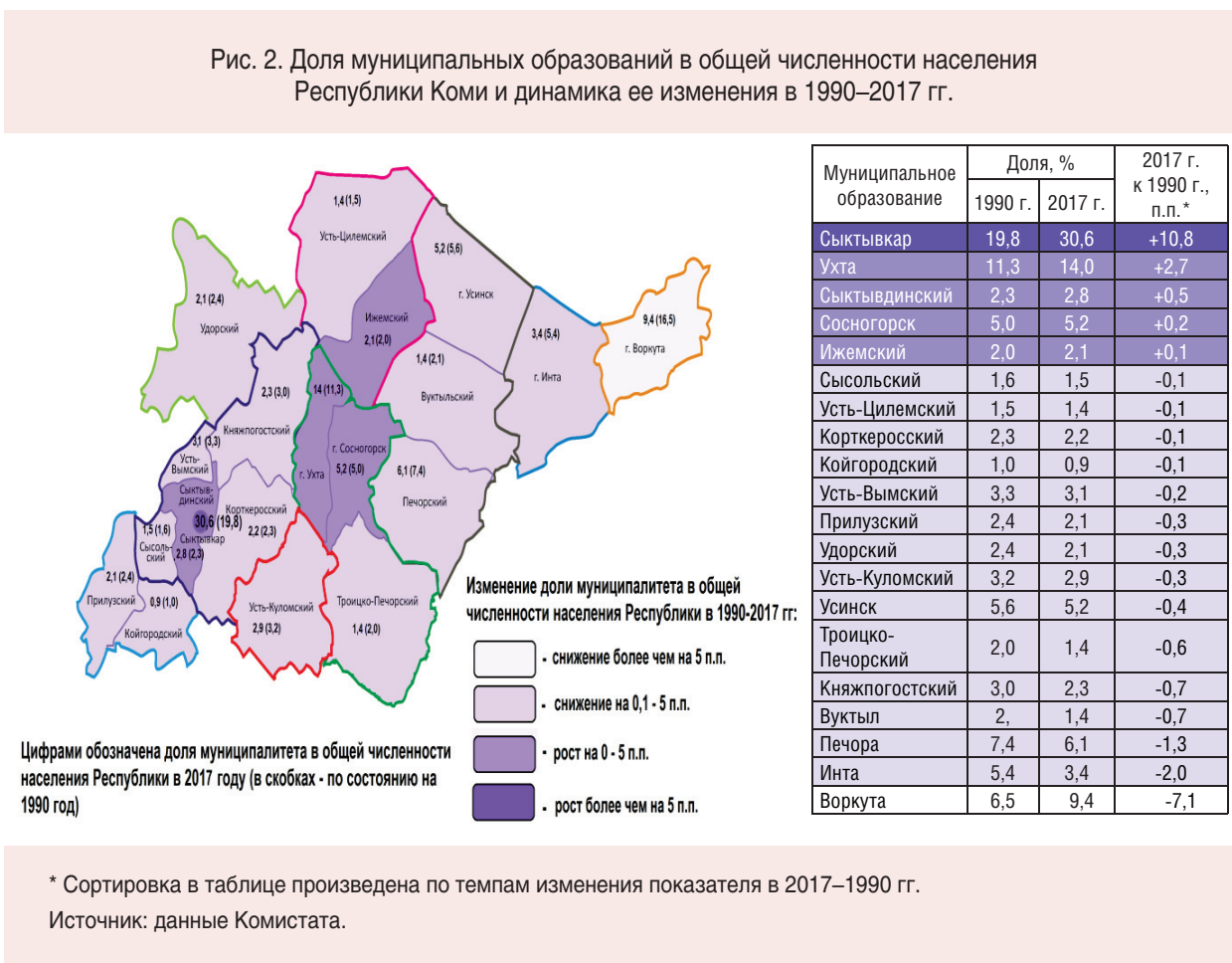
В то же время в отдаленных территориях, моногородах (например, Воркуте, Инте) в этот период активными темпами протекали процессы оттока населения в связи со снижением экономической активности или закрытием градообразующих производств (прежде всего добычи каменного угля) и переселением (регулируемым и стихийным) в другие районы¹⁷.

¹⁷ См.: Потенциал развития муниципальных образований: содержание, оценка, управление (на материалах Республики Коми) / колл. авт. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2008. С. 118.

Таблица 8. Состав экономических микрорайонов Вологодской области и Республики Коми (по классификации Е.Е. Лейзеровича, 2010 г.)

Субъект РФ	Экономические микрорайоны
Вологодская область	1. Вологодский (г. Вологда, г. Сокол, Вологодский, Усть-Кубинский, Сокольский, Междуреченский, Грязовецкий, Вожегодский, Харовский р-ны). 2. Великоустюгский (г. Великий Устюг, Нюксенский, Великоустюгский, Кичменгско-Городецкий, Никольский, Тарногский р-ны). 3. Тотемский (Тотемский, Бабушкинский р-ны). 4. Верховажский (Сямженский, Верховажский р-ны). 5. Кириллово-Белозерский (Вашкинский, Кирилловский, Белозерский р-ны). 6. Вытегорский (Вытегорский р-н). 7. Череповецкий (г. Череповец, Череповецкий, Бабаевский, Кадуйский, Устюженский, Чагодощенский, Шекснинский р-ны).
Республика Коми	1. Сыктывкарский (г. Сыктывкар, Сысольский, Корткеросский, Усть-Вымский, Сыктывдинский, Княжпогостский р-ны). 2. Печорский (г. Печора, г. Усинск, г. Вуктыл). 3. Удорский (Удорский р-н). 4. Усть-Цилемский (Усть-Цилемский, Ижемский р-ны). 5. Интинский (г. Инта). 6. Воркутинский (г. Воркута). 7. Ухтинский (г. Ухта, г. Сосногорск (Троицко-Печорский р-н)). 8. Юго-Западный Коми (Прилузский, Койгородский р-ны). 9. Усть-Куломский (Усть-Куломский р-н).

Рис. 2. Доля муниципальных образований в общей численности населения Республики Коми и динамика ее изменения в 1990–2017 гг.



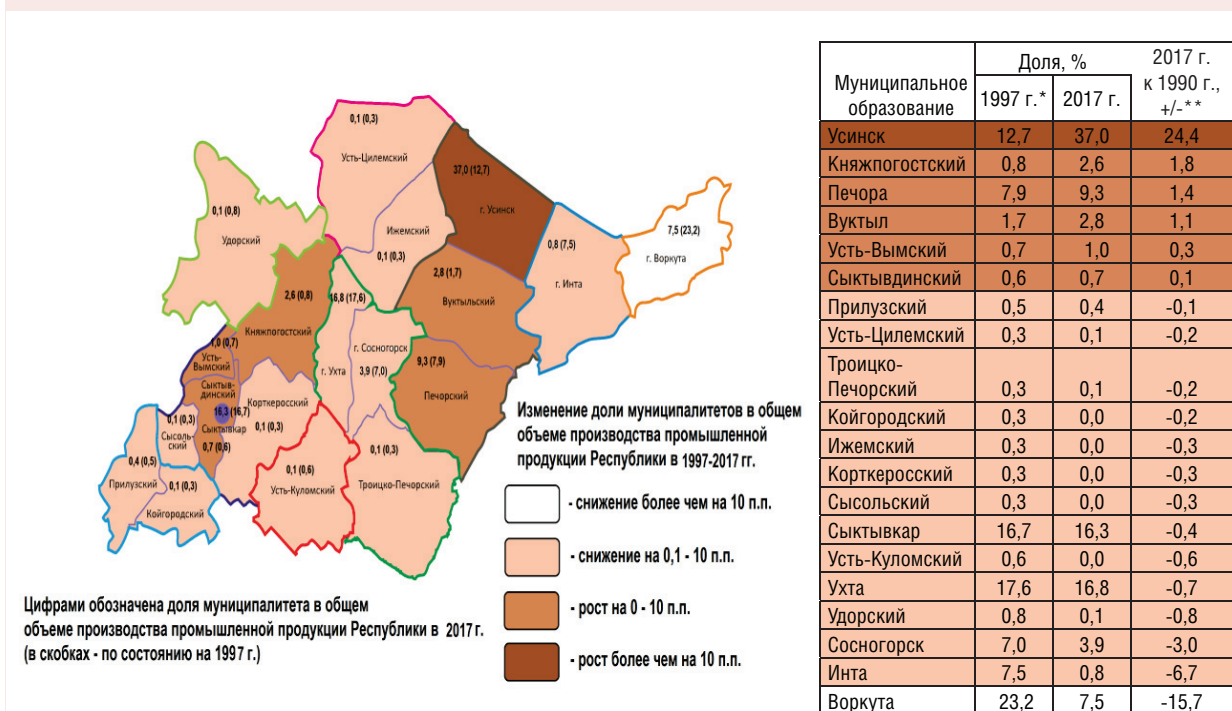
Основными центрами промышленного производства Республики Коми являются города Усинск, Сыктывкар, Ухта, Печора. При этом в течение последних двадцати лет роль Усинска как ключевого промышленного центра существенно возросла, и в настоящее время на данное муниципальное образование приходится больше трети общего объема производства промышленной продукции (рис. 3). Основная отрасль – добыча и транспортировка нефти и газа (активную деятельность ведут «Лукойл» и «Роснефть»; здесь работает самый северный в мире нефтеперерабатывающий завод компании «Енисей» мощностью 1,3 млн. т в год). В то же время существенно утратили свои позиции в связи с затуханием экономической активности ряд моногородов республики.

Аналогичные процессы концентрации населения и экономической активности харак-

терны и для самого южного субъекта Европейского Севера России – Вологодской области. Её основными опорными центрами являются два крупных города, выступающие в роли административной (Вологда) и промышленной (Череповец) «столиц», и граничащие с ними муниципальные районы. Так, в 2017 г. в данных муниципалитетах проживало 73,1% населения области, производилось 93,3% промышленной и 65,1% сельскохозяйственной продукции; на них же приходилось 67,5% объема инвестиций в основной капитал и 79% оборота розничной торговли (табл. 9).

Таким образом, в постсоветский период на территориях ЕСР активно протекали процессы, которые привели к трансформации существующего опорного каркаса. Это проявляется в концентрации экономической и социальной активности в «узловых» точках (как правило, это

Рис. 3. Доля муниципальных образований в общем объеме производства промышленной продукции Республики Коми и динамика ее изменения в 1997–2017 гг.



* Данные по объему производства промышленной продукции по муниципалитетам в открытом доступе представлены с 1997 года.

** Сортировка в таблице произведена по темпам изменения показателя в 2017–1997 гг.

Источник: данные Комистата.

Таблица 9. Доля Вологды, Череповца и граничащих с ними муниципальных районов в значениях ключевых параметров социально-экономического развития области, %

Территория	Год						2017 к 2000, п.п.
	2000	2010	2013	2014	2016	2017	
<i>Доля в численности постоянного населения на конец года</i>							
Вологда, Вологодский, Грязовецкий, Сокольский р-ны	35,6	37,2	37,9	38,2	38,4	38,5	2,9
Череповец, Череповецкий, Кадуйский, Шекснинский р-ны	31,9	33,6	34,1	34,3	34,5	34,6	2,7
<i>Доля в объёме производства промышленной продукции</i>							
Вологда, Вологодский, Грязовецкий, Сокольский р-ны	10,5	13,0	16,1	22,8	18,3	18,6	-
Череповец, Череповецкий, Кадуйский, Шекснинский р-ны	84,1	83,8	80,9	71,7	75,1	74,1	-
<i>Доля в объёме производства сельскохозяйственной продукции</i>							
Вологда, Вологодский, Грязовецкий, Сокольский р-ны	33,9	40,2	41,7	41,8	44,4	45,8	11,9
Череповец, Череповецкий, Кадуйский, Шекснинский р-ны	21,7	24,8	22,2	22,7	21,5	19,3	-2,4
<i>Доля в объёме инвестиций в основной капитал</i>							
Вологда, Вологодский, Грязовецкий, Сокольский р-ны	27,3	40,2	26,7	29,4	23,2	22,3	-5,0
Череповец, Череповецкий, Кадуйский, Шекснинский р-ны	49,9	45,4	59,0	55,7	69,3	45,2	-4,7
<i>Доля в объёме оборота розничной торговли</i>							
Вологда, Вологодский, Грязовецкий, Сокольский р-ны	40,7	40,9	43,4	43,4	43,0	42,7	2,0
Череповец, Череповецкий, Кадуйский, Шекснинский р-ны	31,9	36,5	35,5	34,1	35,8	36,3	4,4
Составлено по: [19] и данные Вологдастата.							

муниципалитеты, в которых имеются крупные города, административные центры или крупные производства) и деградации производственного, человеческого, инфраструктурного потенциалов периферийных муниципалитетов. Данные процессы в конечном счете ведут к нарушению связности экономического пространства и росту его фрагментарности. С одной стороны, это проявляется в активизации агломерационных процессов¹⁸, а с другой – в разрушении потенциала территорий, находящихся за пределами агломерационной зоны. В целом эти процессы вызывают дальнейшее усиление линейно-узловой структуры хозяйства ЕСР.

Активизации развития субъектов ЕСР может способствовать межрегиональная интеграция по линии «Север–Юг» и использование потенциала данных регионов для решения стратегических задач развития Арктической зоны РФ. «Арктический» вектор нашел свое закрепление в большинстве региональных стратегий развития субъектов ЕСР до 2025–30 гг. (табл. 10).

¹⁸ Проведенные авторами расчеты показывают возможность формирования и устойчивого развития на Европейском Севере РФ 9 агломераций, которые будут являться полюсами роста и обеспечивать связность пространства региона [18].

Анализ стратегических документов позволяет сделать выводы о том, что «арктический вектор» развития субъектов Европейского Севера России до 2030 г. заключается прежде всего в дальнейшем развитии сырьевых отраслей экономики (добыча и переработка сырой нефти и газа, леса) и эффективной организации транспортно-логистической инфраструктуры для экспорта данной продукции на российские и международные рынки; укреплении обороноспособности страны на арктических рубежах и развитие Северного морского пути. Это в целом соответствует приоритетам освоения Арктики, обозначенным на федеральном уровне¹⁹. В стратегических документах субъектов Европейского Севера РФ развитие отраслей гражданского назначения (точное маши-

¹⁹ В частности, в Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ 18 сентября 2008 г.) отмечается, что одним из основных национальных интересов в Арктике является «использование Арктической зоны Российской Федерации в качестве стратегической ресурсной базы Российской Федерации, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны». При этом целью государственной политики выступает «расширение ресурсной базы АЗ РФ, способной в значительной степени обеспечить потребности России в углеводородных ресурсах, водных биологических ресурсах и других видах стратегического сырья».

Таблица 10. Стратегические направления и «арктический вектор» развития субъектов Европейского Севера России до 2025–2030 гг.

Субъект РФ	Стратегические направления развития
1. Архангельская область	I. Развитие <i>транспортно-логистической инфраструктуры</i> (дорожной сети, портовой инфраструктуры и создание современных логистических мощностей) для обеспечения доступа к природным и рекреационным ресурсам, в т.ч. АЗ РФ. II. Обеспечение доступа предприятий к ресурсной базе, содействие в развитии международной и межрегиональной кооперации, повышение доступности природных ресурсов. III. Выделение <i>6 основных зон Архангельской области, объединяющих районы со схожими отраслевыми приоритетами (в том числе арктические территории)</i> . Развитая деловая и транспортная инфраструктура обеспечит Архангельской области статус опорного региона для реализации масштабных проектов по освоению Арктики.
2. Вологодская область	I. Долгосрочное управление устойчивым развитием территории будет включать: - сбалансированное пространственное планирование распределения ресурсов; - сохранение и повышение качества региональной инфраструктуры; - использование природного потенциала и минерально-сырьевой базы. II. <i>Создание благоприятных условий для формирования производственно-технологических площадок, обеспечивающих развитие Арктической зоны.</i>
3. Мурманская область	Целевой сценарий: «Мурманская область – стратегический центр Арктической зоны Российской Федерации». I. Реализация конкурентных преимуществ в сфере освоения углеводородного потенциала арктического шельфа, <i>создание новых видов экономической деятельности (производство сжиженного природного газа, нефтепереработка); формирование кластеров (технологический кластер обеспечения шельфовой добычи в Арктике; производственный и транспортно-логистический; кластер северного дизайна и традиционных ремесел)</i> . II. Повышение роли туризма в развитии региона (арктический туризм и расширение экологически безопасных видов туристской деятельности в Арктике). IV. Создание условий для использования потенциала внешнеэкономических и межрегиональных связей в интересах развития региона (поддержка несырьевых экспорта; укрепление отношений с регионами приарктических и сопредельных государств).
4. Ненецкий авт. округ	Целевой сценарий: <i>Ненецкий автономный округ – стратегически значимый форпост России в Арктическом макрорегионе.</i> I. Стратегическим приоритетом является повышение статуса Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции как основного центра добычи углеводородов и развитие транспортной инфраструктуры доступа сырья на основные мировые рынки. II. Обеспечение <i>благоприятного оперативного и военного режима в АЗ РФ.</i> III. Сохранение и обеспечение защиты природной среды Арктики, ликвидация экологических последствий хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата.
5. Республика Карелия	I. Развитие <i>транспортной инфраструктуры</i> (создание трансконтинентальных транспортных коридоров, встраивание в международные транспортные логистические системы). II. <i>Активизация участия в международных проектах, связанных с развитием Арктики.</i> III. Обеспечение сбалансированного развития муниципальных экономик (поиск и определение перспективных точек роста для каждого района; расширение числа ТОСЭР с локализацией в них производств, связанных единими производственными цепочками; <i>разработка и реализация комплексных проектов развития муниципальных районов, вошедших в состав АЗ РФ, с привлечением федеральных ресурсов</i>).
6. Республика Коми	I. <i>Формирование в ГО «Воркута» опорного центра освоения Российской Арктики</i> (обслуживание транспортной системы экспортных газопроводов «Ямал – Западная Европа»; реализация крупных инфраструктурных проектов, предусматривающих интеграцию Воркуты с другими регионами АЗ РФ; обновление экономики за счет сочетания угледобычи с видами деятельности по освоению и обслуживанию природных ресурсов Арктики). II. <i>Разработка и реализация региональной программы «Социально-экономическое развитие арктической зоны Республики Коми», мультипроекта «Арктика»</i> (предполагает создание ключевого сухопутного транспортного коридора для освоения АЗ РФ с эффективным использованием потенциала региона). III. <i>Расширение арктической зоны Республики Коми, включение в нее иных арктических территорий.</i> Это позволит обеспечить единство природно-хозяйственных систем не только республики, но и соседних арктических регионов.
Источник: составлено автором на основе анализа стратегических документов развития субъектов Европейского Севера России на период до 2025–2030 гг.	

ностроение, приборостроение, судостроение и т.п.) предполагается на основе формирования пространственно распределенных кластеров. Однако рациональному формированию системы расселения, развитию ее опорных центров и инфраструктуры, созданию условий для повышения качества жизни населения территорий АЗ РФ в стратегиях уделено, на наш взгляд, крайне мало внимания.

В то же время для решения данных задач Арктика нуждается в *квалифицированных управленческих и рабочих кадрах* (в сфере геологоразведки, горнодобычи, судостроения, строительстве, ЛПК и др.); производстве *высокотехнологичной продукции* для нужд экономики данного макрорегиона; разработке и использовании *технологий строительства и материалов*, адаптированных для полярных условий (в том числе деревянное домостроение в арктическом исполнении); государственной поддержке обеспечения функционирования *арктической транспортной системы*, прежде всего Северного морского пути (развитие наземных транспортных путей, ведущих к арктическим портам), развитии *телекоммуникационной инфраструктуры* (обеспечение стабильной связью, в том числе широкополосным доступом в Интернет); полноценном *продовольственном обеспечении* проживающего населения, *медицине*, объектах *рекреации и туризма*²⁰. Европейский Север мог бы активно участвовать в решении данных задач, поскольку имеет достаточный для этого научно-технический, промышленный, сельскохозяйственный потенциал.

Однако для решения данных задач необходима реализация согласованной политики федеральных, региональных и местных органов власти, а также бизнес-сообщества. Вместе с тем Государственная комиссия по вопросам развития Арктики, которая до недавнего времени выступала таким координационным органом, в настоящее время находится на стадии преобразования: в декабре 2018 года был обновлен её состав, а в январе 2019 года ее полномочия переданы Министерству Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. Таким

²⁰ Пилясов А. Арктика России: состояние и перспективы. URL: <http://rosnord.ru/strategy/standpoint/65>; Подшибякова А. Умный Север. Как технологии помогают развивать Арктику. URL: <https://knife.media/arctic-technology/>.

образом, вопрос относительно наличия единого распорядительного центра и его плана деятельности на средне- и долгосрочную перспективу является в настоящее время открытым.

Деятельность других федеральных и общественных структур (например, рабочая группа «Развитие Арктики и Северного морского пути» Экспертного Совета при Правительстве России, Межрегиональная общественная организация «Ассоциация полярников», Ассоциация «Арктический правовой центр», Совет по Арктике и Антарктике при Совете Федерации, Совет Баренцева/Евроарктического региона, Проектный офис развития Арктики и др.) носит по большей части совещательный и консультационный характер; при этом не наблюдается четкого согласования планов деятельности данных организаций.

В 2015 году было заключено Соглашение о сотрудничестве при реализации государственной политики РФ в Арктике между высшими исполнительными органами государственной власти субъектов РФ, территории которых полностью или частично входят в состав сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации²¹. На наш взгляд, необходимо повысить практическую роль данного документа и его интеграцию с документами федерального уровня и планами конкретных бизнес-структур, ведущих свою деятельность в АЗ РФ.

Предложения и заключение. Решение выявленных проблем социально-экономического развития Европейского Севера и его арктической зоны требует проведения *технологической модернизации экономики северных и арктических территорий*, в настоящее время являющейся *ресурсной и низкоукладной*. Это следствие реализации в России на протяжении последних десятилетий государственной экономической политики, в которой имел место приоритет внешнего рынка над внутренним.

Так, анализ статистических данных и исследований ведущих ученых показывает, что в течение последних лет повсеместно идет про-

²¹ Соглашение о сотрудничестве при реализации государственной политики РФ в Арктике между высшими исполнительными органами государственной власти субъектов РФ, территории которых полностью или частично входят в состав сухопутных территорий АЗ РФ. URL: <https://minec.gov-murman.ru/activities/CERArctic/soglach/>

цесс повышения доли добычи полезных ископаемых в общем объеме промышленного производства северных регионов. В результате даже субъекты, где ведущее место занимали обрабатывающие производства, за короткий срок утрачивают это положение. Яркий пример – север Иркутской области, относившейся в 2010 г. к регионам с преобладанием обрабатывающих производств, а уже через два года перешедшей в категорию природно-ресурсных территорий [20].

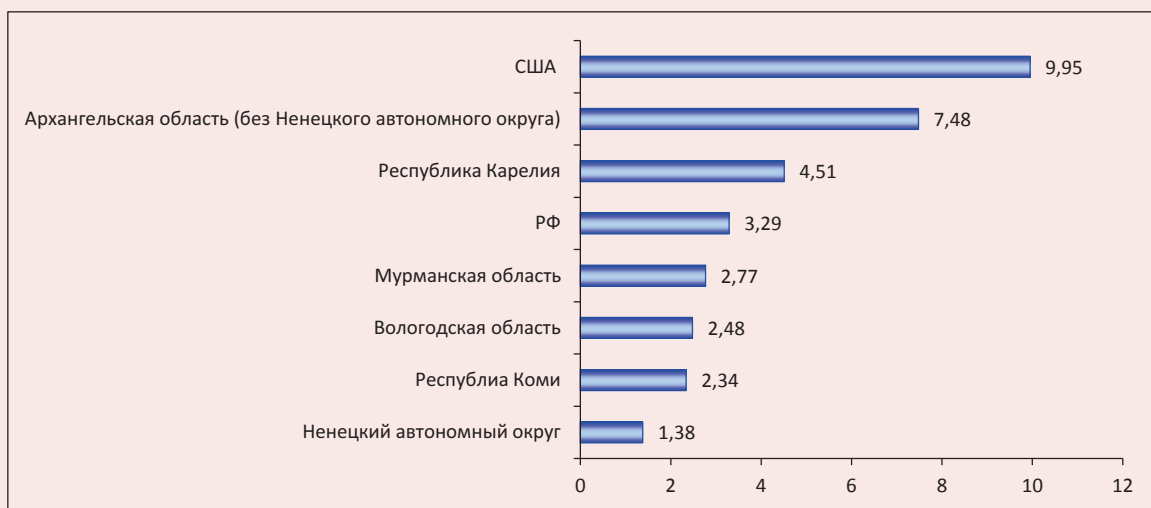
В результате современное состояние промышленности регионов Севера и Арктики характеризуется раздробленностью, низкой конкурентоспособностью, слабостью межрегиональных связей, неэффективностью институтов стимулирования промышленности [21]. При этом существующая технологическая структура экономики большинства северных и арктических регионов отличается *слабой диверсифицированностью с преобладанием отраслей начальных стадий технологического цикла*. Об этом, в частности, свидетельствуют рассчитанные

сотрудниками ФГБУН ВолНЦ РАН значения мультипликатора добавленной стоимости²² по регионам России (рис. 4).

Эта проблема приобретает особую остроту и чрезвычайную важность, поскольку, по мнению академика В.М. Полтеровича, «без помощи государства рынок не в состоянии выйти из ловушки технологической отсталости» [24].

Поэтому в текущих геополитических и экономических условиях крайне важной задачей является развитие внутреннего рынка, производство инновационной продукции с высокой добавленной стоимостью на основе глубокой переработки ресурсов Севера и Арктики. Следует отметить, что в настоящее время есть определенные резервы для решения данных задач. Так, мощности отечественной обрабатывающей промышленности загружены крайне недостаточно (по состоянию на 2017 год): на 20% – в производстве металлорежущих станков, 14 – кузнечно-прессовых машин, 16 – тракторов, 18 – бульдозеров, 18% – экскаваторов²³.

Рис. 4. Мультипликатор добавленной стоимости по регионам Европейского Севера России (составлено по [23])



²² Под мультипликатором добавленной стоимости в данной ситуации понимаем отношение совокупной величины товарной массы, произведенной предприятием, к стоимости первичных сырьевых ресурсов, вовлеченных в хозяйственный оборот. См., напр.: [22].

²³ Уровень использования среднегодовой производственной мощности организаций по выпуску отдельных видов продукции (годовые данные – с 2017 г.) в соответствии с ОКПД 2. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#

Одним из приоритетных направлений развития Арктической зоны Российской Федерации, обозначенных в Стратегии, является реализация крупных инфраструктурных проектов, предусматривающих *интеграцию Арктики с освоенными районами России* для целей эффективного использования ресурсной базы макрорегиона. В связи с этим ключевым направлением развития ЕСР должно стать использование его потенциала для решения задач Арктической зоны РФ, в том числе на основе развития эффективной системы межрегионального экономического взаимодействия.

Эффективное сотрудничество наблюдалось в СССР в составе единого народнохозяйственного комплекса, «каждая территория которого была связана с другими планомерно-организованными хозяйственными и ресурсными связями». При этом, как метко отметили авторы [25], «можно без преувеличения утверждать, что в то время Арктика “работала” на весь СССР, а он – на Арктику».

Таким образом, одним из главных условий эффективного использования потенциала Европейского Севера России и его арктической зоны является активное развитие межрегионального сотрудничества по линии «Север – Юг», в т.ч. на основе проектирования межрегиональной производственной кооперации в форме вертикально интегрированных технологических цепочек добавленной стоимости в несырьевых отраслях [26]. Следует отметить, что первые редакции госпрограммы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года» включали подпрограмму по развитию длинных технологических цепочек добавленной стоимости, выходящих за пределы Севера и АЗ РФ, однако в дальнейшем она была упразднена.

На наш взгляд, развитие вертикально интеграционных процессов актуально для таких видов деятельности, как нефтепереработка, деревообработка, целлюлозно-бумажная промышленность, гражданское, наукоемкое и точное машиностроение, производство продуктов питания и др. Об этом, в частности, свидетельствуют и расчеты, проведенные ФГБУН ВолНЦ РАН на примере интеграции предприятия черной металлургии, мощности которого находятся на Европейском Севере, и хозяйствующего

субъекта сферы машиностроения, выпускающего продукцию для нужд Арктики²⁴.

Необходимость производства отечественной продукции в рамках политики импортозамещения для решения задач освоения АЗ РФ нашла поддержку среди первых лиц государства. Для этого в 2017 году Департаментом региональной промышленной политики Минпромторга России был разработан Базовый каталог высокотехнологичной промышленной продукции и услуг для нужд Арктической зоны РФ (для всех федеральных округов России), который содержит информацию о более чем 650 предприятиях, способных производить широкую линейку высокотехнологичной продукции в арктическом исполнении. Каталоги округов охватывают такие разделы, как транспортные средства, строительная, дорожная и спецтехника, энергетическое и электротехническое оборудование, средства связи²⁵.

Вертикальная интеграция данных производств несет в себе не только финансовый эффект (снижение себестоимости производства, рост чистой прибыли), но и создает новые рабочие места, а также благоприятные условия для внедрения инновационных технологий и дальнейшего развития производства. Таким образом, формирование единых технологических цепочек в экономике Европейского Севера и его арктической зоны позволит консолидировать и рационально использовать ресурсы для решения важнейших проблем и устойчивого развития экономики страны в долгосрочной перспективе.

Согласно Стратегии и Госпрограмме развития Арктики, приоритетом в данном макрорегионе является развитие единой национальной транспортной сети. Это позволит повысить транспортную доступность населенных пунктов, устранить инфраструктурные ограничения экономического роста и создать условия

²⁴ См.: Методы повышения эффективности управления социально-экономическим развитием регионов Севера в контексте решения задач Арктической зоны Российской Федерации: заключительный отчет о НИР / исполн. Т.В. Ускова, С.А. Кожевников. Вологда, 2018. 135 с.

²⁵ Минпромторг России подготовил Каталог высокотехнологичной продукции для нужд Арктики. URL: http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!minpromtorg_rossii_podgotovil_katalog_vysokotekhnologichnoy_produkcii_dlya_nuzhd_arktiki

для встраивания Арктической зоны России в единое экономическое пространство [27]. Для этого в настоящее время реализуется целый ряд проектов, направленных на интеграцию данного макрорегиона с восточными территориями (проект «Белкомур»: Архангельск—Пермь; «Баренцкомур»).

В то же время значительно меньшее внимание уделяется интеграции арктического региона с центральными и южными территориями. Важность интенсификации процессов пространственно-территориального развития Севера и Арктики сегодня определяет необходимость формирования эффективной системы координации стратегических процессов развития как ведущих отраслей, так и инфраструктуры арктических и приарктических регионов [28].

Важную роль в качестве форпоста освоения Севера и Арктики, на наш взгляд, должна сыграть Вологодская область. Одно из приоритетных направлений — превращение города Вологды в развитый транспортно-логистический центр, ориентированный на внешнеэкономические и межрегиональные отношения не только предприятий Вологодской области, но и всех регионов Европейского Севера России, а также других регионов страны²⁶.

Этому способствует то, что в пределах Вологодской области проходят следующие крупные железнодорожные транспортные коридоры: «Транссиб» (Владивосток — Челябинск — Буй — Вологда — Череповец — Бабаево — Санкт-Петербург); «Север — Юг» (Москва — Данилов — Вологда — Вожега — Архангельск с ответвлением на Воркуту и Мурманск).

Мультимодальный логистический центр позволит наладить тесное взаимодействие северных и арктических территорий страны с южными регионами. Через него могут идти встречные потоки товаров и услуг для обеспечения северных территорий продовольствием, продукцией первой необходимости, машинами и оборудованием, а южных — сырьем и продукцией его

²⁶ Этот подход закреплен и в Стратегии социально-экономического развития Вологодской области до 2030 года (утв. постановлением Правительства Вологодской области от 17.10.2016 г. № 920), где одной из задач в сфере комплексного пространственного развития территорий является развитие мультимодальных транспортно-логистических узлов в агломерациях.

переработки для дальнейшего развития технологических цепочек.

Результаты проведенного нами анализа свидетельствуют о том, что ключевой проблемой Вологодского железнодорожного транспортно-узла является ограниченность его пропускной способности. Как показывают исследования АО «Институт экономики и развития транспорта»²⁷, а также анализ Стратегии развития ОАО «РЖД»²⁸, Вологодский транспортный узел будет являться «узким местом» к 2020 году.

Для предотвращения этого необходима разработка комплекса мероприятий по развитию транспортной инфраструктуры и логистических услуг с учетом международных требований (совершенствование складского хозяйства до уровня мировых стандартов; модернизация железнодорожного узла, автовокзального комплекса и аэропорта; совершенствование транспортных потоков в городе), рекомендаций по формированию эффективно функционирующей системы городского транспорта в Вологде с учетом развития агломерационных процессов.

Межрегиональное сотрудничество регионов ЕСР будет способствовать повышению связности территорий, стимулировать внутренний рынок, способствовать снижению барьеров при перемещении ресурсов, обеспечит потребительский рынок товарами широкого ассортимента, а местных производителей — устойчивыми поставками сырья и комплектующих материалов.

В свою очередь, реализация федеральными и региональными органами власти и управления предложенных нами мероприятий создаст благоприятные условия для устойчивого развития, достижения стратегических задач регионов Европейского Севера и Стратегии развития Арктической зоны РФ. Однако для этого необходим пересмотр основных направлений государственной политики, обеспечение согласованности интересов власти, крупных бизнес-структур и населения на основе механизмов государственно-частного партнерства при реализации крупных проектов в ключевых отраслях экономики региона [29, 30].

²⁷ Официальный сайт акционерного общества «Институт экономики и развития транспорта» (АО «ИЭРТ»). URL: <http://iert.com.ru/index.html?nouupdate>

²⁸ Официальный сайт РЖД. URL: http://annrep.rzd.ru/reports/public/ru?STRUCTURE_ID=4498

Литература

1. Татаркин А.И., Лаврикова Ю.Г. Развитие экономического пространства регионов Российской Федерации на основе кластерных принципов : научное сообщение на заседании Президиума РАН, г. Москва, 27 декабря 2011 г. URL: ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=baccbcbcf-0728
2. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Экономическое пространство современной России и подходы к его исследованию (статья первая) // Регионалистика. 2017. Т 4. № 1. С. 5-14.
3. Гонтарь Н.В. Территориальная политика: структура и ее влияние на пространственную организацию общества и экономики // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 2. С. 18-26.
4. Проблемы экономического роста территории / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.
5. Гонтарь Н.В. «Провалы государства»: факторы формирования и механизмы влияния на экономические процессы // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 3: экономика, экология. 2014. № 5. С. 6-16.
6. Лаженцев В.Н. Север России: размещение производительных сил и пространственное развитие // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 1 (13). URL: <http://esc.isert-ran.ru/article/175>
7. Маркина Ю.В. Совершенствование ресурсного обеспечения инновационного развития экономики региона: дисс. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Челябинск, 2012. 198 с.
8. Павленко В.И., Подоплекин А.О., Куценко С.Ю. Система фундаментальных научных исследований в Арктике и реализация геополитических интересов циркумполярных стран // Арктика: экология и экономика. 2014. № 4 (16). С. 86-92.
9. Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011-2020. Available at: https://ec.europa.eu/growth/tools-databases/eiprawmaterials/en/system/files/ged/41%20mssdenmark_en.pdf.
10. Glomsrod S., Aslaksen I. *The Economy of the North 2008*. Oslo – Kongsvinger: Statistisk sentralbyrå – Statistics Norway, 2009. 102 p. Available at: https://www.ssb.no/a/publikasjoner/pdf/sa112_en/sa112_en.pdf
11. *Sweden's Strategy for the Arctic region*. Government Offices of Sweden. Ministry for Foreign Affairs. Department for Eastern Europe and Central Asia. Arctic Secretariat. Stockholm, 2011. 52 p.
12. *Finland's Strategy for the Arctic Region*. Prime Minister Offices. 2010. [S.l.]. 98 p.
13. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Социально-экономические приоритеты устойчивого развития Арктического макрорегиона России // Экономика региона. 2017. Т.13. №4. С. 985-1004
14. Синенко П.В. Особенности социально-экономического развития районов Крайнего Севера и Арктической зоны Российской Федерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. Том 6. № 12А. С. 18-25.
15. Социально-экономические проблемы локальных территорий / Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, Е.А. Гутникова, С.А. Кожевников. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
16. Лейзерович Е.Е. Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года // Региональные исследования. 2010. № 4. С.14-28
17. Лейзерович Е.Е. Типология местностей России (экономические микрорайоны России: сетка и типология) // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 84-125.
18. Проблемы пространственной реструктуризации на примере формирования и развития городских агломераций как точек роста территорий в контексте решения стратегических проблем развития Европейского Севера и Арктической зоны России: заключительный отчет о НИР / исполн. Т.В. Ускова, С.А. Кожевников, Н.В. Ворошилов. Вологда, 2018. 155 с.
19. Ворошилов Н.В. Особенности и проблемы функционирования института местного самоуправления в муниципальных образованиях городской агломерации // Вопросы территориального развития. 2018. № 4 (44). DOI: 10.15838/tdi.2018.4.44.1.
20. Татаркин А.И., Логинов В.Г. Оценка природно-ресурсного и производственного потенциала северных и арктических районов: состояние и перспективы использования // Проблемы прогнозирования. 2015. № 1 (148). С. 33-44.

21. Березиков С.А. Современное состояние и ключевые проблемы технологического развития ресурсных отраслей экономики Севера и Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2016. № 3 (50). С. 80-88.
22. Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9. С. 3-27.
23. Лукин Е.В., Кожевников С.А., Мельников А.Е. Организация и факторы новой индустриализации / под науч. рук. Т.В. Усковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 144 с.
24. Полтерович В. М. Ловушка отсталости: Россия имеет шансы выйти из нее // Прямые инвестиции. 2009. № 5. С. 8.
25. Ивантер В.В., Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Арктический мегапроект в системе государственных интересов и государственного управления. URL: <http://rusrand.ru/analytics/arkticheskij-megaproekt-v-sisteme-gosudarstvennyh-interesov-i-gosudarstvennogo-upravlenija>
26. Ветрова Е.Н., Лапочкина Л.В., Минченко Л.В. Государственное регулирование транснациональных технологических цепочек с участием российских компаний минерально-сырьевого комплекса в российской Арктике // Известия Уральского государственного горного университета. 2016. № 3 (43). С. 109-114.
27. Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы: научно-аналитический доклад / под науч. ред. д.э.н., проф. В.С. Селина, д.э.н., проф. Т.П. Скуфыной, к.э.н., доц. Е.П. Башмаковой, к.э.н., доц. Е.Е. Торопушиной. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. 420 с.
28. Шпак А.В. Проблемы и перспективы формирования транспортно-логистических систем на Севере // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. Т. 6. № 32 (89). С. 72-76.
29. Шубин С.И. Консолидация регионов Европейского Севера – важное условие освоения Арктики // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 35-39.
30. Кожевников С.А. Особенности развития государственно-частного партнерства в регионах России // Вопросы территориального развития. 2015. № 9 (29). С. 1. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1645>

Сведения об авторе

Сергей Александрович Кожевников – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

Kozhevnikov S.A.

Problems of the European North of Russia and the Possibilities of Its Participation in the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation

Abstract. The challenges that Russia has to face due to the unstable geopolitical situation in the world make it necessary to search for internal sources of development and enhance the efficiency of territorial management. Under the circumstances, in our opinion, the priority object of state policy should be the Northern and Arctic territories, which have a huge natural resource and economic and geopolitical potential. At the same time, their development in the post-Soviet period has accumulated a set of issues that require understanding and development of mechanisms to address them, which is the goal of the present paper. The analysis has shown that the market reforms of the 1990s carried out in the European North of Russia and in its Arctic zone led to increased depopulation, degradation and primitivization of industrial production, curtailment of agricultural production, decline in the quality of life, growth of concentration of economic and social activity in the “nodal” points and degradation of the potential of peripheral municipalities. On the basis of a comprehensive analysis of socio-economic development

and strategic planning documents of the European Union, we have found out that these territories have objective prerequisites for the diversification of production on the basis of deep processing of raw materials, broad cooperation and interregional integration. We prove that the interregional integration of the territories of the European Union and its Arctic zone with the more southern regions of the country will facilitate the formation and development of long technological chains in priority sectors (oil refining, forestry, civil and science-intensive engineering, etc.) that go beyond the Arctic zone of the Russian Federation. At the same time, we prove that the Vologda Oblast can play an important role as an outpost for the development of the Arctic. We propose priority tools for development of transport and logistics system in the region; this will eliminate the infrastructure constraints of economic growth and ensure the integration of the European part of the Arctic zone of Russia into the single economic space of the country. Further directions of research on this issue will be a detailed substantiation of the proposed mechanisms of interregional integration of the territories of the European North and its Arctic zone.

Key words: European North of Russia, Arctic zone of the Russian Federation, socio-economic development, territorial-economic system, technological chains, transport system, strategy.

Information about the Author

Sergei A. Kozhevnikov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher head of laboratory, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

Статья поступила 28.01.19.

DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.6

УДК 630:330.4, ББК 65.34+65.053

© Гулин К.А., Дианов С.В., Антонов М.Б.

Проблемы мотивации арендаторов лесных участков на использование эффективных методов лесовосстановления в России*



**Константин Анатольевич
ГУЛИН**

ООО «Русинтехком»

Вологда, Российская Федерация, 160034, ул. Ленинградская, д. 150, кв. 271

E-mail: gulin_k@mail.ru



**Сергей Владимирович
ДИАНОВ**

Вологодский государственный университет

Вологда, Российская Федерация, 160000, ул. Ленина, 15

E-mail: Dianov.sv@mail.ru



**Михаил Борисович
АНТОНОВ**

ООО «ЛанЭкс»

Вологда, Российская Федерация, 160012, Советский пр-т, д. 62, кв. 5

E-mail: mbantonov@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (научный проект №17-06-00514 А).

Для цитирования: Гулин К.А., Дианов С.В., Антонов М.Б. Проблемы мотивации арендаторов лесных участков на использование эффективных методов лесовосстановления в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 108-123. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.6

For citation: Gulin K.A., Dianov S.V., Antonov M.B. Issues related to the motivation of tenants of forest plots to use effective methods of reforestation in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 108-123. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.6

Аннотация. Лесной сектор является одной из ключевых отраслей экономики Российской Федерации. Существующий спрос на лесную продукцию со стороны отечественных и зарубежных потребителей способствует неуклонному росту объемов лесозаготовки. Вместе с тем всё большую остроту приобретают вопросы восстановления лесных ресурсов. Их качественная проработка служит залогом сохранения тренда на повышение экономических показателей лесного комплекса в долгосрочной перспективе, с одной стороны, и обеспечение экологической безопасности, с другой стороны. В России задачи по лесовосстановлению в основном делегированы арендаторам лесных участков. На сегодняшний день актуальна проблема усиления их заинтересованности в обеспечении качества проводимых при этом работ. Основная цель исследования, результаты которого представлены в статье, – определение механизмов формирования моделей поведения арендаторов, влияющих на принятие решений по вопросам осуществления лесовосстановительных работ. При проведении исследования использовались методы системного подхода, анализа и синтеза, обобщения и сравнения, классификации и систематизации. Научными результатами исследования являются обоснование увеличения доли искусственного лесовосстановления как фактора, обеспечивающего рост эффективности использования лесов, а также механизмы формирования поведения арендаторов при планировании и выполнении лесовосстановительных работ. Основным объектом исследования был выбран Лесной комплекс Вологодской области. В качестве главной проблемы развития его потенциала выявлены особенности действующего законодательства. При формулировании выводов использовалось сравнение с моделями процесса лесовосстановления, существующими в Финляндии, где достигнуты более высокие показатели качественного состава лесов. Особенностью исследования стала его ориентация на возможность дальнейшего применения полученных результатов при разработке агент-ориентированных моделей. Авторами осуществляется практическая реализация подобных моделей. С их помощью может быть обеспечен поиск наиболее оптимальных решений по определению путей перехода к более эффективной модели лесовосстановления.

Ключевые слова: лесной комплекс, лесовосстановление, агент-ориентированное моделирование.

1. Введение

Лесной комплекс занимает важное место в российской экономике. Общий запас древесины в РФ насчитывает 82,1 млрд. куб. м, а удельный вес ценных пород составляет в нем 77%. Объем расчетной лесосеки исчисляется 635 млн. куб. м, а годичный прирост древесины – 994 млн. куб. метров¹. Запасы лесных ресурсов в стране позволяют в полной мере обеспечивать внутренние потребности в древесине и продуктах ее переработки, а также экспортировать данные товары.

Однако значимость лесов нельзя оценивать исключительно с экономических позиций. Являясь одним из ценнейших возобновляемых природных ресурсов, они выполняют средообразующую и средозащитную роль. Произрас-

тающие на территории России леса составляют более 1/4 мировых запасов древесной биомассы. В связи с этим оптимальное сочетание хозяйственного использования лесов и их сохранения выступает чрезвычайно важной задачей.

Проблемы сохранения и использования лесов становятся все более многообразными и сложными. Изменяются стандарты управления лесами, поскольку они должны отвечать возросшим международным, социальным, экологическим и экономическим требованиям. Увеличиваются, усиленные последствиями изменения климата, угрозы гибели лесов от пожаров, вредных организмов и других неблагоприятных факторов, происходит утрата лесами биологического разнообразия.

2. Проблема лесовосстановления в России

Одной из ключевых проблем, сдерживающих развитие Лесного комплекса России, является низкий съём древесины с единицы площади эксплуатационных лесов. Крайне недостаточный уход за лесами не позволяет

¹ Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года: утв. Приказом Минпромторга и Минсельхоза России от 31 октября 2008 г. № 248/482.

использовать плодородие лесных почв и обеспечить максимальный прирост древесины, что, в свою очередь, ограничивает возможности увеличения объемов заготовки на уже вовлеченных в эксплуатацию лесах, а недостаточная эффективность лесовосстановления не обеспечивает темпы воспроизводства хозяйственно ценных лесов на наиболее продуктивных лесных землях.

За последние 20 лет ежегодные объемы лесовосстановления сократились почти в 2 раза и стабилизировались на уровне 800–900 тыс. гектаров (табл. 1), при этом доля искусственного лесовосстановления в последние годы не превышает 21–23%.

К числу российских регионов, в экономике которых лесной комплекс играет значимую роль, принадлежит Вологодская область. Среди субъектов РФ область занимает 2-ю позицию по производству деловой древесины и древесностружечных плит; 3-ю позицию – по производству клееной фанеры; 4-ю позицию – по выпуску пиломатериалов².

Общая площадь лесов в Вологодской области насчитывает 11 657,5 тыс. га, из них земли лесного фонда – 11 473,4 тыс. га. По сведениям Государственного лесного реестра, общий запас лесных насаждений на землях лесного фонда региона на 1 января 2017 года составлял 1614,93 млн. куб. м, из них хвойных пород – 817,03 млн. куб. м (50,6%). Удельный вес еловых древостоев составляет 26,6%, сосновых – 23,9%, березовых – 36,6%, осинowych – 11,3%,

прочих пород – 1,6%. Общий запас древесины в спелых и перестойных лесах исчисляется 1074,6 млн. куб. метров.

В течение длительного периода осуществлялась экстенсивная эксплуатация лесов, направленная на изъятие запасов хвойной древесины, не уделялось требуемого внимания процессу лесовосстановления. Это было характерно не только для Вологодской области, но и для всех регионов России. Вследствие этого произошло значительное увеличение удельного веса лиственных насаждений, ухудшение санитарного и лесопатологического состояния лесов. Так, по сведениям учета лесного фонда 1927 г., мягколиственными насаждениями было занято около 10% всей территории Вологодской области площади, покрытой лесом. Сегодня данный показатель достиг почти 50%². Для решения этой проблемы вопросам эффективного лесовосстановления в последнее время стало уделяться значительное внимание.

Несмотря на то что само понятие «эффективное воспроизводство лесных ресурсов» по-разному трактуется исследователями, им удалось прийти к консолидированному мнению о необходимости повышения эффективности лесовосстановления. Н.А. Моисеев [1] понимает под эффективным лесовосстановлением комплекс мер, направленный на динамическое сбалансирование растущих потребностей в долгосрочной перспективе с помощью заблаговременно проводимых мероприятий. По мнению П.В. Васильева [2], «главным условием и при-

Таблица 1. Динамика объемов рубок и лесовосстановительных работ в Российской Федерации, 2000–2016 гг.

Показатель	2000	2004	2006	2008	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Сплошные рубки, тыс. га	622	658	671	742	781	904	873	969	928	939	996
Лесовосстановление, тыс. га	914	734	821	829	813	857	840	870	864	803	843
в том числе искусственное, тыс. га	263	230	195	191	171	197	183	187	187	182	179
Обеспеченность сплошных рубок лесовосстановлением, %	147	112	122	102	88	84	83	81	80	75	74
Доля искусственного лесовосстановления, %	29	31	24	23	21	23	22	21	22	23	21
Составлено по: Россия в цифрах. 2017: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2017. 511 с.											

² Развитие Лесного комплекса Вологодской области на 2014–2020 годы: Государственная программа: утв. постановлением Правительства области от 28 октября 2013 г. № 1110.

Таблица 2. Динамика объемов лесовосстановительных работ в Вологодской области в 2000–2017 гг.

Показатель	2000	2010	2011	2013	2014	2015	2016	2017
Лесовосстановление, всего, тыс. га	22,4	32,3	44,2	43,6	44,8	49	52	72,6
В том числе: искусственное (создание лесных культур)	7	4,5	6,4	6,2	6,4	6,7	7,2	7,8
содействие естественному лесовосстановлению	15,4	27,8	37,8	37,4	38,4	42,3	44,7	64,3
Доля искусственного лесовосстановления, %	31	14	14	14	14	14	14	11

Составлено по: Вологодская область в цифрах: крат. стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2018. 150 с.

знаком расширенного воспроизводства лесов является непрерывное из года в год достижение увеличения эффективного и потенциального запаса качественной древесины на используемых площадях». Н.И. Кожухов [3] под расширенным воспроизводством лесных ресурсов понимает процесс непрерывного роста производительной способности биоценозов.

Повышенное внимание к вопросам лесовосстановления как со стороны научного сообщества, так и со стороны органов государственного управления стало приносить свои плоды. Так, общий объем лесовосстановительных мероприятий в Вологодской области за период с 2000 по 2017 год вырос более чем в 3 раза (табл. 2). Но при этом объем искусственного лесовосстановления остался на уровне 7–8 тыс. гектаров, что на данный момент составляет всего 10,7% — почти в два раза ниже значений среднероссийских показателей.

3. Практика лесовосстановления: опыт России и Финляндии

Можно было бы предположить, что такое соотношение методов искусственного и естественного лесовосстановления является следствием климатических условий Севера России и характеристиками произрастающих лесных пород. Но, для сравнения, в соседней Финляндии, со схожими природными условиями, доля искусственного (посев, посадка) лесовосстановления достигает 80%. Что удивительно, особенно с учетом того, что в лесоводческой практике обеих стран применяются практически одни и те же способы восстановления лесов: естественное (включая мероприятия по содействию естественному лесовосстановлению) и искусственное, такое как посев из семян и посадка саженцев с открытой и закрытой корневой системой. Кроме того, в отличие от Финляндии, в

России применяется комбинированный метод лесовосстановления, заключающийся в сочетании естественного и искусственного методов. Хотя в финском лесоведении такой способ не выделен, там стараются также дополнять лесные участки самосевом, что позволяет повысить плотность и обогатить состав искусственного насаждения [4].

В обеих странах вопросы лесовосстановления регулируются на государственном уровне. Но, как необходимо отметить, Правила лесовосстановления, утвержденные приказом Минприроды РФ от 29.06.2016 г. № 375, в соответствии с которыми осуществляются все лесовосстановительные мероприятия в нашей стране, более детально по сравнению с финскими нормативными актами прописывают весь порядок лесохозяйственной деятельности. Они представляют собой подробную инструкцию по выбору метода и способа лесовосстановления в зависимости от состояния лесного участка, типа почвы, наличия подроста. В то же время, из-за значительных размеров территории России, при разработке Правил лесовосстановления практически невозможно было учесть все природные и климатические особенности каждого лесного участка, изменяющиеся экономические и социальные условия.

Финское законодательство в сфере лесовосстановления (лесное и природоохранное законодательство, закон о торговле лесокультурным материалом, распоряжения Министерства сельского и лесного хозяйства) устанавливает минимальный набор требований к проведению лесовосстановительных работ и использованию посадочного материала (саженцев и семян). Непосредственные способы создания лесных культур, выбор методов и средств лесовосстановления регламентируются внутренни-

ми руководствами организаций-лесоиспользователей, уровень требований в которых зачастую превышает минимальные требования законодательства страны. Кроме того, требования к лесовосстановлению заложены и в программу сертификации лесов Финляндии.

И все же, несмотря на схожесть подходов к вопросам лесохозяйственной деятельности в обеих странах, нельзя не отметить принципиальные отличия в соотношении применяемых способов лесовосстановления. Так, в Финляндии доля естественного лесовосстановления (включая содействие ему) колеблется в районе 20%, а 80% лесовосстановительных мероприятий связаны с созданием новых лесных культур. В то же время, как мы видим из *таблицы 1*, соотношение данных видов лесовосстановления в Российской Федерации прямо противоположно. Причём в регионах её Северо-Запада, климатические условия в которых наиболее приближены к финским, доля искусственного лесовосстановления в общем объеме работ еще ниже: например, для Вологодской области (см. табл. 2) это соотношение составляет 11% искусственного лесовосстановления против 89% естественного. С одной стороны, такая ситуация сложилась во многом под влиянием экономических факторов и организационно-технических возможностей российских лесопользователей. Но, с другой стороны, нельзя не отметить и принципиальную разницу в самом подходе к лесовосстановлению. Так, в России искусственное лесовосстановление используется только в том случае, если применение комбинированного и естественного лесовосстановления не может обеспечить создание ценных лесных пород на участке.

Отличительной особенностью финского подхода к выбору способа лесовосстановления

является конечная рентабельность, а основной задачей считается выращивание на лесном участке в приемлемые сроки нового древостоя, состоящего из наиболее ценной с экономической точки зрения и наиболее устойчивой с точки зрения возможности произрастания в существующих почвенно-климатических условиях древесной породы. При этом, при оценке экономических затрат на всем цикле лесопользования начиная с лесовосстановления и заканчивая основной рубкой, естественное лесовосстановление, с учетом всех необходимых работ по сохранению подроста, проведения рубок ухода и осветления, не всегда оказывается менее затратным по сравнению с искусственным. Особенно в случае проведения повторных работ в результате неуспешности естественного лесовосстановления. Согласно опыту Южной Финляндии, посадка или посев по сравнению с естественным возобновлением позволяет сократить срок достижения лесной породой необходимой для основной рубки зрелости до 5 лет для сосны и до 15 лет для ели. Кроме того, задержка проведения работ по лесовосстановлению только на пять лет снижает на четверть показатели экономической продуктивности леса [5].

Высокую эффективность таких методов лесовосстановления, как посадка и посев, подтвердили результаты инвентаризации объектов лесовосстановления (2000–2006 гг.) в Южной и Средней Финляндии (*табл. 3*) [6].

В Финляндии три четверти земельных участков, занятых лесами, находится в частной собственности. В связи с этим финские нормативы использования лесов не являются столь подробно регламентированными по сравнению с российскими. Давняя история частного лесовладения в Финляндии спо-

Таблица 3. Сравнение эффективности методов лесовосстановления, %

Лесная порода	Метод лесовосстановления	Результаты	
		Хорошие	Удовлетворительные
Ель	Посадка	61	27
	Посев	38	31
	Содействие естественному лесовосстановлению	19	20
Сосна	Посадка	55	25
	Посев	45	27
	Содействие естественному лесовосстановлению	34	22

Составлено авторами по: Saksa T., Kankaanhuhta V. Metsänuudistamisen laatu ja keskeisimmät kehittämiskohteet Etelä-Suomessa. Metsäntutkimuslaitos, Suonenjoen yksikkö. 90 s.

собствует высокому интересу со стороны владельцев к эффективному ведению хозяйства, что обеспечивает им в конечном итоге более высокий уровень дохода. И именно потенциальный, а не сиюминутный доход является определяющим при организации лесовосстановления. Причём учитываются затраты на всем протяжении выращивания лесных культур и на практике низкокзатратный способ лесовосстановления зачастую оказывается не самым выгодным.

При сравнении самого дешевого способа создания насаждений – естественного восстановления – с более затратным, искусственным, можно констатировать, что первый способ гораздо менее надежен. Конечный результат здесь в значительной степени зависит от таких параметров, как качество семенников и урожайность семян в период зачатывания вырубки. При этом сложно добиться желаемого состава пород деревьев и обеспечить высокие показатели их прироста на начальной стадии развития. Кроме того, приходится нести значительные финансовые расходы и временные затраты на агротехнический уход с целью исключения возможности заглушения самосева травой, а также дополнительный подсев в случае недостаточной густоты подроста [7].

В связи с этим лесовладельцы Финляндии рассматривают лесовосстановление не как дополнительное обременение к процессу лесоза-

готовки, а как часть непрерывного процесса лесохозяйственной деятельности. Так, на принятие решения о проведении рубки и, как следствие, на обеспечение мероприятий по лесовосстановлению влияет текущая ситуация между доходами и расходами [8]:

$$NVP = \sum_{i=1}^t \frac{T_i}{(1+r)^i} - \sum_{n=1}^n \frac{K_n}{(1+r)^n},$$

где NVP – чистая текущая стоимость дохода;

- T_i – доход от рубки;
- K_n – расходы на лесное хозяйство;
- t – оборот рубки, лет;
- i – доходы, год;
- n – расходы, год;
- r – процентная ставка.

В таблице 4 приведен пример расчета текущей стоимости для проекта лесопользования на участке кислично-черничного ельника в Южной Финляндии. Проект предполагает пять этапов: посадка саженцев, уход в молодняках через 13 лет, рубки ухода через 30 и 45 лет и главная рубка через 65 лет (рис. 1).

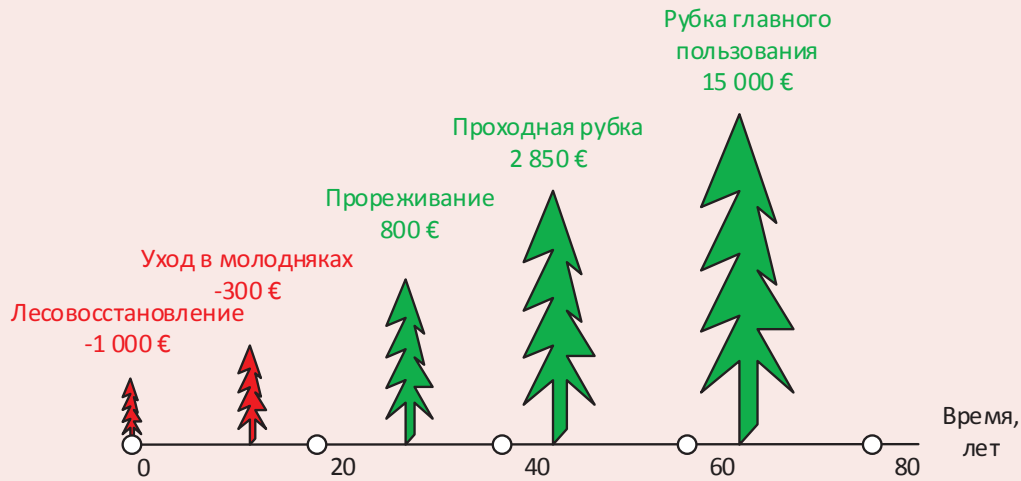
Оптимальным будет решение, которое ведет к получению наибольшей действительной чистой стоимости. Таким образом, вложение средств в лесовосстановление выгодно при условии, что NVP по выбранной процентной ставке остается положительной.

Таблица 4. Пример расчета текущей стоимости дохода проекта лесопользования на участке кислично-черничного ельника в Южной Финляндии

Год	Доходы/расходы	NVP (r=0.03)	Формула расчета	Примечания
0	-1000	-1000	=1000/(1+0,03) ⁰	Первый год: 2000 саженцев ели/га, стоимость 1000 евро/га
13	-300	-204	=300/(1+0,03) ¹³	Через 13 лет: уход за молодняком, стоимость 300 евро/га
30	+800	+330	=800/(1+0,03) ³⁰	Через 30 и 45 лет: доходы от двух коммерческих рубок ухода
45	+2850	+754	=2850/(1+0,03) ⁴⁵	
65	+15000	+2196	=15000/(1+0,03) ⁶⁵	Через 65 лет: доход от рубки главного пользования
Текущая оценка дохода	3280		=330+754+2196	
Текущая оценка расходов	1204		=1000+204	
Чистая текущая стоимость дохода (r = 0,03)	2076		=3280-1204	Лесовладелец для оценки ожидаемой доходности выбрал 3-х процентную ставку. Значение NVP>0 обозначает выгоду инвестирования в лесной участок.

Составлено по: Нюгрэн М. Возобновление леса в Финляндии. Йознсуу: НИИ леса Финляндии, 2005.

Рис. 1. Этапы лесохозяйственной деятельности по проекту лесопользования на участке кислично-черничного ельника в Южной Финляндии



Составлено по: Нюгрен М. Возобновление леса в Финляндии. Йозенсу: НИИ леса Финляндии, 2005.

4. Факторы, влияющие на выбор способа лесовосстановления российскими лесопользователями

Казалось бы, ориентирование на долгосрочную прибыль — достаточно объективный критерий при выборе эффективного метода ведения лесохозяйственной деятельности, и в частности выборе способа лесовосстановления. И если опыт Финляндии доказывает преимущества искусственного лесовосстановления над естественным, то можно предположить, что и на Северо-Западе России, в частности в Вологодской области, данный способ лесовосстановления должен преобладать. Но здесь ключевую роль начинает играть действующее законодательство Российской Федерации.

В соответствии с Лесным кодексом РФ передача лесных участков лесопользователям для заготовки древесины осуществляется на основании договоров аренды лесного участка, заключаемых по результатам аукционов. Организация и проведение работ по лесовосстановлению на таких участках должны быть обеспечены их арендаторами и выполняться в строгом соответствии с Правилами лесовосстановления, утвержденными приказом Минприроды России от 29.06.2016 г. № 375.

Срок договора аренды может быть установлен от 10 до 49 лет. Но практика последних лет

показывает, что все договоры аренды заключаются на максимальный срок — это мотивируется тем, что более длительные сроки аренды будут способствовать повышению ответственности лесопользователей при выполнении и работ по заготовке древесины, и мероприятий по лесовосстановлению и уходу за лесами. Но так ли это на самом деле?

Уже на этапе обсуждения проекта Лесного кодекса РФ социальные, экологические и даже экономические обоснования указанных сроков аренды лесных участков вызвали большие сомнения [9, 10].

На восстановление лесов с использованием любого способа уходит несколько десятков лет. Так, в соответствии с приказом Федерального агентства лесного хозяйства «Об установлении возрастов рубок» от 9 апреля 2015 г. № 105 для Вологодской области устанавливаются в зависимости от лесообразующей породы и класса бонитета возрасты рубок от 81 до 140 лет для хвойных пород и от 41 до 80 лет для лиственных пород (табл. 5). При этом, согласно Лесному плану Вологодской области, к целевым лесным древесным породам относятся сосна, ель, береза и осина. То есть при ограничении срока договора аренды в 49 лет в соответствии с действующим законодательством арендатор может быть заинтересован в обеспечении проведения эф-

Таблица 5. Возрасты рубок лесных насаждений для Вологодской области

Субъект РФ	Лесообразующая порода	Классы бонитета	Возрасты рубок, лет	
			Защитные леса	Эксплуатационные и резервные леса
Вологодская область	Сосна, лиственница, ель	III и выше	101 – 120	81 – 100
		IV и ниже	121 – 140	101 – 120
	Береза, ольха черная	Все бонитеты	71 – 80	61 – 70
	Осина, ольха серая	Все бонитеты	51 – 60	41 – 50
	Ива древовидная	Все бонитеты	51 – 60	41 – 50

Составлено по: Об установлении возрастов рубок: приказ Федерального агентства лесного хозяйства от 9 апреля 2015 г. № 105.

фактивного лесовосстановления только в первые 10 лет действия договора аренды и только на лесных участках с наименее ценными лесными породами, такими как осина, ольха серая, ива древовидная.

Частично решить данную проблему призвано закрепленное в Лесном кодексе Российской Федерации преимущественное право заключения договора аренды лесного участка на новый срок с прежним арендатором, который надлежащим образом исполнил договор аренды такого участка. То есть предполагается, что добросовестный арендатор при выполнении всех необходимых требований по освоению используемого лесного участка фактически становится его собственником (бессрочным арендатором) и поэтому должен быть заинтересован в проведении эффективных мероприятий по лесовосстановлению и уходу за лесами с целью получения большей прибыли в последующие периоды для своих потомков. Но сама возможность и условия использования преимущественного права заключения договора аренды вызывают очень много как экономических, так и юридических вопросов.

Встает вопрос о порядке определения размера арендной платы при заключении нового договора аренды. Казалось бы, добросовестный арендатор, выполнивший надлежащим образом все условия по предыдущему договору, может рассчитывать на определенное экономическое стимулирование в виде понижающего коэффициента при расчете арендной платы. Но на сегодняшний день размер арендной платы при реализации преимущественного права заключения договора аренды лесного участка с прежним арендатором определяется на основании постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении методики определения размера арендной платы по договору

аренды лесного участка, заключаемому в соответствии с пунктом 2 части 4 статьи 74 Лесного кодекса Российской Федерации» от 1 февраля 2016 г. № 53.

Согласно данной методике размер арендной платы по договору аренды определяется по формуле:

$$A = A_{\text{мин}} \times K_{\text{п}},$$

где $A_{\text{мин}}$ – минимальный размер арендной платы по договору аренды, определяемой в соответствии с частями 2 и 3 статьи 73 Лесного кодекса РФ (рублей);

$K_{\text{п}}$ – коэффициент превышения, определяется по формуле:

$$K_{\text{п}} = \frac{A_{\text{аукцион}}}{A_{\text{начальная}}},$$

где $A_{\text{аукцион}}$ – размер арендной платы, сформировавшейся по результатам аукциона по продаже права на заключение исполненного договора аренды (рублей);

$A_{\text{начальная}}$ – начальная цена предмета соответствующего аукциона (начальный размер арендной платы) (рублей).

Анализ аукционов по аренде лесных участков в Вологодской области, проведенный в 2015–2017 гг., показывает, что коэффициент превышения для различных аукционов колеблется от 1,0 до 18,6 (табл. 6). Само значение коэффициента превышения трудно назвать объективным даже на сегодняшний момент. Оно не зависит напрямую ни от площади участка, ни от начальной цены, а скорее всего является неким производным от умения участников торгов договариваться, так как аукционы проходят в открытой форме и участники, как правило, хорошо знают друг друга. Соответственно не приходится говорить и об объективности коэффициента превышения по истечении 49 лет.

Таблица 6. Результаты аукционов по аренде лесных участков в Вологодской области в 2015–2017 гг.

№ п/п	Начальная цена, руб.	Площадь участка, га	Начальная цена за 1 га, руб.	Цена, предложенная победителем, руб.	Коэффициент превышения
<i>2015 г.</i>					
1.	5 106 620,79	26 365,00	193,69	5 106 620,79	1,00
2.	282 089,90	1 898,00	148,62	1 001 419,40	3,55
3.	337 221,95	7 743,60	43,55	505 832,95	1,50
4.	317 911,30	11 708,00	27,15	604 031,56	1,90
5.	424 663,22	9 808,00	43,30	913 025,90	2,15
6.	264 304,30	5 026,00	52,59	370 026,06	1,40
7.	420 697,74	2 754,00	152,76	2 482 116,96	5,90
8.	747 269,76	1 930,00	387,19	971 450,70	1,30
9.	2 574 004,55	7 371,00	349,21	8 108 114,44	3,15
10.	988 306,51	5 570,00	177,43	1 284 789,49	1,30
11.	231 755,52	1 747,00	132,66	3 012 822,72	13,00
12.	1 013 088,00	8 741,00	115,90	12 106 401,60	11,95
13.	481 223,65	4 647,00	103,56	6 231 845,67	12,95
14.	174 287,45	2 464,00	70,73	174 287,45	1,00
15.	5 500 089,08	14 906,00	368,98	5 500 089,08	1,00
16.	6 292 355,33	24 526,00	256,56	6 292 355,33	1,00
17.	471 081,79	1 332,60	353,51	1 507 461,75	3,20
18.	1 050 603,30	1 497,60	701,52	1 418 314,49	1,35
19.	534 471,59	3 648,00	146,51	1 309 455,41	2,45
20.	302 471,53	5 573,00	54,27	5 625 971,69	18,60
<i>2016 г.</i>					
21.	2 373,12	226,00	10,50	2 373,12	1,00
22.	1 025 184,00	4 669,00	219,57	1 076 443,20	1,05
23.	1 244 496,52	6 529,00	190,61	1 306 721,35	1,05
24.	1 275 884,00	9 734,60	131,07	1 275 884,00	1,00
25.	111 154,87	44 577,00	2,49	122 270,35	1,10
26.	78 608,46	4 618,00	17,02	78 608,46	1,00
27.	173 731,20	5 543,00	31,34	173 731,20	1,00
28.	1 368 716,22	6 949,00	196,97	1 368 719,22	1,00
<i>2017 г.</i>					
29.	284 880,18	3 839,00	74,21	2 578 165,79	9,05
30.	1 752 829,44	8 439,00	207,71	1 752 829,44	1,00
31.	1 171 015,93	3 400,00	344,42	2 751 887,53	2,35
32.	314 844,77	4 514,00	69,75	314 844,77	1,00
33.	8 712 948,98	62 753,00	138,85	26 138 846,98	3,00
34.	376 304,49	2 382,00	157,98	1 016 021,97	2,70
35.	707 969,28	5 366,00	131,94	1 309 743,10	1,85
36.	362 789,88	3 809,00	95,25	1 179 066,93	3,25
37.	1 779 217,00	14 955,00	118,97	5 693 494,40	3,20
38.	1 162 691,57	11 970,00	97,13	4 127 555,15	3,55
39.	2 259 912,96	4 314,00	523,86	5 197 799,86	2,30
40.	1 313 040,00	2 190,00	599,56	2 954 340,00	2,25
41.	7 964,24	92,00	86,57	7 964,24	1,00
42.	4 961 805,20	25 797,00	192,34	5 209 895,46	1,05

Источник: подготовлено авторами на основе данных официального сайта Российской Федерации для размещения информации о проведении торгов (<https://torgi.gov.ru>).

Необходимо также отметить, что при расчете арендной платы используется такой показатель, как минимальный размер арендной платы по договору аренды, определяемый в соответствии с частями 2 и 3 статьи 73 Лесного кодекса Российской Федерации, рассчитываемый на основании постановления Правительства РФ «О ставках платы за единицу объема лесных ресурсов и ставках платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности» от 22 мая 2007 г. № 310. Ставки платы за единицу объема древесины лесных насаждений для Архангельско-Вологодского лесотаксового района приведены в *таблице 7*.

На величину минимального размера арендной платы напрямую влияют такие факторы, как состав лесных пород участка, их качество, общий объем древесины на участке и развитость лесной инфраструктуры. То есть в случае

проведения качественного лесовосстановления и ухода за лесами, развития лесной инфраструктуры как за счет самого арендатора, так и вне зависимости от него (например, развитие федеральной и областной дорожной сети, реализация проектов по созданию лесных кластеров) ставки арендной платы могут значительно вырасти, что, с одной стороны, будет отражать потенциальный рост стоимости запасов на лесном участке, но, с другой стороны, приведет к увеличению расходов для самого арендатора.

Кроме экономических вопросов реализации преимущественного права заключения договоров аренды существует целый ряд вопросов юридического характера [11].

Во-первых, как показывает практика, постоянно меняющееся в последнее время российское законодательство в лесной сфере не дает арендаторам никаких гарантий от

Таблица 7. Ставки платы за единицу объема древесины лесных насаждений для Архангельско-Вологодского лесотаксового района

Породы лесных насаждений	Разряды такс	Расстояние вывозки	Ставка платы за 1 плотный куб. метр			
			Деловая древесина без коры			Дровяная древесина (в коре)
			крупная	средняя	мелкая	
Сосна	1	До 10	126,72	90,54	45,36	2,88
	2	10,1–25	115,2	82,44	41,4	2,88
	3	25,1–40	97,92	69,84	35,1	2,52
	4	40,1–60	75,06	53,28	27,36	2,52
	5	60,1–80	57,24	41,4	20,7	1,44
	6	80,1–100	46,26	33,3	16,56	1,44
	7	100,1 и более	34,74	24,84	12,6	1,08
Ель	1	До 10	114,12	81,72	41,4	2,88
	2	10,1–25	103,5	73,8	37,26	2,88
	3	25,1–40	87,84	63,54	30,96	2,52
	4	40,1–60	67,32	48,78	23,58	1,44
	5	60,1–80	51,66	37,26	19,26	1,44
	6	80,1–100	41,4	29,52	15,12	1,08
	7	100,1 и более	30,96	22,14	11,52	1,08
Береза	1	До 10	63,54	45,36	23,22	3,78
	2	10,1–25	57,24	41,4	20,7	3,78
	3	25,1–40	49,14	35,1	16,92	2,88
	4	40,1–60	37,62	27,36	12,96	2,52
	5	60,1–80	28,8	20,7	10,8	2,16
	6	80,1–100	23,22	16,56	8,1	1,44
	7	100,1 и более	16,92	12,6	6,66	1,08
Осина	1	До 10	12,6	9,18	5,22	0,36
	2	10,1–25	11,52	8,1	4,14	0,36
	3	25,1–40	9,9	7,38	2,88	0,36
	4	40,1–60	7,38	5,58	2,52	0,36
	5	60,1–80	5,58	4,14	2,52	0,14
	6	80,1–100	5,22	2,88	1,44	0,14
	7	100,1 и более	2,88	2,52	1,44	0,11

Составлено по: О ставках платы за единицу объема лесных ресурсов и ставках платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности: постановление Правительства РФ от 22 мая 2007 г. № 310.

очередных изменений, что с высокой вероятностью может привести к необходимости заключения нового договора, а то и просто к расторжению существующего.

Во-вторых, надлежащее исполнение арендатором своих обязанностей в рамках договора аренды лесного участка не гарантирует ему возможности заключения нового договора на прежних условиях, даже при наличии преимущественного права. Арендодатель, в соответствии с действующим законодательством, может отказать ему в заключении нового договора. При этом отказ будет считаться правомерным при заключении договора с новым арендатором в период одного года с даты истечения срока прежнего договора.

Таким образом, в существующем порядке предоставления лесных участков в аренду для заготовки древесины практически отсутствует какое-либо экономическое стимулирование к организации лесопользователями мероприятий по расширенному лесовосстановлению.

Конечно, можно предположить, что для арендаторов, заключивших договоры аренды с коэффициентом превышения близким к единице, преимущественное право на заключение новых договоров аренды можно рассматривать как некий стимул для проведения таких работ. Но с учетом всех остальных факторов его влияние представляется весьма незначительным.

Наряду с рассмотренной выше попыткой стимулирования арендаторов к обеспечению качественного лесовосстановления за счет предоставления преимущественного права заключения договора аренды на новый срок, российское законодательство предусматривает и ряд карательных мер по отношению к арендаторам, халатно относящимся к выполнению своих обязанностей.

К таким мерам можно отнести штрафные санкции и досрочное расторжение договора аренды лесного участка. Но, на наш взгляд, признать данные меры эффективными можно с большой натяжкой.

Так, в соответствии со статьей 8.27 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации нарушение правил лесовосстановления, лесоразведения, ухода за лесами и лесного семеноводства наказывается

предупреждением или наложением административного штрафа. Для граждан сумма штрафа определена в размере от двухсот до пятисот рублей; для должностных лиц — от пятисот до одной тысячи рублей; для юридических лиц — от пяти до десяти тысяч рублей. Как видим, суммы штрафов не сопоставимы ни со стоимостью аренды лесного участка, ни с получаемой прибылью, ни даже с минимально необходимыми затратами на формальное выполнение лесовосстановительных мероприятий.

Несколько больший эффект, особенно для лесозаготовителей, планирующих длительную деятельность и не нацеленных на совсем уж сиюминутную прибыль, дает возможность досрочного прекращения действия договора аренды лесного участка. С учетом дефицита свободных лесных участков с требуемыми характеристиками, в первую очередь по транспортной доступности, случаи расторжения договоров аренды по причине невыполнения лесовосстановительных мероприятий крайне редки. Арендаторы стараются выполнять требования лесного законодательства. При этом существует и обратная сторона расторжения договора аренды лесного участка, заключенного по результатам аукциона: в соответствии с Лесным кодексом РФ такой договор расторгается только в судебном порядке. В целом, с учетом вероятных обжалований, данная процедура может затянуться на несколько лет. За этот период лесному участку может быть нанесен существенный ущерб.

В целом необходимо признать, что действующее лесное законодательство позволяет обеспечивать выполнение минимально необходимых требований к проведению лесовосстановительных работ, но при этом никоим образом не стимулирует лесопользователей к организации качественного расширенного лесовосстановления.

5. Возможности применения агент-ориентированных моделей при выборе и внедрении новых подходов к лесовосстановлению

В современной российской практике лесопользования в качестве основного фактически признан путь естественного лесовосстановления с принятием всевозможных мер по увеличению объемов содействующих ему мероприя-

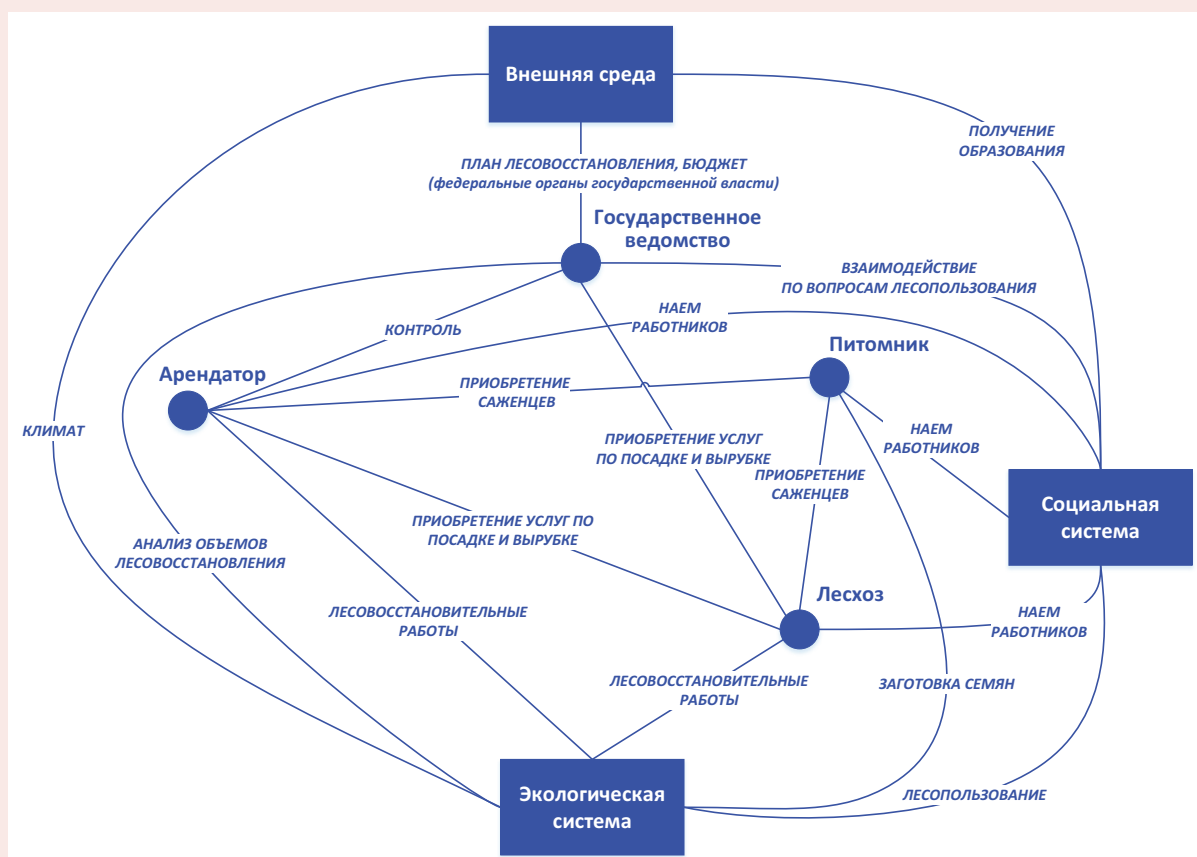
тий. Такое положение дел не может полностью обеспечить качественный результат, и на сегодняшний день стоит задача перехода к интенсивной модели ведения лесного хозяйства [12]. При этом возникает потребность в создании имитационных моделей, способных обеспечить процесс принятия управленческих решений при выборе и внедрении новых подходов к лесовосстановлению.

Вследствие высокой сложности реальной системы лесопромышленного комплекса, а также длительности протекающих в лесном хозяйстве процессов, для решения задачи моделирования здесь особую актуальность имеет вопрос выбора адекватного инструментария. Наиболее перспективным для данной предметной области с точки зрения авторов статьи является использование агент-ориентированного мо-

делирования (АОМ). Его отличительная особенность заключается в использовании программных сущностей – агентов, имеющих собственное поведение и способных к взаимодействию. Это позволяет обеспечить возможность моделирования системы, наиболее точно соответствующей реальности [13]. В последнее время АОМ находит все большее применение при имитационном моделировании различных процессов лесного хозяйства [14–24].

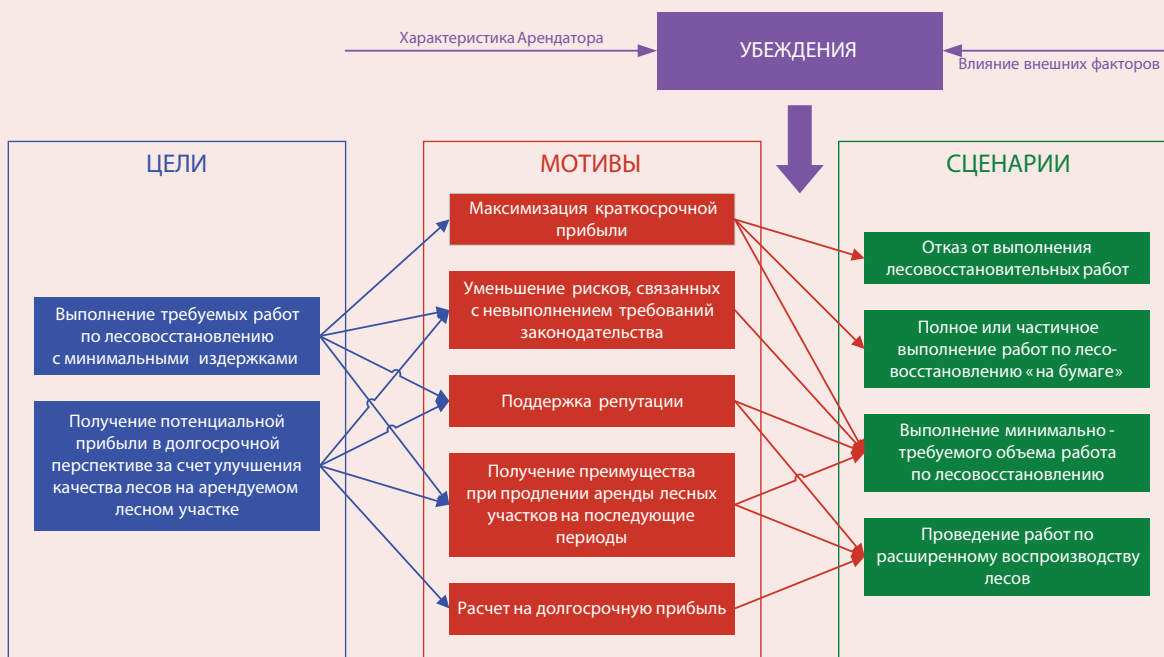
В работе «Агент-ориентированный подход к реализации модели лесовосстановления» [25] нами была предложена парадигма построения модели лесовосстановления как подмодели регионального лесного комплекса, с использованием методологии АОМ. В ее рамках была разработана функциональная схема модели лесовосстановления (рис. 2).

Рис. 2. Общая функциональная схема модели лесовосстановления



Источник: Гулин К.А., Дианов С.В., Антонов М.Б. Агент-ориентированный подход к реализации модели лесовосстановления // Проблемы развития территорий. 2018. № 1 (93). С. 83-97.

Рис. 3. Алгоритм выбора сценария поведения агентом Арендатор



Источник: Гулин К.А., Дианов С.В., Антонов М.Б.. Агент-ориентированный подход к реализации модели лесовосстановления // Проблемы развития территорий. 2018. № 1 (93). С. 83-97.

Рис. 4. Алгоритм выбора сценария поведения агентом Арендатор в соответствии с действующим законодательством



Источник: составлено авторами.

Ключевыми агентами в данной схеме являются агенты Арендатор и Государственное ведомство. В рамках модели под Арендатором понимается юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, имеющий договор аренды лесного участка для целей заготовки древесины. Он выполняет функцию по производству лесовосстановительных работ в соответствии с существующими требованиями. Для ее реализации он взаимодействует с Государственным ведомством.

Каждый агент имеет собственную модель поведения, элементами которой являются цели функционирования, убеждения, мотивы и сценарии. Цели задают параметры значений характеристик агента, которых он стремится достичь. Сценарии содержат возможные алгоритмы действий агента для достижения целей (рис. 3). Мотивы и убеждения позволяют выбрать сценарий поведения агента применительно к конкретным условиям. Мотивы определяют приоритет, а убеждения – возможность совершения сценария.

С точки зрения лесовосстановления Арендатор может преследовать две цели:

- выполнение требуемых работ по лесовосстановлению с минимальными издержками;
- получение потенциальной прибыли в долгосрочной перспективе за счет улучшения качества лесов на арендуемом лесном участке.

Этим целям соответствуют определенные мотивы, и, в зависимости от собственных убеждений и влияния внешних факторов, Арендатор выбирает тот или иной сценарий.

Казалось бы, задача на моделирование поведения Арендатора достаточно легка. Необходимо создать такие внешние воздействия, чтобы основной его целью стал ориентир на

долгосрочную прибыль. Но, как было показано выше, в рамках действующего законодательства это не так и просто.

Следовательно, можно сказать, что основной и единственной целью Арендатора при выполнении работ по лесовосстановлению становится минимизация издержек, а сам алгоритм выбора сценария значительно упрощается (рис. 4).

6. Выводы

Таким образом, на примере сравнения подходов к лесовосстановлению на Северо-Западе России, в частности в Вологодской области, и в Финляндии можно отметить, что, несмотря на общность конечной цели всех лесозаготовителей – получение прибыли, российские предприниматели при проведении лесохозяйственных мероприятий основной задачей считают минимизацию издержек любым допустимым для них способом, в то время как финские лесовладельцы во главу угла ставят задачу повышения потенциальной прибыли в длительной перспективе.

А основной задачей при моделировании процессов лесовосстановления в рамках агент-ориентированной модели становится определение таких условий, при которых возможно достижение целевых показателей по расширенному воспроизводству лесов.

Основным вкладом выполненной нами работы в развитие теоретической и прикладной науки является определение механизмов формирования поведения арендаторов лесных участков при планировании и осуществлении лесовосстановительных работ, которые могут быть использованы для поиска оптимальных решений по определению путей перехода к более эффективным моделям лесовосстановления.

Литература

1. Моисеев Н.А., Комков В.В. Оптимизация воспроизводства лесных ресурсов. М.: Лесная промышленность, 1987. 246 с.
2. Васильев П.В. Экономика использования и воспроизводства лесных ресурсов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 484 с.
3. Кожухов Н.И. Экономические методы управления расширенным воспроизводством лесных ресурсов: автореф. дисс. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. 1982. 42 с.
4. Вяльккю Э., Лейнонен Т. Правила лесоводства в России и Финляндии. История и современность // ЛесПромИнформ. 2013. № 1 (91). С. 66-70.
5. Valkonen S. Лесовосстановление. Основы лесного хозяйства в Финляндии. Metsäkustannus Oy, Hämeenlinna. 231 с.

6. Лейнонен Т., Туртиайнен М., Сиеккинен А. Лесовосстановление на Северо-Западе России и сравнение с Финляндией. Йёнсуу: НИИ леса Финляндии, 2009. 40 с.
7. Нюрген М. Возобновление леса в Финляндии. Йёнсуу: НИИ леса Финляндии, 2005. 22 с.
8. Тихомиров М.Ю. Новый Лесной кодекс // Законы России: опыт, анализ, практика: ежемесячный правовой журнал. М.: Буквевед, 2007. № 3. С. 100-107.
9. Алихаджиева А.С. Лесное законодательство Российской Федерации: проблемы и перспективы // Конституционные чтения: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Поволж. акад. гос. службы, 2005. Вып. 6. С. 154-157.
10. Галазий О.В. Лесное законодательство: проблема адаптации к современным условиям // Евразийское пространство: опыт создания экологического законодательства: сб. научн. статей: материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 7-8 октября 2004 г. Иркутск: Иркут. ун-т, 2004. С. 56-64.
11. Актуальные проблемы лесовосстановления на Европейском севере России в рамках перехода к интенсивной модели ведения лесного хозяйства / Н.А. Бабич, С.А. Корчагов, О.А. Кошюшатов, Н.Н. Стребков, И.Н. Лупанова // Известия высших учебных заведений. Лесной журнал. 2013. № 2. С. 74-83.
12. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р. Новый инструментарий в общественных науках – агент-ориентированные модели: общее описание и конкретные примеры // Экономика и управление. 2009. № 12 (50). С. 13-25.
13. Гулин К.А., Антонов М.Б. Теоретические аспекты агент-ориентированного моделирования развития лесного комплекса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 59-74.
14. Troitzsch K. Agentenbasierte Modellierung von Märkten. *Schweizerische Zeitschrift für Forstwesen (SZF)*, 2012, vol. 163/10, pp. 408–416. URL: <http://szf-jfs.org/doi/pdf/10.3188/szf.2012.0408>
15. Kostadinov F., Steubing B. *An Agent-Based Model of an Energy Wood Market in a Swiss Region*. URL: http://www.issw.ch/fe/waldressourcen/produktionssysteme/publikationen/ESSA2011_FabianKostadinov_v2.pdf
16. Kostadinov F., Holm S., Steubing B., Thees O., Lemm R. *Simulation of a Swiss Wood Fuel and Roundwood Market: An Explorative Study in Agent-Based Modeling*. URL: http://www.wsl.ch/fe/waldressourcen/produktionssysteme/publikationen/Kostadinov_et_al_Simulation_of_a_Swiss_wood_fuel_and_roundwood_market_An_explorative_study_in_agent-based_modeling.pdf
17. Gebetstroither E., Kaufmann A., Gigler U., Resetarits A. Agent-based modelling of self-organization processes to support adaptive forest management. *Contributions to Economics*, 2006, part 4, pp. 153–172. URL: http://dx.doi.org/10.1007/3-7908-1721-X_8
18. Pérez L., Dragicevic S. *Exploring Forest Management Practices Using an Agent-Based Model of Forest Insect Infestations*. International Congress on Environmental Modelling and Software. URL: <http://scholarsarchive.byu.edu/iemssconference/2010/all/364>
19. Guangjun Zhang, Yaodong Li *Agent-based modeling and simulation for open complex systems*. URL: <http://ieeexplore.ieee.org/document/5456783/>
20. Niazi Muaz A.K., Siddique Q., Hussain A., Kolberg M. *Verification and Validation of an Agent-Based Forest Fire Simulation Model*. URL: <https://www.stir.ac.uk/research/hub/publication/723>
21. Spies T.A., White E., Ager A., Kline J.D., Bolte J.P., Platt E.K., Olsen K.A., Pabst R.J., Barros A.M.G., Bailey J.D., Charnley S., Morzillo A.T., Koch J., Steen-Adams M.M., Singleton P.H., Sulzman J., Schwartz C., Csut B. *Using an Agent-Based Model to Examine Forest Management Outcomes in a Fire-Prone Landscape in Oregon, USA*. URL: <https://www.ecologyandsociety.org/.../ES-2016-8841.pdf>
22. Блам Ю.Ш. Агентно-ориентированный подход к реализации модели лесного комплекса региона // Вестник КузГТУ. 2014. №4. С. 176-180.
23. Яровой С.В. Агентный подход при моделировании лесопожарных ситуаций // Программные продукты и системы. 2016. Т. 29. № 3. С. 101-108.
24. Яровой С.В., Доррер Г.А. Применение агентного подхода для моделирования процессов распространения и локализации природных пожаров // Хвойные бореальной зоны. 2016. Т. 37. № 5-6. С. 237-240.
25. Гулин К.А., Дианов С.В., Антонов М.Б. Агент-ориентированный подход к реализации модели лесовосстановления // Проблемы развития территорий. 2018. № 1 (93). С. 83-97.

Сведения об авторах

Константин Анатольевич Гулин – доктор экономических наук, доцент, директор, общество с ограниченной ответственностью «Русинтехком» (160034, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленинградская, д. 150, кв. 271; e-mail: gulin_k@mail.ru)

Сергей Владимирович Дианов – кандидат технических наук, доцент кафедры, Вологодский государственный университет (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, 15; e-mail: Dianov.sv@mail.ru)

Михаил Борисович Антонов – директор, ООО «ЛанЭкс» (160012, Российская Федерация, г. Вологда, Советский пр-т, д. 62, кв. 5; e-mail: mbantonov@mail.ru)

Gulin K.A., Dianov S.V., Antonov M.B.

Issues Related to the Motivation of Tenants of Forest Plots to Use Effective Methods of Reforestation in Russia

Abstract. The forest sector is a key sector in the Russian economy. The existing demand for forest products on the part of domestic and foreign consumers contributes to a steady increase in the volume of logging. At the same time the restoration of forest resources is becoming increasingly important. Detailed elaboration of this issue is a critical factor in maintaining the trend of enhancing the economic performance of the forest complex in the long term, on the one hand, and in ensuring environmental safety, on the other hand. In Russia the task of reforestation is mainly delegated to the tenants of forest plots. Today the problem of strengthening their interest in ensuring the quality of the works they perform is of great importance. The main goal of the study, the findings of which are presented in our paper, is to determine the mechanisms of formation of tenant behavior models that affect decision-making on the implementation of reforestation. We use methods such as system approach, analysis and synthesis, generalization and comparison, classification and systematization. Research findings of our study consist in the substantiation of the increase in the share of artificial reforestation as a factor that ensures the growth of forest use efficiency, as well as the mechanisms of formation of tenants' behavior in the planning and implementation of reforestation. We choose the forest complex of the Vologda Oblast as the main object for our study. Certain features of the current legislation are identified as the main problem of its potential development. In formulating our findings we use comparison with the models of the process of reforestation existing in Finland, where higher indicators of the qualitative composition of forests have been achieved. A distinctive feature of our study is its focus on the possibility of further application of its findings in the development of agent-based models. We carry out practical implementation of such models. With their help, it is possible to search for the most optimal solutions to determine the ways of shifting to a more effective model of reforestation.

Key words: forest complex, reforestation, agent-based modeling.

Information about the Authors

Konstantin A. Gulin – Doctor of Economics, Associate Professor, Director, ООО Rusintekhhom (150, Leningradskaya Street, Apt. 271, Vologda, 160034, Russian Federation; e-mail: gulin_k@mail.ru)

Sergei V. Dianov – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: Dianov.sv@mail.ru)

Mikhail B. Antonov – Director, ООО LanEks (62, Sovetskii Avenue, Apt. 5, Vologda, 160012, Russian Federation; e-mail: mbantonov@mail.ru)

Статья поступила 26.12.2018.

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.7

УДК 331.101.26, ББК 65.240

© Россошанская Е.А.

Комплексная агент-ориентированная модель воспроизводства трудового потенциала муниципального образования*



**Елена Андреевна
РОССОШАНСКАЯ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького д. 56а
E-mail: miteneva@inbox.ru

Аннотация. В статье представлены авторские разработки в области агент-ориентированного моделирования воспроизводства трудового потенциала, позволяющие строить сценарные прогнозы динамики трудового потенциала и апробировать различные варианты управленческих воздействий, подбирая оптимальные. Модель имитирует процессы формирования, распределения и использования трудового потенциала муниципального района с учётом действий агентов трёх уровней: физические лица (носители трудового потенциала, агенты-люди), юридические лица (работодатели, агенты-фирмы), муниципальные органы власти. Агенты-люди и агенты-фирмы присутствуют в модели в явном виде как отдельные типы агентов. Стартовое количество агентов-людей определялось из расчёта один человек от каждого десятка. «Фирмы» в силу имеющихся статистических данных рассматриваются укрупнённо: каждая соответствует одному виду экономической деятельности. Всего 13 агентов-фирм. Агенты-органы власти присутствуют в модели в неявном виде и формируют среду функционирования агентов других типов. Их поведение задаётся экзогенно. Модель реализована в системе имитационного моделирования AnyLogic Professional и апробирована на данных Великоустюгского муниципального района Вологодской области. Информационную базу исследования составили материалы Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области, а также базы данных анкетных опросов населения, проводимых Вологодским научным центром РАН на территории

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-36-60011 мол_а_дк

Для цитирования: Россошанская Е.А. Комплексная агент-ориентированная модель воспроизводства трудового потенциала муниципального образования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 124-137. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.7

For citation: Rossoshanskaya E.A. Integrated agent-based model of labor potential reproduction of a municipal formation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 124-137. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.7

региона. К достоинствам предлагаемого подхода, составляющим его научную новизну, следует отнести то, что модель воспроизводит современное состояние и динамику трудового потенциала в единстве и взаимосвязи его количественной и качественной сторон, имитирует основные процессы каждой фазы воспроизводства трудового потенциала, учитывает особенности муниципальной статистики и реальные полномочия органов власти. Кроме того, при описании качества трудового потенциала агентов-людей впервые в агент-ориентированном моделировании используется концепция качественных характеристик населения и каждый агент наделяется восьмью базовыми качествами: физическое и психическое здоровье, когнитивный и творческий потенциалы, коммуникабельность, культурный и нравственный уровни, потребность в достижении. При этом агенты одного пола и возраста в модели не одинаковы.

Ключевые слова: агент-ориентированная модель, трудовой потенциал, воспроизводство трудового потенциала, качество населения, муниципальный уровень.

Введение

Воспроизводство трудового потенциала является одним из наиболее проблемных процессов муниципального уровня последних десятилетий. К примеру, в Вологодской области с 2000 года численность населения трудоспособного возраста более чем в половине муниципальных районов сократилась минимум на четверть. Структура трудового потенциала и тенденции его формирования, распределения и использования крайне неблагоприятны. Полноценного возобновления и восстановления функционирующего трудового потенциала не наблюдается ни в количественном, ни в качественном плане: приходится говорить о его суженном воспроизводстве [1].

Источники и основные причины этих проблем кроются как на макро-, так и на микроуровне. В силу чего постепенное преломление негативных тенденций требует не только создания соответствующих макроэкономических условий и благоприятной среды функционирования трудового потенциала, но и эффективного управления воспроизводственными процессами микроуровня с учётом качественных характеристик и поведения носителей трудового потенциала — отдельных людей, проживающих на территории муниципального образования.

Управление воспроизводством трудового потенциала — задача сложная и ответственная, требующая комплексного понимания современного состояния проблемы и выдвигающая повышенные требования не только к квалификации лиц, принимающих решения, но и к используемому для данных целей инструментарию. На текущий момент одним из наиболее перспективных и гибких инструментов,

способных помочь в выработке оптимальных управленческих решений различного уровня, называют агент-ориентированные модели, уже получившие большое признание за рубежом [2; 3] и постепенно набирающие популярность в России [4; 5].

Как показал проведённый нами анализ [6], сегодня созданы все необходимые предпосылки для планомерного внедрения агент-ориентированных моделей в реальную практику муниципального управления в России: 1) пройдены необходимые этапы развития экономической мысли и информационных технологий; 2) наблюдается повсеместное признание роли человеческого фактора в социально-экономическом развитии; 3) имеется повышенный интерес власти и общества к проблемам эффективности государственного и муниципального управления; 4) сформированы нормативно-правовые основы стратегического планирования по уровням управления. Всё это неизбежно приведёт к постепенной информатизации процесса принятия управленческих решений и поиску наиболее подходящих инструментов, которыми с большой вероятностью станут агент-ориентированные модели, позволяющие имитировать объект управления наиболее приближённо к реальности.

Данный класс моделей, основанных на индивидуальном поведении множества неоднородных взаимодействующих между собой агентов, способен стать наиболее полезным инструментом для лиц, принимающих решения, поскольку рассматривает проблемные процессы на том же уровне, что и сами управленцы [7, с. 121]. При этом в создаваемом на компьютере «снизу-вверх» искусственном

обществе [8; 9] могут возникать явления эмерджентности и процессы самоорганизации [10], которые не были непосредственно запрограммированы разработчиком. Но главное, что путём экспериментов на искусственном обществе органы власти получают возможность апробировать управленческие решения и подбирать из них оптимальные, дающие наилучший результат при внедрении [5], получают те опыт, информацию и знания об объекте управления, которые невозможно и неэтично приобрести путём прямого эксперимента на реальном обществе.

Таким образом, потребность практики в адекватном, современном и эффективном инструменте апробации управленческих решений, наряду с остротой ситуации, сложившейся в сфере воспроизводства трудового потенциала за пределами крупных городов и значительной ролью в воспроизводственном процессе индивидуальных характеристик и поведения отдельных агентов, предопределили актуальность агент-ориентированного моделирования воспроизводства трудового потенциала на муниципальном уровне.

Проведённый нами анализ российского и зарубежного опыта разработки агент-ориентированных моделей, затрагивающих различные аспекты процесса воспроизводства трудового потенциала, показал, что, во-первых, комплексный подход к определению трудового потенциала территории, учитывающий сущность и глубину этого понятия, практически не используется в построенных на данный момент моделях, за исключением разработок *Е.Д. Сушко* [11]; во-вторых, большинство моделей имитируют отдельные аспекты воспроизводства, например естественное движение, динамику рынка труда или трудовое поведение, и не рассматривают воспроизводственный цикл целиком; и в-третьих, модельное упрощение реальной системы не всегда сопровождается соблюдением логики протекания основных фазовых процессов, например, исключение из модели безработных [12] приводит к искажённому воспроизведению фазы использования трудового потенциала [13].

Кроме того, качественные характеристики работников рассматриваются в основном в рамках теории человеческого капитала [14] и ограничиваются общими и специальными навыка-

ми [15], что существенно сужает возможности анализа проблем воспроизводства качественной составляющей трудового потенциала. Качество трудового потенциала – это более широкое понятие, отражающее весь комплекс разнообразных свойств и способностей индивида, востребованных в трудовой деятельности. Например, нравственный и культурный уровни или потребность в достижении не относятся к навыкам. Тем не менее, по результатам социологического мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области, проводимого Вологодским научным центром РАН на территории региона, более трети работников в трудоспособном возрасте стабильно отмечают важность наличия развитых морально-нравственных качеств и высокой общей культуры для успешного осуществления трудовой деятельности. Совсем не важными указанные качества считают менее 10% работников. Этот факт говорит о необходимости более полного учёта качественных характеристик населения при моделировании воспроизводства трудового потенциала.

Целью представляемого исследования являлась разработка комплексной агент-ориентированной модели воспроизводства трудового потенциала муниципального района, имитирующей процессы формирования, распределения и использования трудового потенциала с учётом действий агентов трёх уровней: 1) физические лица (носители трудового потенциала), 2) юридические лица (работодатели), 3) муниципальные органы власти. Для достижения цели были решены следующие задачи: разработана концептуальная модель воспроизводства трудового потенциала на муниципальном уровне; концептуальная модель реализована в виде компьютерной агент-ориентированной модели; осуществлена апробация модели на одном из районов Вологодской области; проведена калибровка модели и серия вычислительных экспериментов по имитации динамики воспроизводства трудового потенциала при различных значениях управляемых параметров модели.

К достоинствам предлагаемого подхода, составляющим его научную новизну, следует отнести то, что модель воспроизводит современное состояние и динамику трудового потенциала в единстве и взаимосвязи его количественной и качественной сторон, имитирует основные

процессы каждой фазы воспроизводства трудового потенциала, учитывает особенности муниципальной статистики и реальные полномочия органов власти. Кроме того, при описании качества трудового потенциала агентов-людей впервые в агент-ориентированном моделировании используется концепция качественных характеристик населения [16] и каждый агент наделяется восьмью базовыми качествами: физическое и психическое здоровье, когнитивный и творческий потенциалы, коммуникабельность, культурный и нравственный уровни, потребность в достижении. При этом агенты одного пола и возраста в модели не одинаковы.

Методология

Остановимся подробнее на теоретико-методологической и информационной базе исследования, а также конкретной методологии построения модели.

Наряду с упомянутой выше концепцией качественных характеристик населения, разработанной ИСЭПН РАН и используемой нами для определения структурных компонентов качества трудового потенциала, теоретическую базу исследования составили:

1) теория трудового потенциала и его воспроизводства, разработанная А.С. Панкратовым [17];

2) комплексный подход к пониманию сущности социально-экономической категории «трудовой потенциал территории», представленный в работах И.С. Масловой и позволяющий рассматривать трудовой потенциал как «обобщающую характеристику меры и качества совокупности способностей к труду» [18, с. 14], оцениваемую в количественном отношении численностью населения в трудоспособном возрасте, а в качественном — уровнем развития качественных характеристик населения трудоспособного возраста;

3) агент-ориентированная парадигма имитационного моделирования [19].

Основными методами исследования выступили: на этапе сбора информации — социологические и статистические методы (анкетирование и статобработка базы данных); на этапе разработки концептуальной модели — абстракция и обобщение; на этапе построения компьютерной модели — агент-ориентированное моделирование; на этапе апробации модели — ретроспективный прогноз и вычислительные

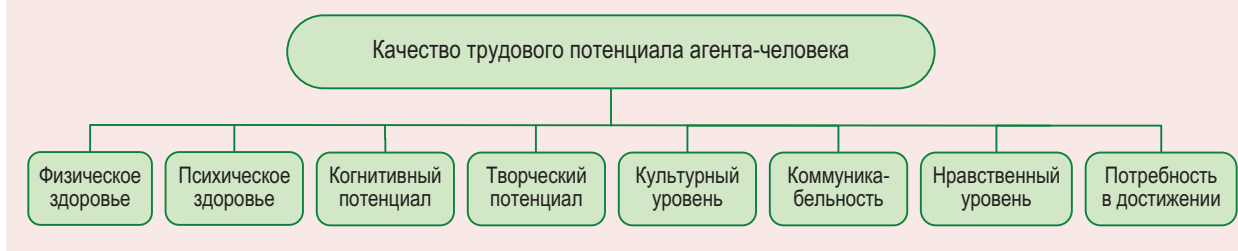
эксперименты; на этапе работы с научной литературой и интерпретации результатов — общенаучные методы работы с информацией (анализ, синтез и т.д.).

Информационную базу исследования составили российские и зарубежные публикации по агент-ориентированному моделированию социально-экономических систем и различным аспектам воспроизводства трудового потенциала, статистические данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области (Вологдастат), представленные в ежегодных статистических сборниках «Труд и занятость в Вологодской области», «Возрастно-половой состав населения Вологодской области», «Муниципальные районы и городские округа Вологодской области», «Демографический ежегодник Вологодской области» и др., а также результаты социологических измерений, осуществляемых Вологодским научным центром РАН на территории региона, в частности, данные регулярного социологического мониторинга¹ качественного состояния трудового потенциала Вологодской области [20], позволяющего наполнить модель достоверной и подробной информацией о качественных характеристиках населения трудоспособного возраста.

Использование для описания трудового потенциала агентов-людей концепции качественных характеристик населения является принципиальным отличием нашего подхода и позволяет обеспечить в разрабатываемой агент-ориентированной модели комплексное количественно-качественное отражение трудового потенциала территории. На основе полученных по результатам мониторинга эмпирических данных каждый агент-человек в модели наделяется восьмью индивидуальными каче-

¹ Характеристика опроса следующая. Объектом исследования является население Вологодской области в трудоспособном возрасте. Опросы проходят ежегодно в августе—сентябре в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Общий объем выборки составляет 1500 чел. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Величина случайной ошибки выборки: 3–4% при доверительном интервале 4–5%. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов.

Рис. 1. Структура качества трудового потенциала агента-человека



ствами: физическим и психическим здоровьем, когнитивным и творческим потенциалом, коммуникабельностью и культурным уровнем, нравственным уровнем и потребностью в достижении (рис. 1).

Методика измерения перечисленных качеств основана на применении шкал Лайкерта², позволяющих установить степень согласия респондента с предложенными ему в анкете сгруппированными по блокам утверждениями. Каждому из восьми качеств трудового потенциала соответствует отдельный блок вопросов. В результате измерений качества получают численную оценку в индексной форме. По сути индекс является отношением фактического числа баллов по конкретной шкале к максимально возможному и интерпретируется таким образом: чем ближе значение индекса к единице, тем лучше развито соответствующее качество, и наоборот. Индекс физического здоровья оценивается на основе данных о частоте и тяжести заболеваний, дополненных самооценкой здоровья. Индекс психического здоровья измеряется по наличию признаков психической неустойчивости. Когнитивный потенциал рассчитывается по информации об источниках пополнения знаний и отношении респондента к знаниям и образованию. Творческий потенциал оценивается на основе данных о занятиях творческой деятельностью и об отношении

к творчеству. Индекс коммуникабельности вычисляется по информации о способности к общению и взаимодействию. Культурный уровень оценивается по внешней и внутренней культуре человека. Индекс нравственного уровня рассчитывается на основе данных о нравственном чувстве и нравственном поведении. А уровень развития потребности в достижении определяется исходя из информации о планах и намерениях респондента [20]. Методика измерения впервые апробирована в 1996 году и по сей день успешно применяется Вологодским научным центром в целях мониторинга качества трудового потенциала региона. В сущности, именно наличие уникальных данных о качестве трудового потенциала и поведении лиц трудоспособного возраста вкупе с нарастающими в муниципалитетах проблемными процессами побудило нас заняться созданием агент-ориентированной модели воспроизводства трудового потенциала на муниципальном уровне. Отдельно подчеркнём, что используемая социологическая методика не ограничивается измерением восьми базовых качеств, а позволяет по специальным формулам [16, 20] получать оценки агрегированных свойств верхних уровней иерархии и заканчивается расчётом индекса социальной дееспособности — интегрального показателя качества трудового потенциала, значения которого в территориальном разрезе можно найти в статье [1]. Однако при построении модели мы сознательно отказались от агрегированных показателей и рассматривали только качества, подлежащие непосредственному измерению. Это обусловлено, в частности, желанием более адекватно отразить рынок труда, поскольку в реальности работодатель выдвигает требования не к трудовому потенциалу в среднем, а к уровню развития отдельных качеств работника.

² Шкалы Лайкерта — разновидность опросников установок (аттитюдов). Названы по имени автора — Р. Лайкерта, предложившего их в 1932 г. Шкалы Лайкерта состоят из набора утверждений с пяти- или семибалльными рейтинговыми шкалами оценивания, которыми устанавливается степень согласия испытуемого с данным утверждением. Более подробная характеристика шкалы измерения базовых качеств представлена в работе: Ильин В.А., Смирнова Н.А., Тимофеева Я.Б. Качество трудового потенциала населения Вологодской области. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1998. 76 с.

Важно отметить, что в 2017 году в рамках очередного этапа мониторинга было проведено углублённое исследование качества трудового потенциала пилотного района, которым для апробации модели выступил Великоустюгский муниципальный район, широко известный как «Родина Деда Мороза». В этом году на территории района было опрошено 400 человек трудоспособного возраста. Кроме того, в 2018 году была организована официальная рабочая встреча с представителями администрации Великоустюгского муниципального района для обсуждения наших разработок и учёта реальных потребностей практики.

Основная концепция разрабатываемой нами агент-ориентированной модели следующая. Считается, что воспроизводство трудового потенциала муниципального образования определяется деятельностью агентов трёх типов: физические лица (носители трудового потенциала, агенты-люди), юридические лица (работодатели, агенты-фирмы), муниципальные органы власти (агенты-управленцы). Такой состав агентов обоснован не только соответствием реальной системе, но и целью исследования. Агенты-люди и агенты-фир-

мы присутствуют в модели в явном виде как отдельные типы агентов. Стартовое количество агентов-людей – основного типа агентов – определялось из расчёта один человек от каждого десятка. Такой хороший масштаб модели удаётся обеспечить благодаря небольшой численности населения муниципалитета. В моделях регионального и странового уровня обычно приходится использовать более крупный масштаб: например, в агент-ориентированной региональной модели «Губернатор» число агентов-людей определялось разработчиком по принципу «шесть агентов от каждой тысячи жителей» [12]. «Фирмы» в силу имеющихся статистических данных рассматриваются укрупнённо: каждая соответствует одному виду экономической деятельности. Всего 13 агентов-фирм. Агенты-органы власти присутствуют в модели в неявном виде и формируют среду функционирования агентов других типов. Их поведение задаётся экзогенно. Основные характеристики различных типов агентов модели и доступные им действия обобщённо представлены в *таблице 1*. Взаимоотношения агентов-людей и агентов-фирм рассматриваются упрощённо и сводятся со стороны

Таблица 1. Характеристика агентов модели и их поведения

Тип агента	Количество	Основные характеристики	Доступные действия (поведение)
Физические лица – носители трудового потенциала («люди»)	5783 агента на момент старта (один от каждого десятка по данным на начало 2011 г.)	Пол, возраст, образование, семейное положение, физическое здоровье, психическое здоровье, когнитивный потенциал, творческий потенциал, коммуникабельность, культурный уровень, нравственный уровень, потребность в достижении, репродуктивные установки и др.	Наняться на работу, уволиться, мигрировать, создать семью, завести ребёнка
Юридические лица – работодатели («фирмы»)	13 агентов (каждая «фирма» соответствует одному ВЭД)	Общее число рабочих мест, число вакантных рабочих мест, средняя заработная плата, политика по отношению к работающим пенсионерам	Нанять работника, уволить работника, создать/закрыть рабочее место, изменить оплату труда
Муниципальные органы власти («управленцы»)	Присутствуют в модели в неявном виде	Явно не заданы	Поведение задаётся экзогенно путём изменения управляемых параметров модели
Вспомогательный тип агентов – рабочие места	Занятые рабочие места+вакантные	Требования к качеству трудового потенциала (по 8 критериям), возрасту, образованию, предлагаемая заработная плата	Создать/расторгнуть связь с работником
Источник: составлено автором.			

работника к возможности наняться на работу и трудиться с определённым уровнем реализации каждого качества трудового потенциала или уволиться, а со стороны работодателя — к найму или увольнению работника, изменению оплаты труда. Подробнее концептуальная модель описана нами ранее в одноимённой статье [13].

Обеспечение адекватного отражения моделируемого процесса достигается в модели за счёт того, что её конструкция соответствует трёхфазной структуре воспроизводства трудового потенциала и содержит три взаимосвязанных и взаимодополняющих блока: 1) блок имитации формирования трудового потенциала (рождаемость, миграция, смертность, формирование качественных характеристик населения); 2) блок имитации распределения трудового потенциала (рынок труда и карьерный рост); 3) блок имитации использования трудового потенциала (производство и трудовое поведение). При этом основная идея построения модели заключается в том, что процессы макроуровня формируются в результате индивидуально-поведенческого множества неоднородных агентов микроуровня, в частности самосохранительного [21], образовательного [22], миграционного [23], репродуктивного поведения [24].

Для имитации поведения агентов используется эвристический подход [25], основанный на информации о принимаемых решениях и реализованном поведении. Оптимизационный подход отклоняется в силу отсутствия обоснованных данных о функциях предпочтения или целевых функциях агентов. По данному вопросу мы поддерживаем точку зрения *D. Helbing* и считаем, что поведение и взаимодействие агентов, конечно, возможно формализовать и описать уравнениями, но в более общем и естественном виде их можно определить с помощью правил принятия решений, таких как правила типа «если—то» или логические операции. Это делает модель более гибкой и позволяет проще отразить индивидуальные вариации в поведенческих правилах («гетерогенность») и случайные воздействия («стохастичность») [10, с. 27]. Такой подход даёт возможность легко визуализировать работу модели и обеспечить максимальную наглядность и простоту восприятия. Мы полностью

согласны с *А.В. Борщёвым*, что «вся динамика модели должна быть вынесена в визуальные формы описания, если таковые вообще поддерживаются, а код должен быть оставлен для вычислений, не имеющих временной семантики» [26].

Трудности восприятия чрезмерно формализованного описания моделей привели зарубежных разработчиков к мысли о необходимости создания общепризнанного стандарта простого и доступного представления агент-ориентированных моделей, в результате чего в 2006 году группой из 28 специалистов в области прикладного агент-ориентированного моделирования был разработан, протестирован и опубликован так называемый ODD-протокол [27]. Протокол состоит из трех блоков: обзор (Overview), концептуальное решение (Design concepts) и детали (Details), каждый из которых разбивается на более мелкие элементы, которые необходимо кратко описать разработчику. В первом разделе раскрывается цель и общий замысел создания модели, описываются переменные и шкалы, осуществляется обзор процессов. Во втором разделе описываются принципы построения модели и предлагаемые конструкторские решения. В третьем разделе раскрываются особенности установки начального состояния, входные данные и компоненты модели. Ключевые принципы описания моделей на основе ODD-протокола авторы формулируют так: сначала обзор, подробности позже; простота описания — простота восприятия; лёгкость тиражирования и повторения; независимость от дисциплины, сложности, операционной системы и языка программирования. Если же модель предполагает выработку конкретных решений, уместно использовать разработанный позже расширенный стандарт: ODD+D (Overview, Design, Details + Decisions) [28]. Удобство использования ODD-протокола наглядно продемонстрировано в монографии *Hamill L., Gilbert N.*, представляющей 19 авторских моделей, каждая из которых для простоты восприятия и воспроизведения описывается на основе сокращённого ODD-протокола и дополняется псевдокодом, бегло раскрывающим работу модели на естественном языке и позволяющим без знания языков программирования понять сущность работы модели [29].

Вставка 1. Описание модели на основе сокращённого ODD-протокола

Цель: моделирование воспроизводства трудового потенциал на муниципальном уровне.

Типы агентов: агенты-люди (в явном виде), агенты-фирмы (в явном виде), агенты-управленцы (в неявном виде).

Масштаб: 1 человек в модели – 10 человек в реальности; 1 фирма в модели – 1 вид экономической деятельности в реальности; агент-управленец – обобщающий представитель всех муниципальных органов власти.

Переменные: индексы качества трудового потенциала, пол, возраст, тип поведения по каждому качеству, требования к качеству трудового потенциала со стороны работодателей, число вакантных рабочих мест и др.

Основные процессы: рождаемость, смертность, миграция, развитие качественных характеристик, увольнение и принятие на работу, создание новых рабочих мест и т.д.

Начальное состояние: соответствует половозрастному составу населения и распределению работников Великоустюгского муниципального района на начало 2011 года.

Входные данные: загружаются из базы данных, управляемые параметры устанавливаются экзогенно «управленцами» в ходе работы модели.

Выходные данные: динамика численности и структуры трудового потенциала, изменение индексов качества трудового потенциала агентов-людей, их распределения по типам поведения и др.

Компоненты модели (субмодели): модели формирования, распределения, использования трудового потенциала.

В нашем случае описание предлагаемой модели на основе сокращённого ODD-протокола представлено во *вставке 1*.

Основные методологические допущения модели:

1. Воспроизводство трудового потенциала муниципалитета формируется в результате действий агентов трёх типов: жители муниципального района, работодатели и муниципальные органы власти. Другие агенты не влияют на воспроизводственный процесс.

2. Местом жительства агентов считается Великоустюгский муниципальный район в целом. Агенты не привязаны к конкретному населённому пункту ввиду отсутствия пространственных данных.

3. Качество трудового потенциала агента-человека определяется на основе концепции качественных характеристик населения и включает в себя только восемь базовых качеств: физическое и психическое здоровье, когнитивный и творческий потенциалы, коммуникабельность, культурный и нравственный уровни, потребность в достижении. Другие качественные характеристики не учитываются.

4. Качество трудового потенциала взрослого агента-человека в будущем периоде зависит от текущего качества и индивидуального поведения по отношению к нему, которое может быть деструктивным, нейтральным или конструктивным.

5. Относительная интенсивность деструктивного поведения считается одинаковой для всех агентов-людей и служит своеобразной

характеристикой популяции. Аналогичное предположение принимается для конструктивного поведения.

6. Органы власти могут влиять на воспроизводство качества трудового потенциала путём пропаганды позитивных практик, например здорового образа жизни, и профилактики негативных явлений, то есть увеличивая в модели долю населения с конструктивным типом поведения и сокращая распространённость деструктивного типа поведения посредством использования интерактивных элементов управления (бегунков-слайдеров).

Результаты и обсуждение

Основным и важнейшим результатом выполненной работы является непосредственно сама комплексная агент-ориентированная модель воспроизводства трудового потенциала на муниципальном уровне. Если придерживаться разработанной ранее классификации [6], то предлагаемая агент-ориентированная модель *по цели применения* будет относиться к моделям, предназначенным для прогнозирования рисков социально-экономического развития и апробации управленческих воздействий; *по способу включения в модель органов власти* – к моделям, содержащим их в неявном виде; *по способу задания управляющих воздействий* – к моделям, в которых поведение органов власти определяется экзогенно, т.е. задаётся вне модели до начала или в процессе её работы.

Модель реализована в системе имитационного моделирования AnyLogic Professional, в которой встроенным языком программирова-

Вставка 2. Псевдокод модели воспроизводства трудового потенциала муниципального образования

Создаём для наглядности искусственный мир размером 450×550 точек.

Случайным образом размещаем там агентов-людей, визуализированных в виде фигур человека.

В зависимости от возраста агента заливаем фигуры светло-зелёным (младше трудоспособного), зелёным (в трудоспособном) или жёлто-зелёным цветом (старше трудоспособного).

На каждом шаге модели:

- удаляем из модели агентов-людей, умерших или мигрировавших на данном шаге;
- увеличиваем возраст агентов на единицу;
- добавляем родившихся и прибывших агентов;
- меняем качественные характеристики трудового потенциала агента-человека в соответствии с текущим качеством и типом поведения;
- создаём связи между агентом-человеком и вспомогательным агентом-рабочим местом при принятии на работу;
- удаляем связи при увольнении или удалении агента из модели;
- выполняем другие основные процедуры имитации формирования, распределения и использования трудового потенциала.

Осуществляем сбор статистики по агентам и выводим данные в соответствующую область просмотра модели в виде динамических графиков.

ния служит Java. Программный Java-код объёмён и сложен для понимания, требует специальных знаний в области программирования и уместен для размещения и обсуждения только в журналах, специализирующихся на информационных технологиях. В публикациях экономической и социальной тематики использование псевдокода является наиболее целесообразным и полезным приёмом описания работы модели. Псевдокод разрабатываемой нами модели воспроизводства трудового потенциала муниципального образования представлен во *вставке 2*.

Модель максимально наполнена реальными социологическими и статистическими данными. При этом основными условными данными в модели, подбираемыми в процессе калибровки, являются: коэффициенты интенсивности деструктивного и конструктивного поведения относительно каждого из восьми базовых качеств трудового потенциала, используемые в процедуре имитации формирования и развития качества трудового потенциала³, а также допустимый разрыв между требованиями рабочих

мест и качеством трудового потенциала работника по восьми критериям, задействованный в процедуре имитации рынка труда.

Имитационная модель имеет дружественный интерфейс, интуитивно понятную систему навигации, реализованную в виде ссылок, дающих пользователю возможность перехода между областями просмотра модели, интерактивные элементы управления, позволяющие лицам, принимающим решения, менять управляемые параметры, тем самым апробируя различные варианты возможных решений и подбывая оптимальные.

На *рисунке 2* приведена стартовая страница модели с прекрасным видом города Великого Устюга (Б. Студенцов. Над Сухоной. 2001 г. Холст, масло), который является административным центром муниципального района и на котором проведена апробация наших разработок. Это своего рода «обложка» модели.

Область просмотра возрастной структуры и численности населения (*рис. 3*) позволяет пользователю и разработчику в динамике наблюдать за тем, как редет и стареет население. Отражает данные о текущей численности агентов-людей (people) и предоставляет возможность перехода к просмотру динамики отдельных качественных характеристик трудового потенциала по ссылкам.

³ Подробнее процедура описана в статье: Чекмарева Е.А. Имитация формирования качественных характеристик населения в агент-ориентированной модели воспроизводства трудового потенциала // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 2. С. 69-83. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.11.

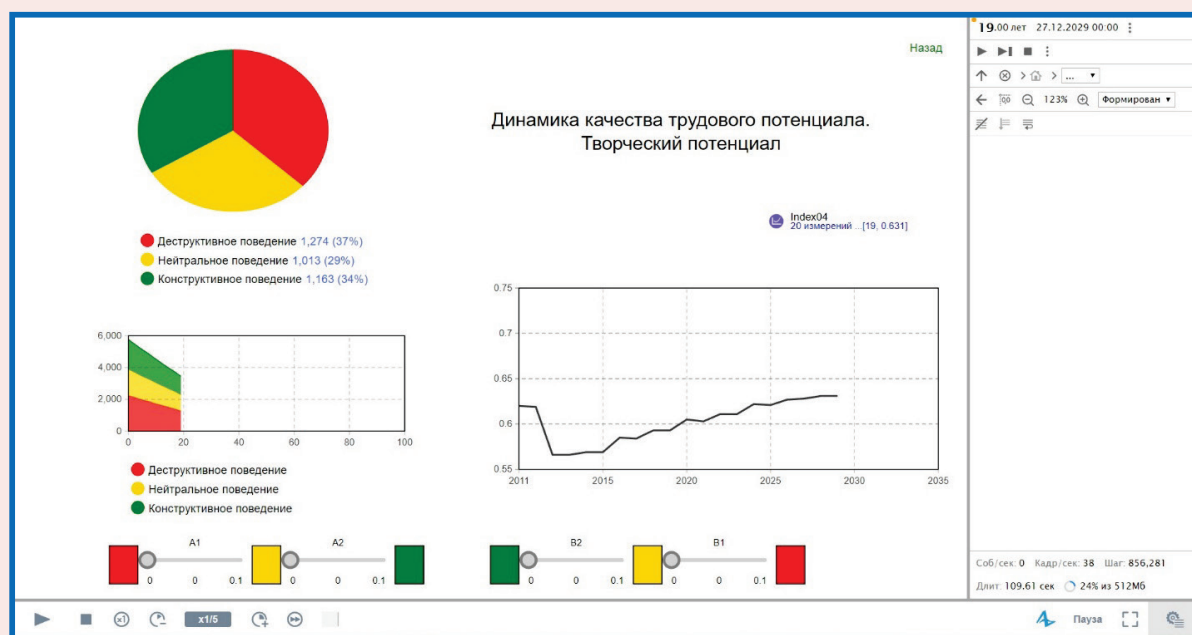
Рис. 2. Стартовая страница модели



Рис. 3. Область просмотра динамики структуры и численности населения



Рис. 4. Область просмотра динамики творческого потенциала населения



Для примера на рисунке 4 представлена область просмотра динамики творческого потенциала. В данном случае результаты вычислительного эксперимента отражают изменение индекса по инерционному сценарию при устойчивости сложившихся типов поведения, без наличия переходов между ними (коэффициенты $A1$, $A2$, $B1$ и $B2$, задающие вероятность перехода и регулируемые «бегунками», равны нулю). Как видно по рисунку, провал индекса, зафиксированный в начале периода, будет восстановлен только к 2025 году. При этом если хотя бы 1% населения трудоспособного возраста с

деструктивным и нейтральным поведением поменяет своё отношение к творчеству в лучшую сторону ($A1=A2=0,01$), то значение индекса восстановится на год раньше и продолжит постепенно расти.

Анализ качества модели методом ретроспективного прогноза (табл. 2) показал, что отклонение результатов моделирования от официальных данных об общей численности населения в 2012–2018 году (на 1 января), опубликованных в статистических сборниках Вологдастата, не превышает 0,7%. При этом рассчитанная по результатам моделиро-

Таблица 2. Сравнение результатов моделирования с данными официальной статистики, на начало года (масштаб 1:10)

Показатель	Год						
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Общая численность населения	5732	5679	5631	5563	5499	5462	5425
Результаты моделирования	5706	5659	5594	5529	5486	5447	5387
Отклонение, %	-0,5%	-0,4%	-0,7%	-0,6%	-0,2%	-0,3%	-0,7%
Численность населения в трудоспособном возрасте	3271	3181	3101	3007	2934	2882	2824
Результаты моделирования	3349	3214	3159	3028	2975	2852	2812
Отклонение, %	2,4%	1,0%	1,9%	0,7%	1,4%	-1,0%	-0,4%

Источники: данные Вологдастата; модельные расчёты автора.

вания численность населения трудоспособного возраста — основной количественный показатель накопленного в районе трудового потенциала — отклоняется от статистических данных не более чем на 2,4%. Полученные показатели свидетельствуют о хорошем качестве модели и её пригодности для практического применения в целях прогнозирования динамики трудового потенциала муниципального образования. Обратим внимание, что официальные статистические данные о численности населения — это тоже оценка, осуществляемая Федеральной службой государственной статистики на основе итогов последней переписи населения и данных о его миграции, рождаемости и смертности. Причем о несовершенстве такой системы расчётов свидетельствует возникающая после каждой переписи необходимость дооценки данных предшествующих лет.

Естественно, допущения и предположения, принятые в модели, а также используемые исходные данные накладывают определённые ограничения на её применимость. Модель — упрощённое отражение реальности. Это нужно понимать и учитывать. Основным недостатком текущей версии модели, который не удаётся пока устранить в силу ограниченности имеющейся информационной базы, является значительная условность данных о качестве трудового потенциала населения младше трудоспособного возраста, поскольку в выборку мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области, осуществляемого ВолНЦ РАН, попадают только лица трудоспособного возраста. Возможно, в будущем удастся решить эту проблему. Пока что для задания качественных характеристик

«детей» используются данные о качестве трудового потенциала старшего, «родительского» поколения [13].

Главное то, что нам удалось создать работоспособный инструмент анализа и прогнозирования воспроизводства трудового потенциала, отражающий динамику трудового потенциала муниципального образования в единстве и взаимосвязи его количественной и качественной сторон и позволяющий осуществлять апробацию управленческих решений на искусственном обществе для повышения эффективности и обоснованности управления реальными процессами.

На данный момент теоретическая значимость модели заключается в разработке процедур имитации воспроизводства трудового потенциала на основе концепции качественных характеристик населения и парадигмы агент-ориентированного моделирования. А практическую значимость модели мы видим в предоставляемых ею возможностях апробации управленческих воздействий и проведения вычислительных экспериментов.

Как известно, агент-ориентированные модели — гибкий инструмент, позволяющий надстраивать и корректировать процедуры имитации, добавляя новые типы агентов и взаимодействий, изменяя характеристики агентов при появлении новой информации и т.д., практически бесконечно совершенствуя свои разработки. Однако приоритетным направлением дальнейшего развития созданной нами комплексной агент-ориентированной модели воспроизводства трудового потенциала муниципалитета должен стать учёт реальных потребностей практики и доведение модели до практического применения.

Литература

1. Чекмарева Е.А. Исследование условий и факторов воспроизводства трудового потенциала муниципальных районов Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5 (47). С. 173-194. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.10.
2. Gaffard J.-L., Napoletano M. *Agent-based Models and Economic Policy*. Paris: OFCE, 2012. 448 p.
3. Furtado V.A. *Policy space: agent based modeling*. Rio de Janeiro: Ipea, 2018. 121 p.
4. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р. Социальное моделирование — новый компьютерный прорыв (агент-ориентированные модели). М.: Экономика, 2013. 295 с.
5. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д. Агент-ориентированные модели как инструмент апробации управленческих решений // Управленческое консультирование. 2016. № 12. С. 16-25.
6. Чекмарева Е.А. Агент-ориентированные модели в муниципальном управлении // Проблемы развития территории. 2017. № 6 (92). С. 121-135.

7. Mendritzki S. *Artificial Policy: Examining the Use of Agent-Based Modeling in Policy Contexts*: M.S. Thesis. Alberta: University of Calgary, 2010. 130 p.
8. Epstein J.M., Axtell R.L. *Growing Artificial Societies: Social Science from the Bottom Up*. Cambridge: MIT Press, 1996. 224 p.
9. Epstein J.M. *Generative Social Science: Studies in Agent-Based Computational Modeling*. Princeton: Princeton University Press, 2006. 384 p.
10. Helbing D. (Ed.) *Social Self-Organization: Agent-Based Simulations and Experiments to Study Emergent Social Behavior*. Springer; 2012. 341 p. doi: 10.1007/978-3-642-24004-1.
11. Сушко Е.Д. Трудовой потенциал и поведение людей в мультиагентной модели региона // Вестник университета. М.: Издательский дом ФГБОУВПО «Государственный университет управления». 2011. № 3. С. 183-186.
12. Сушко Е.Д. Мультиагентная модель региона: концепция, конструкция и реализация: препринт # WP/2012/292. М.: ЦЭМИ РАН, 2012. 54 с.
13. Чекмарева Е.А. Концептуальная модель воспроизводства трудового потенциала на муниципальном уровне: агент-ориентированный подход // Социальное пространство. 2017. № 4 (11). URL: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2376>
14. Becker G.S. *Human Capital: Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1993. 412 p.
15. Dawid H., Gemkow S., Harting P., Neugart M. Labor market integration policies and the convergence of regions: the role of skills and technology diffusion. *Journal of Evolutionary Economics*, 2012, vol. 22, iss. 3, pp. 543-562. doi: 10.1007/s00191-011-0245-1.
16. Качество населения / под ред. Н.М. Римашевской, В.Г. Копниной. М.: ИСЭПН РАН, 1993. 185 с.
17. Панкратов А.С. Трудовой потенциал: социально-экономические аспекты управления процессом его воспроизводства: дис. в виде науч. докл. на соиск. уч. ст. д.э.н. : 08.00.05. М., 1993. 60 с.
18. Маслова И.С. Трудовой потенциал советского общества: вопросы теории и методологии исследования. М., 1987. 32 с.
19. Fagiolo G., Roventini A. *On the Scientific Status of Economic Policy: A Tale of Alternative Paradigms*. Laboratory of Economics and Management (LEM), Sant'Anna School of Adv Studies, Pisa, Italy, LEM Working Paper Series, February 2008. 28 p.
20. Ильин В.А., Смирнова Н.А., Тимофеева Я.Б. Качество трудового потенциала населения Вологодской области. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1998. 72 с.
21. Калачикова О.Н., Корчагина П.С. Основные тенденции самосохранительного поведения населения региона // Проблемы развития территории. 2012. № 5. С. 72-82.
22. Леонидова Г.В., Устинова К.А. Непрерывное образование как условие формирования человеческого капитала // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 6. С. 124-137.
23. Леонидова Г.В., Вячеславов В.Н. Гендерные особенности внутрирегиональной миграции // Вопросы территориального развития. 2016. № 2. URL: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/1822>
24. Калачикова О.Н., Шабунова А.А. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 172 с.
25. Villamor G.B., van Noordwijk M., Troitzsch K.G., Vlek P.L.G. Human decision making for empirical agent-based models: construction and validation // *Managing Resources of a Limited Planet: proceedings of the sixth biennial meeting of the International Environmental Modelling and Software Society, Leipzig, Germany, July 1-5, 2012* / edited by R. Seppelt, A. A. Voinov, S. Lange, D. Bankamp. Leipzig: International Environmental Modelling and Software Society, 2012. 3151 p. pp. 2529-2536.
26. Борщёв А.В. Как строить простые, красивые и полезные модели сложных систем // Материалы конф. «Имитационное Моделирование. Теория и Практика» ИММОД 2013. Казань: Фэн АН РТ, 2013. Т. 1. С. 21-34.
27. Grimm V., Berger U., Bastiansen F., Eliassen S., Ginot V., Giske J., et al. A standard protocol for describing individual-based and agent-based models. *Ecological Modelling*, 2006, vol. 198, iss. 1-2, pp. 115-126. doi: 10.1016/j.ecolmodel.2006.04.023.

28. Grow A., Van Bavel J. (Eds.) *Agent-Based Modelling in Population Studies: Concepts, Methods, and Applications*. Cham: Springer, 2017. 513 p. doi: 10.1007/978-3-319-32283-4.
29. Hamill L., Gilbert N. *Agent-Based Modelling in Economics*. Chichester: WILEY, 2016. 246 p. doi: 10.1002/9781118945520.

Сведения об авторе

Елена Андреевна Россошанская – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда ул. Горького д. 56а; e-mail: miteneva@inbox.ru)

Rossoshanskaya E.A.

Integrated Agent-Based Model of Labor Potential Reproduction of a Municipal Formation

Abstract. The article presents the author's developments in the field of agent-based modeling of labor potential reproduction that help build scenario forecasts of labor potential dynamics and test various options of management actions, choosing the optimal ones. The model simulates processes of the formation, distribution and use of labor potential of a municipal district, taking into account activities of the agents of three levels: individuals (carriers of labor potential, agents-people), legal entities (employers, agents-firms), municipal authorities. Agents-people and agents-firms are present in the model explicitly as separate types of agents. The starting number of agents-people is determined at the rate of one person from each ten. "Firms" are considered in aggregate due to available statistical data: each corresponds to one type of economic activity. Thirteen agents-firms are presented as a total. Agents-authorities are present in the model implicitly and form the functioning environment of agents of other types. Their behavior is set exogenously. The model is implemented in the simulation system AnyLogic Professional and tested on the data of the Velikoustyugsky Municipal District of the Vologda Oblast. The research information base consists of the materials, provided by the Territorial Body of the Federal State Statistics Service of the Vologda Oblast, as well as the database of the questionnaire surveys conducted by the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences in the region. The advantages of the proposed approach, which make up its scientific novelty, include the fact that the model reproduces a current state and dynamics of labor potential in unity and relationship of its quantitative and qualitative aspects, simulates basic processes of each phase of labor potential reproduction, takes into account features of municipal statistics and authorities' real powers. In addition, to describe people-agents' labor potential quality, agent-based modeling uses a concept of qualitative characteristics of the population for the first time and each agent is endowed with eight basic qualities: physical and mental health, cognitive and creative potential, sociability, cultural and moral levels, achievement need. The agents of the same sex and age are not the same in the model.

Key words: agent-based model, labor potential, labor potential reproduction, quality of population, municipal level

Information about the Author

Elena A. Rossoshanskaya – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: miteneva@inbox.ru)

Статья поступила 10.10.2018.

DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.8
УДК 519.21, 519.233.33, ББК 22.172

© Тихонова А.В.

Имитационное математическое моделирование системы подоходного налогообложения с использованием критерия Q-Тьюки*



**Анна Витальевна
ТИХОНОВА**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация, 125993, 4-й Вешняковский пр-д, д. 4
Российский государственный аграрный университет – МСХА
им. К.А. Тимирязева
Москва, Российская Федерация, 127550, Тимирязевская ул., д. 49
E-mail: AVTikhonova@fa.ru

Аннотация. Исследование посвящено разработке имитационной математической модели построения системы подоходного налогообложения. В работе использованы общенаучные методы познания (анализ, синтез), а также приемы имитационного математического моделирования и доказательства статистических гипотез. Указанный комплексный подход выполняется в 2 этапа, что является особенностью настоящего исследования в отличие от ранее опубликованных трудов в данной области. В качестве базового условия системы задана плоская шкала НДФЛ. Эффективная система подоходного налогообложения должна учитывать два обязательных условия. Первое условие – бюджетное – состоит в неснижении налоговых доходов консолидированного бюджета Российской Федерации. Второе условие – социальное – заключается в устранении чрезмерного социального неравенства в первых 5-ти децильных группах граждан по доходу. Для выполнения первого условия автором построена имитационная математическая модель, в которую заложены необлагаемые минимум и налоговые вычеты. Для соблюдения второго условия предложено использовать критерий Q-Тьюки, позволяющий оценивать степень социального неравенства не только в крайних децилях, но и при их попарном сравнении. Автором определено, что проверка социального условия может быть выполнена и с применением наименее существенных разниц

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету в 2018 году.

Для цитирования: Тихонова А.В. Имитационное математическое моделирование системы подоходного налогообложения с использованием критерия Q-Тьюки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 138–152. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.8

For citation: Tikhonova A.V. Mathematical simulation modeling of the income taxation system with the use of Tukey's Q-Test. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 138–152. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.8

(НСР). В завершение работы отмечено, что предлагаемая модель может быть использована и при отсутствии бюджетного ограничения. Автором представлены также дальнейшие направления развития методики в части создания системы дифференциальных уравнений, учитывающих налоговое, трудовое и другие законодательства.

Ключевые слова: имитационное математическое моделирование, критерий Q-Тьюки, математическая модель, подоходное налогообложение, социальное неравенство, плоская шкала, условия модели.

1. Введение. Постановка проблемы.

В Российской Федерации основу системы подоходного налогообложения составляет налог на доходы физических лиц (НДФЛ), взимаемый как с доходов резидентов (полученных от источников в России и за рубежом), так и с доходов нерезидентов (полученных от источников в России) по пропорциональной (плоской) шкале¹. Основная ставка налога составляет 13%. Для сравнения: в Австрии при наличии прогрессии она достигает 55%, в Бельгии, Израиле – 50%, в Нидерландах – 52%, во Франции, Германии, Греции – 45%. Важным элементом налогообложения граждан является также наличие налоговых вычетов, представляющих собой суммы расходов граждан на социально значимые или инвестиционные цели и уменьшающих налоговую базу (облагаемую по ставке 13%, кроме дивидендов).

На первый взгляд система налогообложения доходов граждан кажется более справедливой, чем в ряде экономически развитых стран Европы и США. Данная позиция объясняется, помимо прочего, низкой долей налогов, взимаемых с физических лиц, в ВВП (менее 4% в России, около 10% в США, от 8 до 10% в странах ЕС). Однако при более детальном анализе основных плательщиков подоходного налога выявлено, что в России высокая фискальная роль НДФЛ обеспечивается за счет поступлений от первых четырех групп населения по доходам (в разрезе квинтильного деления). Наоборот, в США, по данным Офиса бюджетных оценок, около 80% доходов от подоходного налога приходится на 5-ю квинтильную группу населения по доходам, при этом 4-я группа дает еще 14% налоговых поступлений.

¹ В контексте настоящего исследования понятия «плоская» и «пропорциональная» шкала налогообложения используются в качестве синонимов.

Действующие же налоговые вычеты предоставляются всем налогоплательщикам, вне зависимости от их материального положения. Небольшое исключение сделано в части вычетов на содержание детей (по 1400 рублей на первого и второго ребенка, по 3000 рублей на третьего и каждого следующего), выплата которых прекращается с месяца, в котором доход получающего его налогоплательщика, исчисленный нарастающим итогом с начала года, превысит 350 тыс. рублей. Стабильно, в течение всего года, данный вычет может получать только тот налогоплательщик, у которого среднемесячная заработная плата не превышает 29,2 тыс. рублей в месяц. Таким образом, право на такой несущественный для семейного бюджета налоговый вычет на детей имеют даже не все налогоплательщики, получающие среднюю по стране заработную плату, которая, по данным Росстата, в среднем по экономике составила за 2017 год 39,1 тыс. рублей. Одновременно с этим лица, получающие значительно более высокую заработную плату, на законном основании получают практически все предусмотренные законом вычеты (социальные, имущественные, инвестиционные).

В целях устранения описанной выше ситуации, сглаживания социального неравенства в Правительство неоднократно вносились законопроекты о реформировании отечественного НДФЛ. Однако большинство из этих предложений нацелены на установление прогрессивной шкалы налога и основаны на точечных изменениях в порядке исчисления НДФЛ. Более того, в соответствии с действующими указаниями Президента Российской Федерации, прогрессивная шкала налога на доходы физических лиц в ближайшие годы введена не будет. По нашему мнению, данное положение является обоснованным, во-первых, по финансовым соображениям – российский бюджет в настоящий

момент не готов к установлению прогрессии, обязательным элементом которой во всех развитых странах выступает необлагаемый минимум. Во-вторых, существует большое количество социальных рисков (увеличение теневого рынка заработной платы, сокращение рабочих мест), которые могут свести на нет все ожидаемые положительные фискальные эффекты от нововведений. Наконец, в-третьих, установление прогрессии предполагает обязательный контроль расходов граждан (с учетом их социального статуса), что в России пока неосуществимо. В противном случае прогрессивная шкала еще более усугубит вопросы социальной справедливости национального подоходного налогообложения.

Таким образом, наиболее эффективным и перспективным направлением совершенствования налогообложения доходов физических лиц является изменение плоской шкалы налога как в части налоговой ставки, так и отдельных элементов НДФЛ. Инструментами обеспечения скрытой прогрессии и усиления справедливости в налогообложении на основе перераспределения доходов различных слоев населения могут служить введение необлагаемого минимума и совершенствование системы налоговых вычетов по НДФЛ. Предлагаемые изменения должны носить комплексный характер, воздействуя на всю систему подоходного налогообложения и одновременно учитывая интересы всех участников налоговых правоотношений. Представляется чрезвычайно актуальным использование интегративных методов моделирования данной системы, в частности с применением математических приемов. Как отметил М.Ю. Андреев, «с помощью моделей удалось понять внутреннюю логику развития экономических процессов, скрывающуюся за видимой, часто, казалось бы, парадоксальной, картиной экономических явлений, которая не укладывалась в известные теоретические схемы. Опыт применения моделей показал, что они служат надежным инструментом анализа макроэкономических закономерностей, а также прогноза последствий макроэкономических решений при условии сохранения сложившихся отношений. Можно сказать, получилась целая „летопись“ российских экономических реформ, выраженная языком математических моделей» [1].

В этой связи целью настоящего исследования является разработка имитационной математической модели плоского подоходного налогообложения, нацеленной на сокращение социального неравенства и стабильное поступление НДФЛ в бюджет Российской Федерации.

2. Обзор литературы.

Стоит отметить, что инструменты математического моделирования достаточно широко используются в анализе налогообложения доходов физических лиц. Проведенный нами обзор научной литературы в данной области позволил выявить наиболее дискуссионные аспекты применения математических методов:

- соотношение фискальной нагрузки на капитал и трудовые доходы как фактор эффективности подоходного налогообложения [2; 3; 4];
- влияние прогрессивной шкалы налога на совокупные поступления в государственный бюджет [5];
- оценка теневого рынка доходов [6; 7].

А. Петручи использовал математическое моделирование для оценки налогообложения в зависимости от ориентации налоговой системы на капитал и трудовые доходы [8]. В частности, им были построены две модели: первая ориентирована на налогообложение только финансового капитала, вторая – капитала и трудовых доходов. Применение математического моделирования позволило автору определить оптимальное соотношение государственного стимулирования и налогообложения соответствующего вида доходов физических лиц в зависимости от выбранной модели. Вместе с тем подход А. Петручи не дает возможности оценить выполнение налогами социальной функции, так как не учитывает внутреннюю структуру населения по размерам доходов. Схожее исследование в части соотношения налоговой нагрузки на капитал и трудовые доходы было проведено Ч. Траном [9], который также пришел к выводу о том, что сочетание налогообложения капитала и трудовых доходов обеспечивает наибольший фискальный эффект для государства.

Значительное количество исследований посвящено использованию инструментов модели-

рования для оценки последствий установления прогрессивной шкалы подоходного налога. Так, Ching-Chong Lai, Chih-Hsing Liao использовали математическую модель для оценки влияния сложной прогрессивной шкалы на совокупные доходы государственного бюджета [10]. Ученым удалось доказать, что, используя модель Рикардо–Барро, учитывающую будущие ожидания населения при отложенном налогообложении, возможно определить Паретто-эффективную шкалу подоходного налога.

Интересен подход к оценке справедливости налогообложения Е.Ю. Лискиной [11]. Используя математическое моделирование, она показала, что эффективная налоговая нагрузка на труд обратно пропорциональна получаемому доходу. Вместе с тем методология автора вызывает дискуссию, так как в качестве результативного признака модели она использует совокупную нагрузку на труд (НДФЛ и страховые взносы), в то время как налогоплательщиком по данным фискальным платежам в России является и работник, и работодатель.

Р.О. Смирнов применил теоретико-игровую модель (задача принятия решения в условиях неопределенности), основу которой заложил С.В. Чистяков [12], для обоснования шкалы прогрессивного подоходного налога [13]. Достоинством модели автора является то, что она учитывает достаточное условие математической функции (прогрессивная шкала налога) и необходимое условие (максимизация поступлений в бюджет). В то же время указанная модель не позволяет оценить устранение социального неравенства, так как фактически она нацелена на нахождение только верхней и нижней границ шкалы подоходного налога.

Особый интерес представляет новаторский подход к оценке зависимости количества отклонений от уплаты налогов и степени социального неравенства [14]. Авторы с помощью кинетической модели, описываемой набором нелинейных обыкновенных дифференциальных уравнений, доказали, что эффект отклонения от налогообложения заключается в уменьшении численности средних классов и увеличении численности бедных и богатых классов. Ю.В. Сибирянская и М.Б. Кондра-

тенко на основе экономико-математического моделирования построили модель налоговой системы Украины, способствующую увеличению налоговой нагрузки на богатых граждан и выводу теневых доходов в правовое налоговое поле [15]. Однако использование для анализа только пакета «Принятие решения» является дискуссионным, так как построение модели в сервисах MS Excel возможно лишь на фактических данных. В исследовании авторы сделали несколько весьма существенных допущений (например, доля теневого сектора), что может подвергнуть сомнению результаты подобного анализа. Тем не менее при соответствующей статистической проверке результатов на достоверность данный подход может быть эффективным. В этой связи интересным представляется исследование Ю.Б. Мельникова, посвященное оценке адекватности математических и эконометрических моделей [16]. В частности, в настоящей работе мы использовали эталонный подход, раскрытый Ю.Б. Мельниковым, к оценке социального неравенства после налоговых нововведений.

Стоит отметить, что, в отличие от рассматриваемых методологий моделирования функций налогообложения, в нашем исследовании использован синергетический подход, основанный не только на математическом моделировании необходимого условия (неснижение поступлений в бюджет), но и на статистической проверке достаточного условия (сокращение социального неравенства).

3. Методология исследования.

В работе использованы общенаучные методы исследования (анализ, синтез), методы имитационного математического моделирования. При этом особое внимание уделено применению статистической методики проверки гипотез с использованием критерия Q-Тьюки. Нами представлен комплексный подход, состоящий в поэтапном применении математических и статистических инструментов. Это является особенностью настоящего исследования в отличие от ранее опубликованных трудов в данной области.

Методология нашего научного изыскания базируется на теоретических наработках в области подоходного налогообложения. В част-

ности, выстраиваемая имитационная математическая модель должна отвечать следующим условиям:

1. Бюджетное условие, состоящее в отсутствии снижения налоговых поступлений в бюджет Российской Федерации.

2. Социальное условие, состоящее в сокращении социального неравенства граждан и их расслоения по уровню доходов. В данном аспекте стоит отметить, что за счет только налоговых инструментов сократить существующий разрыв между крайними децилями доходов в 15,3 раза невозможно. Вместе с тем перераспределение доходов граждан в первой половине децилей посредством фискальных инструментов вполне вероятно.

Ранее нами было отмечено, что необходимым условием является бюджетное. Несмотря на то что полемика в области подоходного налогообложения, как правило, сводится к справедливости, в текущих экономических условиях обеспечение финансовой стабильности – первоочередная задача национальной политики (табл. 1).

Формирование двух условий предопределяет наличие двух этапов в системе имитационного моделирования. Для выполнения бюджетного условия использована математическая модель, для социального – статистическая проверка гипотез с использованием критерия Q-Тьюки.

Использование имитационной математической модели обосновано тем, что в результате многократного изменения параметрических характеристик возможно прогнозировать различные варианты развития системы подоходного налогообложения. Преимуществом этого подхода является то, что становится достижимым моделирование во времени объектов, реальные эксперименты с которыми трудно выполнимы или не реализуемы в принципе [17]. Более того, в имитационную модель могут быть добавлены новые параметры при соответствующем их экономическом обосновании.

Выбор статистического критерия обоснован экономическими предпосылками в содержании категории «социальное неравенство». Во многих источниках литературы оно оценивается в первую очередь такими показателями, как индекс Джини [18; 19] и коэффициент фондов (определяемый по различиям между крайними децильными группами граждан по доходам) [20]. По нашему мнению, действительно эффективная государственная политика должна быть нацелена на выравнивание доходов по всем десяти децилям, поэтому оценка крайних групп граждан представляется нам недостаточно объективной. Среди всего множества статистических критериев доказательства гипотез только критерий Q-Тьюки позволяет оценить равенство величин более чем по двум выборкам.

Таблица 1. Основные показатели консолидированного бюджета Российской Федерации, млрд. руб.

Показатель	2014	2015	2016	2017	2017 г. к 2014 г., %
Государственный долг Российской Федерации (на конец года)	10 299	10 952	11 110	11 560	112
Государственный внешний долг Российской Федерации (на конец года)	3 058	3 644	3 106	2 870	94
Государственный внутренний долг Российской Федерации (на конец года)	7 241	7 308	8 003	8 690	120
Объем Резервного фонда	3 121	4 426	3 421	913	29
Объем Фонда национального благосостояния	4 388	5 227	4 359	3 753	86
Дефицит/профицит бюджетов государственных внебюджетных фондов	-26	-680	-185	44	-172
Дефицит/профицит консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации	-448	-172	-13	-52	12
Дефицит/профицит федерального бюджета	-334	-1 955	-2 956	-1 331	399

Источник: рассчитано автором на основании данных Минфина России: <https://www.minfin.ru/ru/> (дата обращения: 20.07.2018).

В частности, с помощью математической модели можно определить адекватность бюджетному условию следующих авторских предложений:

1. Установление необлагаемого минимума доходов в Российской Федерации на уровне прожиточного минимума для трудоспособного населения (региональный уровень), скорректированного на ставку НДФЛ. Предполагается, что право использовать данный минимум будет только у тех граждан, средние доходы которых в предыдущем налоговом периоде не превысили двукратные прожиточные минимумы [21].

2. Увеличение размера стандартных налоговых вычетов на детей до размера прожиточного минимума на ребенка (региональный уровень) с ограничением права на его использование налогоплательщиками, у которых доход за предыдущий налоговый период не превысил среднегодовой показатель.

3. Ограничение права применения социальных вычетов на обучение для налогоплательщиков, у которых доход за предыдущий налоговый период превысил трехкратный среднегодовой показатель.

Для расчёта поступлений налога на доходы физических лиц, исходя из наших предложений, использованы следующие данные:

- показатели прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на очередной финансовый год и плановый период (фонд заработной платы), разрабатываемого Минэкономразвития Российской Федерации;
- динамика налоговой базы по налогу согласно данным отчёта по форме № 5-НДФЛ;
- динамика налоговой базы по налогу согласно данным отчёта по форме № 7-НДФЛ;
- динамика фактических поступлений по налогу согласно данным отчёта по форме № 1-НМ;
- налоговые ставки, льготы и преференции, предусмотренные главой 23 НК РФ «Налог на доходы физических лиц», и другие источники;
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с. (возрастной состав населения; уровень участия в рабочей силе; среднегодовая численность занятых; среднемесячная номинальная начисленная заработная плата ра-

ботников организаций; среднедушевые денежные доходы населения; структура денежных доходов населения; численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума; потребительские расходы в среднем на душу населения; численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры; численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих).

4. Результаты исследования.

4.1. Математическое уравнение бюджетного условия.

Для построения пропорциональной шкалы подоходного налогообложения необходимо разбить всех налогоплательщиков на группы в соответствии с разработанной нами ранее моделью плоского налогообложения (по размеру их дохода – с учетом наличия права применения для одной группы необлагаемого минимума; по ограничению в праве получения социальных и стандартных налоговых вычетов).

Таким образом, совокупность налогоплательщиков должна быть разделена на следующие группы:

- 1) физические лица, имеющие право на применение необлагаемого минимума;
- 2) физические лица, имеющие право на получение стандартных вычетов на детей;
- 3) физические лица, имеющие право на получение социальных налоговых вычетов на обучение;
- 4) прочие физические лица, получающие доходы по ставке 13% и имеющие право на остальные налоговые вычеты (кроме дивидендов);
- 5) физические лица, получающие доходы по иным налоговым ставкам, в т.ч. дивиденды по ставке 13% (число групп после пятой зависит от числа налоговых ставок по НДФЛ).

Будем считать, что число таких групп равно m (количество уровней). Распределим эти группы в порядке увеличения среднего дохода налогоплательщиков в группе (представлено выше) и дадим им соответствующий индекс $i = 1; 2; \dots m$ [22].

В соответствии с действующими нормами российского налогового законодательства, всех российских налогоплательщиков можно разде-

лить на 9 уровней: первые четыре группы по доходу и по ставкам – 9%, 13% (дивиденды), 15%, 30%, 35% ($m = 9$).

Каждая группа имеет свою налогооблагаемую базу S_{0i} (1):

$$\sum_{i=1}^m S_{0i} = S_0, \quad (1)$$

в которой S_0 – налогооблагаемая база, определяемая по действующим правилам.

При плоской шкале налогообложения (фиксированная ставка налога n_0) общий налог на личный доход будет определяться следующим образом (2):

$$C_0 = S_0 \times n_0 = \sum_{i=1}^m S_{0i} \times n_0. \quad (2)$$

Для пропорциональной налоговой шкалы с учетом авторских предложений введем следующие обозначения:

n_i – новые налоговые ставки;

q_k^i – количество налогоплательщиков в каждой группе субъекта Российской Федерации;

k – порядковый номер субъекта Российской Федерации;

M_k – размер необлагаемого минимума на ребенка в k -м субъекте Российской Федерации;

D_k – размер прожиточного минимума на ребенка в k -м субъекте Российской Федерации;

d_k^i – количество налоговых вычетов на детей, полученных налогоплательщиками 1 и 2 групп в прошлом налоговом периоде в k -м субъекте Российской Федерации;

O_i^k – сумма стандартных налоговых вычетов, полученная налогоплательщиками i -й группы в прошлом налоговом периоде в k -м субъекте Российской Федерации;

C_i^k – сумма социальных налоговых вычетов, полученная налогоплательщиками i -й группы в прошлом налоговом периоде в k -м субъекте Российской Федерации.

Изменения по имущественным налоговым вычетам не заложены в модель в связи с высокой степенью предлагаемой их дифференциации.

Таким образом, в случае авторских изменений:

1. Выпадающая налоговая база за счет предоставления необлагаемого минимума по НДФЛ в 1 группе определена как

$$\sum_{k=1}^{k=85} q_{ki} \times 12M_k.$$

2. Выпадающая налоговая база за счет предоставления стандартных вычетов на детей по НДФЛ в 1 и 2 группах определена как

$$\sum_{k=1}^{k=85} d_{ki} \times 12D_k.$$

3. Дополнительная налоговая база за счет введения ограничения на право пользования стандартными вычетами на детей определена как $\sum_{k=1}^{k=85} (O_3^k + O_4^k)$.

4. Дополнительная налоговая база за счет введения ограничения на право пользования социальными налоговыми вычетами на обучение определена как $\sum_{k=1}^{k=85} C_4^k$.

При плоской шкале налогообложения (при принятии предлагаемых изменений и ставок n_i) совокупные поступления по налогу на доходы физических лиц будут определяться следующим образом (3):

$$C_1 = (S_{01} - \sum_{k=1}^{k=85} q_k^1 \times 12M_k - \sum_{k=1}^{k=85} d_k^1 \times 12D_k) \times n_i + (S_{02} - \sum_{k=1}^{k=85} d_k^2 \times 12D_k) \times n_i + (S_{03} + S_{04} + \sum_{i=3}^{i=4} \sum_{k=1}^{k=85} O_i^k + \sum_{k=1}^{k=85} C_4^k) \times n_i + \sum_{i=5}^m S_{1i} \times n_i. \quad (3)$$

Таким образом, для выполнения бюджетного условия неравенство имитационной математической модели плоского налогообложения должно иметь следующий вид (4):

$$\sum_{i=1}^m S_{0i} \times n_0 \leq (S_{01} - \sum_{k=1}^{k=85} q_k^1 \times 12M_k - \sum_{k=1}^{k=85} d_k^1 \times 12D_k) \times n_i + (S_{02} - \sum_{k=1}^{k=85} d_k^2 \times 12D_k) \times n_i + (S_{03} + S_{04} + \sum_{i=3}^{i=4} \sum_{k=1}^{k=85} O_i^k + \sum_{k=1}^{k=85} C_4^k) \times n_i + \sum_{i=5}^m S_{1i} \times n_i. \quad (4)$$

Примечание. С позиции оценки социального неравенства при разработке математической модели исследуются отличия по автономным округам и областям, в которые они входят,

отдельно: например, Ханты-Мансийский автономный округ—ЮГРА, Ямало-Ненецкий автономный округ и Тюменская область без автономных округов. Таким образом, общее количество субъектов определено как 85 единиц.

Разработанная математическая модель наглядно демонстрирует, что предложения в части совершенствования системы подоходного налогообложения, основанные на применении плоской шкалы и системы налоговых вычетов, нацелены одновременно на повышение реальной нагрузки на граждан с доходами выше среднего и на снижение нагрузки для категорий низкодоходных граждан. В этом и состоит социальное условие модели подоходного налогообложения, для обоснования ее эффективности необходимо провести второй этап исследования — статистическую оценку достоверности выполнения достаточного условия.

4.2. Статистическая проверка социального условия.

Переход от действующей к предлагаемой модели пропорционального подоходного налогообложения нацелен на усиление социальной направленности налога за счет перераспределения налоговой нагрузки среди различных групп населения. Расчет социального эффекта в подоходном налогообложении является важной составляющей государственной налоговой политики.

Как уже было отмечено ранее, устранить существующее расслоение в доходах между самыми богатыми и самыми бедными гражданами с помощью налоговой шкалы невозможно. По самым грубым подсчетам, с учетом того что коэффициент фондов в России в 2017 году состав-

ляет 15,3, а нормативное его знание не превышает 10, налоговая ставка у десятого дециля при простой прогрессивной шкале должна составлять не менее 45%, что несет значительные экономические, политические и социальные риски.

В этой связи в качестве оценки социального выравнивания мы рассматриваем только нижние 5 децилей, в которых расслоение действительно может быть сокращено путем использования налоговых инструментов.

В качестве индикаторов выравнивания (показателей 2-го этапа системы) целесообразно использовать среднедушевые доходы после налогообложения по децильным группам.

В соответствии с нормативом распределение населения по децильным группам должно выглядеть следующим образом (табл. 2).

Исходя из представленных нормативных значений на втором этапе проверки адекватности модели социальному условию необходимо определить соответствие (несоответствие) фактического распределения среднего дохода после налогообложения теоретическому. Для этого целесообразно использовать критерий Q-Тьюки. Он применим, так как выполняются следующие условия:

1) численность населения по децильным группам одинакова: $n_1 = n_2 = \dots = n_m$;

2) возможно задать целевые значения среднедушевых доходов по 5 нижним децилям.

Зная фактические среднедушевые денежные доходы по децильным группам x_1, x_2, x_3, x_4, x_5 , соответствующие средние, подлежащие проверке на равенство, при нормативах коэффициента фондов (1, 2, 3, 4, 5) составят: $5x_1, 5/2x_2, 5/3x_3, 5/4x_4, x_5$.

Таблица 2. Нормативное распределение населения по децильным группам*

Показатель	№ группы									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Доля численности, %	10	10	10	10	10	10	10	10	10	10
Доля принадлежащего децилю дохода, %	a	2a	3a	4a	5a	6a	7a	8a	9a	10a
Коэффициент фондов (каждый дециль к 1)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
* Определено автором исходя из нормативного значения коэффициента фондов ($10 = 10a/a$); a – доля нижнего дециля в структуре дохода. Источник: составлено автором.										

Использование критерия Q-Тьюки для определения равенства или неравенства средних проводится в несколько этапов:

1. Расчет среднего дохода после налогообложения $\bar{X}_1, \bar{X}_2, \dots, \bar{X}_m$ по формуле средней арифметической простой для каждой из 5-ти децильных групп.

2. Рассчитанные среднедушевые доходы ранжируются в порядке возрастания (совпадают с порядковым номером дециля) (5):

$$\bar{X}_1, \pi \bar{X}_2, \pi \bar{X}_3, \pi \dots, \pi \bar{X}_m. \quad (5)$$

3. Между соседними среднедушевыми доходами находятся разницы (первого порядка) (6):

$$\bar{X}_2 - \bar{X}_1; \bar{X}_3 - \bar{X}_2. \quad (6)$$

4. По аналогии определяются разницы между среднедушевыми доходами, расположенными в ранжированном ряду через один дециль (разницы второго порядка), два дециля (третьего порядка) и 3 дециля (четвертого порядка) (7):

$$\bar{X}_3 - \bar{X}_1; \bar{X}_4 - \bar{X}_2. \quad (7)$$

5. Для каждого значения разницы необходимо выдвинуть 2 гипотезы: нулевая (H_0) – среднедушевые доходы по децильным группам между собой равны (цель социального выравнивания достигнута); альтернативная (H_A) – среднедушевые доходы по децильным группам между собой не равны (цель социального выравнивания не достигнута).

6. По каждому отклонению среднедушевых доходов (пара децилей) рассчитывается средняя ошибка (8):

$$m = \sqrt{\frac{S_{\text{вг}}^2}{n_m}}, \quad (8)$$

где $S_{\text{вг}}^2$ – дисперсия внутри каждого дециля, n – численность населения в каждой децильной группе.

7. Для разностей первого порядка находится фактическое значение критерия путем их деления на среднюю ошибку выборки (9):

$$Q_{\text{факт}(1)} = \frac{\bar{X}_2 - \bar{X}_1}{m}, Q_{\text{факт}(2)} = \frac{\bar{X}_3 - \bar{X}_2}{m}. \quad (9)$$

Фактические значения параметра Q-Тьюки сравниваются с табличным (одно для всех разностей первого порядка). Табличное значение зависит от трех характеристик: уровня значимости (целесообразно задавать на уровне 95%), числа степеней свободы и величины $k=2$ для разностей первого порядка. Если $Q_{\text{факт}} > Q_{\text{табл}}$, то принимается альтернативная гипотеза (цель социального выравнивания не достигнута), в противном случае принимается нулевая гипотеза.

8. По аналогии определяется и фактическое значение критерия для разностей второго, третьего и четвертого порядка. Единственное отличие состоит в том, что для определения табличного значения Q-Тьюки применяется коэффициент k , равный 3, 4 и 5 (соответственно).

В продолжение разработанной методологии отметим, что, вместо доказательства статистических гипотез, устранение социального неравенства в нижних децилях можно установить и путем сравнения попарных разниц в средних доходах с НСР (наименее существенной разницей). В данном случае НСР определяется по формуле 10:

$$\text{НСР} = Q_{\text{табл}} \times m. \quad (10)$$

В случае когда фактические разности меньше или равны НСР, чрезмерное социальное неравенство признается устраненным. Если фактические разности больше НСР, необходима доработка подоходной модели налогообложения, так как она не отвечает социальному условию.

4.3. Апробация математической модели и проверка ее условий.

Согласно разработанной математической модели, были определены объемы выпадающих доходов консолидированных бюджетов каждого из субъектов Российской Федерации, использованные впоследствии для соблюдения бюджетного условия модели. Методология расчета выпадающих доходов основана на использовании средних характеристик, так как при таком способе исчисления положительные и отрицательные отклонения взаимопогашаются.

При оценке использовались следующие допущения:

1. Прожиточный минимум на трудоспособное население, на ребенка использован по состоянию на 4 квартал 2017 года.

2. Численность занятого населения с доходами ниже прожиточного минимума скорректирована на среднероссийский показатель – «Доля населения трудоспособного возраста» (56%).

3. При расчете показателей «Доля населения, у которого среднедушевые доходы находятся в пределах от 1 до 2 необлагаемых минимумов» и «Доля населения, у которого доход не превышает среднемесячный размер начисленной заработной платы» границы доходов определены на основании статистических данных о распределении численности населения по размерам доходов с учетом поправочных коэффициентов. Указанные коэффициенты определены экспертным методом, так как границы групп не совпадают в точности с размером прожиточного минимума.

4. Количество физических лиц, фактически имеющих право на применение стандартных вычетов на детей по новым правилам с учетом коэффициента 0,25. Данный коэффициент определен на основании средних фактических показателей статистической отчетности ФНС за 2016 год (каждое 4 физическое лицо, получившее доходы, использовало налоговый вычет на ребенка – Форма 5-НДФЛ).

5. В качестве среднего количества детей в семье по субъекту Российской Федерации использован суммарный коэффициент рождаемости, который показывает, сколько в среднем

родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (то есть от 15 до 50 лет) при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого вычисляется показатель. Его величина не зависит от возрастного состава населения и характеризует средний уровень рождаемости в данном календарном году.

6. Среднее количество месяцев получения налогового вычета по действующим нормам НК РФ определено как частное от деления 350 000 руб. (предельная сумма доходов для получения вычета) на среднемесячную номинальную начисленную заработную плату.

7. Для оценки структуры студентов (по источникам финансирования) с целью расчета контингента студентов использованы статистические данные Высшей школы экономики². В 2016 году удельный вес обучающихся за счет бюджетов (федерального, бюджетов субъектов РФ, местных бюджетов) составил 47,4% от общей численности студентов. Исходя из данной доли определено количество студентов, обучающихся на контрактной основе.

При расчете контингента получателей вычетов на обучение использована средняя доля расходов на обучение по 9–10 децильным группам населения по уровню доходов. Показатель определен по данным выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств³ (табл. 3).

Таблица 3. Расчет контингента получателей социальных вычетов на обучение, 2016 год

Показатель	В среднем	Децильные группы									
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Услуги в системе высшего образования в расчете на 1 человека, тыс. руб.	67,7	3,3	11,1	24,9	37,3	86,0	77,2	102,4	123,3	110,6	101,2
Количество человек в децильных группах, тыс. чел	146,8	146,8	146,8	146,8	146,8	146,8	146,8	146,8	146,8	146,8	146,8
Расходы на образование в вузах, тыс. руб.	9943	48	163	365	548	1262	1134	1504	1810	1623	1486
Структура расходов на обучение по децильным группам, %	100,0	0,5	1,6	3,7	5,5	12,7	11,4	15,1	18,2	16,3	14,9

Источник: составлено автором по данным Росстата.

² Образование в цифрах: 2018: крат. стат. сб. / Л.М. Гохберг, Г.Г. Ковалева, Н.В. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. 80 с. 200 экз. ISBN 978-5-7598-1767-3 (в обл.)

³ www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/

Таблица 4. Расчет объема выпадающих доходов, подлежащих возмещению

№ п/п	Вид доходов	Сумма, тыс. руб.
1.	Совокупная сумма выпадающих доходов бюджетов от предоставления необлагаемого минимума доходов, тыс. руб.	591 268 463
2.	Сумма выпадающих налоговых доходов за счет увеличения стандартных вычетов на детей, тыс. руб.	300 863 887
3.	Условная сумма налоговых вычетов на 1, 2 и последующих детей, тыс. руб.	10 886 584
4.	Сумма дополнительных доходов бюджета за счет введенного ограничения на социальные налоговые вычеты, тыс. руб.	9 509 508
5.	Итоговая сумма дополнительно выпадающих доходов бюджета, тыс. руб. (1+2-3-4)	871 736 258

Источник: рассчитано автором.

Таким образом, доля налоговых вычетов, которые получали ранее налогоплательщики двух высших децильных групп (условно – с доходами выше 3-х средних уровней), составляет 31,2%.

В таблице 4 представлены итоговые выпадающие доходы бюджета ($\sum V_{\text{возм}}$).

Совокупная оценка по Российской Федерации показала, что в случае внедрения предлагаемых изменений сумма выпадающих доходов консолидированного бюджета Российской Федерации составит порядка 871,7 млрд. руб.

Исследование нужно продолжить для того, чтобы определить, на сколько необходимо повысить базовую ставку НДФЛ для компенсации указанной суммы выпадающих доходов (ДНС), то есть выполнить бюджетное условие модели (11):

$$\begin{aligned} \text{ДНС} &= \frac{\sum V_{\text{возм}}}{\sum_{i=1}^m S_{0i} \times n_0} = \\ &= \frac{871\,736\,257\,752}{31\,751\,561\,775\,600} \times 100 = 2,7 \text{ п. п.} \end{aligned} \quad (11)$$

Поскольку при расчете дополнительной ставки учитывался только показатель среднемесячной номинальной начисленной заработной платы, то есть трудовые доходы граждан, полагаем возможным увеличение базовой ставки НДФЛ на 2 п.п., а не на 2,7 п.п. По данным за 2016 год налогоплательщиками задекларировано иных доходов, облагаемых по базовой ставке, на сумму 5 трлн. руб., с учетом среднего уровня инфляции (5,88% – 2018 к 2016 году) дополнительно будут получены налоги с базы 5,3 трлн. руб.

Далее определим целесообразность дополнительного увеличения ставки налога для обе-

спечения прироста поступлений с учетом покупательной способности населения. Для этого проверим выполнение следующего неравенства (12):

$$\begin{aligned} 36709,2 \times 105,88 \times (1 - 0,13 - 0,02) &\geq \\ &\geq 1,5 \times 16087,92 \times 105,88 \quad (12) \\ 33037,55 &\geq 25550,83. \end{aligned}$$

При увеличении базовой ставки налога на доходы физических лиц на 2 п.п. (до 15%) возможно использование наших предложений в части налоговых вычетов и необлагаемого минимума с одновременным соблюдением бюджетного условия (несокращения объема поступлений в бюджеты). Вместе с тем для отдельных субъектов Российской Федерации возможно сокращение доходов (за счет низкого уровня оплаты труда), которое необходимо компенсировать предоставлением дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности.

Далее проведена оценка модели в отношении выполнения социального условия (табл. 5).

Вычислим среднюю ошибку выборок, опираясь в расчетах на остаточную дисперсию признака, обусловленную случайными факторами⁴ (13).

$$m = \sqrt{\frac{S_{\text{ост}}^2}{n}} = \sqrt{\frac{931442005166400}{146674541}} = 2520 \text{ руб.} \quad (13)$$

⁴ В связи с отсутствием фактических данных расчет остаточной дисперсии осуществлялся на основании данных о среднедушевых доходах по субъектам федерации, взвешенных на численность населения по каждому из субъектов.

Таблица 5. Расчет преобразованных переменных для определения критерия Q-Тьюки

Доходная группа	Доля группы от общего объема денежных доходов населения, %	Среднедушевые денежные доходы, руб. в месяц	Среднедушевые денежные доходы после изменения законодательства, руб. в месяц	Расчет преобразованных переменных	Преобразованные значения среднедушевых доходов для расчета критерия Тьюки, руб. в месяц
Первая	1,9	5 983	6 877 (x_1)	$5x_1$	34 385
Вторая	3,4	10 368	11 668 (x_2)	$5/2 \cdot x_2$	29 170
Третья	4,5	13 704	15 004 (x_3)	$5/3 \cdot x_3$	25 007
Четвертая	5,6	17 107	18 407 (x_4)	$5/4 \cdot x_4$	23 009
Пятая	6,8	20 875	22 175 (x_5)	$5/5 \cdot x_5$	22 175

Источник: рассчитано автором.

Таблица 6. Фактическое и табличное значения критерия Q-Тьюки

Разность средних величин		Значение разности, руб.	Значение критерия Q-Тьюки	
			Фактическое	Табличное
Первого порядка	$x_1 - x_2$	5 215	2,069	3,261
	$x_2 - x_3$	4 163	1,652	
	$x_3 - x_4$	1 998	0,793	
	$x_4 - x_5$	834	0,331	
Второго порядка	$x_1 - x_3$	9 378	3,722	4,041
	$x_2 - x_4$	6 161	2,445	
	$x_3 - x_5$	2 832	1,124	
Третьего порядка	$x_1 - x_4$	11 376	4,514	4,529
	$x_2 - x_5$	6 995	2,776	
Четвертого порядка	$x_1 - x_5$	12 210	4,845	4,886

Источник: рассчитано автором.

Для доказательства гипотезы рассчитаны фактические значения критерия Q-Тьюки (табл. 6).

Нулевые гипотезы о равенстве средних по всем парам должны быть приняты, так как фактические значения критерия Тьюки меньше соответствующих критических значений. С вероятностью ошибки 5 случаев из 100 можно утверждать, что средние значения доходов с точки зрения их оптимального распределения существенно не различаются по децильным группам. Следовательно, цель выравнивания доходов в нижних децилях достигнута.

5. Выводы.

Научная новизна исследования заключается в разработке новой пропорциональной модели подоходного налогообложения физических лиц, содержащей в себе элементы скрытой прогрессии (необлагаемый минимум, усовершенствованная система налоговых вычетов по налогу на доходы физических лиц).

Теоретическую значимость представляет разработанный нами подход к моделированию, основанный на синергии математических и статистических методов. Преимущество предлагаемой методологии состоит в том, что, в отличие от большинства существующих подходов к оценке влияния на социальное неравенство через соотношение доходов в крайних децилях, она позволяет оценить степень расслоения населения по каждой паре децилей отдельно. В случае обнаружения сильной степени расслоения только по отдельным децилям государство получает возможность разработки целевых налоговых льгот (или иных точечных инструментов стимулирования) для определенной группы граждан.

Более того, разработанная методология может быть использована и в условиях отсутствия бюджетного ограничения. В данном случае математическую модель необходимо трансформировать, изменив правую часть уравнения (4)

на целевое (ожидаемое) значение налоговых поступлений по налогу на доходы физических лиц (C_p). Однако в такой ситуации необходима экспертная оценка ожидаемых поступлений, что вносит в модель антропогенный фактор, искажающий действительную статистическую оценку параметров подоходного налогообложения.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования материалов и обобщений, содержащихся в НИР, Министерством финансов Российской Федерации для целей совершенствования системы подоходного налогообложения граждан, Федеральной налоговой службой для целей налогового планирования и прогнозирования величины налоговых вычетов; Министерством экономического развития Российской Федерации для оценки совокупных финансовых последствий и выпадающих доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Использование математического моделирования в качестве инструментария для обоснования справедливой системы подоходного налогообложения является наиболее обоснованным с точки зрения оценки всех закладываемых в налоговую реформу условий (обязательных, до-

статочных, необходимых). Вместе с тем применение подобных моделей для определения прогнозов поступлений по НДФЛ на долгосрочный период не целесообразно. Отрыв от экономической теории является главным недостатком моделирования, так как любая социально-экономическая система в ней представлена только математическим выражением. Оно не учитывает изменения мировой конъюнктуры, политические преобразования, изменения законодательства.

Как было отмечено ранее, налоги не панацея от социального неравенства, для решения такой важной народнохозяйственной задачи только фискального регулирования недостаточно. В данном аспекте эволюция нашего исследования может заключаться в создании целой системы уравнений, учитывающей как налоговое, так и другие виды законодательства – трудовое, социальное, кредитное. С учетом того что все ограничения задать в виде математической функции достаточно проблематично (в отличие от фискального ограничения, используемого в нашей модели), целесообразно разрабатывать однородную систему дифференциальных уравнений, где ограничения будут сформулированы в виде пределов некоторых функций.

Литература

1. Технология моделирования экономики и модель современной экономики России / М.Ю. Андреев, И.Г. Поспелов, И.И. Поспелова, М.А. Хохлов. М.: МИФИ, 2007. 262с.
2. Roger H. Gordon, Koczuk W. The choice of the personal income tax base. *Journal of Public Economics*, 2017, vol. 118, pp. 97-110
3. Lehmann E., Marical F., Rioux L. Labor income responds differently to income-tax and payroll-tax reforms. *Journal of Public Economics*, 2013, vol. 99, pp 66-84.
4. Long X., Pelloni A. Factor income taxation in a horizontal innovation model. *Journal of Public Economics*, 2017, vol. 154, pp. 137-159.
5. Morini M., Pellegrino S. Personal income tax reforms: A genetic algorithm approach. *European Journal of Operational Research*, 2018, vol. 264, no. 3, pp. 994-1004.
6. Kovárník J., Hamplová E. Value tax equity and tax literacy as causality of tax incidence. *International Journal of Economics and Statistics*, 2013, vol. 1, no. 2, pp. 68-76.
7. Daniel M. Hungerman Public goods, hidden income, and tax evasion: Some nonstandard results from the warm-glow model. *Journal of Development Economics*, 2014, vol. 109, pp. 188-202.
8. Petrucci A. Optimal income taxation in models with endogenous fertility. *Journal of Macroeconomics*, 2015, vol. 43, pp. 216-225.
9. Tran Ch. Temptation and taxation with elastic labor. *Economic Modelling*, 2018, vol. 70, pp. 351-369.
10. Ching-Chong L., Chih-Hsing L. Optimal nonlinear income taxation with productive government expenditure. *International Review of Economics & Finance, Elsevier*, 2012, vol. 22(1), pp. 66-77.

11. Лискина Е.Ю. Некоторые математические модели налогов и сборов в России // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2014. № 2 (43). С. 168-182.
12. Смирнов Р.О., Чистяков С.В. Моделирование выбора регрессивной шкалы единого социального налога // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2003. № 4 (29). С. 79-85.
13. Смирнов Р.О. Моделирование выбора параметров шкалы подоходного налога // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2011. № 4. С. 141-148.
14. Bertotti M.L., Modanese G. Micro to macro models for income distribution in the absence and in the presence of tax evasion. *Applied Mathematics and Computation*, 2014, vol. 244, pp. 836-846.
15. Sybiryanska Yu.V., Kondratenko M.B. The new model of the tax system of Ukraine: the redistribution of the tax burden. *Business Inform*, 2014, no. 7, pp. 276-283.
16. Мельников Ю.Б., Онохина Е.А., Шитиков С.А. Улучшение адекватности экономических моделей // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19. № 1. С. 94-106.
17. Миронов В.В., Смирнов А.В. К проблеме математического моделирования имитационных моделей социально-экономического развития региона // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2012. № 3. С. 8.
18. Allanson P. Income stratification and between-group inequality. *Economics Letters*, 2014, vol. 124, no. 2, pp. 227-230.
19. Molero-Simarro R. Inequality in China revisited. The effect of functional distribution of income on urban top incomes, the urban-rural gap and the Gini index, 1978–2015. *China Economic Review*, 2017, vol. 42, pp. 101-117.
20. Khosravi Tanak A., Mohtashami Borzadaran G. R., Ahmadi J. Entropy maximization under the constraints on the generalized Gini index and its application in modeling income distributions. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 2015, vol. 438, pp. 657-666.
21. Тихонова А.В. Необлагаемый минимум по НДФЛ как инструмент социализации налоговой системы России // Налоги. 2018. № 4. С. 36-40.
22. Kalinina O. Economic-mathematical Models of Progressive Income Taxation in Russia. *International Journal of Economics and Statistics*, 2015, vol. 3, pp. 39-47.

Сведения об авторе

Анна Витальевна Тихонова – кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр-д, д. 4; e-mail: AVTikhonova@fa.ru); Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева (127550, Российская Федерация, г. Москва, Тимирязевская ул., 49)

Tikhonova A.V.

Mathematical Simulation Modeling of the Income Taxation System with the Use of Tukey's Q-Test

Abstract. The study deals with the development of a mathematical simulation models for the income taxation system. The paper uses general scientific research methods (analysis, synthesis), mathematical simulation modeling techniques and substantiation of statistical hypotheses. This comprehensive approach is carried out in two stages; this fact distinguished our present study from previously published works on the subject. Flat personal income tax rate is assumed as a basic condition of the system. An effective system of income taxation should take into account two mandatory conditions. The first condition relates to the budget and consists in the non-reduction of tax revenues of the consolidated budget of the Russian Federation. The second – social – condition is to eliminate excessive social inequality in the first

five decile groups of citizens by income. In order to fulfill the first condition, we create a mathematical simulation model, which includes non-taxable minimum and tax deductions. In order to comply with the second condition, we propose to use Tukey's q-test, which allows us to assess the degree of social inequality not only in the extreme deciles, but also in their pairwise comparison. We determine that the social condition can be tested with the use of the least significant differences (LSD). In conclusion, we note that our model can be used in the absence of budget constraints. Besides, we propose further directions to develop the methodology and create a system of differential equations that take into account tax, labor and other legislation.

Key words: mathematical simulation modeling, Tukey's q-test, mathematical model, income taxation, social inequality, flat-rate taxation system, model conditions.

Information about the Author

Anna V. Tikhonova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Avenue, 125993, Moscow, Russian Federation; e-mail: AVTikhonova@fa.ru)

Статья поступила 23.07.2018.

DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.9

УДК 316.65:311, ББК 60.527:60.506

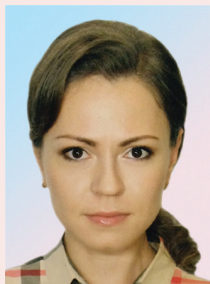
© Дементьева И.Н., Шаклеина М.В.

Применение индексного метода в исследованиях потребительских настроений населения



**Ирина Николаевна
ДЕМЕНТЬЕВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: irinika_74@mail.ru



**Марина Владиславовна
ШАКЛЕИНА**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация, 119991, Ленинские Горы, д. 1, корп. 61
E-mail: shakleina.mv@gmail.com

Аннотация. Эффективным инструментом изучения и оценки потребительских настроений населения территории является индексный метод, который предполагает расчёт агрегированных индексов настроений потребителей на основе социологической информации. В настоящей статье рассматриваются существующие в международной практике методические подходы к измерению и оценке потребительских настроений населения с помощью интегральных индексов; тенденции индекса потребительских настроений жителей России и Вологодской области; с использованием множественного регрессионного анализа исследуется воздействие макроэкономических индикаторов на настроения потребителей. Информационной базой исследования являются результаты мониторинга общественного мнения Вологодского научного центра РАН (ВолНЦ РАН), общероссийских аналитических центров (Левада-Центр, Международный

Для цитирования: Дементьева И.Н., Шаклеина М.В. Применение индексного метода в исследованиях потребительских настроений населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 153-173. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.9

For citation: Dement'eva I.N., Shakleina M.V. Applying the index method in the research on consumer sentiment. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 153-173. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.9

институт маркетинговых и социальных исследований GfK Rus), а также данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области (Вологдастат). В основе различных методик, используемых в мировой практике для исследования потребительских настроений, лежит методика, разработанная в 1950-е годы Центром обследования потребителей Института социальных исследований Мичиганского университета (США), предполагающая построение агрегатного индекса потребительских настроений. Эта методика получила распространение в России; большой опыт региональных исследований настроений и поведения потребителей на основе социологических данных имеет Вологодский научный центр РАН. Результаты его регионального мониторинга во многом коррелируют с общероссийскими показателями, однако потребительские настроения жителей Вологодской области на протяжении периода измерений менее благоприятны, чем в целом по России. При этом долгосрочные прогнозы относительно развития экономики страны выглядят более оптимистичными, чем оценки текущего состояния и ближайших перспектив. Существенное влияние на формирование потребительских настроений жителей региона оказывают такие макроэкономические индикаторы, как оборот розничной торговли продовольственных и непродовольственных товаров, динамика промышленного производства, индекс потребительских цен, денежные доходы населения. В целом использование индексов в исследованиях потребительского поведения населения предоставляет редкую возможность учёта психологических факторов при моделировании и прогнозировании экономики, что позволяет вовремя уловить тенденции социально-экономической ситуации и, исходя из этого, внести коррективы в управление экономическими процессами.

Ключевые слова: потребительские настроения, индекс, авторегрессионная модель распределенных лагов, социально-экономическое развитие, доходы, оборот розничной торговли.

Введение

В современной рыночной экономике потребители играют чрезвычайно важную роль, поскольку осуществляемые ими расходы составляют свыше половины валового внутреннего продукта страны. Показатель расходов, определяя уровень спроса на производимые товары и услуги, во многом характеризует общеэкономическую динамику в стране (коэффициент корреляции между динамикой потребления домашних хозяйств и ВВП в 1995–2017 гг. составляет 0,98). По оценкам Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, вклад потребления домашних хозяйств в экономический рост в III квартале 2017 г. составил 2,6% (для сравнения: вклад валового накопления основного капитала — +0,8%, изменения запасов — +0,5%, экспорта — +1,1%, импорта — -3,4%, общего прироста ВВП — +1,8%, остальных компонентов — +0,1%);¹. Своевременная информация о потребительских расходах необходима для оценки и прогнозиро-

вания общей экономической активности. Наличие платежеспособного спроса выступает одним из основных факторов при планировании деятельности на предприятиях, принятии решений о наращивании или снижении загрузки мощностей, реализации инвестиционных проектов. Установление оптимальных пропорций между потребительским спросом и предложением служит важным условием благополучия, стабильности и экономической безопасности территории [1].

Принятие потребителями решений об осуществлении тех или иных покупок (особенно крупных) или формировании сбережений зависит не только от объективных причин, каковыми являются уровень личных доходов и цен на потребительском рынке. Воздействие этих факторов на поведение людей в современной экономике неизбежно опосредуется их настроениями и субъективными воззрениями, т.е. представлениями, оценками и ожиданиями относительно своего материального положения, занятости, динамики цен, общеэкономических перспектив развития страны в целом [2].

¹ О развитии российской экономики в 2017 году. URL: <http://www.forecast.ru/> (дата обращения: 15.05.2018 г.).

В мировой практике исследования потребительских настроений проводятся на регулярной основе более чем в 40 странах. Большинство исследований используют индексный метод, который предполагает построение индексов — агрегированных количественных показателей, обобщающих первичную социологическую информацию, полученную в ходе измерения с помощью одной или нескольких шкал. Социологические индексы, с одной стороны, это способ агрегирования, сжатия информации, представления её в форме, удобной для описания и интерпретации; с другой стороны, это способ перехода от теоретического к эмпирическому уровню исследования, способ конструирования эмпирического индикатора некоторого теоретического понятия [3].

Разработанность темы исследования

Разработке рассматриваемой темы уделено достаточно внимания со стороны отечественных и зарубежных учёных. Исследования осуществляются по нескольким направлениям:

1. Изучение методических вопросов обработки социологической информации с помощью построения и использования аналитических индексов. Данными проблемами занимались такие исследователи, как Р. Пэнто, М. Гравитц [4], Э. Ноэль [5], П. Суппес, Дж. Зинес [6], И. Пфанцагль [7], Ю.Н. Толстова [8], И.Ф. Девятко [9], Г.Г. Татарова [3], М.С. Косолапов, В.Д. Патрушев [10], Г.В. Осипов, Э.П. Андреев [11], М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги [12], К.Г. Герасимова, В.И. Паниотто, Т.И. Заславская, И.Б. Мучник [13] и др.

2. Конструирование и расчёт социологических индексов на примере решения конкретных прикладных задач и диагностики различных сторон жизни населения. Этим проблемам посвящены работы Н.Е. Тихоновой, Н.М. Давыдовой, И.П. Поповой [14], П.И. Мтиулишвили [15], М.Д. Красильниковой [16], С.Г. Климовой, Е.Г. Галицкой, Е.Б. Галицкого [17], И.Н. Дементьевой [18].

3. Применение индексного подхода для исследования непосредственно потребительских настроений населения. Основы данного направления были заложены в 1950-е годы американским учёным Джорджем Катона [19; 20]. В настоящее время этими вопросами занимаются такие исследователи, как А. Бирман, Р. Куртин [21], К. Камерер, Д. Ловенштейн и др.

[22], Е.-М. Сент [23], Г. Франчак, С. Навотный, Э. Гусва-Лесни, Д. Ибрагимова, С. Николаенко [24], Р. Капелюшников [25], М. Красильникова, В. Чередниченко [26] и др.

4. Применение индексного подхода различными российскими и международными исследовательскими структурами: ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр, ВолНЦ РАН, международными компаниями GfK Group, Nielsen и др.

В целом, несмотря на глубокую разработанность возможностей применения индексного метода в зарубежной и отечественной науке и практике, проблемы использования индексного подхода для исследования непосредственно потребительских настроений населения, и в частности на региональном уровне, остаются недостаточно изученными.

Цель и задачи исследования

Целью данной работы является анализ возможностей применения индексного метода в качестве инструмента изучения потребительских настроений населения.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Обзор существующих в международной и национальной практике методик оценки потребительских настроений населения с помощью интегральных индексов.

2. Анализ и сравнение тенденций агрегированного индекса потребительских настроений жителей России и Вологодской области и особенностей частных составляющих ИПН за период с 2000 по 2017 г.

3. Исследование воздействия макроэкономических индикаторов на настроения потребителей с использованием множественного регрессионного анализа.

Информационно-эмпирическая база исследования включает в себя:

1. Официальные данные Статистической службы Европейского союза (Евростат), Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области (Вологдастат).

2. Данные социологических исследований, проводимых общероссийским исследовательским Центром Юрия Левады (Левада-Центр), Международным институтом маркетинговых и социальных исследований GfK Rus (ГФК-Русь).

3. Результаты мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, проводимого ВолНЦ РАН на территории региона.

Методология и методика исследования

1. Для изучения потребительских настроений населения Вологодской области был использован метод мониторинговых исследований общественного мнения, применяемый Вологодским научным центром РАН на её территории. Каждые два месяца (6 раз в год) опрашивается 1500 жителей старше 18 лет в двух крупных городах (Вологда, Череповец), а также в 8 районах области (Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский и Шекснинский)². Основным методом мониторинга является анкетирование по месту жительства, позволяющее получать достоверные результаты исследования прежде всего за счёт создания удобных условий для анкетёров и респондентов, осуществляющих непосредственное взаимодействие. Объем выборочной совокупности исследования составляет около 9 тысяч жителей региона в год.

2. Для обработки социологической информации и анализа потребительских настроений населения региона был использован индексный метод. На основе данных мониторинга рассчитывались интегрированный индекс потребительских настроений населения (ИПН) и составляющие его частные индексы по методике, разработанной в Институте социальных исследований Мичиганского университета (США).

3. Для более углублённого анализа опросных данных и данных статистики с целью определения влияния макроэкономических факторов на потребительские настроения были использованы эконометрические методы, а именно авторегрессионная модель распределённых лагов и корреляционный анализ.

² Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населённых пунктов различных типов (сельские населённые пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

Результаты исследования

Международный и национальный опыт измерения потребительских настроений с использованием интегральных индексов

Проведённый нами обзор существующих в мировой практике методических подходов к оценке потребительских настроений с использованием интегральных индексов позволяет объединить их в 3 группы.

1. Первая группа основывается на методике, разработанной в 1950-е годы Центром исследования потребителей Института социальных исследований Мичиганского университета (США), предполагающей построение агрегатного индекса потребительских настроений (Index of Consumer Sentiment, ICS или The consumer sentiment index, MCSI)³.

Индекс потребительских настроений — многокомпонентный, высокоагрегированный показатель. Он строится как совокупность субъективных оценок текущего личного материального положения, ситуации на потребительском рынке и ожиданий изменения личного материального положения и общей экономической ситуации. Особенность индекса потребительских настроений, отличающая его от традиционных показателей социально-экономического развития, — применение специально разработанной методологии, находящейся на стыке социологии, экономики, психологии и включающей в себя новейшие разработки данных отраслей научного знания [27].

В США ИПН первоначально измерялся три раза в год, начиная с 1960 года опросы проводились ежеквартально, в настоящее время — ежемесячно. С 1955 года результаты замеров регулярно публикуются наряду с основными макроэкономическими статистическими показателями США⁴.

³ Индекс настроения потребителей от университета Мичигана [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fxteam.ru/forex-library/fundamental-analyse/uom_consumer_sentiment/ (дата обращения: 25.04.2018).

⁴ Индекс потребительских настроений // Методология анализа настроений потребителей [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.socpol.ru/research_projects/ipn/methodology.shtml (дата обращения: 25.04.2018).

В России первые измерения индекса потребительских настроений были проведены в 1993 году Всероссийским центром изучения общественного мнения. Сначала они проводились эпизодически, нерегулярно. В 1997 г. была создана специальная некоммерческая организация – фонд «Содействие развитию и построению индекса потребительских настроений» (Фонд ИПН), главной целью которой являлось содействие в оказании финансовой, технической и интеллектуальной поддержки исследованиям, направленным на изучение потребительских настроений россиян. В 1996–1997 гг. проект ИПН финансировался Бюро технической помощи Министерства финансов США, в 1998–2003 гг. – за счёт грантов, полученных из фонда Форда и из источников, относящихся к российским деловым кругам (в частности, из средств Московской межбанковской валютной биржи, Сбербанка России и др.), а также при поддержке Центра развития ИПН; в 2004–2005 гг. реализация программы ИПН осуществлялась при поддержке Независимого института социальной политики, Левада-Центра и Сбербанка России [26].

Существенный вклад в изучение ИПН, причём не только в общенациональном масштабе, но и в разрезе федеральных округов, вносит Институт маркетинговых и социальных исследований GfK Rus (ГФК-Русь), являющийся дочерним предприятием крупнейшего между-

народного исследовательского концерна GfK Group, который ведёт мониторинг потребительского поведения и социальных настроений в России уже более 15 лет на базе Всероссийского омнибусного исследования⁵.

Методика расчёта ИПН строится на основе данных опросов общественного мнения по пяти вопросам (табл. 1). Для каждого вопроса рассчитываются частные индексы⁶. Среднее арифметическое из частных индексов даёт совокупную величину – индекс потребительских настроений.

2. Вторая группа методик основывается на методике Европейского союза по расчёту индекса потребительского доверия (ИПД). С 1990 года данный индикатор рассчитывается ежемесячно в Бельгии, Франции, Дании, Великобритании, Италии, Германии, Греции, Нидерландах, Ирландии, Португалии и других странах ЕС по единой методологии, которая объединяет ответы в баллах на четыре вопроса относительно ожидаемых изменений в (1) личном материальном и (2) общеэкономическом положении, (3) занятости и (4) личных сбережениях на следующие 12 месяцев. Частные индексы рассчитываются как баланс долей положительных и отрицательных ответов с половинным весом промежуточных ответов, т.е. изменяются от -100 до +100. Общий индекс представляет собой среднее арифметическое индивидуальных (табл. 2). [28].

Таблица 1. Вопросы, используемые для расчета ИПН

№ п/п	Индекс	Формулировка вопроса
1.	Индекс текущего личного материального положения	Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи: оно лучше или хуже, чем было год назад?
2.	Индекс перспектив личного материального положения	Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше или хуже или примерно такое же, как сейчас?
3.	Индекс краткосрочных перспектив развития экономики страны	Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут для экономики страны хорошим временем или плохим или каким-либо еще?
4.	Индекс долгосрочных перспектив развития экономики страны	Если говорить о следующих пяти годах, то, как Вы считаете, они будут для экономики страны хорошим или плохим временем?
5.	Индекс целесообразности приобретения товаров длительного пользования	Если говорить о крупных покупках для дома, то, как Вы считаете, сейчас хорошее или плохое время для того, чтобы покупать большинство таких товаров?

⁵ Опросы проводятся ежемесячно. Выборка многоступенчатая, стратифицированная, репрезентирующая всё население России в возрасте 16+. Объем выборки – не менее 2100 интервью.

⁶ Для расчёта частных индексов из доли положительных ответов (в процентах) вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.

Таблица 2. Вопросы, используемые для расчета ИПД

№ п/п	Индекс	Формулировка вопроса
1.	Индекс ожидаемых изменений в личном материальном положении	Как Вы ожидаете, изменится ли финансовое положение Вашего домашнего хозяйства за следующие 12 месяцев?
2.	Индекс ожидаемых изменений экономической ситуации в стране	Как Вы ожидаете, общая экономическая ситуация в стране разовьется за следующие 12 месяцев?
3.	Индекс ожидаемых изменений на рынке труда	Как Вы ожидаете, изменится ли число безработных в стране за следующие 12 месяцев?
4.	Индекс ожидаемых изменений личных сбережений	За следующие 12 месяцев Вы сэкономите деньги?

В настоящее время Европейская комиссия гармонизировала индекс доверия потребителей (EMU Consumer Confidence) для основных стран ЕС. Гармонизированный индекс рассчитывается на основе индексов доверия, рассчитываемых в странах собственными службами и организациями.

3. Третью группу составляют прочие методики, среди которых можно назвать методику Центра Шин Джо в Японии, индекс уверенности потребителей – ИУП (Consumer Confidence Index – CCI), рассчитываемый в США (агентство Conference Board), в Канаде (Conference Board / Kanada), в России (Росстат)⁷.

Например, индекс уверенности потребителей рассчитывается Росстатом (ранее – Госкомстатом) с 1998 г. по результатам Обследования потребительских ожиданий населения (ОПОН) 1 раз в квартал. Обобщающий индекс уверенности потребителей рассчитывается как среднее арифметическое пяти частных индексов (про-

изошедших и ожидаемых изменений личного материального положения, экономической ситуации в России, благоприятности условий для крупных покупок) (табл. 3)⁸.

С 2005 г. международная исследовательская компания Nielsen осуществляет измерение индекса глобального потребительского доверия (Global Consumer Confidence Survey), который отражает уровень потребительского доверия, основные факторы, влияющие на этот уровень, а также готовность потребителей тратить свои средства. Исследование охватывает более 27 тысяч пользователей Интернета из 55 стран, включая Россию, Азиатско-Тихоокеанского региона, Европы, Латинской и Северной Америки, Ближнего Востока, Африки. Индекс потребительского доверия Nielsen разработан на основе уровня доверия потребителей к рынку труда, состояния их личных финансов и готовности тратить деньги. Уровень потребительского доверия ниже и выше 100 пунктов явля-

Таблица 3. Вопросы, используемые для расчета ИУП

№ п/п	Индекс	Формулировка вопроса
1.	Индекс ожидаемых изменений экономической ситуации в России через год	Как Вы оцениваете возможные изменения в экономике России в течение следующих 12-ти месяцев?
2.	Индекс произошедших изменений в экономике России	Как Вы оцениваете произошедшие изменения в экономической ситуации России?
3.	Индекс ожидаемых изменений в личном материальном положении через год	Как Вы оцениваете возможные изменения Вашего материального положения в течение следующих 12-ти месяцев?
4.	Индекс произошедших изменений в личном материальном положении	Как Вы оцениваете изменения в своем материальном положении в течение года?
5.	Индекс благоприятности условий для крупных покупок	Как Вы оцениваете условия для совершения крупных покупок?

⁷ The Conference Board Consumer Confidence Index. URL: <https://www.conference-board.org/data/consumerconfidence.cfm> (дата обращения: 13.11.2018 г.).

⁸ Частные индексы рассчитываются на основе сведения баланса оценок респондентов (в процентах) по соответствующему вопросу анкеты. Баланс оценок представляет собой разность между суммой долей (в процентах) определенно положительных и ½ от числа скорее положительных ответов и суммой долей (в процентах) определенно отрицательных и ½ от числа скорее отрицательных ответов. Нейтральные ответы не принимаются во внимание.

ется индикатором степени потребительского пессимизма и оптимизма для каждой страны. Выборка разбита по половозрастным квотам для каждой страны и взвешена для достижения репрезентативности интернет-потребителей⁹.

В целом все вышеперечисленные методики изучения настроений потребителей различаются перечнем вопросов, включённых в опросный лист и используемых для определения обобщающих индексов, применением в ходе проведения расчетов различных алгоритмов взвешивания вариантов ответов респондентов, а также количественными границами изменения получаемых индексов. При этом методологическая база для изучения намерений, настроений и поведения потребителей с использованием социологических данных, осуществляемого различными национальными и международными исследовательскими структурами, была заложена именно в методике Мичиганского университета по расчёту индекса потребительских настроений.

Исходя из этого данная методика была взята на вооружение и с конца 1990-х годов успешно применяется Вологодским научным центром РАН для изучения потребительских настроений населения в рамках мониторинга общественного мнения на территории Вологодской области.

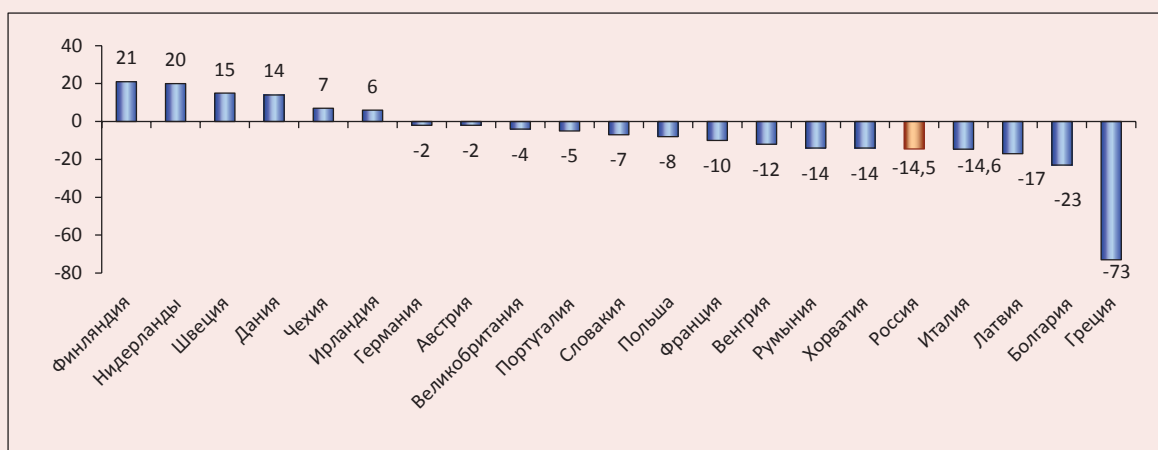
Немаловажную роль при выборе методологического подхода сыграл и факт многолетних регулярных измерений, выполняемых автономной некоммерческой организацией «Аналитический центр Юрия Левады» в масштабах страны, что обеспечивает возможность проводить сравнения региональных и общероссийских тенденций по сопоставимой методике.

Основные тенденции потребительских настроений в России и Вологодской области

Перейдём к конкретным результатам и характеристике основных тенденций потребительских настроений в России и Вологодской области.

По данным Евростата и Росстата, среди европейских стран, проводящих обследования потребительских настроений по сопоставимой методологии, Россия в 2017 г. занимала пятое место с конца рейтинга. Ниже её располагались страны с традиционно преобладающими пессимистичными настроениями населения – Греция и Болгария, а также Латвия и Италия. Наиболее благоприятными для жизни странами признаны Финляндия, Нидерланды, Швеция и Дания, в которых развита система социальной поддержки населения и высоки вложения в человеческий капитал (рис. 1).

Рис. 1. Индекс потребительской уверенности в России и ряде стран ЕС в 2017 г., пунктов



Источник: Россия – данные Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>; страны ЕС – данные Евростата. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/>

⁹ Nielsen’s Global Consumer Confidence Trend Tracker. URL: <https://www.nielsen.com/consumerconfidence> (дата обращения 11.10.2018).

По данным Международного института маркетинговых и социальных исследований GfK Rus, осуществляющего расчёты индекса потребительских настроений по методике Мичиганского университета, за период с 2008 по 2017 г. как в целом по России, так и во всех федеральных округах наблюдались аналогичные тенденции изменения ИПН. Его существенное падение отмечалось в условиях мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и структурного кризиса 2014–2015 гг. (табл. 4). В 2017 г. индекс потребительских настроений населения во всех макрорегионах России, за исключением Дальневосточного и Северо-Западного федеральных округов, превысил отметку в 100 пунктов¹⁰.

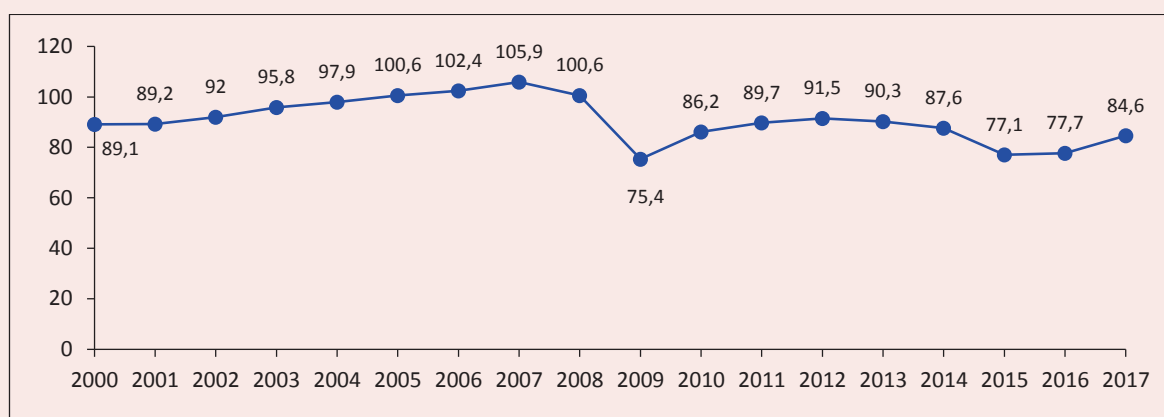
Данные регионального мониторинга ВолНЦ РАН во многом коррелируют с общероссийскими показателями. На протяжении периода с 2000 по 2017 г. (за исключением временного отрезка с 2005 по 2008 г.) индекс потребительских настроений населения Вологодской области располагался ниже нейтральной отметки 100 пунктов, что свидетельствует о преобладании негативных оценок населения в отношении собственного уровня и качества жизни и неуверенности в перспективах развития экономики (рис. 2). Наиболее существенная негативная динамика ИПН отмечалась в кризисном 2009 году (индекс упал до отметки 75 пунктов) и 2015 году (77 пунктов). В 2017 г. наблюдалась

Таблица 4. Индекс потребительских настроений в макрорегионах России, пунктов

Макрорегион	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Россия (в целом)	85	91	106	107	113	113	95	84,5	83,4	103,2
Северо-Западный	83	100	106	122	113	106	109	73,3	78,6	98,8
Центральный	81	88	96	95	111	109	92	88,5	84,8	107,4
Южный	74	90	106	96	116	108	105	81,8	78,4	104,4
Поволжье	81	85	103	102	110	113	99	85,3	83,4	105,2
Урал	71	94	107	118	117	121	108	92,0	85,8	108,0
Сибирь	83	97	105	110	119	113	98	88,3	77,4	103,0
Дальний Восток	77	93	105	109	128	94	91	71,3	77,2	99,6
Северный Кавказ	–	–	119	110	113	130	115	88,5	98,6	105,8

Источник: данные Международного института маркетинговых и социальных исследований GfK-Rus. URL: <https://www.gfk.com/ru/> (дата обращения: 11.10.2018).

Рис. 2. Динамика индекса потребительских настроений в Вологодской области, пунктов



Источник: данные мониторинга ВолНЦ РАН.

¹⁰ Время больших надежд [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/vremja-bolshikh-nadezhd/> (дата обращения: 26.10.2018 г.)

тенденция повышения потребительской активности населения региона: по сравнению с уровнем 2016 г. индекс потребительских настроений увеличился на 6 пунктов (с 78 до 85 п.).

Помимо сводного ИПН самостоятельный интерес представляют и его компоненты, позволяющие анализировать отдельные составляющие комплексного процесса формирования и реализации конечного потребительского спроса. Хотя все составляющие ИПН характеризуют с разных сторон одни и те же процессы, происходящие в экономике, и отношение к ним населения, каждый из этих компонентов привносит что-то новое [29].

«Первичные» частные составляющие ИПН можно разделить на две группы: 1) индексы текущего состояния (текущие компоненты), к которым относятся индекс текущего личного материального положения и индекс целесообразности совершения крупных покупок, и 2) индексы потребительских ожиданий (компоненты ожиданий), а именно индекс перспектив личного материального положения и индексы краткосрочных (на 1 год) и долгосрочных (на 5 лет) перспектив развития экономики страны.

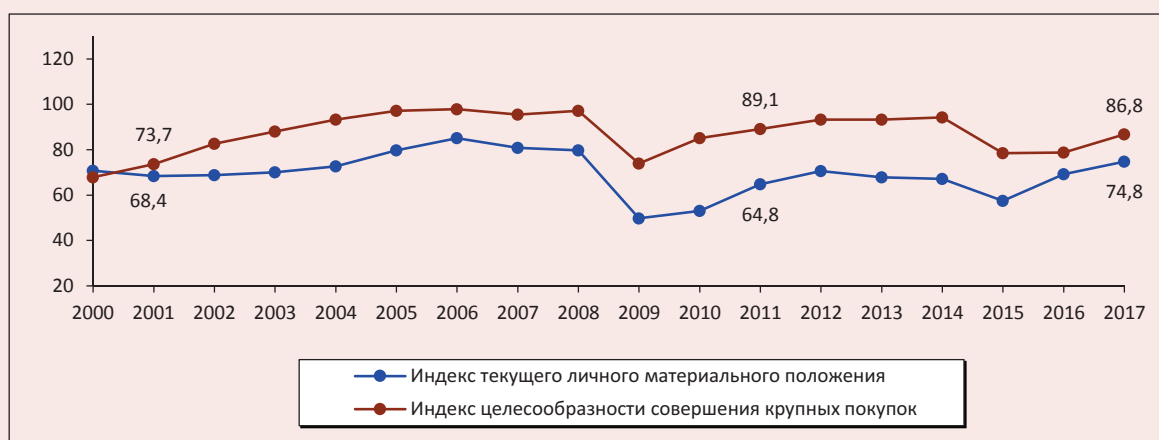
Обращаясь к текущим компонентам, мы можем наблюдать полную синхронизацию динамики этих двух частных индексов (рис. 3). Наиболее существенные падения отмечались в 1998–1999 гг. (на 28 и 14 пунктов соответствен-

но), в 2008–2009 гг. (на 30 и 23 пункта), в 2014–2015 гг. (на 9 и 15 пунктов). В 2016–2017 гг. ситуация начала меняться к лучшему, но говорить об устойчивом росте пока преждевременно ввиду сохраняющейся экономической и политической нестабильности и неопределённости перспектив.

Анализ входящих в состав ИПН компонентов ожиданий корректно сравнить между собой в двух срезах: с одной стороны, ожиданий в отношении «личного» и «общественного», временной горизонт которых одинаков (на год); с другой стороны, оценок «общественных перспектив» (через год и через пять лет), т.е. кратко- и долгосрочных ожиданий развития экономики страны (рис. 4).

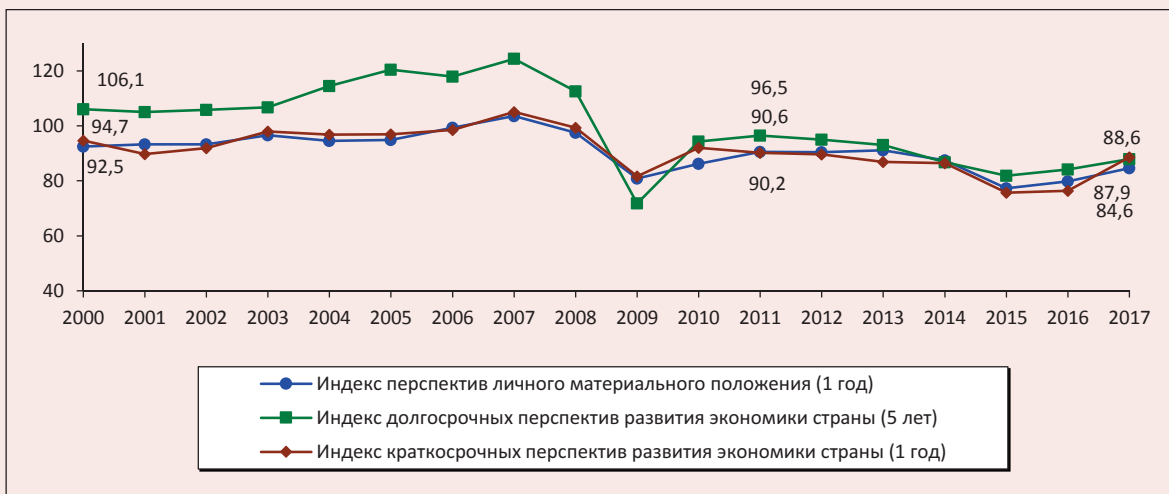
Годовые ожидания в отношении собственного материального положения и экономического положения в стране достаточно близки между собой – соответствующие индексы практически совпадают. Что касается оценок общественных перспектив на год и на пять лет, то здесь хотелось бы отметить следующее. Во-первых, синхронность динамики двух кривых, отражающих кратко- и долгосрочные экономические ожидания потребителей. Во-вторых, заметный разрыв между двумя индексами: уровень оценок населением пятилетних перспектив экономического развития страны на протяжении всего наблюдаемого периода остаётся существенно выше годовых ожиданий. Кроме

Рис. 3. Динамика индексов текущего состояния, пунктов



Источник: данные мониторинга ВолНЦ РАН.

Рис. 4. Динамика индексов потребительских ожиданий, пунктов



Источник: данные мониторинга ВолНЦ РАН.

того, это единственный индекс сводного ИПН, значения которого наиболее близки к пороговой отметке в 100 пунктов, а порой и превышают её. Такая ситуация объясняется не только национальными традициями веры в «светлое будущее», но и вполне «прозаическими» причинами, связанными с реалиями настоящего, — низкими уровнем и качеством жизни значительной части населения региона, отсутствием ощущения стабильности и т.д.

Таким образом, основные тенденции индекса потребительских настроений и составляющих его частных индексов в регионе, свидетельствующие о сходной динамике представленных показателей, позволяют говорить о взаимосвязи восприятия текущего состояния и перспективных ожиданий. При этом долгосрочные прогнозы относительно развития экономики страны выглядят более оптимистичными, чем оценки текущего состояния и ближайших перспектив.

Влияние макроэкономических индикаторов на настроения потребителей

Как синтетический показатель, ИПН отражает широкий спектр явлений и процессов общественной жизни страны и региона — сугубо экономических, политических, социальных и иных.

Поскольку изменения потребительских настроений населения могут оказывать существенное влияние на экономику регионов и

страны в целом, возникает необходимость определения факторов, воздействующих на настроения потребителей. Очевидно, что настроение человека как потребителя формируется прежде всего под влиянием экономических факторов, точнее, тех, которые прямо или косвенно сказываются на его бюджете, покупательной способности, материальном потреблении: это общеэкономическая ситуация в регионе, отраслевая структура занятости, особенности региональной социально-экономической политики, государственная политика доходов, уровень инфляции, розничный товароборот и др.

Несомненным достоинством индексного метода является возможность применения математического инструментария для более углублённого анализа и оценки ситуации. В связи с этим для изучения влияния на потребительское поведение населения Вологодской области показателей, характеризующих её социально-экономическое развитие, уровень и качество жизни населения, нами был использован множественный регрессионный анализ.

В ходе исследования были построены и протестированы авторегрессионные модели с распределённым лагом (ARDL model) на основе данных статистики и социологических опросов за период с 2000 по 2017 г. Временные ряды были приведены к стационарному виду с помощью использования цепных темпов прироста

Таблица 5. Динамика частных составляющих ИПН (в % к предыдущему году)

Год	Индекс текущего личного материального положения, Y_{1t}	Индекс ожиданий изменения личного материального положения, Y_{2t}	Индекс целесообразности совершения крупных покупок, Y_{3t}	Индекс краткосрочных перспектив развития экономики страны (1 год), Y_{4t}	Индекс долгосрочных перспектив развития экономики страны (5 лет), Y_{5t}
2000	171,0	138,3	147,6	182,0	128,8
2001	96,6	99,8	108,5	99,0	94,7
2002	100,6	101,1	112,1	100,9	102,5
2003	101,7	103,5	106,5	100,8	106,6
2004	103,9	97,9	106,0	107,2	98,8
2005	109,6	100,3	104,1	105,2	100,2
2006	106,8	105,0	100,8	97,8	101,6
2007	94,9	104,0	97,5	105,5	106,6
2008	98,8	94,1	101,8	90,5	94,5
2009	62,4	83,0	76,0	63,8	82,3
2010	106,4	106,6	115,3	131,3	112,6
2011	122,3	105,1	104,6	102,3	98,0
2012	109,0	99,8	104,7	98,4	99,3
2013	96,2	101,7	100,0	98,0	97,0
2014	98,8	95,2	101,1	93,2	99,5
2015	85,7	88,3	83,2	87,2	94,7
2016	120,3	103,2	100,4	100,9	102,8
2017	108,1	106,0	110,2	115,9	104,4

Источник: данные мониторинга ВолНЦ РАН.

анализируемых показателей. Проверка на стационарность осуществлялась с помощью теста Дики – Фуллера (см. приложение).

Для проверки адекватности модели использовались несколько критериев: критерии проверки автокорреляции в остатках (Льюинг – Бокс), тесты на проверку нормальности распределения остатков (Шапиро – Уилк). Среди адекватных моделей выбиралась модель с наименьшим количеством параметров с помощью информационных критериев Акайка (AIC) и Шварца (BIC) [30].

Для анализа и визуализации данных использовались программный продукт R-Studio, электронные таблицы Ms Excel.

В качестве объясняемых переменных были взяты частные составляющие индекса потребительских настроений: индекс текущего личного материального положения (Y_{1t}), индекс ожиданий изменения личного материального положения (Y_{2t}), индекс целесообразности совершения крупных покупок (Y_{3t}), индекс краткосрочных перспектив развития экономики страны (1 год) (Y_{4t}), индекс долгосрочных перспектив развития экономики страны (5 лет) (Y_{5t}) (табл. 5).

В качестве объясняющих факторных переменных использовались макроэкономические индикаторы: реальные располагаемые денежные доходы (X_{1t}), оборот розничной торговли непродовольственных товаров (X_{2t}), оборот розничной торговли продовольственных товаров (X_{3t}), оборот розничной торговли (X_{4t}), индекс промышленного производства в Вологодской области (X_{5t}), индекс потребительских цен (X_{6t}) (табл. 6).

В результате выполнения проверки на мультиколлинеарность фактор X_{4t} (оборот розничной торговли, в % к соответствующему периоду предыдущего года в сопоставимых ценах) был исключён из рассмотрения, т.к. он имеет высокую взаимную коррелированность с другими объясняющими переменными (коэффициент корреляции выше 0,75):

Фактор	X_{1t}	X_{2t}	X_{3t}	X_{4t}	X_{5t}	X_{6t}
X_{1t}	1,00					
X_{2t}	0,66	1,00				
X_{3t}	0,71	0,45	1,00			
X_{4t}	0,81	0,84	0,86	1,00		
X_{5t}	0,64	0,29	0,56	0,50	1,00	
X_{6t}	0,27	-0,03	0,47	0,25	0,26	1,00

Таблица 6. Динамика показателей социально-экономического развития
 Вологодской области (в % к предыдущему году)

Год	Реальные располагаемые денежные доходы, X_{1t}	Оборот розничной торговли непродовольственных товаров, X_{2t}	Оборот розничной торговли продовольственных товаров, X_{3t}	Оборот розничной торговли, X_{4t}	Индекс промышленного производства, X_{5t}	Индекс потребительских цен, X_{6t}
2000	113,9	95,6	125,9	112,7	107,7	119,7
2001	103,9	115,1	108,5	111,0	99,5	115,4
2002	110,2	120,8	104,6	110,1	104,2	113,1
2003	108,3	108,8	107,3	107,9	103,3	113,1
2004	105,5	113,7	102,6	106,8	106,6	111,8
2005	106,4	117,7	94,6	103,7	105,9	111,3
2006	122,4	125,0	109,6	117,7	105,2	109,2
2007	109,6	119,4	115,6	117,2	103,0	112,7
2008	100,4	111,4	106,2	108,5	95,3	114,3
2009	90,0	89,4	89,1	89,4	90,5	107,2
2010	108,2	114,9	117,2	116,3	111,8	109,2
2011	100,9	113,8	102,8	107,9	105,6	105,7
2012	110,6	125,9	114,9	119,7	101,3	106,0
2013	105,6	103,5	100,1	101,7	102,5	107,2
2014	102,3	100,3	103,8	102,0	103,7	112,0
2015	97,2	87,4	92,5	90,3	102,6	112,0
2016	98,8	92,8	92,9	92,8	99,1	105,0
2017	92,2	104,6	104,2	103,6	101,0	102,2

Источник: данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области.
 URL: <http://vologdatast.gks.ru/>

В эконометрическом моделировании часто используется воздействие факторов на результирующую переменную, которое осуществляется не мгновенно, а с некоторым запаздыванием. В числе причин, по которым может происходить запаздывание, выделяют институциональные факторы, технологические и пр. Возникающий временной лаг может включать в себя следующие компоненты:

- время обработки информации;
- время передачи информации;
- время для выполнения принятого решения;
- время для получения видимого эффекта [31].

Инерционность выражается в том, что прошедшие события оказывают влияние на настоящие и будущие события.

В рамках нашего исследования в модель были включены также лагированные зависимые переменные X_{t-1} . Это вполне оправданно, так как на зависимую переменную влияют не только текущие значения объясняющего фак-

тора, но и его лаги, а именно потребительские настроения населения могут зависеть не только от макроэкономических индикаторов в текущем году, но и от показателей, взятых в предыдущие моменты времени.

Модель распределенных лагов может быть оценена с помощью обычного метода наименьших квадратов (МНК):

$$y_t = a + b_0 x_t + b_1 x_{t-1} + \varepsilon_t \quad (1)$$

Однако данную модель стоит отличать от авторегрессионной модели распределенных лагов (ARDL model):

$$y_t = a + b_0 x_t + b_1 y_{t-1} + b_2 x_{t-1} + \varepsilon_t \quad (2)$$

В модели (1) регрессоры не скоррелированы с ошибками, поэтому ее можно оценивать с помощью МНК. В модели (2) y_{t-1} включает в себя ε_{t-1} , поэтому вектор ошибок ε и матрица регрессоров X скоррелированы. Отсюда следует, что оценки МНК не являются несмещенными.

Применение МНК к моделям с распределённым лагом может быть затруднительно по следующим причинам:

- 1) в случае тенденции объясняющих переменных, что вызывает мультиколлинеарность факторов;
- 2) из-за автокорреляции остатков, так как регрессия строится на временных рядах.

Однако вышеназванные причины в настоящей работе были устранены путём приведения анализируемых временных рядов к стационарному виду с помощью использования цепных темпов прироста анализируемых индексов и макроэкономических факторов.

В процессе исследования тестировалось несколько авторегрессионных моделей с распределённым лагом на основе данных за период с 2000 по 2017 г. Построенные модели отражают зависимость потребительских настроений на-

селения Вологодской области от показателей, характеризующих её социально-экономическое развитие, уровень и качество жизни населения.

Результаты выполненного моделирования приведены в *таблице 7*.

Судя по данным эконометрического анализа, на индексы текущего состояния (индекс текущего личного материального положения и индекс целесообразности совершения крупных покупок) положительное влияние оказал индекс оборота розничной торговли непродовольственными товарами в текущем периоде и обратное влияние – в предыдущем периоде. Это связано с тем, что если продажи непродовольственных товаров за год существенно возросли, то население скорее всего оценит такую ситуацию как благоприятную с точки зрения собственного материального благополучия и покупки товаров длительного пользования. От-

Таблица 7. ARDL модели зависимости потребительских настроений населения от показателей, характеризующих социально-экономическое развитие региона

Факторы	Индекс текущего личного материального положения, Y_1	Индекс ожиданий изменения личного материального положения, Y_2	Индекс целесообразности совершения крупных покупок, Y_3	Индекс краткосрочных перспектив развития экономики страны, Y_4	Индекс долгосрочных перспектив развития экономики страны, Y_5
X_{1t}					
X_{1t-1}					
X_{2t}	0,71**		0,68***	0,41	
X_{2t-1}	-0,58**		-0,38*	-0,44*	
X_{3t}		0,61*			0,33*
X_{3t-1}					-0,23*
X_{4t}					
X_{4t-1}					
X_{5t}		0,81		1,72**	0,65*
X_{5t-1}	2,17***				
X_{6t}	-1,31*				
X_{6t-1}					
Y_{t-1}	-0,41**				
R² - коэффициент детерминации	0,58	0,77	0,79	0,87	0,90
N – число наблюдений	17	17	17	17	17
Автокорреляция в остатках (тест Льюинга-Бокса)	X-squared = 2,1011, p-value = 0,1472 Отсутствует	X-squared = 0,24791, p-value = 0,6185 Отсутствует	X-squared = 3,0495, p-value = 0,08076 Отсутствует	X-squared = 4,1919, df = 2, p-value = 0,123 Отсутствует	X-squared = 0,26768, p-value = 0,6049 Отсутствует
Нормальность распределения остатков (тест Шапиро-Уилка)	W = 0,98878, p-value = 0,998 Присутствует	W = 0,92019, p-value = 0,1303 Присутствует	W = 0,96117, p-value = 0,6536 Присутствует	W = 0,93633, p-value = 0,2772 Присутствует	W = 0,9679, p-value = 0,7808 Присутствует

* , ** , *** – значимость на 10-ти, 5-ти, 1%-м уровне соответственно.

рицательная зависимость поддается интерпретации, если обратить внимание на специфику взаимодействия условий для покупки товаров длительного пользования и сбережений населения. В России для осуществления дорогостоящей покупки в большинстве случаев необходимо сформировать определенные денежные накопления, поэтому увеличение объемов продаж непродовольственных товаров в прошлом году отрицательно влияет на настроения в текущем году.

Положительное влияние на индекс текущего материального положения оказывает также индекс промышленного производства, а отрицательно воздействует рост цен (ИПЦ). Это объясняется тем, что реальные события в экономике (рост производства, инфляционные процессы) влияют на материальное положение потребителей, отражаются в их сознании, что в конечном итоге проявляется в динамике соответствующего индекса.

Индексы потребительских ожиданий (индекс ожиданий изменения личного материального положения, индексы краткосрочных и долгосрочных перспектив развития экономики страны) находятся под воздействием изменения тех же макроэкономических индикаторов (оборот розничной торговли, индекс промышленного производства и индекс потребительских цен). Это во многом обусловлено инерционностью ожиданий потребителей, определением динамики их ожиданий динамикой оценок прошлого, т.е. перенесением тенденций, отмеченные в прошлом, на будущее.

В целом анализ связи компонентов индекса потребительских настроений с реальными показателями макроэкономического развития региона позволяет сделать вывод, что такая связь присутствует и является достаточно существенной. Это свидетельствует об адекватности восприятия населением происходящих в экономике событий и о чуткой реакции на их изменения.

Выводы

Конструирование и использование индексов как обобщающих (интегральных) показателей может в достаточной мере обеспечить комплексное представление сложных социальных и экономических явлений и процессов.

Индексный подход, выступающий эффективным инструментом обработки социологической информации, предоставляет ряд уникальных возможностей для изучения и оценки потребительских настроений населения территории.

Во-первых, расчёт интегральных индексов позволяет получить информацию о динамике оптимизма населения в отношении экономического и социального развития региона или страны в целом. Индексы показывают не абсолютные величины (т.е. распространённость) соответствующих оценок и мнений, а меру или степень их «позитивности» (знака) в каких-либо временных или групповых сопоставлениях [32]. Применение индексного метода помогает выявить соотношение позитивных и негативных настроений в обществе, зафиксировать «критические точки» в общественном мнении, проанализировать колебания и изменения индекса во времени, сопоставив его с другими происходящими в обществе социально-политическими и экономическими процессами [33].

Во-вторых, с помощью расчёта индексов по сопоставимой методологии можно проводить анализ потребительских настроений жителей различных территорий – стран, федеральных округов, отдельных регионов и осуществлять межрегиональные и межстрановые сравнения подобных настроений с целью оценки общей социально-экономической конъюнктуры, а также уровня и качества жизни населения определённой территории.

В-третьих, использование индексного подхода предоставляет исследователям широкие возможности применения математического инструментария для моделирования данных официальной статистики и социологических опросов и более углублённого анализа и оценки ситуации. Сочетание индексного подхода с математическими методами и приёмами позволяет выявлять факторы, влияющие на массовое сознание потребителей, а это, в свою очередь, помогает прогнозировать изменения потребительской активности населения и экономического развития территории.

Кроме того, по сравнению с макроэкономическими индикаторами, предоставляемыми органами официальной статистики и характери-

зующими внешние условия для действий потребителей, индексы и их компоненты могут быть получены более оперативно. Поэтому индексы служат уникальными индикаторами для проведения независимой негосударственной экспертизы экономической политики государства и реализации комплексного подхода к оценке эффективности государственного управления [34].

Проведённый в ходе исследования анализ динамики ИПН и составляющих его частных индексов на общероссийском и региональном уровне за период с 2000 по 2017 г. позволяет сделать вывод о том, что в периоды ускоренных социально-экономических трансформаций, в частности экономических кризисов, подобные индексы оперативно реагируют на изменения общественной среды, объективно отражая и в определённой мере прогнозируя развитие событий.

В результате проведённого нами регрессионного анализа была установлена достаточно

существенная взаимосвязь компонентов индекса потребительских настроений населения с реальными показателями макроэкономического развития региона (оборот розничной торговли, индекс промышленного производства, индекс потребительских цен). Это даёт основания утверждать, что изменения экономической конъюнктуры, отражаясь в настроениях, оценках, ожиданиях, намерениях населения, влияют на потребительскую активность, выбор и изменение потребительских стратегий населения, что, в свою очередь, непосредственно воздействует на экономическое развитие территории.

Использование рассмотренных индексов в исследованиях потребительского поведения населения предоставляет редкую возможность учёта психологических факторов при моделировании и прогнозировании экономики, что помогает вовремя уловить тенденции социально-экономической ситуации и, исходя из этого, внести коррективы в управление экономическими процессами.

Приложение

Модели множественной регрессии индекса текущего личного материального положения (в % к предыдущему году) и макроэкономических показателей

```
Call:
lm(formula = Y1 ~ Lag(Y1, 1) + Lag(X2, 1) + X2 + Lag(X5, 1) +
    X6, data = Book)

Residuals:
    Min       1Q   Median       3Q      Max
-12.4490  -4.4532   0.1003   3.9037  10.8546

Coefficients:
            Estimate Std. Error t value Pr(>|t|)
(Intercept)  49.4573    60.3880   0.819  0.430178
Lag (Y1, 1)  -0.4085     0.1082  -3.774  0.003078 **
Lag (X2, 1)  -0.5780     0.1642  -3.521  0.004788 **
X2           0.7121     0.1661   4.287  0.001283 **
Lag (X5, 1)  2.1674     0.4752   4.561  0.000815 ***
X6          -1.3066     0.4923  -2.654  0.022415 *
---
Signif. codes:  0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Residual standard error: 6.992 on 11 degrees of freedom
(1 observation deleted due to missingness)
Multiple R-squared:  0.8145, ..... Adjusted R-squared:  0.7301
F-statistic: 9.658 on 5 and 11 DF,  p-value: 0.0009655
```

Тесты на автокорреляцию и нормальность распределения остатков

Box-Ljung test

data: residuals(m1)
X-squared = 2.1011, df = 1, p-value = 0.1472

Shapiro-Wilk normality test

data: residuals(m1)
W = 0.98878, p-value = 0.998

Модели множественной регрессии ожиданий изменения личного материального положения (в % к предыдущему году) и макроэкономических показателей

Call:

lm(formula = Y2 ~ X3 + X5, data = Book)

Residuals:

Min	1Q	Median	3Q	Max
-9.768	-5.116	-1.357	2.468	17.314

Coefficients:

	Estimate	Std. Error	t value	Pr(> t)
(Intercept)	-45.4117	35.8578	-1.266	0.2247
X3	0.6055	0.2220	2.728	0.0156 *
X5	0.8123	0.4213	1.928	0.0730 .

Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Residual standard error: 7.186 on 15 degrees of freedom
Multiple R-squared: 0.6255, Adjusted R-squared: 0.5756
F-statistic: 12.53 on 2 and 15 DF, p-value: 0.0006321

Тесты на автокорреляцию и нормальность распределения остатков

Box-Ljung test

data: residuals(m2)
X-squared = 0.24791, df = 1, p-value = 0.6185

Shapiro-Wilk normality test

data: residuals(m2)
W = 0.92019, p-value = 0.1303

Модели множественной регрессии индекс целесообразности совершения крупных покупок (в % к предыдущему году) и макроэкономических показателей

Call:

lm(formula = Y3 ~ Lag(X2, 1) + X2, data = Book)

Residuals:

Min	1Q	Median	3Q	Max
-11.212	-5.104	1.816	3.455	9.562


```

Coefficients:
      Estimate Std. Error t value Pr(>|t|)
(Intercept)  68.0563    17.6538   3.855 0.001750 **
Lag(X2, 1)   -0.3769     0.1413  -2.668 0.018389 *
X2           0.6840     0.1465   4.667 0.000363 ***
---
Signif. codes:  0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Residual standard error: 6.393 on 14 degrees of freedom
(1 observation deleted due to missingness)
Multiple R-squared:  0.619, ..... Adjusted R-squared:  0.5645
F-statistic: 11.37 on 2 and 14 DF,  p-value: 0.001166

```

Тесты на автокорреляцию и нормальность распределения остатков

```

Box-Ljung test

data: residuals(m3)
X-squared = 3.0495, df = 1, p-value = 0.08076

> shapiro.test(residuals(m3))

Shapiro-Wilk normality test

data: residuals(m3)
W = 0.96117, p-value = 0.6536

```

Модели множественной регрессии индекса краткосрочных (1 год) перспектив развития экономики страны (в % к предыдущему году) и макроэкономических показателей

```

Call:
lm(formula = Y4 ~ Lag(X2, 1) + X2 + X5, data = Book)

Residuals:
    Min     1Q  Median     3Q    Max
-9.245 -4.004 -1.888  4.888 13.300

Coefficients:
      Estimate Std. Error t value Pr(>|t|)
(Intercept) -72.4932    46.4455  -1.561 0.14257
Lag(X2, 1)   -0.4405     0.1720  -2.562 0.02367 *
X2           0.4008     0.2011   1.993 0.06766 .
X5           1.7232     0.4659   3.699 0.00268 **
---
Signif. codes:  0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Residual standard error: 7.38 on 13 degrees of freedom
(1 observation deleted due to missingness)
Multiple R-squared:  0.7617, ..... Adjusted R-squared:  0.7068
F-statistic: 13.85 on 3 and 13 DF,  p-value: 0.0002417

```

Тесты на автокорреляцию и нормальность распределения остатков

Box-Ljung test

data: residuals(m4)
X-squared = 4.1919, df = 2, p-value = 0.123

> shapiro.test(residuals(m4))

Shapiro-Wilk normality test

data: residuals(m4)
W = 0.93633, p-value = 0.2772

Модели множественной регрессии индекс долгосрочных (5 лет) перспектив развития экономики страны (в % к предыдущему году) и макроэкономических показателей

Call:

lm(formula = Y5 ~ Lag(X3, 1) + X3 + X5, data = Book)

Residuals:

	Min	1Q	Median	3Q	Max
	-4.6284	-2.2355	0.0751	2.1033	5.8870

Coefficients:

	Estimate	Std. Error	t value	Pr(> t)
(Intercept)	23.18491	24.77036	0.936	0.3663
Lag (X3, 1)	-0.22934	0.09464	-2.423	0.0307 *
X3	0.32766	0.12029	2.724	0.0174 *
X5	0.65088	0.21954	2.965	0.0110 *

Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Residual standard error: 3.498 on 13 degrees of freedom
(1 observation deleted due to missingness)

Multiple R-squared: 0.7714, Adjusted R-squared: 0.7186

F-statistic: 14.62 on 3 and 13 DF, p-value: 0.0001857

Тесты на автокорреляцию и нормальность распределения остатков

Box-Ljung test

data: residuals(m5)
X-squared = 0.26768, df = 1, p-value = 0.6049

> shapiro.test(residuals(m5))

Shapiro-Wilk normality test

data: residuals(m5)
W = 0.9679, p-value = 0.7808

Литература

1. Продовольственная безопасность региона / Т.В. Ускова, Р.Ю. Селименков, А.Н. Анищенко, А.Н. Чекавинский. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 102 с.
2. Россинская Г.М. К методологии анализа экономического поведения потребителя // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2007. № 6. С. 72-80.
3. Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии. М.: Nota Bene, 1999. 224 с.
4. Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М.: Прогресс, 1972. 607 с.
5. Ноэль Э. Массовые опросы. Введение в методику демоскопии. М.: Ава-Эстра, 1993. 272 с.
6. Суппес П., Зинес Дж. Основы теории измерений // Психологические измерения: сб. М.: Мир, 1967. С. 9-110.
7. Пфанцагль И. Теория измерения. М.: Мир, 1976. 248 с.
8. Толстова Ю.Н. Анализ социологических данных. Методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками. М.: Научный мир, 2000. 352 с.
9. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. М.: КДУ, 2009. 296 с.
10. Косолапов М.С. Классификация методов пространственного представления структуры исходных данных // Социологические исследования. 1976. № 2. С. 98-109.
11. Осипов Г.В., Андреев Э.П. Методы измерения в социологии. М.: Наука, 1977. 184 с.
12. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Прикладная социология: методология и методы: интерактивное учебное пособие. М.: Институт социологии РАН, 2011. 372 с.
13. Герасимова К.Г. Конструирование социологических индексов: опыт методической рефлексии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 1. С. 106-115.
14. Тихонова Н.Е., Давыдова Н.М., Попова И.П. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 120-130.
15. Мтиулишвили П.И. Индекс социальных настроений и показатели протестного потенциала населения // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 6. С. 55-64.
16. Красильникова М.Д. Интегральные показатели социального самочувствия // Вестник общественного мнения. 2011. № 13. С. 109-117.
17. Климова С.Г., Галицкая Е.Г., Галицкий Е.Б. Инновативное поведение на работе: опыт построения социологического индекса // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5. С. 5-15.
18. Дементьева И.Н. Опыт применения индексного метода в социологических исследованиях // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 4. С. 15-23.
19. Katona G. *Psychological Analysis of Economic Behaviour*. New York: McGraw-Hill, 1951. 383 p.
20. Katona G. *Psychological Economics*. New York: Elsevier, 1975. 398 p.
21. Curtin R. Consumer sentiment surveys: worldwide review and assessment. *Business Cycle Measurement and Analysis*, 2007, no. 11, pp. 1-37.
22. Camerer C.F., Loewenstein G., Rabin M. (Eds.). *Advances in Behavioral Economics*. Princeton University Press, 2011. 768 p.
23. Sent E.-M. Behavioral economics: how psychology made its (limited) way back into economics. *History of Political Economy*, 2004, vol. 36, no. 4, pp. 735-760.
24. Ибрагимова Д.Х., Николаенко С.А. Индекс потребительских настроений. М.: Поматур, 2015. 263 с.
25. Капелюшников Р. И. Поведенческая экономика и новый патернализм: препринт. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 76 с.
26. Красильникова М.Д. Изучение социальных настроений и потребительского поведения населения России // Проблемы прогнозирования. 2003. № 2. С. 124-134.
27. Гулин К.А., Новожилов С.А. Динамика потребительских настроений населения Вологодской области в 2000 г. // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2001. № 14. С. 29-40.
28. Гришина Е.Н, Трусова Л.Н. Оценка потребительских ожиданий и потребительского настроения населения России // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2014. № 19. С. 188-191.

29. Дементьева И.Н. Потребительские настроения населения и их влияние на экономическое развитие регионального сообщества // Псковский региологический журнал. 2018. № 1 (33). С. 40-52.
30. Айвазян С. А., Фанташцини Д. Эконометрика-2: продвинутый курс с приложениями в финансах. М.: ИНФРА-М, 2014. 944 с.
31. Сажин Ю.В., Иванова И.А. Эконометрика. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. 2014. 316 с.
32. Ильин В.А., Гулин К.А. Индекс потребительских настроений: тенденции и перспективы социально-экономического развития в оценках населения Вологодской области в 1997 году // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 1997. № 4. С. 73-93.
33. Шабунова А.А., Дементьева И.Н. О кризисе, потреблении и социальной политике государства // Проблемы развития территории. 2017. № 3 (89). С. 7-22.
34. Ильин В.А., Шабунова А.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 2 (32). С. 18-35.

Сведения об авторах

Ирина Николаевна Дементьева – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: irinika_74@mail.ru)

Марина Владиславовна Шаклеина – кандидат экономических наук, доцент кафедры, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские Горы, д.1, корп. 61; e-mail: shakleina.mv@gmail.com)

Dement'eva I.N., Shakleina V.M.

Applying the Index Method in the Research on Consumer Sentiment

Abstract. The index method is an effective tool to study and assess consumer sentiment in the given territory by calculating the aggregated consumer sentiment indices based on sociological data. Our paper discusses methodological approaches used in international practice to measure and evaluate consumer sentiment with the help of integrated indices; we also consider trends in the consumer sentiment index of residents of Russia and the Vologda Oblast. Using multiple regression analysis, we investigate the impact of macroeconomic indicators on consumer sentiment. The information base of the research is presented by the results of the public opinion monitoring conducted by Vologda Research Center of RAS (VolRC RAS), all-Russian analytical centers (Levada-Center, International Institute for Marketing and Social Research GfK Rus), as well as by the data of the Federal State Statistics Service (Rosstat) and the territorial office of the Federal State Statistics Service for the Vologda Oblast (Vologdastat). The basis of various methods used in the world practice to study consumer sentiment is formed by a technique developed in the 1950s by the Survey Research Center at the University of Michigan Institute for Social Research (USA). The technique involves constructing an aggregate consumer sentiment index and has become widespread in Russia; RAS Vologda Research Center has extensive experience in regional studies of consumer attitudes and behavior based on sociological data. The results of its regional monitoring largely correlate with the all-Russian indicators, but the consumer sentiment of the Vologda Oblast residents during the measurement period is less favorable than in Russia as a whole. At the same time, long-term forecasts for development of the Russian economy look more optimistic than the estimates of the current state and short-term prospects. Such macroeconomic indicators as the turnover of retail trade of food and non-food products, the dynamics of industrial production, the consumer price index and people's monetary incomes have a significant impact on the formation of consumer sentiment in the region. In general, the use of the indices in the studies of consumer behavior provides a rare opportunity to take into account psychological factors in the modeling and forecasting of the economy, which allows

us to detect trends of the socio-economic situation in time and, on this basis, to make adjustments to the management of economic processes.

Key words: consumer sentiment, index, autoregressive distributed lag model, socio-economic development, income, retail trade turnover.

Information about the Authors

Irina N. Dement'eva – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: irinika_74@mail.ru)

Marina V. Shakleina – Candidate of Sciences (Economics), associate professor at department, Lomonosov Moscow State University (1, building 61, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: shakleina.mv@gmail.com)

Статья поступила 03.12.2018.

Приоритеты бюджетного финансирования городов и районов Российского Севера*



Евгений Николаевич

ТИМУШЕВ

ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН

Сыктывкар, Республика Коми, Российская Федерация, 167982,

ул. Коммунистическая, д. 26

E-mail: evgeny_timushev@mail.ru

Аннотация. Анализируется феномен эффекта липучки – нетождественности прироста межбюджетного трансферта и эквивалентного прироста частных доходов для расходов бюджета – во взаимоотношениях бюджетов северных субъектов России и их местных бюджетов за 2013–2016 гг. Осуществляется сравнительная оценка реакции бюджета на изменение, с одной стороны, параметров частного сектора и, с другой стороны, параметров взаимоотношений с бюджетом другого уровня. Актуальность предлагаемого вниманию исследования межбюджетных отношений заключается в определении эффектов межбюджетного перераспределения и оптимальности расходов разных уровней бюджетной системы в текущей системе распределения расходных обязательств. Цель представленного исследования – нахождение последствий выделения нецелевых трансфертов из бюджетов субъектов Севера России с точки зрения формируемых в процессе межбюджетных отношений фискальных стимулов и создаваемых данными стимулами моделей поведения местных бюджетов. Для Республики Карелия и Сахалинской области найдено наличие эффекта липучки в межбюджетных отношениях регионального и местных бюджетов. В Архангельской области, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО, Камчатском крае,

* Автор хотел бы поблагодарить участников III Международной научно-практической интернет-конференции «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территории» и VI Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2018» (ИСЭ и ЭПС, г. Сыктывкар) за возможность представить начальные варианты работы, её обсуждение и ценные замечания.

Для цитирования: Тимушев Е.Н. Приоритеты бюджетного финансирования городов и районов Российского Севера // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 174–188. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.10

For citation: Timushev E.N. Priorities of budget financing of cities and regions of the Russian North. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 174–188. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.10

республиках Коми и Саха (Якутия) определено отсутствие эффекта липучки. Установлено, что местные бюджеты в Республике Карелия и Сахалинской области в относительно большей степени действуют в интересах регионального бюджета, с большей готовностью расширяя производство местных благ. В остальных региональных бюджетных системах местные бюджеты проводят относительно более гибкую фискальную политику, действуют в большей степени в интересах местного налогоплательщика, но за счёт сокращения общерегиональных благ. Предполагается, что в бюджетных системах субъектов с наличием эффекта липучки наблюдается более низкая дифференциация местных и общерегиональных расходов, препятствующая реализации преимуществ децентрализации, и повышенная неудовлетворенность величиной базовых услуг общественного сектора, снижающая потребность в локальной дифференциации. Показаны перспективные направления межрегиональных исследований. Найдено, что причины наличия эффекта липучки не могут быть обнаружены путем анализа традиционных показателей финансов и региональной экономики.

Ключевые слова: эффект липучки, Север, субъекты России, местные бюджеты, дотации.

Введение

В исследованиях по межбюджетным отношениям при изучении причин и последствий перераспределения бюджетных средств важное место принадлежит создаваемым у участников отношений фискальным стимулам мотивов поведения, формирующим основные параметры бюджетов (состав и структуру доходов и расходов). Анализ фискальных стимулов призван отразить результат балансирования положительных (например, выравнивание доходов бюджетов территорий) и отрицательных (дестимулирование увеличения налоговой базы) свойств трансфертов с точки зрения эффективности бюджетной системы.

Одним из способов анализа межбюджетных отношений является сравнительная оценка реакции бюджета (в части его фактических расходов) на изменение параметров частного сектора территории (частных доходов¹) и параметров взаимоотношений с бюджетом другого уровня (межбюджетных трансфертов). Феномен неотжественности прироста трансферта и эквивалентного прироста частных доходов для расходов бюджета получил название «эффект липучки» (по-другому его можно назвать эффектом высокой зависимости расходов от трансфертов).

С концептуальной точки зрения эффект липучки — это прирост расходов бюджета после

получения межбюджетного трансферта (как правило, нецелевого²), превышающий прирост, который мог бы быть вызван аналогичным по величине приростом частных доходов на данной территории, с учётом величины предельной склонности к потреблению местных общественных благ со стороны населения (см., например [1; 2; 3]). Ресурсы «прилипают» к бюджетной системе, в противовес теории неоклассической парадигмы, где органам власти, отстаивающим интересы репрезентативного избирателя-налогоплательщика, при получении трансферта было бы выгоднее снизить налоговую нагрузку, увеличив благосостояние населения [4].

Однако относительно самого факта наличия эффекта липучки в литературе нет однозначного мнения. Так, его существование отрицается по широкому ряду причин, в числе которых:

1. Появление стимула к снижению собственных доходов и соответствующему уменьшению общих расходов, которое идентифицируется явно [5] или с поправкой на эндогенность³ (поправкой на способность получателя влиять на параметры) трансферта [6]. Иными словами, происходит вытеснение собственных доходов бюджета межбюджетным трансфертом.

² Для бюджетной системы России — дотации.

³ Под эндогенностью параметров в целях данной работы понимается обратное влияние переменной, считающейся зависимой (Y), на переменную, считающуюся независимой (X).

2. Характер бюджетного ограничения получателя в случае целевого лимитированного трансферта [7].

3. Недоучёт в работах, указывающих на наличие эффекта липучки, пространственных факторов – взаимосвязанности параметров бюджетов расположенных рядом территорий [8].

С точки зрения методики анализа в аспекте возможности существования эффекта липучки при проведении эмпирического исследования важны работы, предлагающие корректную технику количественного оценивания эффекта [9; 10; 11].

С другой стороны, эмпирически показано, что если прирост расходов бюджета-получателя в результате прироста частных доходов оценивается примерно в 0,1 ед. [12; 13; 14], то диапазон изменения расходов на единицу трансферта может варьироваться от 0,25 до 1,06 [3]. Для нецелевых трансфертов стимулирующее влияние на расходы менее выражено (0,25–0,43 [15] или 0,4–0,5 [14]), и поэтому анализ их воздействия представляет особый интерес. Действительно, даже факт (частичного) вытеснения собственных доходов межбюджетным трансфертом в условиях эндогенности не гарантирует отсутствия эффекта липучки. Степень вытеснения зависит от особенностей объекта исследования – вида и условий использования трансферта, предпочтений относительно софинансируемой статьи расходов в случае целевого трансферта, состояния бюджета и социально-экономической ситуации в муниципалитете и иных обстоятельств [16; 17].

Основная область изучения и практического применения феномена эффекта липучки – общественные финансы. Однако он также исследуется в рамках теории общественного выбора [18], широко изучается в политической экономии межбюджетных отношений – в отношениях между уровнями бюджетной системы [19] и в политическом процессе на местном уровне [20; 21]. Считается, что на региональном уровне эффект липучки особенно выражен при софинансировании (в том числе в форме нецелевых трансфертов) важнейших полномочий местного бюджета [22].

Для бюджетной системы России методика эффекта липучки также использовалась, но с

различными модификациями методики количественной оценки. П. Кадочников и др. [23] использовали систему одновременных уравнений, где прирост расходов зависел от прироста трансферта. По данным за 1996–2000 гг. было найдено, что бо́льшая часть прироста федерального трансферта финансировала расходы бюджетов субъектов, получатель действовал в интересах бюджета-донора, то есть был выявлен эффект липучки. Л. Фрейнкман и А. Плеханов [24] используют аспект данной концепции применительно к мере децентрализации нижестоящих бюджетов. Ими подтверждена гипотеза отрицательного влияния межбюджетных трансфертов с точки зрения снижения децентрализации (роста централизации) бюджетной системы России, на данных за 1996–2001 гг. В [25] использовалась линейная регрессия в рамках общей схемы, применённой в данной работе, с ВРП субъектов России как индикатором дохода. По данным за 1996–2006 гг. был сформулирован вывод о существовании эффекта липучки в отношениях федерального бюджета и бюджетов субъектов.

Таким образом, внимание отечественных исследователей, интересующихся поведением бюджета-получателя в результате получения межбюджетного трансферта, приковано к уровню отношений «федеральный бюджет – бюджет субъекта». В нашей работе метод эффекта липучки применяется на данных бюджетных систем десяти северных субъектов России (уровень «бюджет субъекта – бюджет города/района»). Расчёты были произведены для десяти северных субъектов России⁴.

Общий подход и актуальность анализа эффекта липучки

Методологически эффект липучки – это инструмент (концепция) анализа системы межбюджетных отношений через оценку применимости для данной системы предлагаемых теорией причин появления эффекта.

Основа количественных расчётов эффекта липучки – это оценка параметров зависимости

⁴ Архангельская область, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, Камчатский край, Республика Карелия, Республика Коми, Магаданская область, Мурманская область, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область. Из-за отсутствия данных из рассмотрения были исключены Чукотский и Ненецкий АО.

расходов от факторов дохода и трансферта (1), которая формулируется на основе функции полезности бюджета-получателя:

$$\begin{aligned} Expenditure_{it} &= \\ &= f(Private_Income_{it}, Transfer_{it}, X_{it}^J), \end{aligned} \quad (1)$$

где *Expenditure* – расходы бюджета;
Private_Income – переменная частных доходов;

Transfer – переменная межбюджетного трансферта;

X – вектор вспомогательных переменных.

Определяются и сравниваются значения частных производных переменной расходов:

$$\frac{dExpenditure}{dPrivate_Income} \vee \frac{dExpenditure}{dTransfer}. \quad (2)$$

Анализ эффекта липучки – аспект анализа проблемы оптимальной величины предложения общественных благ в экономической системе. Предоставление межбюджетного трансферта снижает величину общетерриториальных благ (расходы донора) с целью расширения предоставления локальных. Считается, что «потеря» первых превышает производство вторых в стоимостном выражении⁵ [26], но более эффективна в масштабе экономики в целом (в силу аргументов об эффективности децентрализации расходов, распределении налоговых полномочий и менее искажающем влиянии общетерриториальных налогов). *Идентификация* эффекта липучки свидетельствует о «компенсации» этой потери за счёт сектора производства частных благ и удовлетворении интересов бюджета-донора. *Отсутствие* эффекта свидетельствует о более гибкой (с потенциалом сокращения нагрузки) налоговой политике бюджета-получателя и потенциально большем учёте с его стороны интересов местного налогоплательщика, однако при этом финансовые ресурсы возвращаются обратно в частный сектор на величину, превышающую эффективный уровень. Таким образом, актуальность исследования межбюджетных отношений через инструментарий концепции эффекта липучки заключается в попыт-

⁵ Это происходит из-за механизма фискальной иллюзии, который вызывает рост цены единицы расходов, что вызывает снижение спроса на расходы, и сокращение прямых расходов.

ке понимания оптимальности относительной величины расходов разных уровней бюджетной системы в рамках той или иной модели распределения расходных обязательств. Также применение методики способно прояснить эффекты межбюджетного перераспределения в разрезе секторов (частный/общественный) и баланса интересов действующих лиц (налогоплательщик и бюджет-донор).

Теоретические факторы (причины возникновения) эффекта липучки можно кратко охарактеризовать следующим образом:

- сам теоретический посыл о невозможности эффекта липучки неверен, нетождественность влияния дохода и трансферта лишена исследовательского интереса (тема эффекта липучки теряет значительную степень актуальности);
- некорректная техника оценки фактических данных, ведущая к ложному выводу о наличии эффекта, который на самом деле отсутствует;
- недостаток полномочий и самостоятельности бюджетов – получателей трансфертов;
- местная налоговая политика не способна обеспечить оптимальный уровень налоговой нагрузки;
- потребность в расширении финансирования местных общественных благ со стороны той или иной группы акторов;
- феномен неполной информации, вызывающий фискальную иллюзию и действие в сторону неоптимального результата;
- особенности системы межбюджетных трансфертов – неадекватная оценка их характера получателем либо тонкости в дизайне распределения.

Методика оценки, источники данных

Цель исследования – определить последствия, возникающие в процессе выделения нецелевых трансфертов, на уровне бюджетов городов и районов северных субъектов России, в том числе фискальные стимулы.

Объект исследования – система межбюджетных отношений бюджетов субъектов России и бюджетов городских округов и районов.

Предмет исследования – влияние параметров оплаты труда в муниципальном образовании и получаемых местным бюджетом нецелевых межбюджетных трансфертов (дотаций) на расходы бюджета.

В данной работе традиционная модель расчётов эффекта липучки, с целью анализа межбюджетных отношений северных бюджетов субъектов России и их городов и районов (местных бюджетов), была модифицирована следующим образом:

$$E_{it} = A \times Payroll_{it}^{\alpha_1} \times Gen. Grant_{it}^{\alpha_2} \times PRICE_{it}^{\alpha_3} \times \prod_{j=4}^n (X_{it}^j)^{\alpha_j} \times \varepsilon_{it},$$

где E – расходы местного бюджета субъекта России;
 A – свободный член;
 $Payroll$ – годовая начисленная заработная плата работников организаций в муниципальном образовании;
 $Gen. Grant$ – общая величина дотаций, получаемых местным бюджетом;
 $PRICE$ – цена расходов, софинансируемых целевыми трансфертами, воспринимаемая получателем (по аналогии с методикой, применённой в [9]);
 X – вектор вспомогательных переменных:

$$X^j = \{R(Publ. Empl.); R(Elderly)\}.$$

Расшифровка вспомогательных переменных:
 $R(Publ. Empl.)$ – доля занятых в организациях государственной формы собственности,
 $R(Elderly)$ – доля населения территории старше трудоспособного возраста,
 Величины показателей берутся в расчёте на одного жителя в ценах 2016 г. (для Республики Коми – 2015 г.) путём индексации на годовой индекс потребительских цен.

К основным факторам расходов был добавлен фактор относительной цены, который является индикатором желания нести расходы, которые софинансируются через целевые трансферты. Например, чем выше доля целевых трансфертов в расходах местного бюджета и чем ниже предпочтительность софинансируемых статей расходов, тем выше цена целевых расходов местного бюджета. Также были учтены две вспомогательные переменные – доля государственного сектора и доля населения старших возрастов.

В качестве эконометрической техники применяется метод наименьших квадратов (МНК) для панельных данных с фиксированными (fixed effect model) или случайными эффектами (random effect model). Модель с фиксированными эффектами показывает вклад переменных

по сравнению с собственной базой отсчёта и фиксирует взаимодействие переменных с факторами необъяснённой вариации (ошибками); таким образом, перечень переменных, подлежащих оценке, может не быть исчерпывающим. Коэффициенты методики со случайными эффектами считаются более эффективными, но чаще оказываются смещёнными, так как обнаруживается их корреляция с вектором ошибок (тогда как требуется, чтобы в данной модели эффекты, не объяснённые явными переменными, были минимальны). Выбор в пользу конкретной модели осуществляется по результатам теста Хаусмана (Hausman test).

Расчёты осуществляются после линеаризации (3) через логарифмирование. Вклад фактора вычисляется через частные производные:

$$\frac{\partial E}{\partial Payroll} = \exp(\alpha_0) \times Gen. Grant^{\alpha_2} \times PRICE^{\alpha_3} \times \prod_{j=4}^n (X^j)^{\alpha_j} \times \alpha_1 \times Income^{(\alpha_1-1)},$$

$$\frac{\partial E}{\partial Gen. Grant} = \exp(\alpha_0) \times Payroll^{\alpha_1} \times PRICE^{\alpha_3} \times \prod_{j=4}^n (X^j)^{\alpha_j} \times \alpha_2 \times Gen. Grant^{(\alpha_2-1)}, \quad (4)$$

$$\frac{\partial E}{\partial PRICE} = \exp(\alpha_0) \times Payroll^{\alpha_1} \times Gen. Grant^{\alpha_2} \times \prod_{j=4}^n (X^j)^{\alpha_j} \times \alpha_3 \times PRICE^{(\alpha_3-1)}.$$

Основной период анализа – 2013–2016 годы. Выбор был обусловлен наличием/отсутствием информации о средней заработной плате в муниципальных образованиях. Для *Республики Коми* ввиду наличия данных были сделаны расчёты за 2006–2015 гг. и отдельно за 2013–2015 гг. (последнее – в целях сопоставимости с результатами по другим субъектам России). Отсутствие данных за 2016 г. и расширение горизонта на более ранние периоды позволяет сравнить значимость включения конкретного временного периода при межрегиональном сопоставлении. По *Магаданской и Мурманской областям* анализируемый период, напротив, был сужен (2013–2015 и 2013–2014 гг. соответственно) ввиду отсутствия данных о начисленной заработной плате.

Расчёты по местным бюджетам Республики Карелия были произведены в двух вариантах – в номинальных величинах (согласно статистике) и пересчитанных с учётом возможной ошибки представления, – так как были обнаружены аномальные величины расходов местных бюджетов Калевальского, Кондопожского и Медвежьего муниципальных районов в 2014 г. (на порядок выше, чем в среднем за 2006–2016 гг.).

Основной источник первичных данных – Росстат (база данных «Показатели муниципальных образований» (БД ПМО)). Данные по Республике Коми основаны на информации

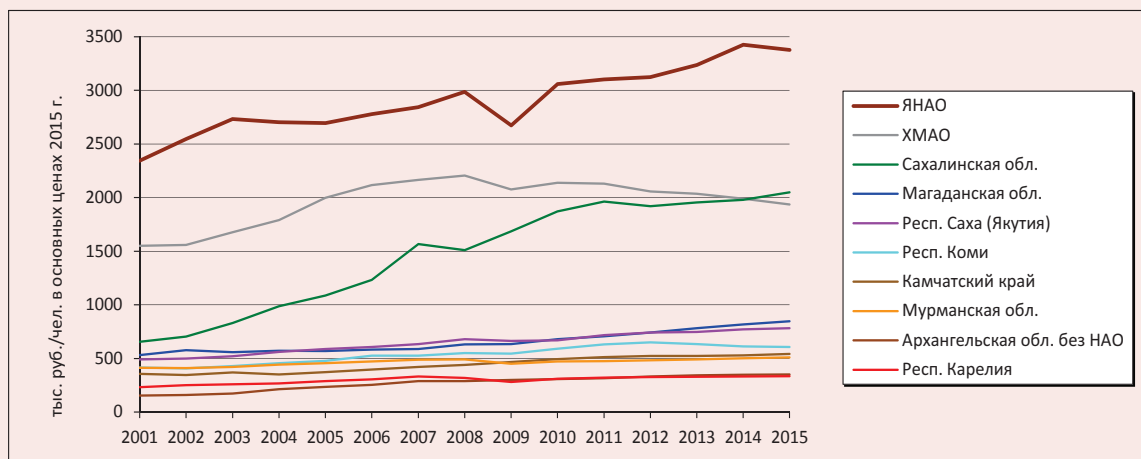
Минфина Коми (Отчёт об исполнении бюджета Республики Коми) и выпусков статистического ежегодника.

Для Республики Коми данные по величине дотаций – не фактические, а расчётные (инструментальная переменная), с целью уменьшения риска эндогенности (взаимного влияния между зависимой и независимой переменными). Расчёты по моделированию величин дотаций были проведены через МНК с фиксированными временными эффектами (time-specific fixed effect) по факторам бюджетной обеспеченности до выделения дотаций на выравнивание и доли населения старше трудоспособного возраста в муниципальных образованиях Республики Коми. Все величины по районам и городам в республике были также индексированы на величину индекса бюджетных расходов, публикуемого Минфином Коми, с целью нивелирования межмуниципальных различий и приведения величин в сопоставимый вид с учётом различий в уровне цен (издержек на оплату труда и коммунальные услуги) в муниципалитетах.

Предварительный анализ северных субъектов России

По величине валового регионального продукта (ВРП) из состава анализируемых субъектов выделяются оба автономных округа Уральского федерального округа России и Сахалинская область (рис. 1). Остальные семь субъектов

Рис. 1. Валовой региональный продукт



Примечание. Индексировано на индекс физического объема ВРП.

Источник: Росстат.

располагаются сравнительно недалеко друг от друга. Почти для всех субъектов характерен слабый восходящий тренд, за исключением ХМАО и Республики Коми, где удельные величины ВРП стали уменьшаться с 2011 и 2013 гг. соответственно.

По показателю начисленной заработной платы между рассматриваемыми субъектами существует гораздо меньшая дифференциация, чем по ВРП, при этом динамика менее однозначная (рис. 2). Субъекты азиатской части России и экономически развитые автономные округа (ХМАО и ЯНАО) существенно опережают по показателям субъекты Европейского Севера РФ.

Таким образом, предварительный анализ северных субъектов России указал на доминирование автономных округов Уральского федерального округа и Сахалинской области по уровню экономического развития в терминах валового регионального продукта и на отстающий характер европейских регионов по величине удельной заработной платы.

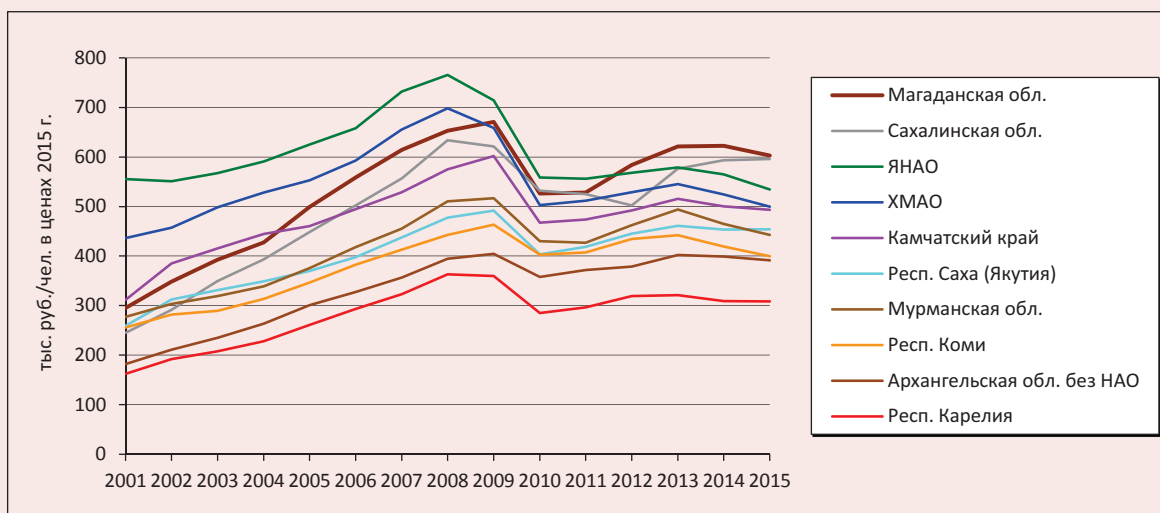
Анализ по большему числу факторов (см. примечание к рис. 3) позволил произвести группировку (кластеризацию) рассматриваемых субъектов России. При приближении на уровне пяти стандартизированных (показате-

ли нормированы на величину их стандартного отклонения) единиц расстояния между субъектами (что составляет около половины общего стандартизированного расстояния) отчётливо выделяются три группы бюджетных систем (рис. 3). Они совпадают с группировкой по географическому признаку. Экономически развитые ХМАО и ЯНАО, субъекты Европейского Севера России и азиатские северные регионы являются примерно однородными в рамках соответствующих групп (кластеров) по показателям общественных финансов и региональной экономики.

При более глубоком анализе (на уровне четырёх стандартизированных единиц расстояния) Сахалинская область образует отдельную (четвёртую) группу.

Средняя величина нецелевого межбюджетного трансферта из регионального бюджета во всех субъектах РФ выше медианы, за исключением Архангельской области (табл. 1). Таким образом, разброс величины трансфертов в верхней части ряда выше, чем в нижней. Об этом же свидетельствует положительный коэффициент асимметрии. Отрицательный коэффициент эксцесса, свойственный большинству субъектов, говорит об относительно высоком разбросе удельной величины дотаций.

Рис. 2. Годовая начисленная заработная плата



Примечание. Индексировано на индекс потребительских цен.

Источник: Росстат.

Рис. 3. Группировка анализируемых северных субъектов РФ



Примечание. Усреднённые расстояния по стандартизированным величинам показателей. Анализируемые показатели (данные за 2006–2015 гг.): параметры общественных финансов (расходы, дефицит, собственные доходы бюджета субъекта РФ) и макроэкономики на уровне региона (подушевой ВРП, средняя заработная плата, уровень безработицы, доля занятых в организациях государственной формы собственности, доля населения старше трудоспособного возраста, плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием). Первичные показатели приведены в сопоставимый вид, в том числе с учётом нивелирования межрегиональных различий через индекс бюджетных расходов (ИБР).

Таблица 1. Описательная статистика показателя дотаций (Gen.Grant) в северных субъектах РФ

№ п/п	Субъект	Min	Max	Среднее	Медиана	Ст. откл.	К вариации	25-квантиль*	75-квантиль*	Интерквартильный размах**	К эксцесса	К асимметрии
1.	Архангельская обл.	0,0	5,6	2,0	2,1	1,5	0,73	0,6	2,9	2,3	-0,56	0,32
2.	ХМАО	0,0	44,1	11,4	8,1	10,6	0,93	2,5	16,5	14,0	0,75	1,10
3.	ЯНАО	3,2	196,2	62,2	43,8	52,7	0,85	23,5	84,9	61,4	0,06	1,10
4.	Камчатский край	1,0	137,3	46,4	36,0	35,3	0,76	23,9	57,9	34,0	-0,12	0,85
5.	Респ. Карелия	0,0	3,0	0,7	0,5	0,8	1,09	0,0	1,1	1,1	-0,08	0,99
6.	Респ. Карелия (без аномально высоких данных за 2014 г.)	0,0	3,0	0,7	0,5	0,8	1,08	0,0	1,1	1,1	-0,08	0,99
7.	Респ. Коми (2006–2015)	1,2	14,9	7,2	6,9	3,1	0,44	5,0	8,9	3,9	-0,32	0,41
8.	Респ. Коми (2013–2015)	1,2	14,9	6,9	6,3	3,4	0,50	4,8	8,1	3,3	-0,29	0,69
9.	Магаданская обл.	2,2	61,1	21,5	18,6	13,6	0,63	13,5	24,9	11,4	0,99	1,10
10.	Мурманская обл.	0,4	46,8	11,4	4,8	15,2	1,33	0,6	13,8	13,2	0,34	1,35
11.	Респ. Саха (Якутия)	0,0	87,7	36,7	35,6	20,0	0,54	26,9	47,0	20,1	-0,28	0,16
12.	Сахалинская обл.	0,8	65,9	25,1	24,2	14,5	0,58	12,6	33,8	21,2	-0,14	0,50

Примечание. В сопоставимых величинах (на одного жителя в ценах 2016 г. (для Республики Коми – 2015 г.)), но без учёта межрегиональных различий.

* 25-квантиль и 75-квантиль – величина показателя, которая ограничивает сверху 25% (75%) расположенных по возрастанию величин совокупности (величина показателя, не превышаемая с вероятностью 25% (75%)).

** Интерквартильный размах – разница 75-квантиля и 25-квантиля, характеризует разброс величины вокруг медианы.

Источники: Росстат (база данных «Показатели муниципальных образований»); расчёты автора.

В Карелии и Мурманской области наблюдается высокая вариация величины трансфертов для местных бюджетов. В Мурманской области это можно объяснить единичными случаями выделения трансфертов с экстремально высокими величинами (большая разница средней и медианы). Данные субъекты, наряду с Архангельской областью, в целом характеризуются относительно небольшими величинами дотаций, выделяемых региональным бюджетом соответствующего субъекта РФ (показатель 25-квантиль). Местным бюджетам Карелии выделяются наименьшие удельные трансферты среди рассматриваемых субъектов.

Результаты

Выбор в пользу конкретной модели оценки коэффициентов согласно (3) по панельным данным осуществляется по предварительно оценённым параметрам панельных регрессий через тест Хаусмана (Hausman test) (табл. 2). Оценки по модели со случайными эффектами (random effect model) более эффективны, однако чреваты появлением смещённых коэффициентов. Объясняющая сила построенных уравнений зависимости оказалась относительно высокой, за исключением регрессий по республикам Карелия (по номинальным первичным данным), Коми (за 2013–2015 гг.) и Саха (Якутия) (табл. 3).

Все результаты с отрицательным знаком коэффициента регрессии при переменной дотаций (*Gen.Grant*) оказались статистически незначимыми. В противном случае это могло свидетельствовать о негативном фискальном стимуле для получателя, отрицательном эффекте межбюджетных отношений между региональным и местными бюджетами и общей потере благосостояния.

В большом числе случаев влияние трансферта на расходы оказалось незначимым: Архангельская область, ХМАО, Республика Коми (2013–2015 гг.), Магаданская и Мурманская области и Республика Саха (Якутия); табл. 4). Соответственно здесь эффект липучки не зафиксирован. В отношении Магаданской и Мурманской областей можно сделать вывод, что вынужденное сужение периода наблюдения с большой степенью вероятности приводит к результатам, близким к незначимым с точки зрения их достоверности.

Вклад дотаций в формирование расходов местных бюджетов (ощутимый, но меньший по величине в сравнении с вкладом переменной, играющей роль индикатора частных доходов) зафиксирован в ЯНАО, Камчатском крае и Республике Коми (2006–2015 гг.). Здесь эффект липучки также не зафиксирован.

Таблица 2. Результаты Hausman test по панельным данным северных субъектов

№ п/п	Субъект	Хи-квадрат*	P-Value**	Выбор в пользу модели панельной регрессии
1.	Архангельская область	37,502	0,000***	Fixed effect model
2.	Ханты-Мансийский АО	74,276	0,000***	Fixed effect model
3.	Ямало-Ненецкий АО	12,265	0,031**	Fixed effect model
4.	Камчатский край	11,528	0,042**	Fixed effect model
5.	Республика Карелия	3,262	0,660	Random effect model
6.	Республика Карелия (без anomalно высоких данных за 2014 г.)	7,000	0,200	Random effect model
7.	Республика Коми (2006–2015)	10,417	0,064*	Fixed effect model
8.	Республика Коми (2013–2015)	28,007	0,000***	Fixed effect model
9.	Магаданская область	8,440	0,134	Random effect model
10.	Мурманская область	7,853	0,165	Random effect model
11.	Республика Саха (Якутия)	64,804	0,000***	Fixed effect model
12.	Сахалинская область	8,531	0,129	Random effect model

* Статистика (табулированное распределение), используемая при тестировании.
 ** Вероятность того, что следует применить методику со случайными эффектами, в ед.
 Источник: расчёты автора.

Таблица 3. Коэффициенты панельных регрессий (методика (3))

№ п/п	Субъект	Модель регрессии	К-т при <i>Payroll</i>	К-т при <i>Gen.Grant</i>	К-т при <i>PRICE</i>	Свободный член	R ² (норм.)
1.	Архангельская область	Fixed effect ¹	1,16 (0,24)***	0,04 (0,03)	-1,03 (0,14)***	0	0,43
2.	Ханты-Мансийский АО	Fixed effect	0,61 (0,32)*	0,002 (0,02)	-0,93 (0,27)***	0	0,66
3.	Ямало-Ненецкий АО	Fixed effect	1,187 (0,50)**	0,193 (0,08)**	-2,61 (0,53)***	0	0,50
4.	Камчатский край	Fixed effect	0,75 (0,23)***	0,22 (0,06)***	-1,72 (0,23)***	0	0,57
5.	Республика Карелия	Random effect ²	1,05 (0,47)**	0,16 (0,09)*	-2,28 (1,29)*	-1,29 (2,04)	0,17
6.	Республика Карелия (без anomalно высоких данных за 2014 г.)	Random effect	0,57 (0,13)***	0,06 (0,02)**	-1,87 (0,27)***	1,33 (0,52)**	0,93
7.	Республика Коми (2006–2015)	Fixed effect	0,87 (0,12)***	0,08 (0,04)**	2,84 (1,01)***	0	0,52
8.	Республика Коми (2013–2015)	Fixed effect	1,15 (0,54)**	-0,03 (0,11)	-1,06 (3,62)	0	0,30
9.	Магаданская область	Random effect	-0,21 (0,26)	-0,04 (0,06)	-0,99 (0,35)**	5,06 (1,14)***	0,72
10.	Мурманская область	Random effect	0,23 (0,25)	0,04 (0,03)	-0,64 (0,33)*	6,73 (0,94)***	0,81
11.	Республика Саха (Якутия)	Fixed effect	0,37 (0,11)***	-0,01 (0,02)	-1,12 (0,11)***	0	0,33
12.	Сахалинская область	Random effect	0,255 (0,14)*	0,15 (0,04)***	-0,76 (0,17)***	5,11 (0,77)***	0,77

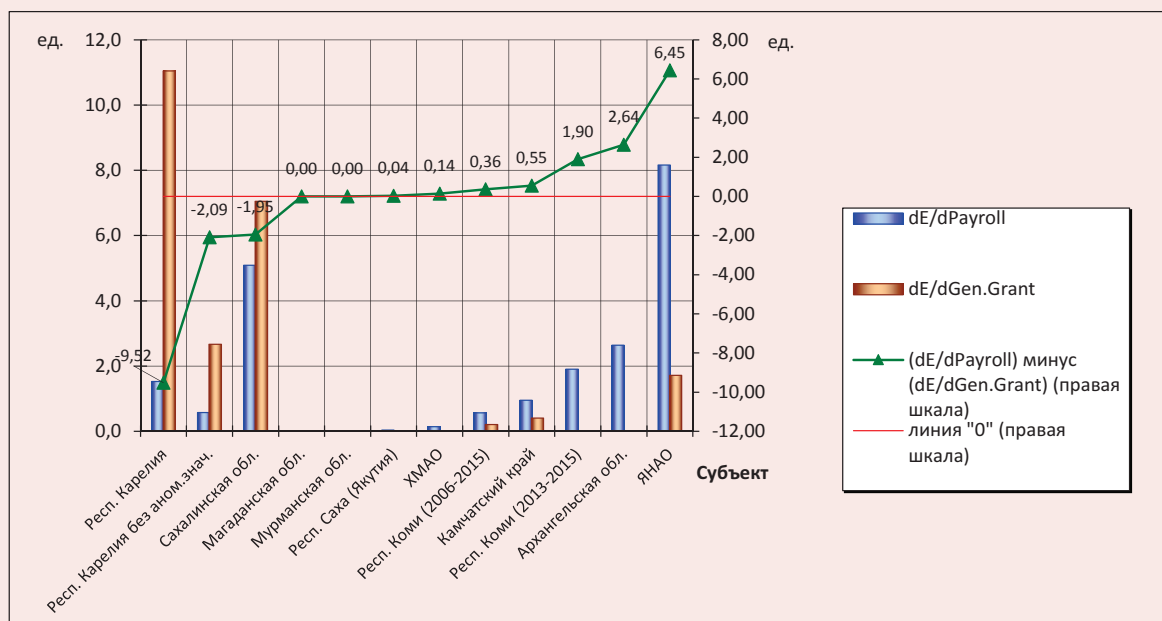
¹ Методика с фиксированными эффектами по муниципалитетам соответствующего субъекта РФ.
² Методика со случайными эффектами, с методикой оценки инструментальной переменной, разработанной учёными P. Swamy и S.S. Arora.
В скобках при коэффициенте – стандартная ошибка.
* Вероятность ошибки отклонения гипотезы о равенстве коэффициента регрессии нулю менее 10%; ** менее 5%;
*** менее 1%.
Источник: расчёты автора.

Таблица 4. Оценка изменения расходов вследствие изменения единицы фактора: применение (4) к методике (3)

№ п/п	Субъект	dE/dPayroll	dE/dGen.Grant	dE/dPRICE	(dE/dPayroll) минус (dE/dGen.Grant)	Примечание
1.	Архангельская область	2,64	0,00	-113,49	2,64	Незначимое влияние трансферта на расходы
2.	Ханты-Мансийский АО	0,14	0,00	-17,33	0,14	Незначимое влияние трансферта на расходы
3.	Ямало-Ненецкий АО	8,16	1,72	-1627,25	6,45	Влияние дохода на расходы выше влияния трансферта
4.	Камчатский край	0,95	0,41	-191,14	0,55	Влияние дохода на расходы выше влияния трансферта
5.	Республика Карелия	1,52	11,04	-126,31	-9,52	ЭФФЕКТ ЛИПУЧКИ
6.	Республика Карелия (без.аном.)	0,57	2,66	-71,37	-2,09	ЭФФЕКТ ЛИПУЧКИ
7.	Республика Коми (2006-2015)	0,57	0,21	56,21	0,36	Влияние дохода на расходы выше влияния трансферта
8.	Республика Коми (2013-2015)	1,90	0,00	0,00	1,90	Незначимое влияние трансферта на расходы
9.	Магаданская область	0,00	0,00	-241,87	0,00	Незначимое влияние трансферта на расходы
10.	Мурманская область	0,00	0,00	-704,49	0,00	Незначимое влияние трансферта на расходы
11.	Республика Саха (Якутия)	0,04	0,00	-6,49	0,04	Незначимое влияние трансферта на расходы
12.	Сахалинская область	5,09	7,05	-1598,73	-1,95	ЭФФЕКТ ЛИПУЧКИ

Источник: расчёты автора.

Рис. 4. Изменение расходов бюджетов вследствие изменения единицы фактора



Примечание. Отрицательное значение показателя «(dE/dPayroll) минус (dE/dGen.Grant)» на правой шкале графика указывает на наличие эффекта липучки. Сортировано по возрастанию данного показателя.
 Источник: расчёты автора.

Для Республики Карелия (как по номинальным первичным данным, так и переработанным) и Сахалинской области расчёты указали на наличие эффекта липучки во взаимоотношениях соответствующего бюджета субъекта и местных бюджетов.

Результаты по Республике Карелия позволяют сделать вывод, что применение логарифмирования в методике оценки эффекта липучки смягчает величину ошибки, которая может произойти при работе с первичными данными. Так, разница между вкладами частных доходов и трансферта по расчётам по скорректированным первичным данным гораздо меньше по модулю, чем результат расчётов на основе номинальных данных, очевидно содержащих ошибку обработки. Итоговый показатель эффекта липучки для Республики Карелия сопоставим со схожим результатом по Сахалинской области.

Межбюджетные отношения в Архангельской области, ЯНАО и Республике Коми (в по-

следнем случае за оба рассматриваемых периода) характеризуются наибольшим превышением вклада доходов в расходы местных бюджетов по сравнению с вкладом дотаций из бюджета соответствующего субъекта РФ в расходы (рис. 4). Для этих субъектов предпосылки эффекта липучки, по всей видимости, не выполняются.

Выводы

Проведённый нами анализ межбюджетных отношений бюджетов северных субъектов Российской Федерации и соответствующих местных бюджетов городов и районов позволяет сформулировать следующие выводы.

Фискальные стимулы, образующиеся по итогам взаимоотношений бюджетов субъектов и бюджетов городов и районов Севера, и формируемые ими модели поведения в сфере расходов местных бюджетов различны в разных бюджетных системах. Последствия выделения региональных нецелевых трансфертов, определяемые по критерию наличия/отсутствия эффекта липучки и в соответствии с поло-

жениями теории, указывают на наличие двух групп региональных бюджетных систем на Севере России:

1. Местные бюджеты в Республике Карелия и Сахалинской области – субъектах РФ с выявленным эффектом липучки за 2013–2016 гг. – при участии в межбюджетных отношениях с соответствующим региональным бюджетом в своей фискальной политике в относительно большей степени действуют в интересах данного бюджета, с большей готовностью расширяя производство местных благ. Недостаток полномочий и самостоятельности бюджетов местного уровня здесь выражен сильнее, местная налоговая политика не обеспечивает адекватный потребностям уровень налоговой нагрузки. Здесь вероятно эластичность местного спроса, когда тот увеличивается в ответ на рост трансфертов, но при этом местные бюджетные расходы особенно неэластичны из-за стандартизации расходов и ограниченности налоговых полномочий. В связи с этим структура межбюджетных трансфертов бюджета субъекта в Республике Карелия и Сахалинской области заслуживает отдельного анализа.

2. Местные бюджеты без эффекта липучки в их межбюджетных отношениях с бюджетом субъекта – Архангельская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Камчатский край, Республика Коми, Республика Саха (Якутия) – проводят относительно более гибкую фискальную политику, действуют в относительно большей степени в интересах местного налогоплательщика, но потенциально за счёт сокращения производства общерегиональных благ. Возможно, структура используемых трансфертов предусматривает определённую степень самостоятельности местных бюджетов, а местная налоговая политика относительно более эффективна.

Значимость проведённого исследования выражается в формулировании следующей гипотезы, требующей подтверждения в дальнейших исследованиях. В субъектах с выявленным эффектом липучки существует низкая (относительно остальных субъектов) дифференциация местных и общерегиональных расходов, препятствующая реализации преимуществ разделения полномочий и ответственности в децентра-

лизованной системе. Существует относительно высокая неудовлетворенность текущей величиной базовых услуг общественного сектора, что снижает спрос на локальную дифференцированность бюджетных расходов.

Полученные результаты открывают пространство для межрегиональных исследований по нескольким направлениям:

- пропорция значимости общерегиональных и местных (локальных) расходов в той или иной конструкции региональных политических и налоговых систем;
- степень децентрализации бюджетной системы субъекта в целом и в разрезе статей расходов;
- структура расходов бюджетов;
- структура используемых межбюджетных трансфертов.

Значимость исследования состоит также в обнаружении того, что причины наличия эффекта кроются в особенностях межбюджетных отношений, не фиксируемых традиционными показателями финансов и региональной экономики. Так, на наличие эффекта липучки в межбюджетных отношениях бюджета субъекта и местных бюджетов не оказывают влияние близость субъектов РФ по общим показателям сфер общественных финансов и региональной макроэкономики и/или географическая близость территорий субъектов.

Результаты анализа также позволяют сформулировать выводы методического характера:

1. Период наблюдения и наличие первичных данных играет большую роль в анализе межбюджетных отношений, так как выводы для Магаданской и Мурманской областей не могут быть сформулированы с адекватной степенью достоверности.

2. Применение логарифмирования в методике оценки эффекта липучки смягчает величину потенциальной ошибки, совершаемой при обработке первичных данных (показано на примере Республики Карелия). Таким образом, методика оценки играет важную роль в подобного рода исследованиях.

3. Длительность периода наблюдения играет определённую роль в расчётах (показано на примере Республики Коми), но не существенно влияет на общий вывод.

4. Расчётный характер величины дотаций для Республики Коми (применение инструментальной переменной) и нивелирование межмуниципальных различий, возможно, сыграли роль в том, что эффект липучки не был зафиксирован. Таким образом, данные приёмы важны и актуальны в анализе эффекта липучки и в особенности при применении методики анализа к эмпирическим данным по Республике Карелия и Сахалинской области.

Литература

1. Filimon R., Romer T., Rosenthal H. Asymmetric information and agenda control: the bases of monopoly power in public spending. *Journal of Public Economics*, 1982, vol. 17, no. 1, pp. 51-70.
2. Wyckoff G. The Elusive Flypaper Effect. *Journal of Urban Economics*, 1991, vol. 30, no. 3, pp. 310-328.
3. Hines J.R., Thaler R.H. The flypaper effect. *Journal of Economic Perspectives*, 1995, vol. 9, no. 4, pp. 217-226.
4. Bailey S.J., Connolly S. The flypaper effect: identifying areas for further research. *Public Choice*, 1998, vol. 95, no. 3/4, pp. 335-361.
5. Gordon N. Do federal grants boost school spending? Evidence from Title I. *Journal of Public Economics*, 2004, vol. 88 (9–10), pp. 1771-1792. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2003.09.002>
6. Knight B. Endogenous federal grants and crowd-out of state government spending: theory and evidence from the federal highway aid program. *American Economic Review*, 2002, vol. 92 (1), pp. 71–92. Available at: <https://doi.org/10.1257/000282802760015612>
7. Moffitt R.A. The effects of grants-in-aid on state and local expenditures: the case of AFDC. *Journal of Public Economics*, 1984, vol. 23 (3), pp. 279-305. Available at: [https://doi.org/https://doi.org/10.1016/0047-2727\(84\)90032-X](https://doi.org/https://doi.org/10.1016/0047-2727(84)90032-X)
8. Yu Y., Wang J., Tian X. Identifying the flypaper effect in the presence of spatial dependence: evidence from education in China's counties. *Growth and Change*, 2016, vol. 47 (1), pp. 93-110. Available at: <https://doi.org/10.1111/grow.12113>
9. Becker E. The illusion of fiscal illusion: unsticking the flypaper effect. *Public Choice*, 1996, vol. 86 (1–2), pp. 85-102. Available at: <https://doi.org/10.1007/BF00114876>
10. Megdal S.B. The flypaper effect revisited: an econometric explanation. *The Review of Economics and Statistics*, 1987, vol. 69 (2), pp. 347-351. Available at: <https://doi.org/10.2307/1927243>
11. Worthington A.C., Dollery B.E. Fiscal illusion and the Australian local government grants process: how sticky is the flypaper effect?, *Public Choice*, 1999, vol. 99 (1–2), pp. 1-13. DOI: 10.1023/a:1018329802757.
12. Gamkhar S., Shah A. The impact of intergovernmental transfers: a synthesis of the conceptual and empirical literature. In: Boadway R., Shah A. (Eds.). *Intergovernmental Fiscal Transfers: Principles and Practice. Public Sector Governance and Accountability*. Washington, DC: World Bank, 2007. Pp. 225-258.
13. Zampelli E. Resource fungibility, the flypaper effect, and the expenditure impact of grants-in-aid. *The Review of Economics and Statistics*, 1986, vol. 68, no. 1, pp. 33-40.
14. Oates W.E. On the nature and measurement of fiscal illusion: a survey. In: Brennan G. et al. (Eds.). *Taxation and Fiscal Federalism: Essays in Honour of Russell Mathews*. Sydney: Australian National University Press, 1988. Pp. 65-82.
15. Gramlich E.M., Galper H., Goldfeld S., McGuire M. State and local fiscal federal behavior and federal grant policy. *Brookings Papers on Economic Activity*, 1973, vol. 1, pp. 15-65. Available at: <https://doi.org/10.2307/2534084>
16. Khilji N.M., Zampelli E.M. The fungibility of US assistance to developing countries and the impact on recipient expenditures: a case study of Pakistan. *World Development*, 1991, vol. 19 (8), pp. 1095-1105. DOI: 10.1016/0305-750X(91)90127-4.
17. Van de Walle D., Mu R. Fungibility and the flypaper effect of project aid: micro-evidence for Vietnam. *Journal of Development Economics*, 2007, vol. 84 (2), pp. 667-685. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2006.12.005.
18. Oulasvirta L. Real and perceived effects of changing the grant system from specific to general grants. *Public Choice*, 1997, vol. 91 (3), pp. 397-416. Available at: <https://doi.org/10.1023/A:1004987824891>

19. Bracco E., Lockwood B., Porcelli F., Redoano M. Intergovernmental grants as signals and the alignment effect: theory and evidence. *Journal of Public Economics*, 2015, vol. 123 (Supplement C), pp. 78-91. Available at: <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2014.11.007>
20. Witterblad M. Income heterogeneity and the flypaper effect. *Umeå Economic Studies*, 2007, no. 718. Available at: <http://ideas.repec.org/p/hhs/umnees/0718.html>
21. Singhal M. Special interest groups and the allocation of public funds. *Journal of Public Economics*, 2008, vol. 92 (3-4), pp. 548-564. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2007.05.005.
22. Deller S.C., Maher C.S. Categorical municipal expenditures with a focus on the flypaper effect. *Public Budgeting & Finance*, 2005, vol. 25 (3), pp. 73-90. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5850.2005.00368>
23. Кадочников П., Синельников-Мурылев С., Трунин И. Система федеральной финансовой поддержки регионов в России и ее влияние на налоговую и бюджетную политику субъектов Федерации. М. : Институт Гайдара, 2002.
24. Фрейнкман Л., Плеханов А. Децентрализация бюджетной системы в регионах-рентополучателях // Экономическая политика. 2008. № 1. С. 103-123.
25. Идрисова В., Фрейнкман Л. Влияние федеральных трансфертов на фискальное поведение региональных властей // Научные труды № 137Р. М. : Изд-во Института экономики переходного периода, 2010.
26. Logan R. Fiscal illusion and the grantor government. *Journal of Political Economy*, 1986, vol. 94, no. 6, pp. 1304-1318.

Сведения об авторе

Евгений Николаевич Тимушев – младший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: evgeny_timushev@mail.ru)

Timushev E.N.

Priorities of Budget Financing of Cities and Regions of the Russian North

Abstract. The paper analyzes the phenomenon of the Velcro effect – non-identical growth of inter-budget transfer and equivalent growth of private income for budget expenditures – in the relations between the budgets of the Northern entities of Russia and their local budgets for 2013–2016. We conduct comparative assessment of the budget response to changes in parameters of the private sector on the one hand; on the other hand, in parameters of relations with the budget of another level. The relevance of the proposed study of inter-budget relations lies in determining the effects of inter-budget redistribution and optimal expenditures at different levels of the budget system in the current system of distribution of expenditure obligations. The purpose of the present research is to reveal the consequences of allocation of non-target transfers from budgets of the entities in the Russian North from the point of view of fiscal incentives formed in the process of inter-budget relations and the models of behavior of local budgets created by these incentives. For the Republic of Karelia and the Sakhalin Oblast, the Velcro effect in inter-budget relations of regional and local budgets has been revealed. In the Arkhangelsk Oblast, Khanty-Mansiysk and Yamalo-Nenets autonomous okrugs, Kamchatka Krai, republics of Komi and Sakha (Yakutia), the Velcro effect has not been revealed. It has been established that local budgets in the Republic of Karelia and the Sakhalin Oblast act in the interests of the regional budget to a relatively greater extent, they are more willing to expand production of local goods. In other regional budget systems, local budgets have a relatively more flexible fiscal policy, acting in the interests of local taxpayers, but at the expense of reducing regional benefits. It is assumed that budget systems of entities with the Velcro effect demonstrate lower differentiation of local and regional expenditures, which prevents decentralization; as well as

higher dissatisfaction with the value of basic services in the public sector, which reduces the need for local differentiation. The author demonstrates the promising areas of interregional research. It has been revealed that the causes of the Velcro effect cannot be detected by analyzing traditional indicators of finance and regional economy.

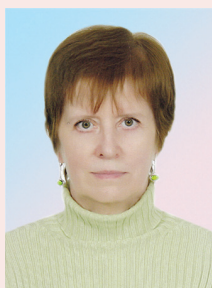
Key words: flypaper effect, the North, Russia's constituent entities, local budgets, grants.

Information about the Author

Evgenii N. Timushev – Junior Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Science Center, Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: evgeny_timushev@mail.ru)

Статья поступила 26.10.2018.

Экологическая культура в российском обществе как условие формирования экосознания и поведения подрастающего поколения



**Лариса Юрьевна
ИВАНОВА**

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, ул. Кржижановского, д. 24/35
E-mail: Lariv2005@yandex.ru

Аннотация. Состояние окружающей среды во многом зависит от экологической культуры и экологического сознания населения. Особый интерес представляет изучение этих качеств у подрастающего поколения, что и определило актуальность темы исследования. Цель работы: сравнить отношение к важным экологическим проблемам современных шестнадцатилетних подростков и их сверстников, опрошенных 20 лет назад, а также проанализировать причины изменений, которые произошли в экологическом сознании и поведении подрастающего поколения за этот период. Новизна работы: впервые изучается динамика за два десятилетия беспокойности шестнадцатилетних подростков серьезными экологическими проблемами и их экологического поведения, а также анализируются причины произошедших изменений (снижение внимания к вопросам экологии со стороны государства и общества; школьный курс «Экология» перестал быть обязательным; СМИ не уделяют внимания тематике устойчивого развития). В исследовании использовался метод анкетирования. В 1996 г. опрос был проведен в трех, а в 2017 г. – в четырех регионах РФ. Исследование показало, что современные шестнадцатилетние подростки по сравнению с их сверстниками из 90-х годов прошлого века реже отмечают, что сорят на улицах и на природе, выбрасывая обертки и прочий мусор (т.е. культура поддержания чистоты повысилась); однако их участие в экологических движениях и организациях, как и прежде, остается на крайне низком уровне. Согласно полученным данным, несмотря на углубление экологического кризиса, за 20 лет сократилась доля подростков, выражающих серьезную беспокойность важ-

Для цитирования: Иванова Л.Ю. Экологическая культура в российском обществе как условие формирования экосознания и поведения подрастающего поколения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 189-201. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.11

For citation: Ivanova L.Yu. The environmental culture in the Russian society as a condition for building eco-consciousness and behavior of the younger generation. *Economic and Social Changes: facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 189-201. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.11

ными проблемами окружающей среды. В свете сказанного большую значимость приобретает организация просвещения населения в вопросах социальной экологии и особенно школьного экологического образования и образования в интересах устойчивого развития, в задачи которых входит формирование у подрастающего поколения понимания необходимости решения экологических проблем и снижения антропогенного давления на природное окружение, а также на выработку привычек улучшения экологической ситуации.

Ключевые слова: подростки, анкетный опрос, динамика отношения, обеспокоенность экологическими проблемами, экологическое сознание, экологическое поведение, окружающая среда, вред здоровью.

Введение. Увеличение антропогенного давления на природное окружение стало причиной глобализации экологических проблем. Специалисты с тревогой констатируют рост загрязнения атмосферного воздуха, пресных вод, Мирового океана, почвенного слоя, сведение лесов, эрозию и засоление почв, снижение их плодородия, опустынивание, подъем уровня Мирового океана, сокращение биоразнообразия и глобальное потепление климата. Скорость роста приземной температуры в наши дни достигла наивысших значений за последние 600 тысяч лет, что объясняется стремительным увеличением концентрации диоксида углерода и других парниковых газов [1, с. 31]. В 2015 г. Всемирная метеорологическая организация констатировала, что 14 из 15 наиболее жарких лет приходится на текущее столетие¹. Более 95% ученых-климатологов, активно занимающихся исследованиями, не подвергают сомнению глобальное потепление климата и существенный вклад человека в этот процесс².

Напряженность экологической ситуации актуализирует изучение динамики экологического сознания, экологических установок и экологического поведения населения и отдельных его социально-демографических групп. Именно поэтому в 2017 г. сектором социальных проблем здоровья Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) было повторено исследование «Здоровье подростков и окружающая среда», проведенное в 1996 г.

¹ Всемирная метеорологическая организация: 2014 год оказался самым теплым за время метеонаблюдений. URL: <https://tass.ru/obschestvo/1738372> (дата обращения: 14.09.2018).

² Устойчивое развитие: новые вызовы: учебник для вузов / под общ. ред. В.И. Данилова-Данильяна, Н.А. Пискуловой. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 124.

[2, 3] (автор статьи участвовала в исследовании 2017 года). Использованный при этом методологический подход формулировался следующим образом: «Исследование факторов, значимых именно с точки зрения подростков» [3, с. 18]. Отбор городов и учебных заведений был многоступенчатым, с применением квотной и случайной выборок. Применялся метод анкетирования. Обработка и анализ полученных данных осуществлялись в пакете SPSS v23. При 95% уровне доверия к результатам опроса статистическая ошибка выборки составила 1,98. Использовался дескриптивный анализ. Опрашивались учащиеся разных типов учебных заведений (средней школы, гимназий, лицеев и колледжей). В 1996 г. опрос был проведен в трех регионах РФ: Москва, Оренбург, Абакан (опрошено 1004 человека), в 2017 г. – в 4-х регионах РФ: Московская область, Нижний Новгород, Улан-Удэ, Ульяновск (опрошено 994 человека). Сопоставление данных двух опросов показало, что за последние 20 лет снизилась острота восприятия подростками большинства серьезных экологических проблем. Массивы респондентов в прошлом и нынешнем веке заметно различались по возрасту, поэтому для сравнения была выбрана наиболее многочисленная в каждом опросе группа подростков 16-ти лет (1996 г. – 266 человек и 2017 г. – 290 человек).

Цель работы: сравнить отношение к важным экологическим проблемам современных шестнадцатилетних подростков и их сверстников, опрошенных 20 лет назад, а также проанализировать причины изменений, произошедших в экологическом сознании и поведении подрастающего поколения за этот период. Новизна работы: впервые изучается динамика за два десятилетия обеспокоенности шестнадцатилетних подростков серьезными экологическими проблемами и их экологического пове-

дения (изучался такой аспект поведения, как утилизация мусора на улице и на природе) и анализируются причины произошедших изменений.

Деградация окружающей среды как социальная проблема. Произошедшее во второй половине XX века ухудшение состояния окружающей среды называют социальной проблемой, потому что во многом оно обусловлено хозяйственной деятельностью человека и имеет для него серьезные последствия. Не случайно современное общество получило название общества риска [4], причем внимание акцентируется на рисках антропогенного характера [5].

Для оценки воздействия населения на окружающую среду той или иной территории экологи используют показатель его экологического следа (ЭС), рассчитываемого в гектарах площади биологически продуктивной суши и акватории, необходимых для производства потребляемых этим населением ресурсов, а также для поглощения и хранения произведенных им отходов. С 1975 г. экологический след землян в среднем вырос на 14%. Среднемировая потребность в природных ресурсах усредненного современного человека равняется 2,23 га. «Однако в настоящий момент биопродуктивная площадь суши и моря на нашей планете составляет 1,78 га на человека» [6, с. 32]. ЭС человечества на современном этапе значительно превышает биоемкость планеты, являясь разрушительным для биосферы. Благодаря научно-технической революции человек изымает возобновляемые природные ресурсы со скоростью, превышающей их способность к самовоспроизводству. Он изменяет места обитания различных биологических видов, уничтожая биоценозы, существовавшие там миллионы лет. Это одна из главных причин того, что в последние десятилетия биологические виды вымирают невиданными темпами, а средняя численность популяций диких животных неуклонно снижается. К 2200 г. она может составить 67% по отношению к уровню 1970 года³.

В России интенсивное природопользование в XX веке привело к серьезным экологическим последствиям. Сократились лесные массивы,

исчезли многие небольшие реки, произошло засоление почв и опустынивание на больших площадях, а также загрязнение атмосферного воздуха, водной среды и почв. На примере нашей страны последней четверти века отчетливо прослеживается влияние подъемов и спадов в хозяйственной деятельности и воздухоохранной активности на объемы поступления в атмосферный воздух загрязняющих веществ от стационарных источников. В частности, эти объемы снижались в периоды 1981–1990 гг. и 1991–1995 гг., далее тенденция была колебательной, с ростом в отдельные годы после 2000 года. В первом из указанных периодов экономика нашей страны росла и снижение выбросов объяснялось принятыми воздухоохранными мерами (переход с угля и мазута на газ и другие меры). Во втором периоде хозяйственная деятельность снизилась. Сокращение объемов выбросов наблюдалось и в кризисные 1998–1999, 2008–2009 годы, а также в середине 2012 г. и в 2014 г., когда были введены антироссийские экономические санкции. Объемы выбросов стабилизировались или увеличивались в периоды роста выпуска промышленной продукции в отдельные периоды 90-х годов XX века, в первое десятилетие и некоторые последующие годы XXI века⁴.

В российских городах качество атмосферного воздуха остается неудовлетворительным, хотя и улучшается медленными темпами⁵. Вопрос о его состоянии требует тщательного мониторинга. Ученые обеспокоены отсутствием в России контроля за поступлением в окружающую среду целого ряда токсичных веществ, влияющих на экосистемы и здоровье людей. Отмечается, например, что применяемые в РФ нормативно-правовые акты, «регламентирующие инвентаризацию выбросов от автомобильного транспорта, не содержат информацию о количестве соединений металлов и полициклических ароматических углеводородов, поступающих в окружающую среду в процессе эксплуатации автомобильного транспорта» [7, с. 298–299].

³ Живая планета 2016: доклад. URL: http://ekois.net/wp-content/uploads/2016/11/lpr_2016_summary_ru_net.pdf (дата обращения: 15.09.2018).

⁴ О состоянии и охране окружающей среды в Российской Федерации в 2016 году: государственный доклад. С. 10–11. URL: <http://www.mnr.gov.ru/upload/medialibrary/49b/1-73.pdf> (дата обращения: 15.09.2018).

⁵ Там же. С. 15.

Ухудшение экологической ситуации, и прежде всего загрязнение атмосферного воздуха, наземных и подземных вод, почвы, негативно отражается на здоровье людей. Международное агентство по изучению рака подчеркивает, что воздух, которым мы дышим, все в большей степени загрязняется смесями канцерогенных веществ⁶. Согласно оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) загрязнение воздуха является причиной 7 миллионов смертей в год⁷.

Мировое сообщество делает попытки вырабатывать механизмы устойчивого развития в глобальных масштабах. Большие надежды связываются с «зеленой экономикой»⁸ [8, 9]. На Конференции по окружающей среде в Рио-де-Жанейро в 1992 г. была принята «Повестка дня на XXI век», имеющая «важнейшее значение для формирования международной экологической политики»⁹. Однако далеко не всегда удается достичь соглашений. Даже на уровне руководства некоторых стран нет понимания важности совместных усилий. В частности, «жесткость позиции США вылилась в их отказ от ратификации Конвенции по сохранению биологического разнообразия»¹⁰. В последние годы нагнетание международной напряженности влечет за собой необходимость повышения военных расходов и снижает возможности государств в модернизации производств, позволяющих сократить сбросы и выбросы вредных веществ в окружающую среду.

Выдающийся российский эколог В.И. Данилов-Данильян считает ошибочным мнение, «что проблемы охраны окружающей среды и ее сохранения в состоянии, пригодном для жизни человеческого рода, могут быть решены техническими средствами» [10, с. 9]. По его мнению, для сохранения естественного баланса необхо-

димо освободить места для болот, лесов, не засорять океан, т.к. человеку не под силу «заменить природные регуляторы окружающей среды (это обосновывается путем сопоставления информационного потока, проходящего через систему живых организмов при реализации регулятивной экологической функции), с информационными возможностями цивилизации — теми, которые она может развить в оставшееся до экологической катастрофы время» [10, с. 11].

Отечественные и зарубежные ученые отмечают, что для развития человека необходимо изменение системы его ценностей, сознания и отношения к природному окружению [11; 12; 13; 14]. В этой связи особый интерес представляют сравнительные исследования, касающиеся трансформации экологического сознания и поведения населения.

Экологическая культура в российском обществе как условие формирования экосознания и поведения подрастающего поколения. Экологическую культуру субъекта можно определить как систему знаний, ценностных ориентаций, социальных установок, потребностей, отношений и мотивов, регулирующих его взаимодействие с окружающей средой, которое может быть природосообразным или природоразрушительным. Экологическая культура личности формируется в системе социальных институтов и норм природопользования, сложившихся в обществе. Социологи низко оценивают природопользование в нашей стране. В условиях либерализации экономики оно привело «к истощительному, варварскому использованию ресурсов природы, причем как со стороны новых капиталистов, не желающих вкладывать средства в ее охрану, так и со стороны обнищавшего населения, уже много лет выживающего за счет сверхэксплуатации природы и разборки технических систем жизнеобеспечения» [15, с. 87].

Опрос россиян по проблеме качества жизни показал, что «экология (качество воды и воздуха)» является для них очень важной и оценена в среднем в 4,63 балла на шкале от 1 до 5, тогда как удовлетворенность этой характеристикой качества жизни оценена существенно ниже (в среднем в 3,28)¹¹.

⁶ Загрязнение наружного воздуха ведет к росту раковых заболеваний. URL: <http://ecoportal.su/news.php?id=74267> (дата обращения: 15.09.2018).

⁷ Ассамблея ООН по окружающей среде и ее решения по охране атмосферного воздуха (2014). URL: http://www.unido-russia.ru/archive/num_14/art14_6/ (дата обращения: 15.09.2018).

⁸ Inclusive Green Growth : The Pathway to Sustainable Development. The World Banc, 2012.

⁹ Устойчивое развитие: новые вызовы: учебник для вузов / под общ. ред. В.И. Данилова-Данильяна, Н.А. Пискуловой. М.: Аспект Пресс, 2015. 336 с. С. 155.

¹⁰ Там же. С. 156.

¹¹ Россия-2017: качество жизни: пресс-вып. ВЦИОМ. 2017. № 3498. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116472> (дата обращения: 15.09.2018).

Изучение отношения населения к экологическим проблемам в месте своего проживания показало, что 66% респондентов «очень сильно тревожит» и «скорее тревожит» состояние окружающей среды по месту жительства. Причем доля первых заметно сократилась в 2016 г. (17%) по сравнению с 1990 г. (58%). Отвечая в 2016 г. на вопрос, что больше всего тревожит в части состояния окружающей среды в их населенном пункте, 52% опрошенных отметили загрязнение водоемов, 49% — загазованность воздуха, 31% — плохую, загрязненную воду, 25% — антисанитарное состояние территории, 21% — изменение климата, 14% — исчезновение лесов, 10% — исчезновение отдельных видов птиц, рыб, животных, растений, насекомых или изменение растительного и животного мира, 14% респондентов отметили «обмеление водоемов, появление пустынь и другие нарушения водного режима». Причем в возрастной группе 18–24 лет на нарушение гидрологического режима указали 7% респондентов, в возрастных группах 25–39 лет и 40–54 года — по 13%, в возрастной группе 55 и более лет — 19%¹². Старшее поколение на протяжении своей жизни является свидетелем существенного обмеления водоемов, что и объясняет более высокую долю тех, у кого это явление вызывает беспокойство. Молодые люди 18–24 лет менее продолжительное время наблюдают этот процесс, поэтому среди них меньше доля тех, кто осознает серьезность проблемы.

Социологи, как правило, исследуют экологическую культуру взрослого населения, что важно для характеристики условий социализации подрастающего поколения. Массовые опросы граждан нашей страны отражают состояние их экологического сознания и экологической культуры, транслируемых в процессе межпоколенной передачи опыта детям. Экологическую культуру современного российского общества называют потребительской, с преобладанием индивидуалистических утилитарных установок. «Культура общего обустройства среды обитания вытесняется культурой потребительской, что формирует негативные тенденции в общем контексте развития социума» [16, с. 4].

Экологическое сознание большинства россиян характеризуется как экологическое иждивенчество и личное отстранение от участия в решении проблем. «Результаты социологического исследования продемонстрировали доминирование потребительских установок по отношению к сфере экологии и охраны окружающей среды»¹³. Социологи пришли к выводу о преобладании в нашем обществе типа экокультуры, «при котором окружающая среда воспринимается не как самостоятельная ценность, а лишь как условие комфортного образа жизни»¹⁴.

Отношения, социальные установки, экологическая культура — это диспозиционные образования, включающие в свою структуру когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Разные исследователи делают акцент на том или ином компоненте, используя различные индикаторы. Тем не менее, по общему мнению, основным критерием экокультуры является поведение. Как показывают исследования, россияне демонстрирует низкий уровень экологической активности. Это касается как личного участия (пожертвование на экологические цели, подписание писем и петиций в защиту природы, предотвращение нарушений экологических норм в микросреде), так и коллективной солидарности (включенность в деятельность общественных экологических организаций, в работу экологических групп в социальных медиа, участие в коллективных акциях, пикетах, собраниях эколого-ориентированной направленности) [17]. Согласно данным опроса студентов двух московских вузов, большинство из них понимают, что экологическая обстановка в стране ухудшается, что эта тенденция сохранится в будущем и что ухудшение экологической ситуации в столице отрицательно влияет на их здоровье. Вместе с тем студенты демонстрируют невысокий интерес к проблематике изменения состояния окружающей среды, редко используются коллективные формы ее защиты (посещение общественных слушаний, участие в акциях экологов, голосование за партии с экологическими программами). В повседневной бытовой жизни экономят ре-

¹² Экологические проблемы : пресс-вып. Левада-Центр. 2016. 03.06. URL: <http://www.levada.ru/2016/06/03/ekologicheskie-problemy> (дата обращения: 15.09.2018).

¹³ Экологическая культура россиян : пресс-вып. ВЦИОМ. 2011. № 1670. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1763> (дата обращения: 15.09.2018).

¹⁴ Там же.

сурсы (воду, электроэнергию и др.) 62,3% юношей и 71,7% девушек. Преобладает экономическая мотивация («чтобы меньше платить»), на втором месте — личная экологическая культура («понимаю, что ресурсы нужно беречь»), на последнем — семейные традиции [18].

Анализ данных соцопросов, касающихся особенностей экологического сознания и поведения различных возрастных групп населения, показал, что молодежь по сравнению со старшими возрастными группами иногда действует менее экологически целесообразно. Например, респонденты пожилого возраста значительно чаще отмечали контроль расходования и повседневную экономию энергоресурсов (73% среди опрошенных в возрастной группе 60 лет и старше против 25% среди респондентов в возрастной группе 18–24 лет)¹⁵. И хотя бережное отношение к энергоресурсам в основном продиктовано экономическими мотивами, в данном случае важно, что среди молодежи меньше доля тех, кто их бережет.

Специалисты, говоря об актуальности той или иной экологической проблемы, исходят из оценки ее последствий для человечества, для окружающей среды и биосферы. Каждое поколение застает новый ландшафт, который становится для него некоторой точкой отсчета. Компенсировать ограниченность личного опыта может экологическое просвещение и образование.

Школьное экологическое образование в нашей стране подвергается критике. Отмечается снижение в последние годы познавательного интереса к экологическим знаниям у старшеклассников по сравнению со школьниками младших классов (с 67 до 27%) [19, с. 34]. Подчеркивается, что результатом традиционного экологического образования и просвещения является осведомленность школьников об экологических проблемах, которая «слабо коррелирует с практическими действиями по их решению, по уменьшению отрицательного антропогенного воздействия» [20, с. 66.].

Российские специалисты также отмечают, что «несмотря на ряд попыток внедрить образование для устойчивого развития... в школы

¹⁵ Энергоэффективность и экономичное потребление ресурсов: кто «в теме»? : пресс-вып. ВЦИОМ. 2015. № 2980. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115474> (дата обращения 15.09.2018).

РФ, оно не получило широкого распространения, и даже в течение Декады ООН не вышло за пределы единичных образовательных площадок и круглых столов на тематических конференциях» [21, с. 38].

Изучение социальных установок подростков (конец прошлого века) в сфере экологии выявило антропоцентричность их сознания, проявившуюся, в частности, в отношении к различным экосистемам. Оно зависело от значения экосистем в удовлетворении потребностей человека, тогда как их роль в биосферных процессах не принималась во внимание. Только 40% старшеклассников, отвечая на вопрос, что они ценят в природе, выбрали ответ, символизирующий ее самоценность; свыше половины опрошенных больше всего ценят в ней богатства, которые она нам дарит; почти столько же ответили, что они отдыхают в природном окружении. Опрос показал, что далеко не все подростки знакомы с правилами экологически целесообразного поведения в природной среде [23, с. 140-141].

Формирование экологической грамотности (ЭГ) обучающихся предусмотрено Федеральным государственным образовательным стандартом (ФГОС) общего образования. Диагностика ЭГ включает оценку экологических знаний, умения применять их при выполнении учебных заданий и умения работать с экологической информацией. Диагностика ЭГ старшеклассников г. Москвы показала, что они успешно справились примерно с половиной проверочных заданий (45,4%). Исследователь интересовала готовность обучающихся к участию в решении экологических проблем. Оказалось, что только 0,15% опрошенных в 10-х классах и 0,39% в 11-х отметили в качестве субъекта решения этих проблем себя, 36,1–38,4% соответственно видели исполнителем большинства решений госорганы разного уровня, 28,6–32,4% — других людей, 28,6–32,4% — предприятия и организации, 18,3–20,7% — специалистов [22, с. 57].

Исследований по тематике экологической культуры, экологического сознания и поведения подростков крайне мало. Будущее биосферы зависит от экологической культуры населения, и в первую очередь молодежи и подростков, этим и определяется интерес к теме проведенного исследования.

Обсуждение результатов эмпирического исследования. В *таблице 1* показано распределение ответов подростков на вопрос о наиболее серьезных проблемах, угрожающих, по их мнению, миру. Предлагалось выбрать четыре самые важные проблемы и ранжировать их по шкале от 1 до 4, где 1 – наиболее значимая, 4 – наи-

менее значимая. В перечень были включены такие экологические проблемы, как загрязнение, включая радиоактивное, опустынивание, парниковый эффект, а также последствия неограниченного роста потребления природных богатств (недостаток ресурсов, включая энергетический кризис). Кроме того, в список

Таблица 1. Мнения 16-летних подростков в 1996 и в 2017 гг. о серьезных проблемах, угрожающих миру (% к числу опрошенных, R)

Проблемы, угрожающие миру	Радиоактивное загрязнение окружающей среды	Голод	Загрязнение окружающей среды	Преступность и насилие	Неравенство между людьми	Энергетический кризис	Недостаток сырьевых ресурсов	Наступление пустыни (эрозия почвы)	Парниковый эффект	Война
1996 г. (N=266)										
1-я проблема, %	25,2	8,3	10,5	14,3	1,5	0	0,8	1,5	2,6	35,7
R	2	5	4	3	7-8	10	9	7-8	6	1
2-я проблема, %	16,9	16,9	13,9	23,7	3,0	0,8	1,5	2,3	3,4	16,9
R	2-4	2-4	5	1	7	10	9	8	6	2-4
3-я проблема, %	14,3	10,2	13,2	24,8	6,8	2,6	2,3	6,4	4,1	14,7
R	3	5	4	1	6	9	10	7	8	2
4-я проблема, %	12,8	9,4	16,2	13,9	7,1	3,0	6,0	3,8	6,4	18,8
R	4	5	2	3	6	10	8	9	7	1
Нет ответа %	30,8	55,2	46,2	23,3	81,6	93,6	89,4	86,0	83,5	13,9
R	8	6	7	9	5	1	2	3	4	10
2017 г. (N=290)										
1-я проблема, %	23,8	11,4	14,8	10,7	7,6	1,0	2,1	4,1	1,0	29,3
R	2	4	3	5	6	9-10	8	7	9-10	1
2-я проблема %	11,7	15,9	22,4	22,4	5,5	2,8	9,3	6,2	3,8	11,0
R	4	3	1-2	1-2	8	10	6	7	9	5
3-я проблема, %	11,0	13,1	19,7	19,3	11,7	7,9	5,9	3,4	6,9	6,6
R	5	3	1	2	4	6	9	10	7	8
4-я проблема, %	9,3	9,7	11,7	13,1	15,9	6,9	7,2	5,2	6,9	20,3
R	6	5	4	3	2	8-9	7	10	8-9	1
Нет ответа %	44,2	49,9	31,4	34,5	59,3	81,4	75,5	81,1	81,4	32,8
R	7	6	10	8	5	1-2	4	3	1-2	9

Источник: расчеты автора по базе данных сектора социальных проблем здоровья ФНИСЦ РАН.

вошли угрозы, связанные с человеческой агрессией (война, преступность и насилие) и несовершенством общественного устройства и распределения материальных благ (неравенство между людьми, голод). Такое сочетание проблем позволяло выявить мнение подростков о месте экологических угроз в системе различных серьезных опасностей, способных подорвать мировую стабильность.

В 2017 г., как и в 1996 г., «война» рассматривалась подростками как главная мировая угроза («первая проблема»), на втором месте — «радиоактивное загрязнение окружающей среды».

Строка «нет ответа» дает информацию относительно проблем, которые большинство респондентов не отнесли к четырем наиболее серьезным угрозам из 10-ти, предложенных в вопросе. Наименее актуальными, по мнению подростков, являются: «энергетический кризис», «недостаток сырьевых ресурсов», «наступление пустыни (эрозия почвы)», «парниковый эффект» и «неравенство между людьми». Эти проблемы по результатам обоих опросов стабильно занимают последние пять мест в колонке «нет ответа», однако в наши дни по сравнению с 90-ми годами уменьшилась доля респондентов, не выбравших их как очень серьезные. Особенно это касается «неравенства между людьми», которое в 1996 г. не указали в числе 4-х серьезных угроз 81,6% опрошенных, в 2017 г. — 59,3%, и «недостатка сырьевых ресурсов» (эту опасность в 1996 г. не отметили 89,4% респондентов, в 2017 г. — 75,5%). Что касается остальных трех угроз, то такие процессы, как глобальное потепление, опустынивание, сокращение невозобновляемых ресурсов, развиваются быстрыми темпами. Их последствия могут быть очень серьезными и уже заявляют о себе в других точках планеты, хотя респонденты пока не ощущают их на себе.

Подростки 90-х годов прошлого века реже относили к важным угрозам загрязнение (это понятно, учитывая рост темпов поступления загрязняющих веществ в окружающую среду за истекшие 20 лет), чаще — войну (возможно, причина состоит в том, что в 90-х годах в России происходили боевые действия в Чечне), преступность (по-видимому, здесь повлиял разгул преступности в нашей стране в последнее десятилетие XX века), загрязнение окружающей среды радиоактивными отходами (скорее

всего, в конце прошлого столетия чаще звучали напоминания об аварии на Чернобыльской АЭС).

Если вопрос о мировых угрозах выявлял представления подростков об опасности экологических проблем на фоне других рисков для человечества, то вопрос об обеспокоенности различными экологическими проблемами позволял выстроить рейтинг их опасности в глазах респондентов (табл. 2).

Судя по данным таблицы, как в 1996 г., так и в 2017 г. наибольшую обеспокоенность у подростков вызывало «загрязнение воздуха», на втором месте было «выживание животных и растений». Высокий рейтинг (по показателю «очень обеспокоен») в обоих опросах имеют: «проблема отходов, которые трудно уничтожить», «вырубка лесов», «загрязнение водоемов». В целом рейтинг проблем, вызывающих сильную тревогу, не претерпел больших изменений за два десятилетия. Различия позиций в ранговых рядах не более чем одно—два места, за исключением трех проблем: «ландшафтные разрушения», «использование удобрений и пестицидов», «рост отходов и мусора». Первая из этих проблем в рейтинге ответов «очень беспокоит» с занимаемого в 1996 г. 12-го места поднялась в 2017 г. на 9-е, вторая — с 9-го места опустилась на 13-е, третья — с 7-го поднялась на 3-е место соответственно.

Среди указанных в таблице 2 проблем есть такие, где разница в процентном распределении ответов в 1996 г. и 2017 г. по индикатору «очень обеспокоен» не столь существенная. Это проблемы роста отходов, мусора (хотя за истекшие годы эта проблема обострилась), ландшафтные разрушения, вред акустического загрязнения и парниковый эффект. За два десятилетия ситуация по этим показателям ухудшилась, однако у подростков не сформировалось понимания серьезности указанных экологических проблем.

Анализ данных двадцатилетней давности показывает, что и тогда значительная часть опрошенных (подчеркнем, что сравнивались только группы шестнадцатилетних подростков) обостренно («очень обеспокоен») не воспринимала обозначенные в таблице 2 проблемы. Примерно по четверти подростков не были сильно обеспокоены («немного беспокоит» + «не беспокоит» + «затрудняюсь ответить») сокращени-

Таблица 2. Отношение к различным экологическим проблемам 16-летних подростков в 1996 и в 2017 гг. (% к числу ответивших; R)

Ответы	Загрязнение водоемов	Выживание животных и растений	Ландшафтные разрушения	Загрязнение воздуха	Нефтяные катастрофы	Проблемы отходов, которые трудно утилизировать	Атомные электростанции	Проблемы роста отходов, мусора	Постройка водохранилищ, перекрывающих реки	Вырубка лесов	Использование удобрений и пестицидов	Вред, наносимый шумом	Парниковый эффект
1996 г.													
N	265	266	263	265	265	266	265	265	265	266	265	265	266
Оч. беспокоит, %	69,1	77,4	25,5	89,1	62,90	72,2	47,8	55,8	28,3	64,3	32,1	19,6	27,1
R	4	2	12	1	6	3	8	7	10	5	9	13	11
Немного беспокоит, %	25,3	17,7	41,4	9,4	22,3	16,9	32,5	33,6	36,6	26,3	32,4	34,3	30,0
R	9	11	1	13	10	12	5	4	2	8	6	3	7
Не беспокоит, %	2,6	1,9	17,5	0,4	9,1	4,5	9,1	5,3	17,7	1,9	15,1	36,7	25,6
R	10	11-12	4	13	6-7	9	6-7	8	3	11-12	5	1	2
Затрудняюсь ответ, %	3,0	3,0	15,6	1,1	5,7	6,4	10,6	5,3	17,4	7,5	20,4	9,4	17,3
R	11-12	11-12	4	13	9	8	5	10	2	7	1	6	3
2017 г													
Число ответивших (n)	276	274	275	274	275	273	274	276	276	276	272	276	272
Оч. беспокоит, %	49,2	62,9	28,0	71,1	33,1	53,1	29,9	59,4	26,1	55,8	16,5	19,2	20,6
R	6	2	9	1	7	5	8	3	10	4	13	12	11
Немного беспокоит, %	37,7	28,8	37,1	22,3	39,6	25,3	33,2	26,8	35,9	31,5	29,0	25,7	32,7
R	2	9	3	13	1	12	5	10	4	7	8	11	6
Не беспокоит, %	9,1	4,7	26,9	4,0	18,9	13,9	30,7	7,6	28,6	9,1	39,1	43,5	27,6
R	9-10	12	6	13	7	8	3	11	4	9-10	2	1	5
Затрудняюсь ответ, %	4,0	3,6	8,0	2,6	8,4	7,7	6,2	6,2	9,4	3,6	15,4	11,6	19,1
R	10	11-12	6	13	5	7	8-9	8-9	4	11-12	2	3	1
Источник: расчеты автора по базе данных сектора социальных проблем здоровья ФНИСЦ РАН.													

ем биоразнообразия и трудноуничтожаемыми отходами, по трети — загрязнением водоемов, вырубкой лесов и нефтяными катастрофами, по половине — ростом отходов и мусора, атомной энергетикой, две трети — загрязнением, вызванным использованием пестицидов и удобрений, по три четверти — парниковым эффектом, ландшафтными разрушениями, постройкой водохранилищ, плотины которых перекрывают реки, 80% подростков — вредом, наносимым шумом.

В 2017 г. уменьшилась доля подростков, испытывающих сильные переживания («очень обеспокоен») по поводу 11 из 13 указанных в таблице экологических проблем. Внушительной оказалась разница между данными двух опросов по показателю «сильно обеспокоен» относительно таких индикаторов, как: «нефтяные катастрофы» (30%), «загрязнение водоемов» (20%), «загрязнение воздуха» (20%), «проблема отходов, которые трудно уничтожить» (20%), «атомные электростанции» (20%), «использование удобрений и пестицидов» (15%), «выживание животных и растений» (15%). Эти проблемы не вызывают такой острой реакции у современных подростков, как у их сверстников 20 лет назад. В 2017 г. по сравнению с 1996 г. респонденты существенно чаще выбирали ответы «немного беспокоит» и «не беспокоит», причем доля равнодушных (ответ «не беспокоит») значительно выросла. Причин несколько. Во-первых, за эти годы снизилось внимание к экологии со стороны государства и общества. Во второй половине 90-х годов был понижен статус госструктур, занимавшихся природоохранными вопросами и проблемами состояния окружающей среды¹⁶.

¹⁶ Государственный Комитет по охране природы СССР был образован в 1988 г., Министерство экологии и природопользования РФ — в 1991 г. (до 25 декабря 1991 г. — РСФСР). На базе этого ведомства в 1992 г. образовано Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ, которое в 1996 г. было разделено на Государственный Комитет РФ по охране окружающей среды и Министерство природных ресурсов РФ (последнее создано на базе Комитета РФ по водному хозяйству и Комитета РФ по геологии и использованию недр). В 2000 г. этому Министерству переданы функции упразднённого Государственного Комитета РФ по охране окружающей среды, а также Рослесхоза, Роскомзема и Роскомгидромета. В 2008 г. на базе этого Министерства образовано Министерство природных ресурсов и экологии РФ.

В настоящее время в РФ нет отдельного ведомства по охране окружающей среды или по проблемам экологии. Во-вторых, СМИ уделяют мало внимания вопросам социальной экологии, практически не освещается проблематика устойчивого развития. В-третьих, в 90-х годах значительно больше внимания экологическим проблемам уделялось в школе. В 1994 г. на основании постановлений Правительства РФ (1993 г.) в учебный план для старших классов школ РФ как обязательный был введен курс «Экология». В середине 90-х годов требования к результатам экологического образования были сформулированы во Временном государственном образовательном стандарте общего среднего образования (образовательная область «Экология»). Во второй половине 90-х ситуация изменилась. В 1998 г. курс «Экология» для старших классов школ РФ был исключен из федеральной части учебных планов. В настоящее время «Экология» в школе — это предмет по выбору (из естественнонаучных дисциплин старшеклассники должны выбрать определённое количество предметов). Результаты опроса школьников показали: изучать «Экологию» хотят 4–6% опрошенных, «что примерно соответствует доле учащихся, занимающихся в разных формах внеурочной работы и внешкольных занятий экологической направленности (5–9% в разных регионах)» [23, с. 23].

Предполагалось, что опасения подростков относительно состояния окружающей среды связаны с их переживаниями относительно здоровья. Это предположение подтвердилось. В 1996 г. 34,2% шестнадцатилетних респондентов указали, что очень беспокоятся о вреде, который причиняет их здоровью загрязнение окружающей среды, 49,6% — что достаточно беспокоятся по этому поводу, 3,0% — что совсем не беспокоятся, 13,2% респондентов затруднились с ответом; в 2017 г. — соответственно 26,4 и 55,7% (беспокоятся, но не очень), 11,1 и 6,8%. Тревога несколько снизилась. И в 1996 г., и в 2017 г. сопряженными оказались степень переживания подростков по поводу последствий вредного воздействия загрязнения окружающей среды на их здоровье и степень их обеспокоенности перечисленными в таблице 2 экологическими проблемами. Например, в 1996 г. среди

шестнадцатилетних подростков, которых очень волнует вред, наносимый их здоровью загрязнением окружающей среды, 73,4% очень беспокоились и относительно роста отходов и мусора; среди тех, кто не слишком тревожился по поводу отрицательного влияния загрязнения окружающей среды на здоровье, таких было 52,6%, среди тех, кто совсем не переживал о негативном воздействии загрязнения окружающей среды на их здоровье – 28,6%. В 2017 г. эти цифры соответственно были 80,6; 55,9 и 38,7%.

Кто-то из опрошенных обеспокоен состоянием окружающей среды только на словах, кто-то действительно понимает, чем это грозит биосфере и человеку. Здесь самое главное – выражается ли обеспокоенность в практических делах. В 1996 г. среди шестнадцатилетних опрошенных 3,4% указали, что участвуют в деятельности какой-либо организации по защите окружающей среды, в 2017 г. – 8,3%. Из них ее название указали только 3 человека (один написал «олимпиаец», другой – «школьный проект», третий – «уборка территории»). Отсутствие названий организаций по защите окружающей среды ставит под сомнение участие подростков в их деятельности. Вероятно, речь шла об участии в каких-то отдельных мероприятиях.

Человек может внести свой вклад в сохранение окружающей среды, не только работая в экологических организациях или содействуя проведению отдельных экологических акций, например по очистке территории от мусора. Он может это делать в своей повседневной жизни, выполняя требования культуры поведения в окружающей среде. Самое элементарное из них – выбрасывать мусор в специально отведенные для этого места. В 1996 г. среди шестнадцатилетних опрошенных 15,8%, если им нужно было выбросить упаковки (например, из-под жевательной резинки, обертки от сладостей, от сигарет, банки из-под консервов), «никогда» не бросали их на улицах города или на природе, «иногда» так поступали 65,7%, «часто» – 12,5% и «почти всегда» – 6,0%. В 2017 г. – соответственно 34,3, 55,0, 4,8 и 5,9%. Очевидно, что далеко не все заявившие о своем правильном поведении реализуют его на практике, но распределения

ответов в 1996 г. и 2017 г. свидетельствуют о динамике социально одобряемых и порицаемых норм поведения.

Заключение. Подводя итоги, отметим, что социологи уделяют мало внимания экокультуре подростков. Проведенное сравнение данных двух опросов показало, что, несмотря на углубление экологического кризиса, за прошедшие 20 лет сократилась доля подростков, выражающих серьезную обеспокоенность проблемами окружающей среды. Это обусловлено снижением внимания со стороны государства и общества к экологическим проблемам, отсутствием соответствующей информации в СМИ и недостатками экологического образования детей и подростков. В свете сказанного актуальность приобретают просвещение населения в вопросах экологии и особенно школьное экологическое образование и образование в интересах устойчивого развития, в задачи которых входит формирование у детей и подростков понимания серьезности экологических проблем, необходимости снижения антропогенного давления на природное окружение и привитие навыков улучшения экологической ситуации.

Современные подростки по сравнению с их сверстниками из 90-х реже отмечают, что сорят на улицах и на природе, выбрасывая обертки и прочий мусор, т.е. культура поддержания чистоты повысилась. Это свидетельствует и о том, что формирование экологической культуры вполне решаемая задача. Большую роль здесь могли бы играть экологические движения и организации. Однако участие подростков в их деятельности остается на низком уровне (доля респондентов, указавших, что они состоят в какой-либо экологической организации, хотя и увеличилось в 2017 г. по сравнению с 1996 г., но, как правило, опрошенные не могли указать их название – скорее всего они участвовали в каких-то отдельных акциях, мероприятиях).

В статье сравнивались небольшие совокупности опрошенных, тем не менее полученные данные свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения динамики экологического сознания подростков и молодежи и роли в этом процессе различных социальных институтов.

Литература

1. Краева Н.В., Макарова В.И. Человек и среда: естественнонаучный и гуманитарный аспекты // Экология человека. 2014. № 1. С. 27-35.
2. Журавлева И.В. Здоровье подростков и окружающий мир. М. : Ин-т социологии РАН, 1997. 69 с.
3. Журавлева И.В. Здоровье подростков: социологический анализ. М. : Ин-т социологии РАН, 2002. 235 с.
4. Beck U. *Risk society: towards a new modernity*. Translated by M. Ritter. London: Sage, 1992. 260 p.
5. Giddens A. *Runaway world: how globalisation is reshaping our lives*. London: Profile, 1999. XIII, 104 p.
6. Ермаков Д.С., Славинский Д.А., Черникова С.Д. «Экологический след» – индикатор устойчивого развития // Экологическое образование до школы, в школе, вне школы. 2016. № 3. С. 29-39.
7. Рахманин Ю.А., Леванчук А.В., Копытенкова О.И. Совершенствование системы социально-гигиенического мониторинга территорий крупных городов // Гигиена и санитария. 2017. Т. 96, № 4. С. 298-301.
8. Jacobs M. *The green economy: environment, sustainable development and the politics of the future*. London: Pluto, 1991. XXII, 312 p.
9. Pearce D.W., Markandya A., Barbier E.B. *Blueprint for a green economy*. London: Earthscan, 1989. XVI, 192 p.
10. Данилов-Данильян В.И. О психологических аспектах охраны окружающей среды // II Российская конференция по экологической психологии : материалы (Москва, 12-14 апр. 2000 г.) / под ред. В.И. Панова. М. – Самара : МГППИ, 2001. С. 9-11.
11. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М. : Мол. гвардия, 1990. 351 с.
12. Pecesí. A. *The human quality*. Oxford: Pergamon, 1977. XII, 214 p.
13. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J. *Beyond the limits: global collapse or a sustainable future*. London: Earthscan Publications, 1992. 320 p.
14. Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L. *Limits to growth: the 30-year update*. 3rd revision, expanded and updated. London: Earthscan, 2005. XXII, 338 p.
15. Яницкий О.Н. Россия как экосистема // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 84-94.
16. Марар О.И. Экологическая культура в современном российском обществе: автореф. ... д-ра социол. наук. М., 2012. 41 с.
17. Экологическая культура: эффективность формирования и сценарии воспроизведения в «стресс-регионах» / Л.Б. Зубанова, Н.Л. Зыховская, С.Б. Синецкий, М.Л. Шуб // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 132-140.
18. Иванова Л.Ю. Социальные установки студентов в отношении окружающей среды // Вестник Института социологии. 2014. № 2(9). С. 112-131. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2014_9/Ivanova.pdf (дата обращения: 19.11.2018).
19. Экологическое образование и воспитание школьников : учеб.-метод. пособие для учителей общеобразоват. шк. и педагогов доп. образования / [В.А. Самкова и др. ; науч. ред. Л.П. Кураков, О.В. Олейник]. М. : ИАЭП, 2015. 264 с.
20. Ермаков Д.С., Петров Ю.П. Экологическое образование: мнение экспертов и школьников // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 64-67.
21. Корякина Н.И. Школа устойчивого развития: проблемы и перспективы // На пути к устойчивому развитию России. 2014. № 67. С. 38-44. URL: http://bulletin.sustainabledevelopment.ru/resources/files/V_67_05_Koryakina.pdf (дата обращения: 15.09.2018).
22. Ермаков Д.С. Экологическая грамотность учащихся: теория и практика // Биология в школе. 2016. № 5. С. 52-59.
23. Иванова Л.Ю. Экологическая культура школьной молодежи: состояние и задачи формирования // II Российская конференция по экологической психологии : материалы (Москва, 12-14 апр. 2000 г.) / под ред. В.И. Панова. М. – Самара : МГППИ, 2001. С. 139-145.
24. Захлебный А.Н., Дзятковская Е.Н. Проектируем курс «Экология» для старшей ступени школы // Экологическое образование для устойчивого развития: теория и педагогическая реальность : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Н. Новгород: 31 окт. – 1 нояб. 2013 г.). Н. Новгород : НГПУ им. К. Минина, 2013. С. 20-27.

Сведения об авторе

Лариса Юрьевна Иванова – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5; e-mail: Lariv2005@yandex.ru)

Ivanova L.Yu.

The Environmental Culture in the Russian society as a Condition for Building Eco-Consciousness and Behavior of the Younger Generation

Abstract. The environmental state largely depends on the environmental culture and consciousness of the population. The study of these qualities among the representatives of the younger generation is of particular interest: this has determined the relevance of the research problem. The purpose of the research is to compare the attitude towards pressing environmental issues among modern 16-year-olds and their peers interviewed 20 years ago, and to analyze the causes of changes that have occurred in the eco-consciousness and behavior of the younger generation during this period. The research lies in the following: the performance of 16-year-old teenagers' concerns about serious environmental problems and their environmental behavior is studied for the first time in two decades; the causes of changes (decreased attention of the state and the society to environmental issues; the school course "Environment" is no longer mandatory; the media do not pay attention to the issue of sustainable development) are analyzed. The study applies the method of questionnaires. In 1996, the survey was conducted in three, and in 2017 – in four Russian regions. The study shows that modern 16-year-olds, unlike their peers from the 1990s, less often note that people litter in the streets and in the countryside, throwing wrappers and other wastes (which indicates that the eco-culture has increased); however, their participation in environmental movements and organizations, as before, remains at an extremely low level. According to the data, despite the deepening environmental crisis, the share of adolescents expressing serious concern about important environmental problems has decreased over 20 years. In the light of the above, it is of great importance to educate the public on human ecology and develop school education on environment and sustainable development, whose objectives include building the younger generation that would understand the need to address environmental problems and reduce anthropogenic load on the environment, as well as developing skills to improve the environment.

Key words: adolescents, questionnaire survey, attitude performance, concern about environmental problems, eco-consciousness, eco-behavior, environment, harm to health.

Information about the Author

Larisa Yu. Ivanova – Candidate of Sciences (Pedagogy), Leading Researcher, Federal Research Center for Sociology of RAS (24/35, Krzhizhanovskii Street, Apt. 5, 117218, Moscow, Russian Federation; e-mail: Lariv2005@yandex.ru)

Статья поступила 28.09.2018.

DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.12

УДК 316.35, ББК 60.59

© Дидковская Я.В., Трынов Д.В.

Социальное самочувствие и ожидания молодежи индустриального региона*



Яна Викторовна

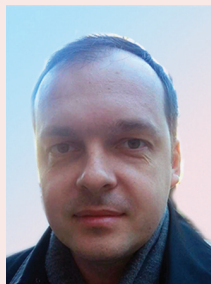
ДИДКОВСКАЯ

Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б.Н. Ельцина

Екатеринбург, Российская Федерация, 620002, ул. Мира, 19

E-mail: diyana@yandex.ru



Дмитрий Валерьевич

ТРЫНОВ

Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б.Н. Ельцина

Екатеринбург, Российская Федерация, 620002, ул. Мира, 19

E-mail: dmitrynov@inbox.ru

Аннотация. В статье рассмотрены социальные ожидания молодежи крупного индустриального региона России во взаимосвязи с ее социальным самочувствием. Информационной базой статьи стали результаты выборочного исследования, проведенного социологами Уральского федерального университета под руководством Ю.Р. Вишневого в 2016 г. в г. Екатеринбурге и Свердловской области. Опрошено 2512 человек в возрасте от 15 до 30 лет, использована целевая квотная выборка, квотными признаками выступили занятость (работающая, учащаяся и безработная молодежь), возраст (опрошены молодые люди трех возрастных категорий – до 20 лет, 21–25 лет

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00907 «Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего как фактор развития инновационного потенциала».

Для цитирования: Дидковская Я.В., Трынов Д.В. Социальное самочувствие и ожидания молодежи индустриального региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 202-214. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.12

For citation: Didkovskaya Ya.V., Trynov D.V. Social Well-Being and Expectations of the Youth in the Industrial Region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 202-214. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.12

и 26–30 лет) и тип поселения (жители Екатеринбурга, других крупных городов области, средних, малых городов, сел и поселков городского типа). В настоящей работе поставлена проблема изучения социального самочувствия молодежи, ключевым фактором которого выступают её ориентации на будущее, ожидания и жизненные стратегии. На основе анализа научных концепций, посвященных социальному самочувствию населения, вскрывается важная черта молодежи как социально-демографической группы – ориентация на перспективу и значительный горизонт планирования. Выдвинуто обоснованное предположение, которое частично подтвердилось результатами опроса, что социальное самочувствие молодежи в значительной степени зависит от сформированного образа будущего и оценки своих жизненных перспектив. Респонденты, проявляющие уверенность в завтрашнем дне, склонны более позитивно оценивать настоящее. На основе данных опроса составлена классификация групп молодежи по критерию их отношения к жизненным перспективам: «ноувисты» (от англ. now – сейчас), «оптимисты», «пессимисты» и «терпеливые». В качестве дискуссионной в дальнейшем авторы обозначают проблему: молодые люди, которые четко фиксируют образ будущего и организуют свою жизнь сообразно жизненным стратегиям, проявляют лучшие способности к социальной адаптации.

Ключевые слова: социальное самочувствие, жизненные перспективы, социальные ожидания, социально-экономический статус, образ социального будущего.

Введение. Одним из индикаторов эффективности социально-экономического развития региона, оценки качества жизни выступает самочувствие различных социальных групп и слоев населения. Выбор молодежи индустриального региона в качестве объекта исследования объясняется сразу несколькими обстоятельствами.

Во-первых, смена индустриальной модели развития на постиндустриальную оказала крайне негативное воздействие на регионы с высокой концентрацией промышленного производства, большим количеством крупных предприятий [1, 2].

Во-вторых, помимо собственно хозяйственных издержек, оказался существенным и социальный ущерб. Деактуализировались привычные ориентиры молодежи на получение инженерно-технического образования и трудоустройства на промышленных предприятиях [3]. В целом вырос риск социально-культурных деформаций, были прерваны механизмы культурной трансмиссии, в результате чего молодежь оказалась лицом к лицу с необходимостью адаптации и самостоятельного поиска жизненных ориентиров без опоры на позитивный опыт старшего поколения.

В-третьих, молодежь рассматривается одновременно как одна из наиболее уязвимых социальных групп, но вместе с тем обладающая потенциалом, составляющим ресурс развития всего общества [4]. Следовательно, успехи или

неуспехи реализации мер государственной политики прямо отражаются на показателях самочувствия и ожиданиях молодежи.

В зарубежном общественном исследовании социального самочувствия традиционно ведутся на базе концепций «социального благополучия» [5, 6, 7, 8], «качества жизни» [9, 10, 11], «социального счастья» [12, 13, 14]. Английская литература преимущественно содержит термины *welfare*, что синонимично русскому эквиваленту «благополучие», и *well-being*, что означает «благополучие» или «самочувствие». Под ними понимаются позитивные (радость, удовлетворенность, счастье) и негативные (страх, тревога, опасения) состояния, но – самое главное – одновременно выделяется социальный компонент благополучия: оценка человеком своей жизни в соотношении с ситуацией в обществе.

Несмотря на то что в русле западных концепций социальное самочувствие исследуется как субъективный феномен, оно отражает некие реальные условия жизни людей. Поэтому можем зафиксировать факт, что использование результатов социального самочувствия в социальном познании на Западе уже «стало социальной нормой, а основой методологии социальных исследований – не просто описание жизненно важных проблем, наслаения их друг на друга, тревог и напряженности людей, а анализ работы власти и доминирования утверждаемых в обществе приоритетов» [15, с. 11].

В отечественной социологической литературе имеется значительный пласт работ, посвященных исследованию социального самочувствия и ожиданий молодежи [15, 16, 17]. В центре проблематики исследований социального самочувствия оказываются такие аспекты, как социальная адаптация [18, 19, 20], социальная активность и напряженность [21, 22]; факторы, формирующие девиантное поведение малоресурсных подгрупп молодого поколения [23, 24, 25]. В попытке сгруппировать авторские концепции можно прийти к выводу, что все они исходят из анализа субъективных оценок людьми своего положения в системе социального неравенства.

Однако при всем многообразии исследовательских работ пока отсутствует целостная концепция, которая отражала бы связь между социальными ожиданиями и самочувствием молодежи, а также объясняла степень их взаимовлияния.

В свете этого поставлена цель статьи: концептуализировать связь между ожиданиями молодежи и ее социальным самочувствием. Прикладной задачей выступает исследование уровня удовлетворенности молодых людей различными аспектами социальной реальности, условиями их жизнедеятельности и отслеживание на примере индустриального региона связи между ориентацией молодежи на будущее и ее актуальным самочувствием.

Теоретико-методологические основания исследования

В современной науке утвердились два теоретических подхода к исследованию социального самочувствия – социологический и психологический. Длительное время в методологии «социального самочувствия» преобладал психологический подход (Гриценко, Коломиец, Крупец, Шаламова). В его основу положено исследование социального самочувствия как индивидуального или группового феномена. Социальное самочувствие рассматривается как социально-психологическое состояние индивида или группы, которое хотя и возникает под влиянием объективных обстоятельств жизнедеятельности, но центром и предметом анализа остается измерение переживаний субъектом его чувственно-эмоциональной и когнитивной сфер [34].

Углубление теории социального самочувствия стало следствием развития самой социологии в постсоветский период, поиска новых оснований, объясняющих бурные социальные процессы. «Субъективное восприятие человеком собственной жизни перестало быть прерогативой только психологических исследований в силу существенного влияния объективных факторов, в значительной мере детерминирующих жизнедеятельность как отдельного индивида, так и социальных общностей» [26, с. 50].

Анализ интерпретации понятия «социальное самочувствие» в рамках социологического подхода показывает широкий диапазон трактовок этого явления (Рубина, Тощенко, Харченко, Петрова). В одной из первых социологических работ, посвященных этой проблеме, Е.В. Давыдова определяет социальное самочувствие как «удовлетворенность человека различными сторонами жизни: семейной, бытовой, трудовой, досуговой, социально-политической, социально-экономической, социально-культурной» [27, с. 14]. В дальнейшем это определение уточнялось и расширялось в зависимости от авторского видения и предметного поля конкретного исследования, однако неизменной оставалась ее основа – категория удовлетворенности [28, 29, 30].

Н.И. Лапин, определяя социальное самочувствие с позиций аксиологического подхода, обращает внимание на его соотнесенность с контекстом настоящих условий и с ориентациями на будущее: «Социальное самочувствие – это субъективное восприятие людьми смыслов своей жизнедеятельности здесь и теперь, в контексте прошлого и ожидаемого будущего. Это ценностно-эмоциональное их отношение к своему социальному положению и уровню удовлетворения своих потребностей, интересов»¹. Однако Лапин рассматривает степень оптимизма в оценке будущего лишь как одну из составляющих социального самочувствия, тогда как образ социального будущего молодежи как целостный феномен тесно взаимосвязан с ее субъективным восприятием и ощущением событий и условий настоящего.

¹ Лапин Н.И. Базовые ценности, социальное самочувствие и доверие институтам власти // VIII Международная научная конференция «Модернизация экономики и общественное развитие»: в 3 кн. / под ред. Е.Г. Ясина. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. Кн. 2. С. 210-219.

На наш взгляд, сущность социологического подхода к изучению социального самочувствия раскрывается через анализ данной категории одновременно на макро- и микроуровнях социальной системы, а именно во взаимодействии объективных факторов и условий жизнедеятельности и их субъективного восприятия (преломления) в сознании индивида и социальной группы. Второй важный момент, определяющий специфику социологического анализа социального самочувствия, заключается в рассмотрении в качестве субъекта самочувствия социальной общности или группы, в частности молодежи.

Известно, что положение молодежи в системе социального неравенства характеризуется значительной неопределенностью [31]. Для молодого человека позиция в жизненном цикле связана с возможностью/невозможностью успешно накапливать и реализовывать свой потенциал. Следовательно, субъективные оценки удовлетворенности молодежи теми или иными аспектами жизнедеятельности носят прожективный характер. Существенную роль в этих оценках играют социальные ожидания и формирующийся на их основе образ будущего.

Таким образом, наше понимание социального самочувствия исходит из того, что для молодежи оно во многом определяется сформированным в ее сознании образом социального будущего, важнейшим компонентом которого выступают социальные ожидания. Социальные ожидания же формируются на основе оценки молодыми людьми возможностей реализовать свой потенциал в актуальной и конкретной общественной ситуации. Следовательно, мы можем предположить и обратную связь между самочувствием и ожиданиями: стратегическое поведение молодежи, то есть поведение, нацеленное в будущее, ориентация на перспективу, формируется с учетом удовлетворенности конкретными условиями жизни здесь и сейчас, соответственно выбор жизненной, профессиональной, образовательной и других стратегий молодежи зависит от ее актуального самочувствия.

На основании взаимосвязи между социальным самочувствием и ожиданиями можно выделить несколько типов социальных настроений молодежи в соответствии с их установкой на будущее и позицией, занимаемой по отношению к настоящему. Традиционно в социоло-

гии и социальной психологии выделяют группу с оптимистическим настроением – так называемых «оптимистов», для которых характерны позитивное восприятие настоящих событий и высокая оценка жизненных перспектив. Группа с противоположной модальностью настроения – «пессимисты» подвержены негативным чувствам по отношению как к настоящему, так и к будущему [32]. Мы полагаем, что такая классификация не является исчерпывающей и не охватывает весь спектр возможных настроений молодежи. Сегодня ряд социологов говорят о распространении среди молодежи «ноувизма» как отказа от размышлений о будущем, попытки жить сегодняшним днем [33]. Кроме того, мы выделяем еще один тип настроений – «нейтрально-терпеливая» молодежь, для которой характерно принципиально иное эмоциональное состояние – принятие событий такими, как они есть, готовность терпеть их негативные последствия.

В основу нашего исследования положено понимание социального самочувствия как системы субъективных оценок молодежью своих перспектив и возможностей реализации жизненных стратегий. В структуру социального самочувствия мы включаем как объективные факторы и условия жизни, так и субъективные состояния людей.

К объективным факторам следует отнести экологические, политико-экономические, социокультурные параметры среды проживания. Они выступают в качестве институционального контекста для функционирования субъективных состояний и, преломляясь в системе ценностных ориентаций социальных субъектов, во многом определяют эти состояния.

Субъективные состояния включают удовлетворенность молодежью текущими условиями ее жизнедеятельности: социально-экономическим статусом, в том числе материальным положением, жилищными и бытовыми условиями и перспективами их улучшения; возможностями получения образования и повышения его уровня; возможностями трудовой занятости, карьеры и самореализации в профессии. Согласно основной гипотезе исследования эти компоненты сопряжены с социальными ожиданиями молодежи. Данные субъективные составляющие социального самочувствия определили основные блоки нашего эмпирического исследования.

Данные и метод

В статье использованы материалы эмпирического социологического исследования «Социальное самочувствие молодежи Свердловской области», реализованного в ноябре 2015 – январе 2016 г. под руководством Ю.Р. Вишневого и при участии авторов статьи. Методом анкетирования опрошено 2512 человек в возрасте от 15 до 30 лет, использована целевая квотная выборка, квотными признаками являются занятость (работающая, учащаяся и безработная молодежь), возраст (молодые люди трех возрастных категорий – до 20, 21–25 и 26–30 лет) и тип поселения (жители Екатеринбурга, других крупных городов области, средних и малых городов, сел и поселков городского типа).

В основу возрастных квот положены ключевые моменты самоопределения молодых людей: до 20 лет – период первичного самоопределения в профессии и образовании (окончание средней школы, поступление в учебные заведения или выход на работу); 21–25 лет – для большей части молодежи это период окончания колледжа или вуза, выход на рынок труда (поиск работы, первичное трудоустройство), 26–30 лет – период накопления социального и профессионального опыта, создания семьи, самоопределения в семейно-бытовой сфере, смены жизненных приоритетов. Возраст оказался значимым фактором, определяющим социальное самочувствие и образ будущего молодежи.

Опросом охвачена молодежь, проживающая в Екатеринбурге (44%); в других крупных городах области (25%); в средних и малых городах (24%); в сельских поселениях (7%). Это фактически повторяет распределение молодежи Свердловской области по месту проживания. При формировании выборки предполагалось,

что помимо возраста на социальные настроения и ожидания респондентов будет оказывать влияние место жительства. Однако статистически значимой связи места проживания с социальным самочувствием и ожиданиями респондентов не обнаружено.

Обработка и анализ полученных эмпирических данных выполнены с использованием программы обработки и анализа социологической и маркетинговой информации Vortex 10.

Результаты исследования

Исследование показало, что значимым настроением среди опрошенных выступает оптимизм: 45% считают, что ситуация в стране в будущем улучшится. Для молодежи в целом характерно позитивно оценивать социальное будущее, и поэтому в ответах респондентов не просматривается возрастных различий. Вместе с тем не стоит интерпретировать такие ответы сугубо как положительную оценку существующего положения дел, напротив, в ней мы видим запрос на перемены, но которые имеют отложенный характер. Молодежь, с одной стороны, демонстрирует ожидание изменений, но, с другой стороны, еще имеет определенный «запас терпения» (табл. 1).

Хотя оптимистически настроенная молодежь численно преобладает, скорее стоит говорить о том, что молодежная среда крайне дифференцирована по признаку отношения к будущим перспективам.

Следующая группа опрошенных испытывает диаметрально противоположные оптимизму ожидания будущего. Они устали ждать перемен к лучшему (14%), их настроение определяется опасениями того, что ситуация будет только ухудшаться. Нейтральные оценки характерны для такого же числа респондентов – 14%. В то же время стоит учитывать, что эта группа не ис-

Таблица 1. Настроения и ожидания молодежи различных возрастных групп, %

Какие настроения, ожидания у Вас сегодня преобладают?	Ваш возраст			
	До 20 лет	21–25 лет	26–30 лет	ИТОГО
Считаю, что ситуация в стране улучшится («оптимисты»)	42	51	48	45
Особых изменений не предвижу, немного можно потерпеть («терпеливые»)	12	17	16	14
Уже устали ждать перемен, опасаясь, что ситуация будет только ухудшаться («пессимисты»)	15	9	17	14
Самое лучшее – жить сегодняшним днем, не забивать себе голову («ноувисты»)	29	19	17	25
Затрудняюсь ответить	2	4	2	2
ИТОГО	100	100	100	100

пытывает каких-то особых чувств по поводу будущего и может пополнять ряды «оптимистов» и «пессимистов» в зависимости от событийного контекста.

Особым явлением, требующим отдельного внимания, выступают ноувиристские установки молодежи. Ориентации на жизнь «здесь и сейчас», не затрудняя себя мыслями о будущем, построении жизненных планов, довольно типичны для всех возрастных подгрупп молодежи (25%). Однако особенно ярко они проявляются в младшей возрастной когорте (29%). В наименьшей степени они характерны для молодежи 26–30 лет (17%). Судя по всему, по мере взросления, социализации, выстраивания более сложных социальных связей молодые люди преодолевают ноувиристские установки и приобретают необходимый опыт в планировании жизни. Соответственно, с возрастом молодежь переходит из категории «ноувиристов» в группы с другими социальными настроениями и ожиданиями относительно будущего.

Ядром социального самочувствия выступает удовлетворенность различными аспектами жизни. Материальное благополучие и социально-экономический статус составляет основу удовлетворенности (табл. 2).

Прослеживается тенденция: в младшей возрастной подгруппе (до 20 лет) удовлетворенность материальным положением выше, чем в

старших. Социально-экономический статус (СЭС) данной возрастной когорты молодежи еще определяется сложившимся социально-экономическим статусом родителей. Респонденты данной группы, как правило, проживают в родительской семье, отсюда следует более спокойное отношение к материальным аспектам жизни. В свою очередь 21–25-летние молодые люди, вступая во взрослую жизнь, вынуждены самостоятельно формировать свой СЭС, конкурируя на рынке труда. При этом мы допускаем, что они все еще пользуются материальной помощью родителей, в ряде случаев проживая с ними под одной крышей. Неудовлетворенность материальным положением 26–30-летних связана с вступлением в брак, созданием семьи, необходимостью ее обеспечивать. Одновременно ими не наработан достаточный профессиональный капитал, который позволил бы достичь необходимого уровня дохода. В профессиональном плане они находятся в начале пути, перед ними стоят задачи карьерного роста.

Исследование выявило, что удовлетворенность текущим материальным положением молодежи сопряжена с ее настроениями и ожиданиями будущего (коэффициент корреляции Крамера между соответствующими переменными составил 0,125, значим). Результаты зависимости представлены в таблице 3.

Таблица 2. Удовлетворенность материальным положением различных возрастных когорт молодежи, %

В какой мере Вы удовлетворены Вашим материальным положением?	Ваш возраст			
	До 20 лет	21–25 лет	26–30 лет	ИТОГО
Да, полностью	15,0	6,1	4,5	11,5
Скорее да, чем нет	37,7	25,7	28,5	33,2
Скорее нет, чем да	29,0	47,7	45,5	35,6
Совсем нет	15,4	20,5	21,1	17,5
Индекс удовлетворенности материальным положением*	+0,08	-0,36	-0,33	-0,08
ИТОГО	100	100	100	100

* Индекс рассчитан как разность между положительными и отрицательными ответами респондентов, деленная на 100.

Таблица 3. Взаимосвязь настроений и ожиданий молодежи и ее удовлетворенности своим материальным положением*, %

В какой мере Вы удовлетворены Вашим материальным положением?	Преобладающие настроения и ожидания			
	Оптимисты	Ноувиристы	Терпеливые	Пессимисты
Да, полностью	10	15	6	12
Скорее да, чем нет	36	37	15	24
Скорее нет, чем да	39	35	62	31
Совсем нет	15	12	17	33
ИТОГО:	100	100	100	100

* Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,125, значим.

Наиболее высокий уровень удовлетворенности своим материальным положением наблюдается в группе молодежи, считающей, что лучше жить сегодняшним днем. Ноувисты довольны своим текущим материальным статусом, что, видимо, связано с их сравнительно беззаботным существованием, и не желают задумываться о будущем.

Достаточно высокие оценки удовлетворенности зафиксированы среди молодежи, ориентированной на улучшение ситуации в стране, однако они несколько ниже, чем у «ноувистов». Молодежь, не ожидающая каких-либо изменений ситуации в будущем, но при этом готовая еще немного потерпеть, скорее не удовлетворена своим материальным положением (в этой группе преобладают ответы «скорее нет, чем да» – 62%).

Наименее довольны своим социально-экономическим статусом пессимистически настроенные респонденты. Они совсем не удовлетворены материальным положением (33%) и не видят перспектив его улучшения, напротив, ожидают сужения возможностей повысить свой социально-экономический статус в будущем.

Помимо удовлетворенности материальным положением мы измеряли такие параметры социального самочувствия, как удовлетворенность полученным образованием и профессиональной подготовкой (табл. 4).

В удовлетворенности качеством полученного или получаемого образования прослеживается возрастная специфика. Наиболее удовлетворена младшая возрастная когорта молодежи (до

20 лет), то есть в основном это респонденты, которые находятся в процессе получения образования (старшеклассники, студенты колледжей и младших курсов вузов). В данном случае их удовлетворенность/неудовлетворенность качеством образования связана с оценкой возможностей поступления в колледжи и вузы. Удовлетворенность старшей возрастной когорты (26–30 лет) несколько ниже: эти респонденты уже работают, имеют опыт взаимоотношений с работодателями и соизмеряют полученное образование с требованиями производства и бизнеса.

Не случайно, что наименее удовлетворена качеством образования средняя возрастная когорта молодежи (21–25 лет), находящаяся на стадии перехода от образовательного этапа к трудовому. Именно для её представителей наиболее актуальны вопросы поиска работы и трудоустройства, первый опыт применения полученных в образовательном учреждении знаний и навыков. Респонденты данной группы находятся «лицом к лицу» с проблемой оценки работодателем качества полученного ими образования. Согласно ряду социологических исследований, основная претензия молодежи к образованию – несоответствие его содержания требованиям работодателей [4, 17].

Удовлетворенность качеством образования значимо коррелирует с удовлетворенностью качеством профессиональной подготовки (коэффициент корреляции Крамера составляет 0,135, значим). Это подтверждает наш вывод о том, что молодежь оценивает качество полученного

Таблица 4. Удовлетворенность качеством получаемого (полученного) образования и качеством получаемой (полученной) профессиональной подготовки различных возрастных когорт молодежи, %

Удовлетворены ли Вы качеством получаемого (полученного) образования?	Ваш возраст			
	До 20 лет	21–25 лет	26–30 лет	ИТОГО
Да, полностью	27	16	19	23
Скорее да, чем нет	52	45	53	49
Скорее нет, чем да	17	31	24	22
Совсем нет	4	8	4	6
ИТОГО	100	100	100	100
Удовлетворены ли Вы качеством получаемой (полученной) профессиональной подготовки?	Ваш возраст			
	До 20 лет	21–25 лет	26–30 лет	ИТОГО
Да, полностью	22	14	16	19
Скорее да, чем нет	45	45	50	46
Скорее нет, чем да	19	33	23	23
Совсем нет	5	6	3	5
ИТОГО	100	100	100	100

образования именно в разрезе его применимости на рынке труда.

Удовлетворенность качеством получаемой или полученной профессиональной подготовки имеет аналогичную возрастную специфику (см. табл. 4). Наиболее удовлетворена младшая когорта молодежи, которая еще не имеет опыта профессиональной деятельности; наименее – молодежь в возрасте 21–25 лет, находящаяся в активном поиске своей профессиональной ниши на рынке труда. Наше исследование еще раз подтверждает факт: по-прежнему актуален «разрыв» между профессиональным образованием и рынком труда, о котором уже давно говорят социологи [32].

Обе переменные, и удовлетворенность качеством образования, и удовлетворенность профессиональной подготовкой, коррелируют с настроениями и ожиданиями молодежи (табл. 5 и 6).

В целом респонденты вне зависимости от высказанных настроений относительно будущего скорее удовлетворены качеством получаемого (полученного) образования, чем не удовлетворены, хотя доля неудовлетворенных образованием в той или иной степени значительна: она варьируется от 23% среди молодежи, настроенной жить сегодняшним днем, до

43% среди пессимистично настроенной молодежи. Удовлетворенность качеством профессиональной подготовки примерно на таком же уровне: доля неудовлетворенных (полностью или частично) составляет 25% среди молодежи с ноувиистскими установками и 37% среди пессимистов и молодежи, настроенной «потерпеть».

Однако дальнейший анализ удовлетворенности показывает различия в соответствии с выявленными настроениями и ожиданиями молодежи.

Наиболее удовлетворена качеством образования, как и в случае с материальным положением, молодежь с ноувиистскими установками на будущее. К ней близка группа молодежи, выражающей оптимистичный настрой. Более осторожные оценки качества получаемого (полученного) образования дает молодежь, настроенная еще потерпеть: ее ответы смещаются к средней части шкалы удовлетворенности (скорее да, чем нет; либо скорее нет, чем да). Молодежь, пессимистически настроенная относительно будущего, оценивает качество образования более радикально: среди нее наиболее высока доля неудовлетворенных качеством образования (15% совсем не удовлетворены и 28% скорее не удовлетворены, чем удовлетворены).

Таблица 5. Удовлетворенность качеством получаемого (полученного) образования в зависимости от социальных настроений и ожиданий молодежи*, %

Удовлетворены ли Вы качеством получаемого (полученного) образования?	Преобладающие настроения и ожидания			
	Оптимисты	Ноувиисты	Терпеливые	Пессимисты
Да, полностью	23	24	9	16
Скорее да, чем нет	51	53	63	41
Скорее нет, чем да	21	22	22	28
Совсем нет	5	1	6	15
ИТОГО:	100	100	100	100

* Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,123, значим.

Таблица 6. Удовлетворенность качеством получаемой (полученной) профессиональной подготовки в зависимости от социальных настроений и ожиданий молодежи*, %

Удовлетворены ли Вы качеством получаемой (полученной) профессиональной подготовки?	Преобладающие настроения и ожидания			
	Оптимисты	Ноувиисты	Терпеливые	Пессимисты
Да, полностью	20	26	9	14
Скорее да, чем нет	48	49	54	49
Скорее нет, чем да	26	23	34	25
Совсем нет	6	2	3	12
ИТОГО:	100	100	100	100

* Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,112, значим.

Интересно, что похожая картина наблюдается в оценке удовлетворенности качеством получаемой (полученной) профессиональной подготовки (см. табл. 6). Ею также наиболее удовлетворена молодежь, ориентированная на сегодняшний день (ноуви́сты – 26 и 49%).

Несколько в меньшей степени, но довольно существенно удовлетворена оптимистично настроенная молодежь (20 и 48%). В остальных двух группах молодежи удовлетворенность качеством профессиональной подготовки значительно ниже.

Если разделить ответы «пессимистов» и «терпеливой» молодежи на два полюса – позитивный и негативный, то удовлетворенных и неудовлетворенных оказывается поровну в обеих группах: соответственно удовлетворенных в той или иной степени в каждой группе по 63%, а неудовлетворенных – по 37%. Но если опасаящиеся негативного сценария будущего тяготеют к крайним оценкам (чаще, чем «терпеливые», отмечают ответы «полностью удовлетворен» либо «совсем не удовлетворен»), то молодежь, согласная потерпеть еще немного, снова, как и в случае с удовлетворенностью качеством образования, занимает несколько неопределенную позицию: чаще, чем респонденты других групп, выбирает ответы из средней части шкалы – «скорее да, чем нет» либо «скорее нет, чем да».

Таким образом, на основании эмпирического анализа взаимосвязи между социальным самочувствием и ожиданиями мы видим подтверждение наличия и реального функционирования таких установок на будущее и позиций, занимаемых по отношению к настоящему среди молодежи, как «ноуви́зм», «оптимизм», «пессимизм» и «терпеливость». Дадим обобщающую характеристику данных групп.

1. «Ноуви́сты». Их оказалось довольно много – четверть опрошенных. Ноуви́сты представляют собой группу, наиболее довольную своим материальным положением, качеством полученного образования и качеством полученной профессиональной подготовки, то есть, казалось бы, образуют группу с наиболее адаптивным социальным самочувствием. Однако отказ выстраивать перспективу снижает преобразовательную активность данной группы.

Учитывая, что ноуви́стские установки наиболее выражены в группе молодежи до 20 лет, имеет смысл предположить маргинальный характер данной группы. По мере своего самоопределения – социального, образовательного, профессионального и семейно-бытового – возможно ее «перетекание» в группы с другими установками – «оптимистичными», «пессимистичными» или «нейтрально-терпеливыми». И здесь результат во многом будет зависеть от объективных возможностей самореализации, предоставляемых обществом молодежи.

2. «Оптимисты». Данная группа обладает позитивной установкой на перспективу, что довольно характерно для молодежи, поэтому в выборке она составляет почти большинство – 45%. В то же время «оптимисты» характеризуются высоким уровнем удовлетворенности показателями социального самочувствия. Хотя их оценка существующего не столь «безоблачна», как у «ноуви́стов». Присутствует некоторое ожидание, намерение изменить социальную реальность в лучшую сторону, и в этом мы видим потенциал данной группы.

3. «Пессимисты» (14%) опасаются ухудшения ситуации в будущем, не видят позитивных перспектив и поэтому они наиболее не удовлетворены из всех групп. Тем не менее их отрицательно заряженный потенциал может быть источником активности, направленной на перемены к лучшему. Критический настрой, как известно, первый шаг к изменению ситуации.

4. Особая категория молодежи – «терпеливые» (14%). С одной стороны, им свойственна негативная оценка, неудовлетворенность существующим, хотя она несколько «сглажена» по сравнению с «пессимистами». Но, с другой стороны, для них характерна ориентация на сохранение этого «негативного» существующего. Их согласие «потерпеть» снижает, на наш взгляд, преобразовательный потенциал этой группы молодежи.

Выводы

Обобщая проведенный анализ, мы можем заключить следующее. Социальное самочувствие молодежи индустриального региона, измеренное нами по трем параметрам – удовлетворенности материальным положением, удовлетворенности качеством получаемого (по-

лученного) образования и удовлетворенности качеством получаемой (полученной) профессиональной подготовки, — взаимосвязано с ее социальными ожиданиями и настроениями. Таким образом, наша теоретическая гипотеза о зависимости социального самочувствия и ожиданий подтвердилась.

Связь между ожиданиями и самочувствием носит ризомный или реверсивный характер. С одной стороны, видение и ощущение молодежью своих перспектив, позитивное или негативное, или отказ видеть какие-либо перспективы определяет субъективное восприятие ею своего текущего социально-экономического, образовательного и профессионального статуса. С другой стороны, эмоционально окрашенная оценка текущей ситуации молодежью, ее актуальное самоощущение в социуме может влиять, а точнее усиливать позитивный или негативный настрой на перспективу.

Исследования показали, что в оценке перспектив на будущее и текущего состояния дел молодежь неоднородна. Нам удалось выявить четыре группы молодежи, которым свойственны различные настроения и ожидания, сопряженные с разным уровнем удовлетворенности актуальной ситуацией, разным социальным самочувствием: «ноуви́сты», «оптимисты», «пессимисты» и «терпеливые». Наличие выделенных типов характерно для молодежи индустриального региона. Локализация объекта исследования — Свердловская область, которая относится к типичному индустриальному региону России с большим количеством промышленных предприятий, сложившимися образовательными инженерно-техническими центрами, со значительной долей молодежи, занятой в промышленном производстве. Допускаем, что наличие выделенных типов и их доля может варьироваться в зависимости от региональной экономической и социальной специфики. С

нашей точки зрения эта тема может быть предметом дальнейших сравнительных региональных исследований.

Наиболее благополучная оценка своего социального самочувствия «ноуви́стами» сопряжена с отсутствием у них какой-либо ориентации на будущее, отказом оценивать перспективы и желанием жить сегодняшним днем. Две выделенные нами группы, «оптимисты» и «пессимисты», противоположны в своих оценках как перспектив на будущее, так и текущей ситуации. Однако, на наш взгляд, их объединяет некий преобразовательный потенциал, основанный на равнодушии к действительности и желании изменить, улучшить социальную реальность. Негативизм группы «терпеливых» в сочетании с готовностью терпеть существующее, напротив, снижает их ценность как ресурса конструктивных изменений.

Обозначенные нами типы служат не столько делу утверждения их в качестве теоретической модели, сколько перебрасывают мост к дальнейшим дискуссиям и специальным исследованиям, посвященным образу социального будущего молодежи. Тем не менее обнаруженные категории молодежи могут стать базой для дальнейшей теоретизации в русле социологии личности и углубления аксиологического направления данной темы.

Безусловно, сопоставляя различные параметры социального самочувствия молодежи с ее ожиданиями, мы понимаем, что само социальное самочувствие включает в себя достаточно широкий спектр характеристик и не исчерпывается рассмотренными в статье параметрами. Анализ социального самочувствия как комплексного феномена и сложного характера его связи с настроениями и ожиданиями молодежи мы видим в качестве дальнейшей перспективы исследований.

Литература

1. Акбердина В.В., Сергеева А.С. Индустриальные регионы России: сравнительный анализ // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 7 (122). С. 98-117.
2. Экономическая динамика России и регионов в условиях структурного кризиса: анализ и прогнозирование / С.С. Гордеев, С.Г. Зырянов, О.П. Иванов, А.В. Кочеров // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 47-55.

3. Банникова Л.Н., Боронина Л.Н., Вишневецкий Ю.Р. Новые явления в ценностных ориентациях уральского студенчества // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 58-69.
4. Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: монография / Л.Н. Банникова [и др.]; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Ю.Р. Вишневецкого. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с.
5. Campbell A. Subjective Measures of Well-Being. *American Psychologist*, 1976, no. 31, pp. 117-124. DOI: 10.1037//0003-066X.31.2.117
6. Martinez-Martinez O.A., Vazquez-Rodriguez A.M., Lombe M., Gaitan-Rossi P. Incorporating Public Insecurity Indicators: A New Approach to Measuring Social Welfare in Mexico. *Social Indicators Research*, 2018, vol. 136, no. 2, pp. 453-475. DOI: 10.1007/s11205-016-1544-6
7. Biswas-Diener R., Diener E., Tamir M. The Psychology of subjective well-being. *Daedalus*, 2004, vol. 133, no. 2, pp. 18-25. DOI: 10.1162/001152604323049352
8. Diener E., Sapyta J.J., Suh E. M. Subjective well-being is essential to well-being. *Psychological Inquiry*, 1999, vol. 9, no. 1, pp. 33-37.
9. Campbell A, Converse P. E, Rodgers W. L. (Eds.). *The Quality of American Life. Perceptions, Evaluations and Satisfactions*. New York: Russell Sage Foundation, 1976.
10. Diener E., Tay L. Subjective well-being and human welfare around the world as reflected in the Gallup World Poll. *International Journal of Psychology*, 2015, vol. 50 (2), no. 1, 2, pp. 135-149. DOI: 10.1002/ijop.12136
11. Mercier C. Improving the Quality of Life of People with Severe Mental Disorders. *Social Indicators Research*, 1994, no. 33, pp. 165-192. DOI: 10.1007/BF01078961
12. Easterlin R.A. An Economist's Road to Subjective Well-Being. *Applied Research in Quality of Life*, 2014, vol. 9, no. 3, pp. 783-785. DOI: 10.1007/s11482-014-9329-z
13. Hagerty M.R., Veenhoven R. Wealth and Happiness Revisited - Growing wealth of nations does go with greater happiness. *Social Indicators Research*, 2003, vol. 64, pp. 1-27. DOI: 10.1023/A:1024790530822
14. DeJonge T., Veenhoven R., Kalmijn W., Arends L. Pooling Time Series Based on Slightly Different Questions About the Same Topic Forty Years of Survey Research on Happiness and Life Satisfaction in The Netherlands. *Social Indicators Research*, 2016, vol. 126, no. 2, pp. 863-891. DOI: 10.1007/s11205-015-0898-5
15. Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования: коллективная монография / под общ. ред. Ю.Р. Вишневецкого, Д.Ю. Нархова. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 205 с.
16. Севек В.К., Соян Ш.Ч., Севек Р.М. Социальное самочувствие молодежи республики Тыва // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 141-144.
17. Мягков А.Ю. Студенты технического вуза: профессиональные компетенции и ожидания на рынке труда // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 102-109.
18. Фролова Н.Л. Социальное самочувствие молодежи в период трансформации российского общества: региональный аспект // Социология и жизнь. 2009. № 1. С. 74-79.
19. Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 55-62.
20. Гриценко В.В., Субботина И.А. Социальное самочувствие и адаптация // Этнорегиональные модели адаптации (постсоветские практики). М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2008. С. 45-82.
21. Шаламова Л.Ф. Показатели социальной активности молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 3. С. 128-138.
22. Бафанов А.П. Социальное самочувствие рабочих как критерий уровня социальной напряженности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: социальные науки. 2013. № 2. С. 7-12.
23. Варшавская Е.Я. Молодежь, исключенная из сферы занятости и образования в странах ЕС и России // Вопросы статистики. 2015. № 4. С. 40-47.
24. Блинова Т.В., Вялышина А.А. Молодежь вне сферы образования и занятости: оценка сельско-городских различий // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 40-49.

25. Спиридонова Е.Л. Социальное самочувствие незанятой городской молодежи в условиях безработицы: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Новочеркасск, 2007. 156 с.
26. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 50-55.
27. Давыдова Е.В. Измерение социального самочувствия молодежи. М.: Институт социологии РАН, 1992. 185 с.
28. Рубина Л.Я. Профессиональное и социальное самочувствие учителей // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 63-75.
29. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи (опыт изучения возрастной когорты): дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 1997. С. 154.
30. Bagirova A.P., Notman O.V., Bagirov A.D., Goryainov S.V. Subjective Wellbeing of Residents as an Indicator of the Social Partnership Effectiveness in Urban Governance. *Proceedings of the International Conference Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies (IT&QM&IS)*, 2017, pp. 4-8.
31. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М.: Academia, 2008. 272 с.
32. Ключарев Г.А. «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 49-56.
33. Гражданская культура современного российского студенчества / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого, В.Т. Шапко. Екатеринбург, 2007. 325 с.
34. Коломиец О.В. Социальное самочувствие как проблема социальной психологии // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2012. № 3. С. 14-25.
35. Лапин Н.И. Базовые ценности, социальное самочувствие и доверие институтам власти // VIII Международная научная конференция «Модернизация экономики и общественное развитие»: в 3 кн. / под ред. Е.Г. Ясина. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. Кн. 2. С. 210-219.

Сведения об авторах

Яна Викторовна Дидковская – доктор социологических наук, доцент, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: diyana@yandex.ru)

Дмитрий Валерьевич Трынов – старший преподаватель, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: dmitrynov@inbox.ru)

Didkovskaya Ya.V., Trynov D.V.

Social Well-Being and Expectations of the Youth in the Industrial Region

Abstract. The article covers the social expectations of young people in a large industrial region of Russia in relation to their social well-being. The information framework of the article consists of results of a sample study conducted by the sociologists of Ural Federal University supervised by Yu.R. Vishnevsky in 2016 in the Yekaterinburg and Sverdlovsk oblasts. The survey sample includes 2,512 people aged 15–30, target quota sample was used, with quota signs such as employment (working, studying, and unemployed youth), age (young people of three age groups – under 20, 21–25, and 26–30) and type of settlement (residents of Ekaterinburg, other large cities in the region, medium or small towns, villages and urban-type settlements). The present paper raises the problem of studying the social well-being of young people, with a key factor being their focus on the future, their expectations and life strategies. Based on analysis of scientific concepts devoted to the population's social well-being, an important feature of the youth as a socio-demographic group is revealed: their focus on the future and a vast planning horizon. A reasonable

assumption is put forward, which is partially confirmed by the survey results: the social well-being of young people largely depends on the established image of the future and assessment of their life prospects. Respondents confident in their future tend to be more positive about the present. Based on the survey data groups of young people are classified in terms of their attitude towards their life prospects: “the nowists” (“*now*”), “the optimistic”, “the pessimistic” and “the patient”. The problem of discussion the authors identify for the in the future is the following: young people with a clear image of their future who arrange their lives according to their life strategies demonstrate a better ability to social adaptation.

Keywords: social well-being, life prospects, social expectations, socio-economic status, image of the social future.

Information about the Authors

Yana V. Didkovskaya – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: diyana@yandex.ru)

Dmitrii V. Trynov – Senior Lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: dmitrynov@inbox.ru)

Статья поступила 10.05.2018.

DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.13

УДК 32.019.52, ББК 60.54

© Иванова Е.М, Марков Е.А., Соловьева С.А.

О трансформации моделей взаимодействия власти, СМИ и общества в районных печатных изданиях*



**Елена Михайловна
ИВАНОВА**

Череповецкий государственный университет
Череповец, Вологодская область, Российская Федерация, 162600,
Советский пр., д. 8
E-mail: marevgeny@inbox.ru



**Евгений Алфеевич
МАРКОВ**

Череповецкий государственный университет
Череповец, Вологодская область, Российская Федерация, 162600,
Советский пр., д. 8
E-mail: marevgeny@inbox.ru



**Светлана Александровна
СОЛОВЬЕВА**

Череповецкий государственный университет
Череповец, Вологодская область, Российская Федерация, 162600,
Советский пр., д. 8
E-mail: ssa_doc@mail.ru

* Данная статья подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ № 18-411-350004 п_а «Трансформационные процессы в информационном взаимодействии власти и общества в современной России (на примере Вологодской области)».

Для цитирования: Иванова Е.М., Марков Е.А., Соловьева С.А. О трансформации моделей взаимодействия власти, СМИ и общества в районных печатных изданиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 215-225. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.13

For citation: Ivanova E.M, Markov E.A., Solov'yeva S.A. On the transformation of the models of interaction between the authorities, mass media and society in regional print editions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 215-225. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.13

Аннотация. В предлагаемой статье описаны трансформационные процессы, формирующие в современной России модели информационного взаимодействия органов власти, средств массовой информации и общества. В советский период деятельность средств массовой информации в СССР определялась государством, формирующим общественное сознание в стране с помощью канонических идеологических установок. К началу 1990-х гг. модель доминирования государства над обществом трансформировалась в новое социально-политическое состояние – доминирование общества над государством. Трансформации затронули и деятельность российских масс-медиа, совершивших к началу XXI в. полный виток, и вернувшихся в исходное информационно-коммуникативное положение. В деятельности российских масс-медиа вновь возобладали генная (государственная) природа, определившая формирование иерархической модели взаимодействия органов власти, СМИ и общества. Данные процессы доказывают необходимость активного участия властных структур в коммуникативно-информационном пространстве страны, которое нуждается в регулировании и саморегулировании, в том числе посредством научно обоснованной государственной информационной политики. Для решения задач анализа заявленных трансформационных процессов были избраны несколько методик: методики структурно-функционального, сравнительно-сопоставительного анализа, методика реконструирования адресата медиатекста, частично – метод контент-анализа. Модель взаимодействия органов власти и СМИ влияет на формирование социума малых городов, создание позитивного информационного поля; идентификацию населения. Исследование проводится на материале районных газет Вологодской области. Результаты анализа действующей модели информационного взаимодействия показывают её несовершенство, которое обусловлено монологичностью, мнимой естественностью национально-гражданской идентификации, конструированием образа адресата с идентичностью наивного субъекта.

Ключевые слова: информационная политика, модель информационного взаимодействия, СМИ, власть, общество, масс-медиа.

Введение

Анализ теоретических оснований и факторов оптимизации моделей взаимодействия структур власти и СМИ вызывает особый интерес в научном сообществе и современной политической практике.

Исследование механизмов и моделей диалога «власть-общество» может позволить оценить эффективность взаимодействия государственных и гражданских структур, выявить имеющиеся противоречия и факторы, тормозящие этот процесс.

В условиях современного общественно-политического пространства особое значение получают вопросы устойчивого и стабильного развития государства. Одним из факторов поддержания равновесия между властью и формирующимся гражданским обществом является коммуникативная среда, в которой представители власти реализуют свои полномочия. Диалог власти и общества выступает одной из базовых ценностей современного государства, регулирующим и системообразующим фактором социально-политической реальности.

Проблематика взаимодействия органов государственной власти, СМИ и общества обоснованно находит свое отражение в трудах зарубежных и отечественных авторов, работающих в разных научных отраслях: политологии, социологии, журналистике, отечественной истории, психологии, социальной психологии.

Если остановиться на относительно недавних работах отечественных исследователей в области данной проблематики, то можно увидеть значительную разноаспектность в освещении и решении вопроса об информационном взаимодействии власти и общества.

Проблему взаимодействия институтов власти, СМИ и общества на теоретико-философском уровне затрагивали А.А. Зиновьев, А.С. Панарин, С.Г. Кара-Мурза [1–3].

Анализу коммуникационных процессов (общественных, исторических, современных), изучению особенностей функционирования средств массовой информации, теории и практике журналистской деятельности посвятили свои работы А.А. Грабельников, И.И. Засурский, Я.Н. Засурский, Л.М. Землянова,

Е.П. Прохоров, М.В. Шкондин, И.И. Юзвешин, С.Г. Корконосенко, А.И. Соловьев, М.В. Шкондин, Л.Г. Свитич¹, С.В. Коновченко, А.Г. Киселев [4–11].

Прагматический потенциал средств массовой информации в условиях проведения социально-политических и экономических преобразований изучался Г. Дилигенским, М. Горшковым, И.Н. Тарасовым [12–14].

В последние годы в центре внимания научных исследований находятся проблемы, связанные с трансформацией политической системы современного российского общества и деятельностью средств массовой информации в условиях политических и экономических преобразований. Этой проблематике посвятили свои исследования Н.Р. Балынская, А.В. Бондар, Е.В. Бродовская, Е.В. Галкина, С.П. Поцелуев, В.В. Кравцов, С.С. Бодрунова².

Значительное количество работ посвящено роли и значению СМИ в формировании новой политической системы в России. Об этом свидетельствуют целый ряд коллективных монографий, сборников научных трудов, а также диссертационных работ по данной теме. К примеру, наиболее полный научный анализ выборов Президента Российской Федерации в 1996 году был выполнен группой авторов, представлявших академические научные организации [15]. Данную тему отразили в своих работах такие ученые, как В.М. Юрьев, Д.Г. Сельцер [16].

¹ Свитич Л.Г. Журнализм в системе глобальных информационно-креативных процессов: дис. ... докт. филол. наук. М., 2002. 324 с.

² Балынская Н.Р. Специфика участия средств массовой информации в политическом процессе современной России: автореф. дис. ... докт. полит. наук. Екатеринбург, 2009. 34 с.; Бондар А.В. Укрепление институтов государства как фактор консолидации российского общества: дис. ... докт. полит. наук. Саратов, 2009. 423 с.; Бродовская Е.В. Трансформация политической системы современного российского общества: институциональные и социокультурные составляющие: дис. ... докт. полит. наук. Тула, 2008. 389 с.; Галкина Е.В. Гражданское общество в политическом пространстве современной России: дис. ... докт. полит. наук. Краснодар, 2010. 412 с.; Поцелуев С.П. Диалог и парадиалог как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества: дис. ... докт. полит. наук. Р/нД, 2010. 436 с.; Кравцов В.В. Инновационная журналистика и власть в современном медийном пространстве: дис. ... докт. филол. наук. М., 2014. 398 с.; Бодрунова С.С. Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах: дис. ... докт. полит. наук. СПб., 2015. 426 с.

Процессы формирования и становления избирательной системы в Российской Федерации, вопрос о ее совершенствовании и результатах влияния на трансформацию страны, использование масс-медиа во время выборов рассматриваются в исследованиях известных зарубежных политологов и специалистов, таких как М. Макфолл, Д. Симон, Е. Шнайдер [17–19]. Способы обнаружения идеологического содержания масс-медийных сообщений во время выборов рассматривает в своей работе английский социолог Дж. Б. Томпсон [20].

Трансформационные процессы, происходившие в медийном поле и оказавшие влияние на формирование новой системы масс-медиа, нашли отражение в работе М.Ю. Галкиной, К. Лехтисари [21].

Вместе с тем в массиве научных исследований, на наш взгляд, наблюдается определенный недостаток работ, посвященных изучению коммуникативно-информационных отношений государства и общества и тех трансформационных процессов, которые происходят в сфере деятельности российских масс-медиа. Это говорит о наличии некоторых лакун в теоретических исследованиях по данной проблематике. Предлагаемая статья посвящена изучению причин и факторов, формирующих происходящие трансформационные изменения в моделях взаимодействия власти, СМИ и общества.

В советское время в стране действовала иерархическая модель взаимодействия власти и СМИ, находившихся под идеологическим контролем органов КПСС. Данная зависимость позволяла органам власти использовать СМИ в качестве инструмента доминирования над обществом, формируя общественное сознание на основе внедрения идеологических установок.

Начиная с середины 80-х годов XX века модель доминирования государства над обществом трансформировалась в совершенно противоположную модель – доминирования общества над государством. Причем особую роль в этой модели играли СМИ, превратившиеся на некоторое время в самостоятельный институт политической системы. Но уже к началу XXI в. российские СМИ вернулись к той модели, которая была характерна для советского периода, правда, теперь уже в несколько ином, не гомогенном, а гетерогенном качестве.

Система современных российских медиа объединяет признаки советской (иерархической) и других моделей, рассмотренных исследователями: коммуникативной, либертарианской, социальной ответственности, социального партнерства и т.д. Но в результате воздействия на СМИ специфических особенностей проведения в России социально-экономических реформ, а также проявления в российском социуме характеристик разных типов бытия и сознания (использование различными социальными группами идей, характерных для коммунистической идеологии, евразийства, западных либеральных ценностей, православия) возобладала государственная природа российских СМИ, приведшая к восстановлению иерархической модели взаимодействия власти, СМИ и общества³.

Таким образом, российские СМИ совершили полный виток в своем развитии, вернувшись к иерархической модели, предполагающей неизбежное присутствие и активное участие властных структур в коммуникативно-информационном пространстве страны [22, с. 189–190]. Необходимость активного участия органов власти в регулировании деятельности СМИ и всего информационно-коммуникативного пространства определяется защитой национальных интересов страны.

По мнению Л.И. Якобсона, информационное пространство формируется средствами массовой информации и блогосферой, объединяющей сообщества политиков, чиновников и журналистов [23, с. 135]. В связи с этим особую значимость приобретает вопрос о модели информационного взаимодействия органов власти и СМИ, её эффективности и возможных направлениях трансформации в Вологодской области.

Говоря о модели взаимодействия органов власти и СМИ, необходимо учитывать то, что эффективность их совместной деятельности оказывает влияние на формирование социума малых городов, создание позитивного информационного поля; идентификацию населения; формирование чувства малой Родины и

³ Марков Е.А. Трансформации коммуникативно-информационных отношений государства и общества в России: автореф. дис. ... докт. полит. наук. Саратов: ГОУ ВПО СГСЭУ, 2011. 37 с.

сопричастности к общему цивилизационному процессу. Кроме того, региональные СМИ являются эффективным средством реализации социальной активности людей в пределах небольших территориальных образований.

Однако социальные потребности населения далеко не всегда находят адекватное понимание в органах государственной власти. Поэтому объективно возрастает необходимость согласования государственных интересов и потребностей гражданского общества, а проблемы мониторинга моделей и механизмов взаимодействия государственно-общественного взаимодействия, власти и СМИ нуждаются в постоянном научном анализе и рефлексии.

Научный интерес к деятельности региональных СМИ очевиден, так как местная печать, телевидение, радио не только являются важным звеном в цепи решения проблем формирования единого информационного пространства, но и имеют большие возможности в связи с переоценкой значимости региона.

Среди многочисленных исследований региональной прессы существует достаточное количество работ, посвященных процессам взаимодействия власти и СМИ [24–30]. Проблематика предлагаемого исследования характеризуется научной новизной, связанной с выявлением особой модели взаимодействия власти, СМИ и общества. Она имеет черты сходства с советской, однако её уязвимость связана с некорректным конструированием образа адресата с идентичностью наивного субъекта. Новизна исследования заключается также в совмещении методологий когнитивного моделирования и политологических методов исследования прессы.

Методология

Объектом исследования стали районные периодические издания Вологодской области, входящие в Федеральный реестр, имеющие статус НКО, и их интернет-сайты. Предметом – существующая модель информационного взаимодействия органов власти, СМИ и общества в Вологодской области.

В ходе проведения исследования применялись методы сравнительно-сопоставительного анализа с целью определения совпадающих и специфических свойств районных СМИ Вологодской области; методика реконструирования

адресата медиатекста с целью выявления основных типологических характеристик читателя районных газет. С целью выделения в текстах районных печатных СМИ смысловых единиц, установления соотношений различных элементов текста друг с другом, с общим смыслом, назначением, объемом информации текста была использована методика контент-анализа. Для выработки подходов к формированию оптимальной модели взаимоотношений СМИ и власти учитывались пространственные, временные, функциональные факторы.

Данные исследования

Данные исследования были получены в результате анализа 39 региональных печатных изданий, 26 из которых составляют районные газеты. В фокусе исследования оказались публикации за 2018 г. в газетах «Сокольская правда» (Сокольский район), «Советская мысль» (Великоустюгский район), «Сельская новь» (Череповецкий район), «Звезда» (Шекснинский район), «Наша жизнь» (Бабаевский район). Выбор изданий определен принципом географической детерминированности и желанием изучить особенности современного контента районных газет. Большинство районных редакций в настоящее время имеют форму НКО и выступают в них в качестве учредителей. Однако на деятельность районных изданий оказывают существенное влияние заключенные редакциями и администрациями районов соглашения об информационном сотрудничестве. Этот фактор оказывает заметное с нашей точки зрения влияние на характер публикаций. Большинство региональных газет имеют жесткую содержательную модель, обладают одинаковыми идеологическими и стилистическими характеристиками.

Большая часть жителей районов, например Бабаевского, Сокольского Великоустюгского, – это аудитория 45+ со сложившимся «укладом» информационного «потребления», поэтому районные газеты по-прежнему остаются для читателей привычным каналом получения информации.

Для обоснования объективности подхода в исследовании использовались социологические данные ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (ВолНЦ РАН) об отношении населения региона к деятельности СМИ.

По мнению И. Дзялошинского, наиболее эффективной моделью взаимодействия СМИ и общества является модель социального партнерства. Её цель – повысить «прозрачность» экономических, политических, социальных, информационных процессов, так как подлинный диалог, подлинное партнерство, подлинное доверие возможны только в атмосфере информационной открытости [29].

Важнейшим показателем эффективности СМИ является оценка их деятельности населением региона [30]. Вологодская область – один из немногих регионов Российской Федерации, в котором на протяжении двадцати лет коллективом ФГБУН ВолНЦ РАН проводится мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения. Одно из направлений мониторинга связано с выявлением отношения населения к деятельности средств массовой информации. Данные этих исследований публикуются в бюллетене ВолНЦ РАН «Эффективность государственного управления в оценках населения» [30].

Результаты опросов показывают, что за период с 2012 по 2017 г. доля людей, считающих, что СМИ представляют объективные сведения об экономической и политической ситуации, снизилась с 53 до 48%, а удельный вес жителей области, удовлетворенных объемами соответствующего контента, уменьшился с 49 до 43%. Таким образом, учитывая тот факт, что средства массовой информации выступают каналом взаимодействия между обществом и властью и являются одним из инструментов информационной политики, мы можем предположить, что в сложившейся модели взаимодействия власти, СМИ и общества существуют определенные недостатки. Одним из них, на наш взгляд, является необъективно упрощенный региональными СМИ образ получателя информации, что делает ущербной, односторонней коммуникационную модель взаимодействия СМИ и общества.

Региональные СМИ должны быть приближены к проблемам и интересам своего читателя. Их универсальность обнаруживается в стремлении быть полезными максимально концентрированной аудитории. Особенность коммуникативной модели состоит в способности быть понятной и принятой региональной

аудиторией. Соответственно моделирование системы взаимодействия СМИ и власти должно быть связано с проецированием создаваемого дискурса на адресата.

Степень эффективности воздействия транслируемой информации обуславливается объективностью конструируемого изданием идеального образа читателя, который, отождествляя себя с конструируемой субъектной позицией, обретает свою идентичность в пределах дискурса. Однако реальный получатель информации обычно отличается от идеала, что приводит к противоречивым оценкам деятельности СМИ.

В основе дискурсивной идентичности адресата, по мнению Э.В. Чепкиной, лежит особая субъектная позиция, конструируемая в текстах. Идентичность адресата не имеет константных характеристик и завершения, так как коммуникация в рамках дискурса не имеет завершения [31, 32].

Позиция адресата региональной прессы формируется совокупностью факторов, таких как выбор событий, способ их актуализации, ключевые концепты, идеологически-оценочная окраска субъектных позиций. Особое значение при этом имеют тематические предпочтения издания, построение заголовочного комплекса, отбор лексики. Основное внимание уделяется повторяющимся смыслам, позволяющим реконструировать предписанную дискурсом позицию адресата.

В первую очередь местная пресса обращается к смыслам концептуального поля «региональная принадлежность». Анализ научной литературы показывает, что наиболее актуальными факторами идентификации аудитории СМИ являются территориальные и экономические [33, с. 77; 34, с. 25; 35]. Они и определили ход нашего исследования. В статье наибольшее внимание уделяется связям адресата с определенной территорией (которая ассоциируется с представителями местной власти) и его (адресата) прагматическими интересами и коллективными ценностями.

Конструирование субъектной позиции адресата в первую очередь связано с территорией его проживания, локусом. Любое указание на локализацию адресата объединяет читателя с героями публикаций. Часто этот прием используется в заголовочных комплексах:

«Шекснинский храм: чудо, которое происходит день за днём»; «У моста им. М. Зародова – новая одежда»; «В Соколе с успехом реализуется концепция активного долголетия»; «Ярмарка в Ёрге»; «В Великом Устюге приступили к ремонту дворовых территорий».

Указание на связь содержания текстов и, соответственно, их адресатов с определенной территорией задает и национально-гражданскую идентификацию: *«Правительство Вологодской области поможет муниципалитетам полностью обновить парк школьных автобусов»; «Впервые в нашем городе Святейший Патриарх Кирилл возглавил всенощное бдение»; «Полномочный представитель президента в СЗФО одобрил программу развития Великого Устюга».*

С территориальной идентификацией конструируемого субъекта тесно связаны идеологические характеристики, которые предполагают идеологическую общность региональной власти, коллектива редакции, читательской аудитории. Поэтому типичным становится использование идеологических штампов: *«Флаг – символ Родины», «Имя крепки делами своими»; «С огнём в сердце», «Наука делать добро».* Все они адресованы конструируемому адресату, который должен принять все идеологически маркированные конструкты за адекватное описание реальности.

Читатель региональной прессы конструируется СМИ как субъект, предположительно, верящий [36, с. 189]. Поэтому для региональной прессы оказывается важнее конструировать идеальную жизнь общества, ситуацию включенности адресата в сообщество единомышленников, чем говорить о его проблемах. При этом вторичными становятся такие параметры, как возраст, пол, социальный статус, уровень доходов читателя. Конструируемый образ адресата включается в группу «своих» (в оппозиции «свой-чужой»): *«Знай наших»; «Наш светлый родной уголок»; «А мы не скрывали, что из деревни родом»; «Груз бесценный везем с любовью»; «Правительство области поможет муниципалитетам полностью обновить парк школьных автобусов».* Последний заголовок содержит идентификацию «субъекта – читателя» с редакцией, властью, что предполагает формирование положительного образа власти и роли в обеспечении стабильности.

Иерархия новостной ценности сообщений в региональной прессе корректируется приоритетом формирования положительного имиджа региональной и муниципальной власти и региона: визит патриарха, оценка полномочного представителя президента, правительство Вологодской области поможет.

Моделирование социальной реальности определяется интересами учредителей. На страницах региональной прессы Вологодская область — оплот стабильности. Тексты такого содержания преобладают. Так как борьба за определение общества и его идентичность постоянны, конструируемая медийная картина должна выглядеть для адресата как сама собой разумеющаяся [37].

Жителям области приписывается идентичность как объект заботы властей: «*В Великом Устюге приступили к ремонту дворовых территорий*», «*Для тысячи семей*»; «*Полосы отвода очистят*»; «*Учителям компенсируют ГИА*»; «*Газовые перспективы*». При этом прямому адресату журналистских публикаций — жителю района или небольшого города — газеты конструируют идентичность пассивного объекта политико-идеологического и административного воздействия. Это проявляется в наличии заголовков с директивной модальностью: «*Что это у вас? Мусорная куча? Давайте разберемся!*»; «*Не сидим сложа руки*»; «*Одаренных детей поддерживают*».

Активность самих граждан предполагается в том, чтобы добросовестно трудиться, а также поддерживать решения властей: «*Прирост и привес — это ещё не всё*»; «*40 кубов ежедневно*»; «*Спортплощадка своими силами*»; «*Правильная инициатива*».

Конструирование идентичности субъекта — читателя региональной прессы — тесно связано с высокой степенью персонификации действий губернатора, правительства области, органов местного самоуправления: «*Органы местного самоуправления призваны решать самые разные задачи, без осуществления которых немислима жизнь муниципального образования*»; «*Более трех миллионов рублей из регионального бюджета планируется выделить на организацию проезда к земельным участкам для многодетных семей. Глава Череповецкого района Николай Виноградов провел на этой территории выездное совещание*».

Деятельность первых лиц задает основные значения социальной реальности: информационные поводы и их концептуализацию, выбор того, какие события и персонажи заслуживают внимания.

Анализ показывает, что для регионального медиадискурса важно утверждать смысл «регион сохраняет стабильность и единство в поддержке федеральной и региональной власти». Н. Луман видит в такого рода сообщениях, несущих новой информации, важную ритуальную функцию. Избыточная, бессодержательная коммуникация «может использоваться для подтверждения социальной сплоченности: люди пересказывают друг другу одно и то же, чтобы засвидетельствовать солидарность» [36, с. 22].

Критика в региональных изданиях если и присутствует, то в отношении мелких недостатков в зоне ответственности муниципалитетов: «*Одна из управляющих компаний в Шексне вымогает с собственников квартир средства на ремонт балконов*» (газета «Звезда», № 68 (11618), материал расположен на четвертой странице внутри сетки телепередач).

Исключение неудобных информационных поводов из газетных публикаций значительно сужает их тематику и создает иллюзию отсутствия альтернативных точек зрения на происходящее. Полагаем, что реальный читатель региональной прессы неоднороден, хорошо знаком с проблемами региона, готов принимать участие в их решении, поэтому искусственный уход от противоречий на страницах местной прессы во многом снижает эффективность взаимодействия медиа и общества.

Учитывая неоднородность современных СМИ, возможность изменения контента при смене способа подачи информации, мы рассмотрели сайты и группы в социальных сетях анализируемых районных газет «Наша жизнь» (Бабаевский район), «Сельская новь» (Череповецкий район), «Сокольская правда» (Сокольский район), «Советская мысль» (Великоустюгский район), «Звезда» (Шекснинский район) с точки зрения обозначенных в работе критериев анализа.

В качестве параметров были выбраны: посещаемость, структура контента (тематика), обновляемость информации, механизмы связи с гипертекстом, диалогичность (форумы, госте-

Основные параметры определения эффективности сайтов районных газет (октябрь 2018 г.)

Издание	Обновляемость	Посещаемость с момента создания	Способы связи с гипертекстом	Диалогичность	Прагматика материалов
«Наша жизнь» (Бабаевский район)	С выходом нового номера	597 984	Ссылки на сайт администрации, губернатора, правительства ВО	Гостевая книга не активна, вход через регистрацию пользователя	Одностороннее информирование о ситуации в районе и регионе
«Сельская новь» (Череповецкий район)	Так же	336 390	Так же	Так же	Так же
«Сокольская правда» (Сокольский район)	Так же	182 204	Так же	Так же	Так же
«Советская мысль» (Великоустюгский район)	Так же	Не определяется	Так же	Так же	Так же
«Звезда» (Шекснинский район)	Так же	40,669 За последний месяц 900 чел. в сутки	Так же	ГК активна, вход через никнейм, обновляется регулярно	Формирование контента подчинено читательскому запросу

вые книги, необходимость регистрации и др.), качество информации и прагматика материалов, информация об учредителях.

Данные *таблицы* показывают, что сайты большинства региональных изданий являются информационными. Чаще всего они дублируют материалы, представленные в печатном издании. При этом полностью повторяется структура контента, основная рубрикация и иерархия новостных сообщений: власть, информация о достижениях жителей района, объявления. Группы в социальных сетях ВКонтакте, Твиттер и Инстаграм также дублируют информацию, изложенную на страницах газеты. Активное обсуждение отсутствует. На главной странице сайтов есть ссылка на сайт губернатора и органов местного самоуправления. Степень диалогизации сайтов минимальна и реализуется преимущественно только в разделе частных объявлений и рекламы.

Однако особое место в интернет-пространстве анализируемых изданий занимает сайт газеты «Звезда». Его информационная структура определяется запросами читательской аудитории. Новостная иерархия зависит от актуальности происходящих в районе событий. Сайт содержит открытую информацию о количестве посетителей, прост и удобен с точки зрения организации диалога с читателем. Это единственное из рассматриваемых интернет-изданий, вход на сайт которого в качестве гостя не требует специальной регистрации. Это во многом

определяет степень его доступности и популярности среди читательской аудитории. Безусловно, основной читательский запрос связан с решением собственных прагматических задач. Но преимущество издания при этом является не только участие в их решении в качестве посредника. Работа с читателем в интернет-пространстве помогает ему ориентироваться в социуме и принимать адекватные решения.

Не случайно, по данным рейтинга медиаресурсов Вологодской области за 2017 год, проводимого компанией «Медиалогия», газета «Звезда» Шекснинского района занимает пятое место (16,33) в категории ТОП-10 самых цитируемых СМИ Вологодской области⁴.

Выводы

Постоянный диалог власти и общества имеет базовое значение для современного государства, является системообразующим и регулирующим фактором социально-политической реальности. Но однобокая модель его реализации, подменяемая монологической формой коммуникации, только симулирующей диалогизм, свидетельствует о мнимой «естественности» национально-гражданской идентификации адресата региональной прессы [37, с. 123]. Моделируемый региональной прессой образ наивного адресата представляется как экономически благополучный субъект, благодарный за это местным властям.

⁴ Медиалогия. URL: <http://www.mlg.ru/ratings/media/regional/5760/> (дата обращения 27.11.2018 г.)

Представление о получателе информации как адресате с идентичностью наивного субъекта является с нашей точки зрения ошибочным, так как снижает читательский интерес к публикуемым материалам и негативно влияет на эффективность модели взаимодействия власти, СМИ и общества.

Модель не соотносится с понятием «качественная пресса», которая в идеале должна стремиться побуждать читателя к совместному размышлению, выработке собственного отношения к существенным социальным процессам.

Полагаем, что единственно возможной моделью успешного взаимодействия власти, СМИ и общества является партнерская модель в условиях открытой публичной политики. Её создание возможно только при отказе от конструируемого региональной прессой образа наивного читателя. Наиболее важным приемом при этом

будет внедрение диалоговых моделей информационно-коммуникативного взаимодействия в системе власть – СМИ – общество и ориентация на эмоциональную стилистику и актуальное содержание материалов. Содержание актуальной повестки дня СМИ должно определять взаимообусловленный интерес гражданского общества и государственных структур. Только тогда гармонизация общественно-государственных отношений становится определяющим фактором устойчивого и стабильного развития современной России. В идее гражданского общества заложен механизм постоянного изменения и совершенствования, перехода к более цивилизованному состоянию. Если его влияние становится очевидным, то генерируемые им понятия постоянно присутствуют в коммуникативной общественной среде, в которой власть лишь реализует свои полномочия.

Литература

1. Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М., 2003. 240 с.
2. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2002. 416 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: в 2-х кн. М., 2002. 726 с.
4. Грабельников А.А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий. Итоги и перспективы. М., 2000. 336 с.
5. Засурский И. И. Масс-медиа второй республики. М., 1999. 190 с.
6. Засурский Я. Н. Система средств массовой информации России. М., 1999. 256 с.
7. Прохоров Е. П. Журналистика и демократия. Теоретические очерки. М., 2001. 368 с.
8. Шкондин М.В. Экономические факторы трансформации российских СМИ. М., 1999. 259 с.
9. Юзвишин И. И. Основы информациологии. М., 2000. 518 с.
10. Шкондин М.В. СМИ как коммуникативная и информационно-производящая система. М., 2002. 383 с.
11. Коновченко С.В., Киселев А.Г. Информационная политика в России. М., 2004. 560 с.
12. Дилигенский Г. Политика и общественное мнение // Социологический калейдоскоп. М., 2003. С. 145.
13. Горшков М. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2002 гг. М, 512 с.
14. Тарасов И.Н. Манипулятивные эффекты политических практик (опыт стран Центрально-Восточной Европы) // Сравнительные политические исследования России и зарубежных стран / отв. ред. В.В. Лапкин. М.: РОССПЭН, 2008. 244.
15. От Ельцина к... Ельцину: президентская гонка-96 / сост. Л.Н. Доброхотов ; отв. ред. М.К. Горшков, Л.Н. Доброхотов, В.В. Журавлев. М., 1997. 632 с.
16. Юрьев В.М., Сельцер Д.Г. Президентские выборы в России: динамика общих и частных характеристик // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 4. С. 9-13.
17. McFaul M. *Russia's 1996 Presidential Election: the End of Polarized Politics*. Stanford: Hoover Institution Press, 1997, 128 p.
18. Simon G. *Präsidentswahlen in Russland: Jelzin oder Sjuganow. Aktuelle Analysen des BIOst (Köln)*, 1996, no. 39.
19. Schneider E. Die russische Präsidentswahl 1996. *Bericht des BIOst*. Köln, 1996. No. 50.
20. Thompson J.B. *Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication*. Cambridge, 1992.

21. Галкина М.Ю., Лехтисаари К. Прогноз изменения государственного регулирования российских СМИ // Медиакоп. 2016. № 4. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 42.
22. Марков Е.А. Трансформации в информационном взаимодействии государства и общества в России. Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2010. 201 с.
23. Якобсон Л.И. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством. М., 2008. 135 с.
24. Прохоров Е.П. Журналистика и демократия. М., 2001. 352 с.
25. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // ПОЛИС. 2002. № 3. С. 5-18.
26. Хубецова З.Ф. Региональная пресса в информационном пространстве России. [http:// www.inguk.ru/biblio/regional-press/prohovor](http://www.inguk.ru/biblio/regional-press/prohovor) (дата обращения 19 сентября 2018 г.).
27. Засурский И.И. Взаимоотношения СМИ и общества в России 1990-х годов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. М., 2001. № 1. С. 74.
28. Кравченко В.И. Власть и коммуникация в информационном обществе: проблемы теории и методологии. СПб., 2003. 272 с.
29. Дзялошинский И. СМИ, власть и гражданское общество в поисках баланса интересов. // Региональные СМИ и демократия в России (на примере Вологодской области). М., 2003. <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/books/vologda/p-bib-vologda.html> (дата обращения 9 сентября 2018 г.)
30. Эффективность государственного управления в оценках населения: бюлл. ВолНЦ РАН. URL: <http://www.gm.vssc.ac.ru/archive> (дата обращения 10 сентября 2018 г.).
31. Чепкина Э.В., Енина Л.В. Журналистский дискурс: анализ практик // Известия Уральского университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 2 (89). 88 с.
32. Майданова Л.М., Чепкина Э.В. Медиатекст в идеологическом контексте. Екатеринбург, 2011. 304 с.
33. Степанов Г.В. К проблеме единства выражения и убеждения (автор и адресат) // Контекст. 1983: литературно-теоретические исследования. М., 1984. 136 с.
34. Соколова Т.Л. Региональная периодическая печать в условиях реформ середины 1980-х — начала 1990-х гг.: к историографии проблемы. // Управление трансформацией социально-экономического пространства территорий: тенденции, проблемы, перспективы: материалы научно-практической конференции. 2018. 284 с.
35. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков, 2008. 336 с.
36. Луман Н. Реальность масс-медиа. М., 2005. 256 с.
37. Иссерс О.С., Орлова Н.В. Две модели гражданского общества в современных масс-медиа: взгляд лингвиста // Вопросы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2016. № 1. 238 с.

Сведения об авторах

Елена Михайловна Иванова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры, Череповецкий государственный университет (162600, Российская Федерация, Вологодская область, г. Череповец, Советский пр., д.8, к. 312; e-mail: marevgeny@inbox.ru)

Евгений Алфеевич Марков — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры, Череповецкий государственный университет (162600, Российская Федерация, Вологодская область, г. Череповец, Советский пр., д.8, к. 312; e-mail: marevgeny@inbox.ru)

Светлана Александровна Соловьева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры, Череповецкий государственный университет (162600, Российская Федерация, Вологодская область, г. Череповец, Советский пр., д.8, к. 312; e-mail: ssa_doc@mail.ru)

Ivanova E.M, Markov E.A., Solov'eva S.A.

On the Transformation of the Models of Interaction between the Authorities, Mass Media and Society in Regional Print Editions

Abstract. The article describes the transformation processes that form the models of information interaction between the authorities, mass media and society in modern Russia. During the Soviet period, the activities of the media in the USSR were determined by the state, which shaped public consciousness in the country with the help of canonical ideological attitudes. By the early 1990s, the model of state domination over society was transformed into a new socio-political state – the domination of society over the state. The transformations also affected the activities of Russian mass media, which made a full turn by the beginning of the 21st century and returned to their original information and communication position. Genetic (state) nature again prevailed in the work of Russian mass media, which determined the formation of a hierarchical model of interaction between the authorities, mass media and society. These processes prove the need for active participation of power structures in the communication and information space of the country, which needs regulation and self-regulation with the help of evidence-based state information policy. We analyze the transformation processes under consideration with the help of several methods: structural and functional analysis, comparative analysis, reconstruction of the addressee of the media text, and some aspects of content analysis. The model of interaction between the authorities and the media affects the formation of the society of small towns, establishment of a positive information field, and identification of the population. We carry out the study on the materials of district newspapers of the Vologda Oblast. Our findings proceeding from the analysis of the current model of information interaction reveal its flaws, which is due to its monologue nature, alleged naturalness of national-civil identification, and creation of the image of the addressee with the identity of naive subject.

Key words: information policy, information interaction model, mass media, power, society, media.

Information about the Authors

Elena M. Ivanova – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, associate professor at department, Cherepovets State University (8, Sovetsky Avenue, office 312, Cherepovets, Vologda Oblast, 162600, Russian Federation; e-mail: marevgeny@inbox.ru)

Evgenii A. Markov – Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, professor at department, Cherepovets State University (8, Sovetsky Avenue, office 312, Cherepovets, Vologda Oblast, 162600, Russian Federation; e-mail: marevgeny@inbox.ru)

Svetlana A. Solov'eva – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, associate professor at department, Cherepovets State University (8, Sovetsky Avenue, office 312, Cherepovets, Vologda Oblast, 162600, Russian Federation; e-mail: ssa_doc@mail.ru)

Статья поступила 16.11.18.

Мотивация трудового поведения молодежи как возможности для реализации финансовых стратегий



**Наталья Валерьевна
АЛИКПЕРОВА**

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., 32
Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Российская Федерация, 125993, Ленинградский проспект, 49
E-mail: natalie_danilina@mail.ru



**Азиза Викторовна
ЯРАШЕВА**

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., 32
E-mail: baktriana@rambler.ru



**Кристина Валерьевна
ВИНОГРАДОВА**

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., 32
E-mail: ms.kris100@mail.ru

Для цитирования: Аликперова Н.В., Ярашева А.В., Виноградова К.В. Мотивация трудового поведения молодежи как возможности для реализации финансовых стратегий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 226-240. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.14

For citation: Aliperova N.V., Yarasheva A.V., Vinogradova K.V. Motivating young people's labor behavior as an opportunity for implementing financial strategies. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 226-240. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.14

Аннотация. В постоянно изменяющихся социально-экономических условиях в России особое внимание ученых приковано к решению актуальной проблемы безработицы, в частности среди молодежи. В статье на основе результатов исследования (проведенного в Москве в 2017 г.), полученных с помощью применения социологических методов — качественного (экспертные интервью) и количественного (анкетирование), рассматриваются различные барьеры, возникающие на пути реализации трудового потенциала молодых специалистов (от 23 до 35 лет) на столичном рынке труда; особое внимание уделяется факторам, оказывающим влияние на мотивацию к трудовой деятельности. Изученная возрастная группа абсолютно объективно относится к слабозащищенным слоям населения на рынке труда. Целью настоящего исследования выступает выявление доминирующих факторов, ограничивающих возможности использования трудового потенциала молодежи, и анализ современных тенденций на рынке труда, позволяющих критически оценить перспективы реализации её способностей в процессе трудовой деятельности для дальнейшего формирования финансовых практик. Исследование показало, что в первую очередь это обусловлено меньшей конкурентоспособностью молодых в сравнении с более опытными коллегами, а также эмоциональной незрелостью в решении финансовых трудностей, связанных с потерей работы или с затяжным по интервалу времени поиском подходящего места для трудоустройства. Выявлено, что зачастую молодые специалисты необъективно оценивают тенденции спроса и предложения в разных рыночных нишах, в том числе уровень заработной платы по той или иной специальности, предъявляя необоснованные завышенные требования к оплате своего труда. Исследованная когорта склонна идеализировать свои навыки и знания, что никак не способствует успешному трудоустройству. Умение и желание вакансиара переквалифицироваться (самостоятельно или с помощью городских служб занятости) непосредственно влияет на возможности эффективного поиска места работы, получения дохода и, соответственно, формирования определенной монетарной стратегии. Трудовое поведение (мотивы, действия и результаты) молодежи представляет собой основу для возможностей осуществления моделей активного экономического поведения.

Результаты исследования представлены в качестве рекомендаций в Департамент труда и социальной защиты Правительства Москвы и используются в практической деятельности СЗН г. Москвы.

Ключевые слова: молодежь, трудовое поведение, рынок труда, трудоустройство, уровень заработной платы, финансовая стратегия.

Введение

Экономическое поведение населения (включающее в себя определенные мотивы и действия) в сфере получения доходов в результате трудовой деятельности и расходов в виде потребления, сбережения и инвестирования изучается зарубежными и российскими учеными — экономистами, социологами, психологами [1; 2; 3]. Для формирования стратегий экономического поведения первостепенным фактором является доход. Основным источником доходов российского населения (по крайней мере более чем для двух третей его численности) — заработная плата. Следовательно, возможность и мотивированность к трудовой реализации является фундаментом для получения дохода, что, в свою очередь, позволяет выстраивать человеку финансовую стратегию его расходов.

Труд — это процесс реализации способностей людей. Согласно К. Марксу [4], его результаты определяются затратами человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т. д. Способности (умственные и физические) также неразрывно связаны с реализацией людей в их трудовой деятельности, и особенно это касается молодого поколения. Недаром в самом общем представлении ученые определяют способность как совокупность физических и умственных качеств человека, направленных на создание определенных общественно полезных результатов. Только в зависимости от личных возможностей и наклонностей эти способности различны.

Возможности определяются институциональной средой, которая формирует условия для реализации индивидуумов в труде, а также

социально-экономическими факторами, от которых зависит эффективность использования способностей граждан на самых разных этапах развития общества.

Мотивированность к труду определяется как стремление человека удовлетворить свои потребности посредством трудовой деятельности, где один из основных принципов – формирование понимания сути и значения мотивации в процессе трудовой деятельности¹. Реализация себя в сфере труда особенно важна, когда человек находится в самом начале трудового пути; это стимулирует к достижению результатов, придает уверенность не только в собственных силах сегодня, но и в будущем. Именно в это время формируются первые профессиональные навыки, понимание значения выбранной специальности, вектора карьерного развития, а также материальных возможностей для реализации финансовых стратегий для повышения благосостояния как собственного, так и общества в целом. Уверенность в завтрашнем дне, которую можно ощущать, применяя активные финансовые стратегии, это не только элемент фиксации социального или психологического состояния человека, но и аргументированная позиция для стабилизации экономического положения, связываемого с уровнем и качеством жизни.

Актуальность исследования темы молодежного рынка труда вызвана достаточно высокой долей молодежи среди трудоспособного населения России, а именно около 35%, а также стратегической ролью молодежи в экономическом развитии страны.

Сегодняшняя ситуация на рынке труда постоянно предъявляет все новые требования к развитию трудовых взаимоотношений. Тем не менее пока не определены эффективные механизмы использования трудовых ресурсов, не решены проблемы занятости, роста безработицы, в том числе среди молодежи. И, к сожалению, увеличивается неравенство в доступе к образовательным услугам, а значит, и к возможностям последующей реализации себя в труде. В связи с этим регулирующая роль государства должна состоять в постоянном поддержании

сбалансированности экономических приоритетов и приоритетов занятости в программах экономических преобразований [5, с. 5-6].

В свете этого целью настоящего исследования выступает выявление доминирующих факторов, ограничивающих возможности использования трудового потенциала молодежи, а также анализ современных тенденций на рынке труда, позволяющих критически оценить перспективы реализации своих способностей в процессе трудовой деятельности для дальнейшего формирования финансовых практик.

Для достижения цели ставились и решались следующие задачи:

- оценить возможности и барьеры в реализации трудового потенциала молодежи на московском рынке труда;
- выявить факторы, влияющие на мотивацию к трудовой деятельности среди молодых людей;
- на основе проведенного анализа обозначить особенности формирования финансовых практик у молодежи, как уникальной возрастной группы, имеющей свои жизненно-стилевые стратегии.

Степень разработанности проблемы

Значительное количество исследований российских ученых посвящено специфике молодежного рынка труда и факторам, которые оказывают влияние на формирование стратегий поведения молодых специалистов.

Среди важных проблем выделяется отсутствие адекватных связей между рынком труда и его кадровым ресурсом. С одной стороны, исследования выявили, что многие учащиеся 9-х и 11-х классов либо не могут объяснить мотивы выбора будущей профессии, либо сомневаются в правильности своего выбора [6]. С другой стороны, работодатели зачастую не готовы принимать на работу молодежь без опыта [7]. Положение молодых специалистов заведомо проигрышное по сравнению с другими возрастными группами ввиду отсутствия трудового стажа по специальности. А владелец какой-либо фирмы предпочтет более опытного и квалифицированного сотрудника, нежели только что вышедшего из стен учебного заведения [6]. Ситуация осложняется еще и тем, что, как выяснили опросы, неизвестно, сколько и каких специалистов требуется, например, в следующем

¹ Большая экономическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2007. С. 391.

году в конкретных отраслях народного хозяйства, поэтому невозможно гарантировать рабочее место каждому из планируемых выпускников [7].

Проблемы противоречий между требованиями работодателей и молодых специалистов, отмеченные представителями ВЦИОМ, выражаются в том, что молодежь часто имеет завышенные ожидания по заработной плате. Во-первых, это связано с распространением в Интернете рейтингов профессий и их уровня оплаты труда. Во-вторых, большую роль здесь играет современное мировоззрение, когда первичными для молодых людей являются их потребности, а не накопленный уровень знаний и опыта. В свою очередь работодатели не готовы платить большие деньги за сотрудников, которые требуют больших дополнительных вложений².

Учеными из ЦМИ НИУ ВШЭ выявлены ожидания молодежи в отношении работы: она должна быть интересной/нескучной, хорошо оплачиваться, быть осмысленной и при этом оставлять определенную степень свободы. Как подчеркивают исследователи, молодые работники рано учатся отстаивать свои права, и, если их что-то не устраивает в работе, они легко с ней расстаются. Как подтверждают полученные результаты, к 30 годам молодые люди неоднократно меняют и место работы, и ее профиль³. Что касается специализации, то работу в бюджетной сфере выбирают молодые люди, в той или иной степени мотивированные работать по полученной профессии. Самозанятые и нередко работающие в сфере крупного и среднего бизнеса не придают столь высокого «профессионального» значения образованию, как бюджетники. Выделяются каналы поиска работы в зависимости от сферы занятости: бюджетники и работающие в частных компаниях в поиске вакансии ориентируются на знакомых, родственников и официальные каналы, а фрилансеры чаще всего используют возможности случайных знакомых.

² Опрос ВЦИОМ 2016 г. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=249>

³ Проект «Молодежные солидарности и поколения XXI века: ценность труда и потребления», выполненный Центром молодежных исследований (ЦМИ) НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (руководитель – Е. Омельченко).

Популярность таких каналов поиска работы, как «знакомые» и «специализированные интернет-сайты», отмечают и специалисты НАФИ⁴ (58% и 44% соответственно).

Помимо вопросов поиска молодежью места работы ученых интересуют и проблемы влияния безработицы на социальное положение данной категории населения [8], и, в частности, возможности молодых специалистов на основе своих полученных доходов выстраивать определенную стратегию поведения в финансовой сфере [9]. Речь в первую очередь идет о потребительском, сберегательном и кредитном поведении молодежи.

После кризиса, начавшегося в 2008 г., проблемы безработицы коснулись и относительно благополучной до того времени Европы. Зарубежные и российские исследователи рассматривают схожие вопросы: например, какие меры принимает государство, пытаясь помочь молодым людям курсами переквалификации для дальнейшего трудоустройства [10].

Ухудшение ситуации с молодежной безработицей заставляет многие страны искать новые пути и механизмы. В целом ряде зарубежных государств уже разработаны стратегии и запущены программы по расширению возможностей трудоустройства молодежи [11; 12; 13].

Негативным аспектом современной безработицы является социальная изоляция (в сфере образования и занятости) той части молодых граждан, которая осталась (не обрела первое место работы) без желаемой вакансии [14]. Это уже не просто затрагивает вопросы невозможности сформировать модель экономического поведения из-за нехватки/отсутствия доходов, а представляет угрозу, связанную с криминализацией общества.

Европейские ученые предлагают новые методологические подходы к статистическим измерениям молодежной безработицы в дополнение к традиционным показателям (уровня занятости и безработицы), недостаточно полно и адекватно отражающим положение исследуемого слоя населения на рынке труда. В последние годы в странах ЕС и ОЭСР получил распространение подход, основанный на

⁴ Официальный сайт НАФИ. <https://nafi.ru/analytics/rossiyane-ishchut-rabotu-cherez-znakomykh/>

концепции NEET-молодежи⁵. На основе данных Евростата анализируются основные социально-демографические характеристики NEET-молодежи и динамика уровня NEET в странах ЕС в 2000–2013 гг. Выявлена сильная корреляционная связь между уровнями NEET, рассчитанными для различных возрастных и гендерных групп молодежи. Это свидетельствует о существовании общих институциональных и структурных условий на макроуровне, которые либо стимулируют, либо ограничивают инкорпорирование молодежи в сферу занятости и образования [15].

Информационно-методическая база исследования

Сотрудники Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН РАН) в 2017 г. выполнили проект, целью которого было выявление специфики рынка труда столичного мегаполиса и ее влияния на возможность занятости москвичей, относящихся к уязвимым с точки зрения трудоустройства слоям [5]. Исследование осуществлено как на основе собственных социологических измерений, так и на основе анализа вторичных данных, полученных другими российскими и зарубежными учеными.

Отдельно выделена молодежь в возрасте от 23 до 35 лет, как категория, уже обладающая определенным уровнем образования, но (в большинстве своем) не имеющая стажа работы по специальности.

Для получения практических результатов исследования использовался социологический количественный метод – сбор информации путем анкетирования безработных, обратившихся за помощью в трудоустройстве в московскую службу занятости населения (СЗН), и качественный метод (экспертный опрос сотрудников службы занятости г. Москвы).

Первый метод потребовал разработки анкеты, содержащей 41 вопрос и состоящей из четырех блоков. Опрос респондентов осуществлялся в девяти административных округах г. Москвы, а также в ГКУ «Центр занятости молодежи г. Москвы». Для обследования был

⁵ NEET-молодежь – исключенная из сферы занятости и образования, аббревиатура английского выражения «Not in Employment, Education or Training».

произведен расчет выборочных квот по численности незанятых в каждом из округов. Категория «молодежь» была представлена 228 анкетами (15%).

Второй, качественный метод представляет собой экспертный опрос на основе формирования сценария интервью для опроса экспертов-сотрудников (из 9 отделов трудоустройства ГКУ ЦЗН города Москвы, по одному эксперту из каждого отдела) службы занятости населения г. Москвы, оказывающих содействие в трудоустройстве.

Результаты

Начало каждого века ставит перед человечеством качественно новую задачу, связанную с ожиданием значительного улучшения условий жизни людей. В этом деле молодое поколение в нашей стране, как и в других странах, выступает предметом особого внимания общества и государства, потому что именно оно является стратегическим ресурсом в развитии экономики и благополучия общества в целом.

В Стратегии развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года⁶ подчеркивается необходимость «актуализировать работу по воспитанию компетентных и ответственных, нравственно и физически здоровых молодых граждан». Программа ориентирована на содействие в раскрытии интеллектуального и трудового потенциала молодежи РФ.

Однако положение рассматриваемой категории населения в современном российском обществе крайне неоднозначно. С одной стороны, это самая активная часть общества, среди которой довольно быстро происходит рост профессионального уровня и служебной карьеры. Данную категорию отличает рост самостоятельности, практичности, ответственности, т.е. она умеет самостоятельно мыслить и созидать. С другой стороны, трудности переходного периода особенно заметно отразились на положении молодежи. Лишь небольшая ее часть сумела найти свое место в рыночной системе отношений. Основной массе пока не удается адапти-

⁶ Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года <file:///C:/Users/%D0%9A%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B0/Downloads/98aeadb5-7771-4e5b-a8ee-6e732c5d5e84.pdf>

роваться к изменившейся ситуации. Снижается ее социальный статус, сужаются возможности доступа к образованию и культурным ценностям при одновременном расширении преступности и девиантного поведения, росте безработицы [16].

Реализация трудового потенциала молодых людей сопровождается рядом особенностей, в частности сложностью с поиском работы. Уязвимость молодежи во многом обусловлена их меньшей конкурентоспособности по сравнению с лицами, имеющими опыт профессиональной деятельности; молодым людям далеко не всегда удается трудоустроиться согласно своим запросам, поэтому они вынуждены занимать вакансии, не соответствующие собственным ожиданиям и возможностям, что может привести к развитию контрпродуктивных форм трудового поведения.

Согласно полученным данным, молодежь достаточно пессимистично оценивает состояние рынка труда и не менее пессимистично рассматривает свои шансы на поиск подходящей работы [5, с. 120].

По сравнению с прежними годами для большей части опрошенных в возрасте 23–35 лет найти работу в Москве стало сложнее (в частности, для 82,4% женщин и 70,7% мужчин), что

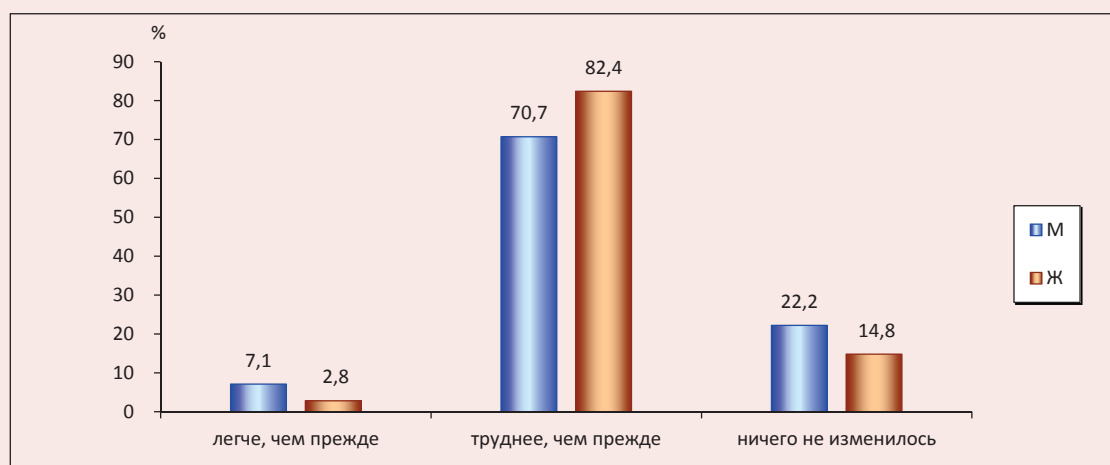
не может не сказываться на трудовой активности граждан (рис. 1). Гендерные различия в ответах связаны с особенностями рынка труда, определяющими спектр профессий и вакансии по ним.

Содействие в трудоустройстве данной категории граждан осуществляется таким институтом, как Государственная служба занятости. Поскольку обращение в нее является добровольным, то это содействие зависит от мотивированности безработных молодых людей к труду и готовности воспользоваться помощью государства. Что касается последнего, то обращение в СЗН происходит тогда, когда более приоритетные каналы поиска работы – специализированные сайты в Интернете – не принесли положительных результатов.

В числе важных вопросов формирования внутренней мотивированности к труду исследователями ИСЭПН РАН выделены: 1) причины обращения в СЗН; 2) готовность работать не только по своей специальности; 3) готовность переквалифицироваться для успешного трудоустройства.

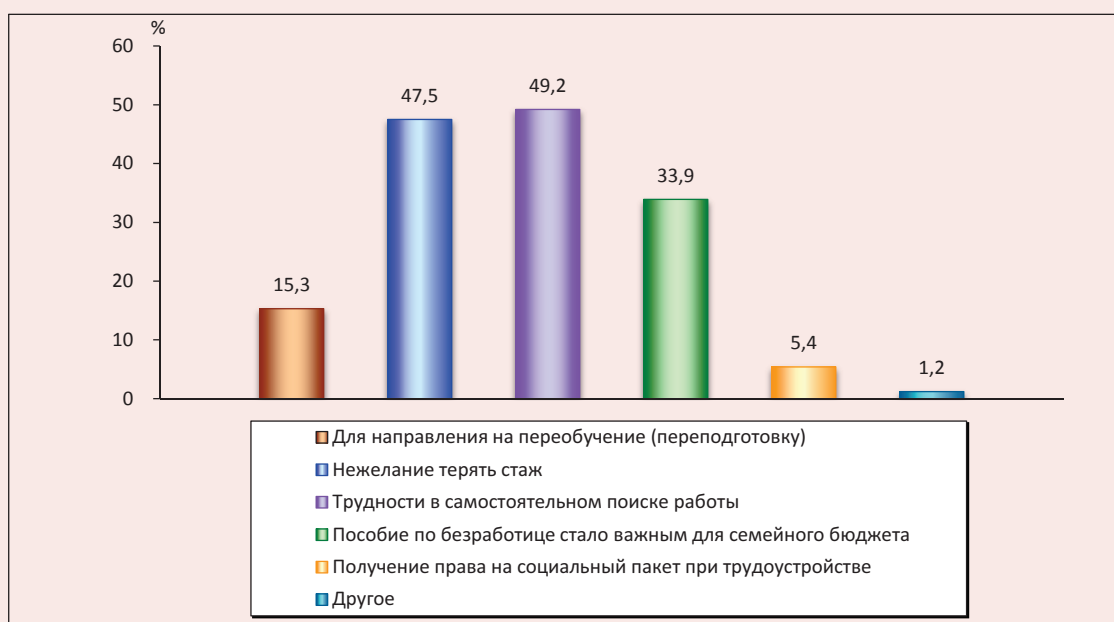
Согласно опросу, половина респондентов (49,2%) обратилась именно в СЗН из-за трудностей в самостоятельном поиске работы – (рис. 2).

Рис. 1. Распределение ответов респондентов (23–35 лет) на вопрос «Сложнее ли стало найти работу в Москве?», %



Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Проблемы трудоустройства слабозащищенных слоев населения в Москве», 2017 г.

Рис. 2. Распределение ответов респондентов (23–35 лет) на вопрос «Почему Вы обратились за помощью в городскую службу занятости?», %*



* Сумма не равна 100%, т.к. вопрос подразумевал несколько вариантов ответа.

Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Проблемы трудоустройства слабозащищенных слоев населения в Москве», 2017 г.

При этом не желают терять стаж 47,5%, за пособием по безработице обратилось почти 34% молодых респондентов, для получения права на социальный пакет – 5,4%, пройти переподготовку желают 15,3%, другие причины указали 1,2%.

Что касается гендерных различий, то у молодых женщин, девушек превалирует мотивация в отношении трудоустройства и возможности переобучения, что тоже подтверждает проблему, связанную с возможностями рынка труда, отношением работодателей к женскому полу по ряду профессий.

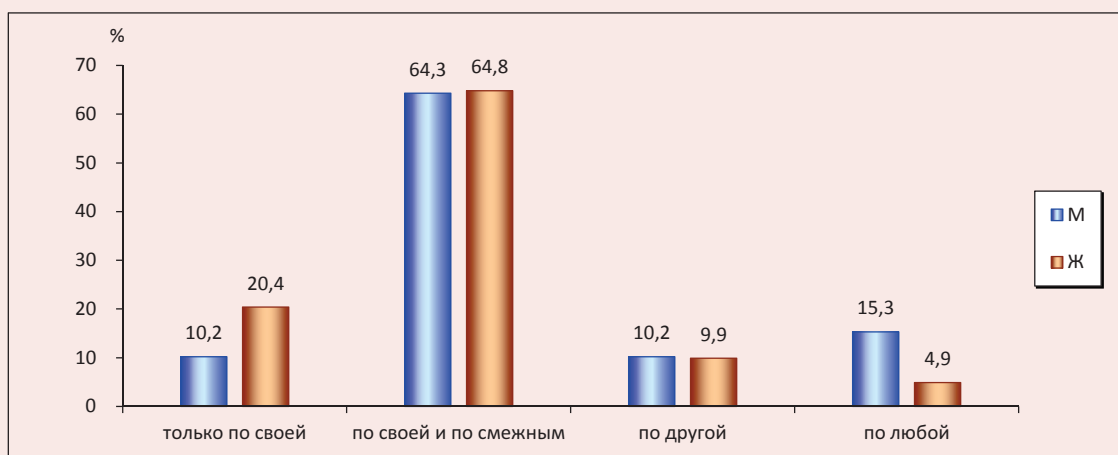
По мнению представителей Центра занятости молодежи (ЦЗМ), найти работу молодежи не так сложно, поскольку сейчас политика государства, и особенно московского правительства, направлена на омоложение кадров. Тем не менее, если анализировать «ранний» возраст рассматриваемой группы (23 года), то работодателей, готовых взять выпускников (как правило, без опыта работы) на работу, очень мало.

Анализ второго из рассмотренных аспектов мотивированности к труду – желания трудиться не по полученной специальности – показал следующие гендерные различия при ответах опрошенных московских безработных молодых людей (рис. 3).

По своей и смежной специальности готовы трудиться большинство молодых людей независимо от пола – более 64% опрошенных респондентов.

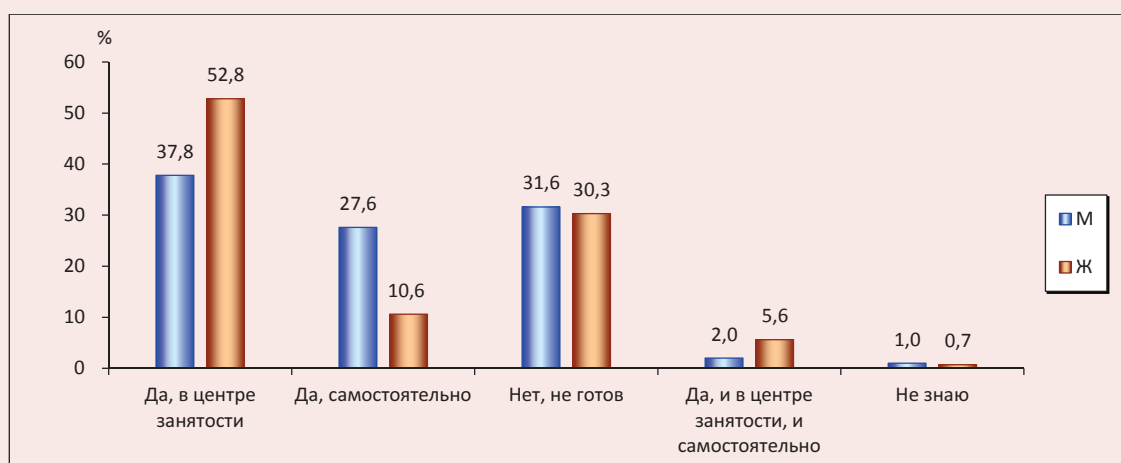
На работу по другой специальности, которую предложат в СЗН, готовы устроиться 10,2% юношей и 9,9% девушек, что обусловлено наличием у большинства определенной профессии и попыткой найти свое «место под солнцем» по выбранной специальности или смежной ей. Тем не менее на любую работу согласны 15,3% молодых людей и 4,9% женщин, что говорит об ответственности мужчин не только за себя, но и за свою семью (предполагаемую семью), т.к. в большинстве семей мужчины являются кормильцами (особенно в данном возрасте, когда

Рис. 3. Распределение ответов молодежи на вопрос «По каким специальностям Вы согласны работать?», %



Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Проблемы трудоустройства слабозащищенных слоев населения в Москве», 2017 г.

Рис. 4. Распределение ответов респондентов (23–35 лет) на вопрос о готовности к переквалификации для трудоустройства, %



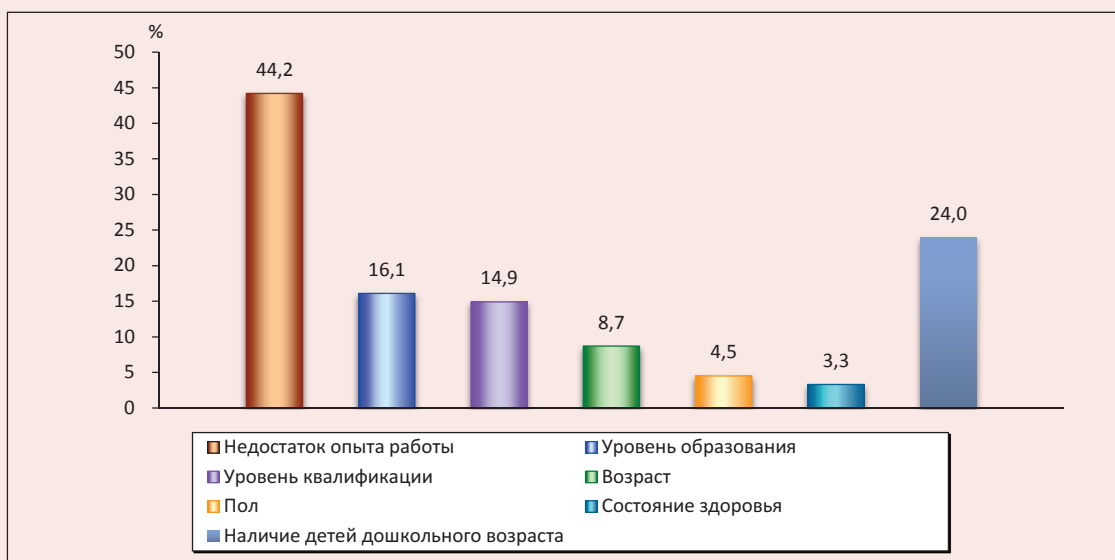
Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Проблемы трудоустройства слабозащищенных слоев населения в Москве», 2017 г.

многие молодые люди обзаводятся семьями, а жены находятся в декретном отпуске); молодым женщинам же присуща стабильность и последовательность в своих решениях, если и менять специальность, то этого потребует переквалификация, о чем свидетельствуют данные ниже.

Что касается третьего из рассматриваемых аспектов мотивированности к труду — готовности переквалифицироваться для возможного трудоустройства, то на это согласны более половины молодежи, а именно более 60% как

мужчин, так и женщин. В частности, в центре занятости предпочитают пройти переквалификацию 52,8% женщин, тогда как самостоятельно — только 10,6% представительниц женского пола (рис. 4). У мужчин ситуация обстоит несколько иначе: по сравнению с женщинами на самостоятельную переквалификацию готовы 27,6%, тогда как в центре занятости — всего 37,8%. Почти треть опрошенных как среди женщин, так и мужчин не готовы осваивать новую специальность.

Рис. 5. Распределение ответов респондентов (23–35 лет) на вопрос «На Ваш взгляд, что мешает Вашему трудоустройству?», %*



* Сумма не равна 100%, т.к. вопрос подразумевал несколько вариантов ответа.

Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Проблемы трудоустройства слабозащищенных слоев населения в Москве», 2017 г.

Что касается реализации своих способностей в качестве основной причины, мешающей трудоустройству, большинство молодежи (44,2%) отметило недостаток опыта работы (рис. 5). Примечательно, что уровень образования (16,1%) и уровень квалификации (14,9%) также играют существенную роль, что обусловлено, собственно, и возрастом респондентов – это отметили и сами опрошенные (8,7% в качестве помехи в трудоустройстве отметили именно возраст). Факт наличия детей дошкольного возраста ограничивает получение работы 24% молодых людей, что тоже обусловлено возрастным цензом; большинство молодых людей именно в рассматриваемом возрасте обзаводятся семьями и детьми, что является барьером для трудоустройства, особенно представительниц слабого пола, следовательно, и по этой причине, вероятно, существуют трудности с переквалификацией.

Независимо от возраста и пола у респондентов возникают трудности, связанные с равнодушным отношением работодателей. С данным обстоятельством сталкиваются 44,6% опрошенных. Умение показать свои навыки и знания вызывает осложнения у 23,6% молодежи; про-

ти уверенно собеседование, преодолев стеснительность в разговоре, является проблемой для 11,2% молодых респондентов (рис. 6).

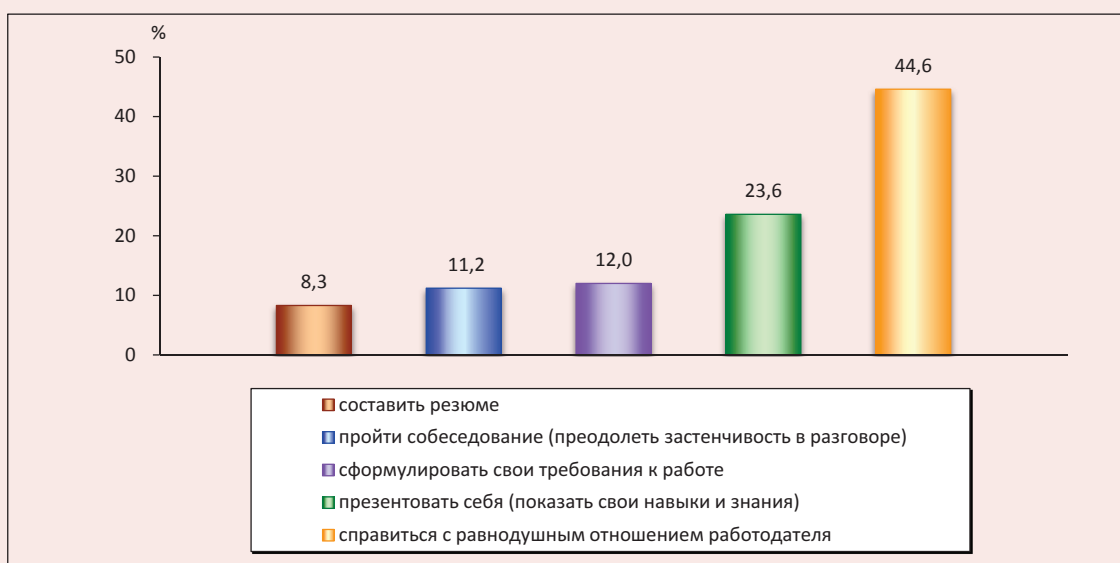
Составить резюме также вызывает сложности у молодых людей (8,3%), как и сформулировать свои требования к работе (12%), что неудивительно, поскольку жизненный опыт играет важную роль в формировании представлений о будущей работе.

Что касается зарплатных притязаний, ответы респондентов расположились следующим образом (таблица).

Достойным уровнем оплаты труда, по мнению более чем четверти молодых мужчин (26,7%), считается сумма в пределах 70 000–100 000 руб., когда как для женщин (29,3%) эта цифра колеблется в пределах 30 000–40 000 руб.

Чуть меньше мужчин (22,7%) определяют достойный уровень оплаты труда в пределах 30 000–40 000 руб., когда как 26,4% женщин выделяют диапазон от 40 000 до 50 000 руб. Данный факт обусловлен профессией, занимаемой респондентом, опытом работы и квалификацией, а также возрастом. Очевидно, что зарплатные притязания в 23 года и 35 лет будут также существенно отличаться.

Рис. 6. Проблемы, возникающие при общении с потенциальными работодателями среди молодежи (23–35 лет), %



Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Проблемы трудоустройства слабозащищенных слоев населения в Москве», 2017 г.

Распределение ответов респондентов (23–35 лет) на вопрос о достойном уровне оплаты труда, %

Пол	Диапазоны уровня заработной платы, руб.						
	15001–20000	2000–30000	3000–40000	4000–50000	5000–60000	6000–70000	7000–100000
Женщины	0,7	17,9	29,3	26,4	9,3	5,7	10,7
Мужчины	2,0	19,5	22,7	17,6	11,3	4,1	26,7

Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Проблемы трудоустройства слабозащищенных слоев населения в Москве», 2017 г.

По мнению экспертов из СЗН г. Москвы, молодежь часто обладает необоснованно высокими амбициями в отношении заработной платы:

«Молодежь у нас крутая и сразу претендует, как минимум, тысяч на 50. Мы же можем предложить работу с невысокой оплатой – в среднем 25–30 тысяч. Для начинающих это очень реально, но многие из них этого не понимают».

Однако столкновение с реальностью достаточно быстро снижает уровень амбиций [5, с. 142]:

«У нас прошлой осенью было много молодых программистов – все трудоустроились на небольшие зарплаты, видимо, поняли, что нужно срочно приобретать опыт».

«Год назад, когда прошла волна сокращений госслужащих, в СЗН приходила молодежь с зарплатой 200–300 тыс. руб. – руководители департаментов, начальники отделов и сначала претендовали только на такие должности. Но, познакомившись с ситуацией на рынке труда, поняли, что портфелей на всех не хватит, и стали трудоустраиваться на должности главных и ведущих специалистов. Все довольны».

В ходе опроса экспертов выяснилось, что не существует специальных программ стажировки для не имеющих опыта работы, однако иногда в московские отделы СЗН могут обращаться работодатели с предложениями по обучению.

«У нас есть специальные программы трудоустройства, например, студентов во время обуче-

ния — это временная занятость. А стажировки — пока нет, я думаю, было бы правильнее этим заниматься учебным заведениям, которые готовят, и уже стажировать их. Почему выходят студенты с небольшим опытом работы, а раньше все студенты проходили практику, как правило, если они учились, уже знали, куда пойдут работать».

«К нам обращаются сами работодатели, которые предлагают обучение и переобучение какой-то определенной профессии, конечно, их не так много. Потом трудоустраиваются, на них посмотрят, они пройдут испытательный срок. Недавно обратился работодатель с должностью оператора call-центра. Такие сотрудники часто нужны, людей набирают на такие должности».

«Работодатель создает рабочие места, это не как стажировка, но данная программа имеет что-то близкое со стажировкой. Это работа временного характера на месяц, на два, по разным направлениям. Например, выпускник является менеджером, инженером, специалистом, бывают спецпрограммы, но сейчас очень редко. Служба занятости доплачивает таким выпускникам, если у них в общей сложности меньше 17 600, т.е. для работодателя это некое стимулирование, поскольку работодатель может платить меньше данной суммы. Однако почему-то очень мало в последнее время такие рабочие места создаются. Основные направления данной программы: специалисты, менеджеры, инженеры, но инженеров меньше в государственные и коммерческие организации» [5, с. 142–143].

Таким образом, положение современной молодежи на рынке труда можно охарактеризовать следующим образом:

- готовность молодежи к смене вида профессиональной деятельности;
- ограничения в профессиональной самореализации и устройстве на работу по специальности для определенной части молодежи;
- дисбаланс между получаемым образованием и потребностями современного рынка труда, что способствует росту безработицы среди молодого поколения;
- неравномерность распределения молодых специалистов в сфере материального и духовного производства, а также в государственном и частном секторах экономики;

- отсутствие взаимодействия между институтами образования и труда, что влечет за собой структурную профессиональную диспропорцию спроса и предложения на молодежном рынке труда;

- уязвимое положение сельской молодежи на рынке труда, уступающей по многим показателям в уровне конкурентоспособности городской молодежи, что способствует росту территориального расслоения в молодежной среде;

- высокая степень неопределенности, нестабильности в сфере труда и трудовых отношений, что формирует негативный фон в оценке молодежью своих будущих перспектив в плане профессиональной самореализации и формирования активного финансового поведения, применения различных стратегий в эффективном распределении доходов от трудовой деятельности.

Изменения в экономических отношениях, произошедшие в результате трансформации российского общества, привели население к необходимости вырабатывать навыки формирования эффективных финансовых стратегий. И в первую очередь это касается представителей молодежи.

Финансовое поведение зависит от многогранности объективных и субъективных разнородных и разнохарактерных факторов, влияющих на принятие соответствующих решений [17]. Среди них можно выделить уровень дохода, опыт сберегательной и инвестиционной деятельности, финансовую грамотность, степень информированности населения о возможностях финансовых вложений, развитость финансовых институтов, достоверность и информационную доступность финансовых продуктов, а также доверие к финансовым институтам и уровень финансовой культуры в целом. К сожалению, влияние многих факторов на формирование стратегий финансового поведения россиян носит отрицательный характер. Лишь малая часть населения РФ может продемонстрировать высокий уровень дохода, финансовой грамотности и культуры при имеющемся положительном сберегательном и инвестиционном опыте и доверии финансовому сектору.

Формирование финансовой культуры молодежи служит отправной мотивирующей точкой на пути к увеличению собственного благососто-

яния путем постоянного поиска реализации своего трудового потенциала. Финансовые знания необходимы каждому человеку, независимо от возраста и опыта профессиональной деятельности. Но особенно это важно для молодых людей, только вступающих в самостоятельную жизнь и начинающих профессиональную деятельность.

Молодежь выступает стратегическим ресурсом в развитии экономики, перспективным сегментом пользователей финансовых услуг в нашей стране. Вложение в повышение ее грамотности принесет наибольшую отдачу в будущем: во-первых, молодые люди более восприимчивы к обучающим программам. В молодом возрасте люди постоянно чему-то учатся — в школе, колледже, институте, на курсах. Освоение азов финансовой грамотности может войти в образовательные программы в качестве еще одной компетенции, которую молодые люди получают в процессе своего образования [18; 19].

Во-вторых, в рамках образовательных институтов можно достичь максимального охвата различных слоев населения, поскольку в школах и вузах учатся дети из всех социальных групп.

И наконец, финансовое образование молодых людей будет иметь наиболее долгосрочный эффект — они находятся лишь в начале своего трудового и финансового пути.

В отличие от молодежи, люди зрелого возраста уже имеют определенные установки в финансовом поведении [20] и менее склонны к изменению своего отношения к деятельности на финансовом рынке, тогда как люди молодого возраста, наоборот, отличаются значительной склонностью к принятию новой информации, продолжительным сроком для применения полученных знаний, повышенной склонностью к риску.

У рассматриваемого слоя населения в силу психологических и социальных особенностей сильно выражено стремление к инновациям, поэтому эти люди потенциально могут чаще делать выбор в пользу новых, только появившихся на рынке финансовых инструментов. Особую актуальность это приобретает в связи с начавшимся процессом цифровизации.

Молодому поколению придется жить в обществе, в экономике которого степень участия государства, степень защищенности от последствий негативных финансовых решений на сегодняшний день не ясна. И, значит, ему необходимо осознавать собственную ответственность за принимаемые решения в области трудовой реализации, выбора специальности и непрерывного образования, поиска различных путей для увеличения дохода, будь то наем или открытие собственного бизнеса (и, как следствие, управления личными финансами), уметь принимать их на основе грамотного анализа факторов финансового рынка.

Незнание и непонимание базовых основ финансов влияет на развитие предпринимательской деятельности, так как население порой не знает, с чего начать свое дело и какое количество финансовых средств необходимо. Очень лаконично раскрывает значение финансовой грамотности для личности и общества в целом высказывание вице-президента Совета по финансовой грамотности при Президенте США Джона Брайанта: «Финансовая культура в современном развитом и быстро меняющемся мире стала еще одним жизненно необходимым элементом в системе навыков и правил поведения. Финансовая грамотность позволит человеку не зависеть от обстоятельств, от воли других людей, системы. Образованный человек сам станет выбирать те пути в жизни, которые будут для него наиболее привлекательными, создавая материальную основу для дальнейшего развития общества».

Низкая трудовая активность и, как следствие, низкий уровень доходов являются для представителей молодого поколения препятствием к возможностям свободно выбирать ту или иную собственную финансовую стратегию.

Формирование навыков грамотного управления личными финансами должно способствовать воспитанию нового поколения граждан, активно вовлеченных в процессы выработки и обсуждения бюджетных, финансовых и инвестиционных решений, трудовой активности, что обеспечит высокий уровень собственного благосостояния, а также поступательное развитие финансового рынка и рост конкурентоспособности отечественной экономики.

Литература

1. Акерлоф Дж. Поведенческая макроэкономика и макроэкономическое поведение // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 томах. Т.5. Кн.2. М.: Мысль, 2005. С. 444-483.
2. Шиллер Р., Акерлоф Дж. Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма / пер. с англ. Д. Прияткина. М.: Юнайтед Пресс, 2010. 273 с.
3. Migranova L.A., Toreyev V.B., Yarasheva A.V. Economic behavior: analysis and prospects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2014, no. 1 (31), pp. 93-100.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1960. Т. 23. С. 81.
5. Проблемы трудоустройства слабозащищенных слоев населения в Москве / О.А. Александрова, М.С. Токсанбаева, А.В. Ярашева, Н.В. Аликперова, О.А. Коленникова, А.К. Гузанова, Ю.С. Ненахова, К.В. Виноградова, А.И. Бедова; АНО «Совет по вопросам управления и развития» [под науч. ред. д.э.н., профессора, профессора РАН А.В. Ярашевой]. М.: Акварель, 2017. 240 с.
6. Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 37-48.
7. Холопова Л.А., Богданова О.М. Рынок труда и молодежь // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № 9. С. 6-10. URL: <https://e-koncept.ru/2014/14609.htm>
8. Кудяева Э.А., Кокурхаева Р.М.-Б. Молодежная безработица как индикатор социального положения молодежи // Устойчивость развития и саморазвития региональных социально-экономических систем: методология, теория, практика: материалы Международной научно-практической конференции, 2015. С. 262-264.
9. Ниворожкина Л.И., Синявская Т.Г., Новиков Д.С. Статистическая оценка подверженности студенческой молодежи финансовым рискам // Финансовые исследования. 2014. № 4 (45). С. 215-222.
10. Archan S., Maug T. *Vocational Education and Training in Austria: Short description*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2006. 188 p.
11. Краснова Г.А. Анализ международного опыта повышения занятости и снижения безработицы среди молодежи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. № 14 (211). С. 165-178.
12. Батракова Л.Г., Медведева Е.А. Молодежная безработица как одна из проблем современной мировой экономики // Экономический потенциал студенчества в региональной экономике: материалы X межвузовской научно-практической конференции. 2016. С. 3-12.
13. Ермольева Э.Г. Молодежь Европы: поколение, потерянное для будущего? // Современная Европа. 2016. № 5 (71). С. 79-90.
14. Bynner J., Parsons S. Social exclusion and the transition from school to work: the case of young people not in education, employment or training (NEET). *Journal of Vocational Behavior*, 2002, vol. 60 (2), pp. 289-309.
15. Варшавская Е.Я. Молодежь, исключенная из сферы занятости и образования, в странах ЕС и России // Вопросы статистики. 2015. № 4. С. 40-46.
16. Социально-трудовой потенциал молодежи региона как основа инновационной активности и модернизации российского общества / И.В. Цветкова, Т.Н. Иванова, Е.В. Желнина, Л.Д. Филюгло // Регионоведение. 2013. № 3 (84). С. 97-103.
17. Шевченко Д.А., Шахвардиев И.В. Возможности регулирования инвестиционно-сберегательного поведения населения России // Молодой ученый. 2015. № 16. С. 326-330. URL <https://moluch.ru/archive/96/21324/> (дата обращения: 25.10.2018).
18. Аликперова Н.В. Актуальность формирования финансовой культуры современной молодежи // Инновационные процессы в национальной экономике и социально-гуманитарной сфере: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции: в 3-х частях / под общ. редакцией Е.П. Ткачевой. 2018. С. 42-44.
19. Русских Е.С. Введение предмета «Основы бюджетной грамотности» в учебные планы профессиональных организаций как одна из сторон формирования финансовой грамотности студентов // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 5 (20). С. 43-47.

20. Князев П.А. Экономическое поведение российской молодежи в период мирового финансового кризиса // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. С. 165-170.
21. Porter G., Blaufuss K., Acheampong F.O. Youth, mobility and rural livelihoods in sub-Saharan Africa: Perspectives from Ghana and Nigeria. *Africa Insight. Pretoria*, 2007, vol. 3, no. 3, pp. 420-432.
22. Elbaum M., Marchaud O. Emploi et chômage des jeunes dans les pays industrialisés: la spécificité Française. *Travail et Emploi*, 1994, no. 58, pp. 111-121.
23. Nickell S. *A Picture of European Unemployment: Success and Failure*. London school of economics a polit. science, 2003. P. 46.

Сведения об авторах

Наталья Валерьевна Аликперова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, старший преподаватель департамента социологии, истории и философии, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., 32), Финансовый университет при Правительстве РФ (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский проспект, 49; e-mail: natalie_danilina@mail.ru)

Азиза Викторовна Ярашева – доктор экономических наук, профессор, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., 32; e-mail: baktriana@rambler.ru)

Кристина Валерьевна Виноградова – младший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., 32; e-mail: ms.kris100@mail.ru)

Alikperova N.V., Yarasheva A.V., Vinogradova K.V.

Motivating Young People's Labor Behavior as an Opportunity for Implementing Financial Strategies

Abstract. The constantly changing socio-economic conditions in Russia attract the researchers' attention to the urgent problem of unemployment, in particular among young people. The article, based on the results of the study (conducted in Moscow in 2017) obtained using sociological methods – qualitative (expert interviews) and quantitative (questionnaires), discusses various barriers to the implementation of the labor potential of young professionals (aged 23–35) in the labor market in Moscow; special attention is paid to factors that influence labor motivation. The age group under review has an absolutely objective attitude towards vulnerable population groups in the labor market. The purpose of the present research is to identify the dominant factors limiting the use of labor potential of young people, and analyze the current trends in the labor market which help critically assess the prospects for realizing their abilities in labor activity for further development of financial practices. The study shows that this is primarily due to lower competitiveness of young people compared to their more experienced colleagues, as well as emotional immaturity when addressing financial issues associated with loss of job or with longer periods of search for suitable employment. It is revealed that young professionals are often biased when assessing the trends in supply and demand in different markets, including wages for a particular profession; their wage demands are unreasonably high. The population group under review tends to idealize their skills and knowledge, which does not lead to successful employment. The ability and willingness of a potential employee to retrain (independently or with the help of employment services) directly affects effective search for employment, income generation and, accordingly, development of a certain financial strategy. Labor behavior (motives, actions and results) of young people is the basis for implementing

active economic behavior. The research results are presented as recommendations to the Department of Labor and Social Security of the Moscow Government and are practically implemented in activities for population's social security in Moscow.

Key words: the youth, labor behavior, labor market, employment, salary level, financial strategy.

Information about the Authors

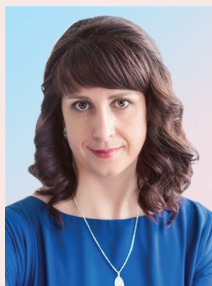
Natal'ya V. Alikperova – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Senior Lecturer at the Department for Sociology, History and Philosophy, Institute of Socio-Economic Studies of Population of RAS (32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation), Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradskii Avenue, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: natalie_danilina@mail.ru)

Aziza V. Yarasheva – Doctor of Economics, Professor, Institute of Socio-Economic Studies of Population of RAS (32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: baktriana@rambler.ru)

Kristina V. Vinogradova – Junior Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of RAS (32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: ms.kris100@mail.ru)

Статья поступила 10.01.19.

Эффект декаплинга в эколого-экономическом развитии регионов — участников трансграничного взаимодействия*



**Ирина Александровна
ЗАБЕЛИНА**

Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН
Чита, Российская Федерация, 672002, а/я 1032
E-mail: i_zabelina@mail.ru

Аннотация. В настоящее время движение к «зеленой» экономике обозначено как приоритетное направление развития многих стран, в том числе и РФ. Одним из ключевых аспектов концепции «зеленой» экономики является достижение эффекта декаплинга или рассогласования темпов экономического роста, потребления ресурсов и негативного воздействия на окружающую среду. Цель статьи — анализ проявления эффектов декаплинга негативного воздействия на окружающую среду и потребления ресурсов в процессе экономической деятельности в приграничных регионах Востока РФ и субъектах Байкальского региона, имеющих трансграничные экономические связи с КНР. Новизна исследования заключается в выявлении возможного влияния фактора приграничного положения на эколого-экономическое развитие обозначенных территорий. Многолетний опыт сотрудничества с сопредельным государством показывает, что вместе с перспективами приходят и экологические проблемы, поскольку экономика регионов Сибири и Дальнего Востока имеет устойчивую сырьевую ориентацию. Для выявления рассогласования темпов экономического роста и загрязнения природных сред рассчитывался коэффициент декаплинга. Использование в расчетах в качестве экономического результата натуральных величин отличает данное исследование от аналогичных работ, которые фокусируются преимущественно на анализе стоимостных показателей. Результаты эколого-экономического анализа показали,

* Работа выполнена по проекту Программы фундаментальных исследований СО РАН (XI.174.1). Оценка энергоемкости производства электрической и тепловой энергии в Забайкальском крае выполнена в рамках научного проекта РФФИ (№ 16-06-00295 А).

Для цитирования: Забелина И.А. Эффект декаплинга в эколого-экономическом развитии регионов — участников трансграничного взаимодействия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 241-255. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.15

For citation: Zabelina I.A. Decoupling in environmental and economic development of regions-participants of cross-border cooperation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 241-255. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.15

что в регионах трансграничного взаимодействия эффект декаплинга проявляется в отношении сброса загрязненных сточных вод. По негативному воздействию на атмосферный воздух в большинстве случаев также был выявлен эффект декаплинга. Вместе с тем в некоторых регионах экономическое развитие сопровождается ростом загрязнения атмосферы, что наиболее очевидно при рассмотрении ситуации в разрезе наиболее распространенных загрязняющих веществ и основных видов экономической деятельности. Установлено, что активное развитие приграничных взаимоотношений с Китаем существенно не меняет ситуацию в восточных регионах. Дальнейшие перспективы исследования связаны с детальным изучением аспектов эколого-экономического развития базовых отраслей промышленности РФ и регионов трансграничного взаимодействия.

Ключевые слова: экономическое развитие, негативное воздействие на окружающую среду, природные ресурсы, природоёмкость, декаплинг, регионы трансграничного взаимодействия.

Введение

В настоящее время необходимость и возможные пути перехода к «зеленой» экономике, которая направлена на повышение благосостояния людей, улучшение качества жизни, а также снижение рисков для окружающей среды и ее деградации [1, с. 1], широко обсуждаются в работах российских и зарубежных авторов [2–8 и др.]. Одним из ключевых аспектов концепции «зеленой» экономики является достижение эффекта декаплинга (*decoupling*), который заключается в расхождении или рассогласовании темпов экономического роста, с одной стороны, и потребления ресурсов и негативного воздействия на окружающую среду, с другой стороны [9, с. 62]. При этом выделяют ресурсный декаплинг (*resource decoupling*) и декаплинг воздействия (*impact decoupling*) [10, с. 4]. Ресурсный декаплинг подразумевает сокращение объемов использования первичных ресурсов (энергии, воды, минерального сырья и др.) на единицу экономического результата. В данном случае речь идет о «дематериализации» экономики и повышении эффективности использования ресурсов в процессе производства экономических благ. Декаплинг воздействия предполагает увеличение объема выпуска при одновременном снижении экологической нагрузки на окружающую среду (объемов выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, сбросов сточных вод, образования отходов и др.).

Изучению эффекта декаплинга посвящено большое количество научных работ. Некоторые из них фокусируются на анализе взаимосвязи между экономическим ростом и уровнем загрязнения окружающей среды на национальном уровне [11, 12]. В работах российских ав-

торов большое внимание уделяется изучению трендов экономического развития, потребления ресурсов и загрязнения окружающей среды на уровне федеральных округов [3], регионов и отдельных отраслей промышленности [13–16].

Цель статьи – анализ проявления эффектов декаплинга негативного воздействия на окружающую среду и потребления ресурсов в процессе экономической деятельности в приграничных регионах Востока РФ и субъектах Байкальского региона, имеющих трансграничные экономические связи с КНР. Для многих из них проблема влияния экономического развития на состояние окружающей среды и здоровье населения особенно актуальна, поскольку удельная экологическая нагрузка на этих территориях (например, в расчете на душу населения или единицу экономического результата) существенно превышает среднероссийский уровень [17]. Действующий формат трансграничных взаимоотношений с сопредельным государством, в рамках которого в восточных регионах реализуются проекты преимущественно в сфере добычи и переработки природного сырья, вместе с перспективами несет и определенные угрозы [18]. Близость к Китаю, его заинтересованность в импорте топливно-энергетических, минерально-сырьевых и лесных ресурсов для собственного производства способствуют закреплению ресурсной направленности экономик большинства восточных регионов – участников трансграничного взаимодействия. Преимущественное развитие сырьевого сектора экономики, характеризующегося невысокой степенью переработки природного сырья, не обеспечивает повышения благосостояния населения, соответствующего

экономическому росту. Кроме того, отмечаются случаи невыполнения китайскими компаниями условий лицензионных соглашений. Например, компания «Лунэн»¹, осуществляющая добычу железной руды на Березовском месторождении в Забайкальском крае, неоднократно отодвигала сроки строительства горно-обогатительного комбината. В настоящее время добытая открытым способом руда вывозится в Китай, при этом нанятые для этой цели российские граждане получают денежное вознаграждение на территории сопредельного государства. Таким образом, более значимую выгоду от данного сотрудничества получает китайская сторона, тогда как положительные эффекты от реализации совместных проектов для приграничной территории РФ не столь очевидны.

Методы исследования и источники информации

Эффект декаплинга может быть интерпретирован в показателях природоемкости [9]. Они отражают объемы использования природных ресурсов (например, энергоемкость, водоемкость и др.) и количество загрязнений (эко-интенсивность) в расчете на единицу экономического результата, в качестве которого чаще всего используется основной измеритель уровня экономического развития – ВВП (на региональном уровне – ВРП). Понятие декаплинга воздействия непосредственно связано с экоинтенсивностью, исследованию которой посвящено большое количество работ российских и зарубежных авторов [19–21 и др.]. Для выявления рассогласования темпов экономического роста и загрязнения окружающей среды используется коэффициент декаплинга, который рассчитывается по формуле (1) [12]:

$$D_t = 1 - \frac{E_t/Y_t}{E_0/Y_0}, \quad (1)$$

где E_0 и E_t – показатели, характеризующие негативное воздействие на окружающую среду в базовом и текущем периодах; Y_0 и Y_t – пока-

затели, характеризующие экономический результат в базовом и текущем периодах соответственно.

Коэффициент D_t показывает изменение эко-интенсивности (E/Y) по отношению к началу исследуемого периода. Его отрицательная величина указывает на отсутствие эффекта декаплинга. Положительное значение показателя D_t свидетельствует о разнонаправленных тенденциях экономического развития и антропогенного воздействия: увеличение добавленной стоимости сопровождается снижением экологической нагрузки на природные среды. Стоит отметить, что данное условие является более слабым по сравнению с критерием, используемым в модели П. Виктора [6] для оценки динамики эколого-экономического развития с позиции концепции «зеленого» роста. Однако существование эффекта рассогласования темпов экономического развития и загрязнения окружающей среды свидетельствует о движении к «зеленой» экономике [18, 22].

Для оценки эффективности использования ресурсов в процессе создания экономических благ может быть использован один из частных показателей природоемкости – энергоемкость, т.е. энергетические затраты в расчете на единицу конечной продукции [23]. Показатель рассчитывается по формуле (2):

$$E_i = \frac{V}{Q}, \quad (2)$$

где V – объем потребленных в процессе производства энергоресурсов; Q – объем выпуска продукции (может быть выражен как в натуральной, так и в стоимостной форме).

В данной работе использованы следующие официальные данные Федеральной службы государственной статистики, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю, ПАО «Территориальная генерирующая компания № 14» (ПАО «ТГК-14»), АО «Интер РАО – Электрогенерация», Филиала АО «СО ЕЭС» Забайкальское региональное диспетчерское управление (РДУ) (стоимостные показатели были приведены к сопоставимому виду):

- валовой региональный продукт (ВРП);
- вклад основных видов экономической деятельности (ВЭД) в ВРП;

¹ Глава Нерчинского-Заводского района потребовал отозвать лицензию у компании «Лунэн». URL: <https://www.chita.ru/news/89339/> (дата обращения: 01.10.2018); Край оставил лицензию на добычу железа китайской компании, отказавшейся от постройки ГОКа. URL: <https://www.chita.ru/news/110850/> (дата обращения: 01.10.2018).

- объем выбросов загрязняющих веществ от стационарных источников;
- объем сбросов загрязненных сточных вод;
- объем произведенной электрической и тепловой энергии (в пересчете на кВт·ч) и объем используемых объектами генерации энергетических ресурсов (угля, мазута и электрической энергии в пересчете на условное топливо с использованием соответствующих коэффициентов²) в модельном регионе (Забайкальском крае).

Временные рамки исследования определяются наличием статистических данных в разрезе видов экономической деятельности, которые представлены за период с 2005 по 2016 год. Были рассмотрены два временных интервала:

1) период с 2005 по 2016 г. – для выявления эффекта декарпинга в РФ и регионах трансграничного взаимодействия с КНР;

2) период с 2009 по 2016 г. – для оценки возможного влияния фактора приграничного положения на эколого-экономическое развитие восточных регионов.

Оценка энергоемкости производства электрической и тепловой энергии в Забайкальском крае проводилась за период с 2009 по 2017 г.

Результаты исследования и их анализ

Декарпинг воздействия. Анализ влияния экономической деятельности на окружающую среду в регионах трансграничного взаимодействия свидетельствует о том, что ситуацию нельзя охарактеризовать как вполне благополучную. За период с 2005 по 2016 г. увеличился объем выбросов загрязняющих веществ от стационарных источников в Амурской и Иркутской областях, Республике Бурятия. Большой вклад в образование данного вида экологической нагрузки в восточных регионах обеспечивают тепловые электростанции, работающие преимущественно на твердом топливе. Несмотря на то, что основной объем электрической энергии в Иркутской области производится на относительно благополучных с точки зрения воздействия на атмосферу ГЭС Ангарского каскада, на долю энергетики приходится более 40% об-

² Методологические положения по расчету топливно-энергетического баланса РФ в соответствии с международной практикой. URL: http://sro150.ru/images/docs/postanovlenie_goskomstat_19990623_N46.pdf (дата обращения: 16.03.2018).

щего объема эмиссий загрязняющих веществ от стационарных источников³.

На *рисунке 1* представлены подушевые показатели экологической нагрузки в РФ и восточных регионах. В некоторых из них, особенно в Иркутской области, существенно превышены среднероссийские значения по отдельным видам негативного воздействия. Кроме того, за рассматриваемый период в Еврейской АО, Республике Бурятия, Амурской и Иркутской областях отмечается рост удельных загрязнений.

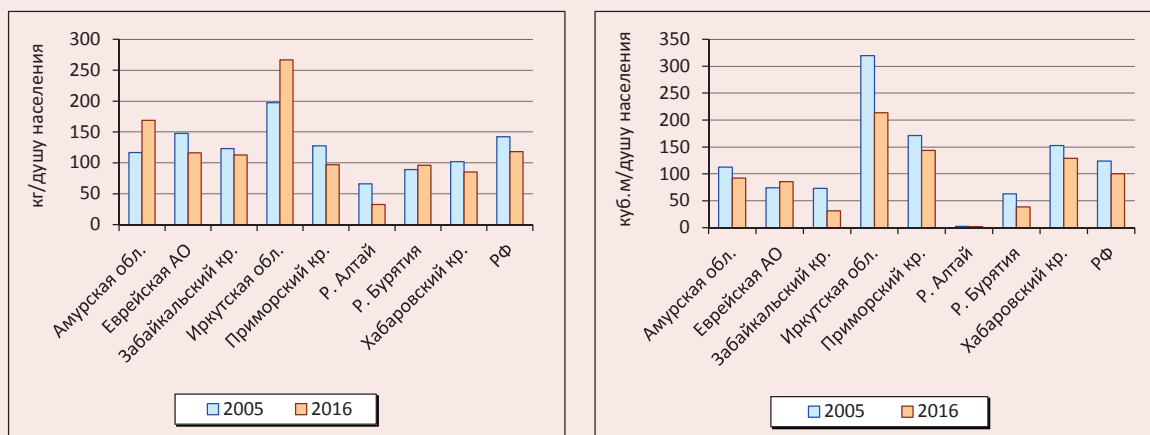
Для выявления эффекта декарпинга в развитии национальной и региональных экономик был рассчитан коэффициент D_i . Во всех регионах и РФ рассогласование тенденций экономического развития и загрязнения окружающей среды проявляется в отношении такого вида экологической нагрузки, как сброс загрязненных сточных вод (*табл. 1*). В период с 2005 по 2016 г. коэффициент D_i положителен, его величина варьируется в пределах от 0,17 (Еврейская АО) до 0,70 (Забайкальский край). Однако стоит отметить, что относительно благополучная ситуация во многих регионах может быть обусловлена недостаточно высоким качеством мониторинга сбросов сточных вод в водные объекты, а не реальным снижением уровня негативного воздействия. Так, например, в Забайкальском крае регулярно фиксируются случаи нарушения природоохранного законодательства, которые заключаются в незаконном сбросе природопользователями неочищенных сточных вод⁴. Кроме того, многие функционирующие очистные сооружения находятся в полуразрушенном состоянии и не обеспечивают необходимого качества очистки стоков⁵.

³ О состоянии и об охране окружающей среды Иркутской области в 2016 году: государственный доклад. Иркутск: Мегалит, 2017. 274 с.

⁴ Коммунальщики в Забайкалье незаконно сбрасывали сточные воды в поселковое озеро. URL: <https://www.chita.ru/news/115752/> (дата обращения: 27.06.2018); В Забайкальском крае природоохранный прокурор вскрыл факты сброса миллионов кубометров загрязнённых стоков в р. Хилок. URL: <https://baikalproc.ru/v-zabajkalskom-krae-prirodoohrannyj-prokuror-vskryl-fakty-sbrova-millionov-kubometrov-zagryaznyonnyh-stokov-v-r-hilok/> (дата обращения: 27.06.2018).

⁵ Природоохранная прокуратура через суд потребовала построить новые очистные сооружения на Селенге. URL: <http://snews.ru/news/prirodoohrannaya-prokuratura-cherez-sud-potrebovala-postroit-novye-ochistnye-sooruzheniya-na> (дата обращения: 27.06.2018).

Рис. 1. Подушевые показатели экологической нагрузки в РФ и регионах трансграничного взаимодействия с КНР



а) сбросы загрязненных сточных вод

б) выбросы в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных источников

Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения 14.06.2018).

Таблица 1. Коэффициент декаплинга воздействия (D_t) в регионах трансграничного взаимодействия с КНР и РФ

Регион/страна	Сброс загрязненных сточных вод		Выбросы загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников		Выбросы наиболее распространенных загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников									
					Диоксид серы		Оксид углерода		Оксиды азота		Твердые вещества		Углеводороды, включая летучие органические соединения	
	2005 и 2016 гг.	2009 и 2016 гг.	2005 и 2016 гг.	2009 и 2016 гг.	2005 и 2016 гг.	2009 и 2016 гг.	2005 и 2016 гг.	2009 и 2016 гг.	2005 и 2016 гг.	2009 и 2016 гг.	2005 и 2016 гг.	2009 и 2016 гг.	2005 и 2016 гг.	2009 и 2016 гг.
Амурская область	0,39	0,15	-0,07	-0,11	0,21	-0,03	-0,07	-0,01	-0,87	-0,69	0,10	-0,07	-5,07	-2,52
Еврейская АО	0,17	-0,002	0,43	-0,01	0,42	0,15	0,28	-0,05	0,59	-0,08	0,49	0,01	0,38	-0,002
Забайкальский край	0,70	0,67	0,36	0,20	0,12	0,17	0,41	0,18	0,35	0,26	0,46	0,25	0,12	0,18
Иркутская область	0,63	0,40	0,25	0,15	0,18	0,13	-0,003	-0,09	0,002	0,22	0,56	0,36	0,61	0,32
Приморский край	0,39	0,23	0,45	0,23	0,59	0,33	0,40	0,10	0,31	0,18	0,45	0,32	-1,77	-1,42
Республика Алтай	0,39	-0,16	0,60	0,38	0,58	0,38	0,61	0,33	0,53	0,13	0,64	0,46	-	-
Республика Бурятия	0,44	0,15	0,02	0,01	-0,22	-0,10	0,17	-0,004	-0,09	0,11	0,18	0,15	-4,08	-3,52
Хабаровский край	0,33	0,20	0,34	0,11	0,46	0,30	0,07	-0,04	0,15	-0,05	0,57	0,37	-0,59	-0,59
Российская Федерация	0,38	0,21	0,37	0,22	0,36	0,22	0,44	0,24	0,18	0,10	0,54	0,37	0,23	0,18

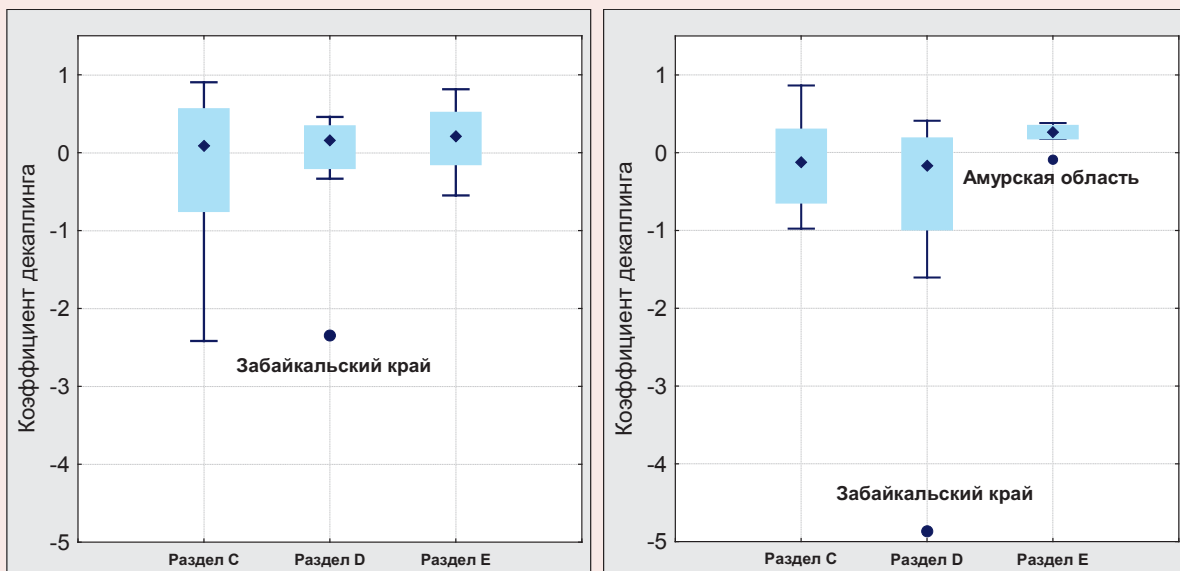
Рассчитано по: Национальные счета. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения 23.05.2018); Охрана окружающей среды в России. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139919459344 (дата обращения: 24.05.2018). Основные показатели охраны окружающей среды. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140094699578 (дата обращения 23.05.2018).

По выбросам в атмосферу от стационарных источников в отдельных регионах (Республике Бурятия, Амурской и Иркутской областях, Приморском и Хабаровском краях) эффект декарпинга отсутствует, что наиболее очевидно при анализе ситуации в разрезе наиболее распространенных загрязняющих веществ. В период активного развития приграничных взаимоотношений с КНР (с 2009 по 2016 г.) в некоторых регионах коэффициент D_i принимает отрицательные значения. Это свидетельствует о том, что экономическое развитие сопровождается ростом загрязнения атмосферы. В Еврейской АО такая ситуация наблюдается в отношении общего объема выбросов загрязняющих веществ, эмиссий оксида углерода, оксидов азота и углеводородов.

Перспективы социально-экономического развития восточных территорий связывают преимущественно с расширением горнодобывающей, топливной и лесозаготовительной промышленности, а значительная часть рос-

сийско-китайских проектов, планируемых и уже реализуемых на территории российских регионов, ориентирована прежде всего на добычу и первичную переработку минерально-сырьевых ресурсов [18, 24]. Таким образом, важным аспектом данного исследования является анализ эколого-экономического развития следующих ВЭД: «Добыча полезных ископаемых» (раздел С действующего в исследуемом периоде Общероссийского классификатора ВЭД), «Обрабатывающие производства» (раздел D) и «Производство и распределение электрической энергии, газа и воды» (раздел E). Для визуализации результатов использовалась коробчатая диаграмма [12], которая демонстрирует распределение коэффициента декарпинга по анализируемым ВЭД среди рассматриваемых регионов (рис. 2). Такой тип представления данных одновременно показывает несколько величин: первый и третий квартили (нижняя и верхняя грани прямоугольника, которые отделяют 25 и 75% выборки), медиану (маркер внутри прямо-

Рис. 2. Распределение коэффициента декарпинга воздействия (D_i) среди регионов трансграничного взаимодействия: выбросы загрязняющих веществ от стационарных источников



а) 2005 и 2016 гг.

б) 2009 и 2016 гг.

Рассчитано по: Национальные счета. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения 23.05.2018); Охрана окружающей среды в России. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139919459344 (дата обращения: 24.05.2018). Основные показатели охраны окружающей среды. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140094699578 (дата обращения 23.05.2018).

угольника), минимальное и максимальное значения и выбросы (отдельные точки, которые характеризуются выделяющимися из общей выборки значениями).

По негативному воздействию на атмосферный воздух в большинстве восточных регионов отмечается эффект декаплинга в развитии всех трех видов экономической деятельности. В период с 2005 по 2016 год значение медианы во всех случаях больше нуля (см. рис. 2а). Это говорит о том, что по меньшей мере 50% всех исследуемых значений положительны.

Вместе с тем в отдельных субъектах данный эффект отсутствует. Так, минимальное значение коэффициента D_i в сфере добычи полезных ископаемых – в Еврейской АО ($D_i = -2,41$), где вклад ВЭД «Добыча полезных ископаемых» в валовую добавленную стоимость региона в последние годы устойчиво увеличивался. В 2017 г. индекс промышленного производства добывающего сектора здесь вырос в 4,7 раза по сравнению с уровнем 2016 года⁶. Это связано с увеличением объемов добычи железорудного концентрата за счет ввода в эксплуатацию Кимкано-Сутарского горно-обогатительного комбината, строительство которого было включено в список ключевых проектов Программы приграничного сотрудничества⁷. В настоящее время данное предприятие является в Еврейской АО одним из основных источников поступления загрязняющих веществ в атмосферный воздух⁸. В другом приграничном регионе – Амурской области – рассогласования темпов экономического роста и негативного воздействия на атмосферу не выявлено во всех отраслях, при этом активное развитие приграничных взаимоотношений с динамично развивающейся-

ся КНР не меняет ситуацию. Значение коэффициента декаплинга отрицательно для всех ВЭД (табл. 2).

Из представленных в таблице 2 данных следует, что эколого-экономическое развитие обрабатывающих производств в отдельных регионах характеризовалось отсутствием эффекта декаплинга (Забайкальский край, Амурская область, республики Алтай и Бурятия). Минимальное значение коэффициента D_i (на рис. 2 обозначено точкой, поскольку заметно выделяется из всех значений) имеет Забайкальский край, в котором ВЭД «Обрабатывающие производства» обеспечивает небольшой вклад в валовую добавленную стоимость (2,8–4% в текущих ценах). При этом в период активного развития российско-китайских взаимоотношений наблюдается более неблагоприятная ситуация: значение исследуемого показателя существенно ниже ($D_i = -4,87$) значения, полученного за временной интервал с 2005 по 2016 г. ($D_i = -2,34$). В последние годы в данном регионе не преодолена тенденция снижения объемов производства в обрабатывающей промышленности (за исключением пищевой промышленности и прочих производств)⁹. Вместе с тем уровень негативного воздействия на атмосферный воздух, оказываемого предприятиями обрабатывающей промышленности, за рассматриваемый временной интервал заметно вырос: количество выбросов загрязняющих веществ увеличилось более чем в 3 раза по отношению к уровню 2005 года.

В регионах трансграничного взаимодействия ВЭД «Производство и распределение электрической энергии, газа и воды» обеспечивает от 3,6% (Приморский край) до 7,3% (Амурская область) объема валового регионального продукта¹⁰. Деятельность по производству тепловой и электрической энергии, как и по добыче минерально-сырьевых ресурсов, оказывает комплексное воздействие на окружающую среду. В рассматриваемых регионах про-

⁶ Информация по результатам мониторинга реализации прогноза социально-экономического развития Еврейской автономной области по итогам 2017 года. URL: <http://www.eao.ru/o-eao/sotsialno-ekonomicheskoe-gazvitie-eao-/prognoz-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya/> (дата обращения: 04.07.2018).

⁷ Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 годы). URL: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/201035210624_735729.htm (дата обращения: 24.05.2018).

⁸ Устойчивое развитие. 2016 : годовой отчет / группа компаний «Петропавловск–Черная Металлургия». URL: http://www.petropavlovsk-io.ru/netcat_files/userfiles/1/Godovoy_otchet_GK_PChM_2016.pdf (дата обращения: 04.07.2018).

⁹ Информация об итогах социально-экономического развития Забайкальского края за январь–декабрь 2016 года. URL: <http://минэконом.зabayкальский-край.рф/action/monitoring-socialno-ekonomicheskogo-polozeniya-/2016/> (дата обращения: 04.07.2018).

¹⁰ Национальные счета. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения: 23.05.2018)

Таблица 2. Коэффициент декарпинга воздействия (D_t) в регионах трансграничного взаимодействия с КНР и РФ: выбросы загрязняющих веществ от стационарных источников

Регион/страна	Раздел С «Добыча полезных ископаемых»		Раздел D «Обрабатывающие производства»		Раздел E «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды»	
	2005 и 2016 гг.	2009 и 2016 гг.	2005 и 2016 гг.	2009 и 2016 гг.	2005 и 2016 гг.	2009 и 2016 гг.
Амурская область	-0,75	-0,65	-0,07	-0,38	-0,34	-0,09
Еврейская АО	-2,41	0,14	0,43	0,00	0,82	0,35
Забайкальский край	0,91	0,86	-2,34	-4,87	0,05	0,35
Иркутская область	0,46	-0,14	0,20	0,27	0,25	0,18
Приморский край	-0,68	-0,98	0,46	0,41	0,29	0,23
Республика Алтай	-	-	-0,33	-1,61	0,75	0,38
Республика Бурятия	0,57	0,30	0,13	-0,34	-0,54	0,30
Хабаровский край	0,09	-0,13	0,27	0,10	0,18	0,17
РФ	0,33	0,14	0,38	0,31	0,23	0,19

Рассчитано по: Национальные счета. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения 23.05.2018); Охрана окружающей среды в России. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139919459344 (дата обращения: 24.05.2018). Основные показатели охраны окружающей среды. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140094699578 (дата обращения 23.05.2018).

изводство электрической и тепловой энергии осуществляется преимущественно на угольных станциях, в структуре выбросов которых присутствуют такие загрязнители, как твердые частицы (сажа), диоксид серы, оксиды азота и угарный газ. На предприятия энергетики приходится от 46% (Иркутская область) до 74% (Амурская область) объема всех загрязняющих веществ, поступивших в атмосферный воздух от стационарных источников¹¹. Наиболее заметный рост вклада данной отрасли в общий объем загрязнений по отношению к уровню 2005 года отмечается в Амурской области, Забайкальском крае и Республике Бурятия (за рассматриваемый временной интервал в этих регионах объем выбросов, приходящийся на предприятия энергетики, увеличился более чем в 1,3 раза).

Анализ данных, характеризующих эколого-экономическое развитие электроэнергетической отрасли, позволил сделать вывод об отсутствии эффекта декарпинга в двух регионах: Амурской области и Республике Бурятия (за период с 2005 по 2016 г.). В остальных случаях наблюдается разделение трендов экономического развития и загрязнения атмосферы. Наи-

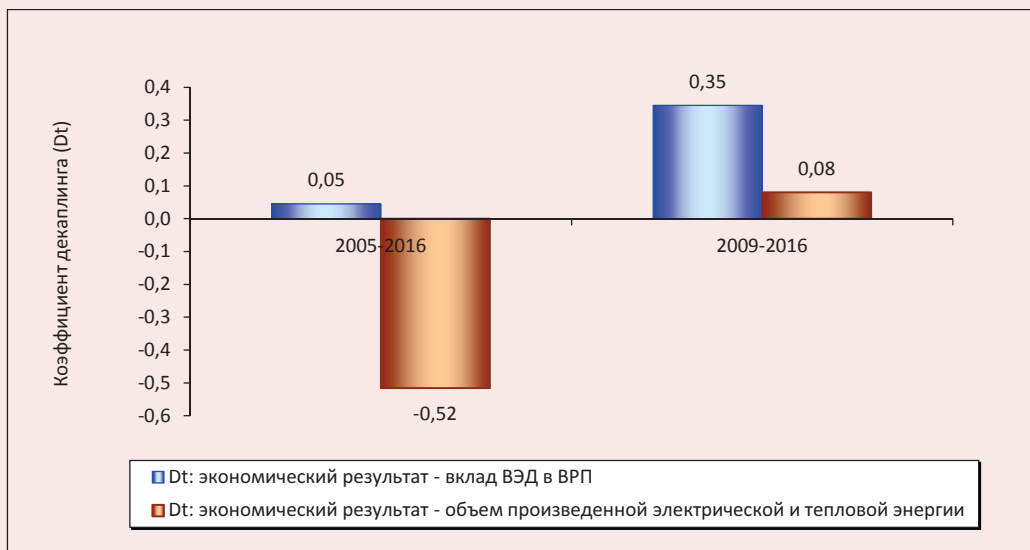
¹¹ Основные показатели охраны окружающей среды. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140094699578 (дата обращения: 23.05.2018).

более высокие значения показателя D_t имеют Еврейская АО и Республика Алтай, в которых за рассматриваемый временной интервал произошло заметное снижение экологической нагрузки. Вместе с тем стоит отметить, что использование в расчетах в качестве экономического результата натуральных величин (например, такого показателя, как объем произведенной тепловой и электрической энергии в пересчете на кВт·ч), может несколько изменить полученную картину. Это показывает анализ, выполненный для одного из приграничных регионов – Забайкальского края (рис. 3).

В период с 2005 по 2016 г. коэффициент D_t принимает отрицательное значение ($D_t = -0,52$), что свидетельствует об отсутствии эффекта декарпинга в развитии энергетической отрасли региона. Таким образом, на динамику стоимостных показателей оказывает влияние эффект роста тарифов на тепловую и электрическую энергию.

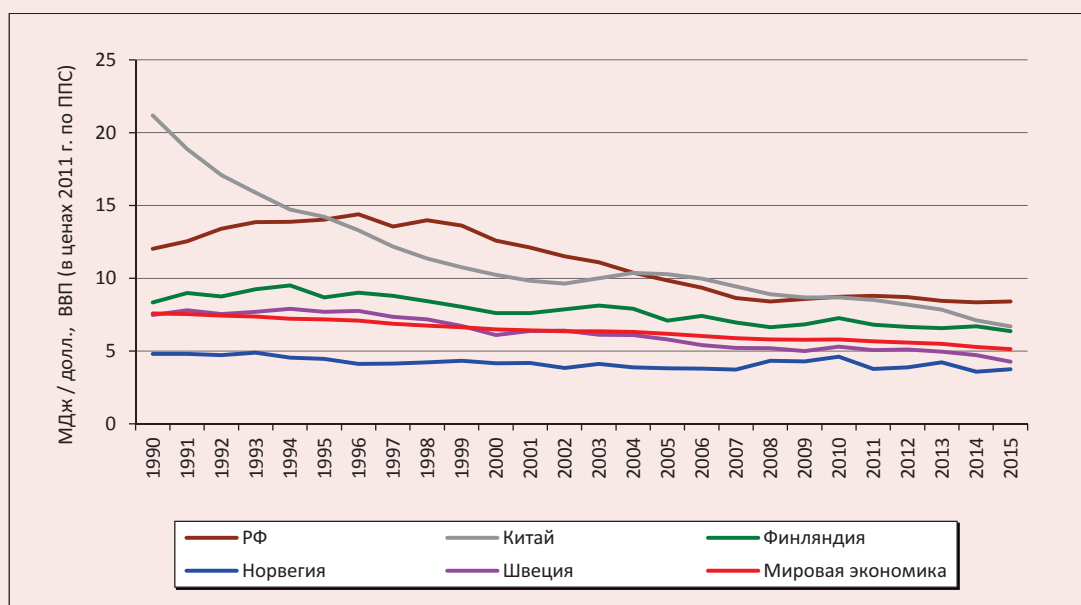
Ресурсный декарпинг. Достижение эффекта ресурсного декарпинга, который подразумевает сокращение объемов использования первичных ресурсов на единицу экономического результата, представляется весьма актуальной задачей для дальнейшего развития РФ. Исследование характера развития экономики российских регионов показывает, что большинство из

Рис. 3. Коэффициент декаплинга воздействия (D_i) для энергетической отрасли Забайкальского края: выбросы загрязняющих веществ от стационарных источников



Расчитано по: Статистический ежегодник Забайкальского края. 2011. Чита, 2011. 299 с.; Забайкальский край-2016. Чита, 2017. 311 с.

Рис. 4. Динамика показателя, характеризующего эффективность использования первичной энергии (энергоёмкость), 1990–2015 гг.



Источник: Energy intensity level of primary energy (MJ/\$2011 PPP GDP). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EG.EGY.PRIM.PP.KD> (дата обращения: 26.03.2018).

них развивается за счет потребления природных ресурсов [25]. На сегодняшний день экономика РФ признана одной из наиболее энергоемких экономик в мире [26]. На *рисунке 4* представлена динамика потребления первичных энергетических ресурсов в расчете на единицу экономического результата (ВВП) в различных странах.

Заметный разрыв по данному показателю наблюдается даже со странами, характеризующимися схожими климатическими условиями. Так, в Швеции и Норвегии, которые, как и Россия, относятся к северным странам, потребление энергоресурсов в расчете на доллар ВВП по паритету покупательной способности ниже в 1,7 и 2,2 раза соответственно (по данным за 2014 г.). В работе [26] отмечается, что, помимо климатических и географических условий, важным фактором, обуславливающим высокую энергоемкость, выступает отраслевая структура экономики. Ее особенностью в РФ является преобладание отраслей тяжелой промышленности, функционирование которой требует большого количества энергоресурсов.

Для оценки эффективности использования энергетических ресурсов в российских регионах используется показатель «энергоемкость ВВП».

Его регулярно публикует Федеральная служба государственной статистики РФ. В *таблице 3* представлена энергоемкость ВВП в регионах трансграничного взаимодействия с КНР. В большинстве из них энергетические затраты в расчете на единицу добавленной стоимости выше, чем в целом по РФ. Однако стоит отметить, что данный показатель имеет недостатки и не в полной мере отражает реальную ситуацию. Это связано с особенностями статистического учета: объемы использования энергоресурсов относятся к одному региону, а часть ВВП, создаваемая на его территории, – к другому региону в силу принадлежности бизнеса по его основной «географии»¹². Кроме того, заметное снижение энергоемкости по отношению к уровню предыдущего года произошло преимущественно за счет роста ВВП, который измерен в текущих ценах (т.е. не учтена инфляционная составляющая). Для оценки динамики энергоемкости более корректно использовать показатель «потребление топливно-энергетических ресурсов на одного занятого в экономике страны». За период с 2012 по 2015 г. его величина в Российской Федерации фактически не изменилась (13 тонн условного топлива в расчете на одного занятого в экономике)¹³.

Таблица 3. Энергоемкость ВВП, кг условного топлива/10 тыс. руб.

Регион/страна	2014	2015	Изменение за период с 2014 по 2015 г.
Республика Алтай	142,74	130,48	-9%
Республика Бурятия	186,36	173,65	-7%
Забайкальский край	195,80	177,90	-9%
Иркутская область	338,50	252,41	-25%
Приморский край	167,40	129,11	-23%
Хабаровский край	133,61	126,01	-6%
Амурская область	188,43	166,30	-12%
Еврейская АО	167,16	144,13	-14%
Российская Федерация*	150,31	136,11	-9%

* Показатель представляет собой отношение суммы объемов потребления топливно-энергетических ресурсов субъектами РФ к сумме объемов их ВВП.
Составлено по: Технологическое развитие отраслей экономики. Энергоемкость ВВП (ВРП). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment/# (дата обращения: 26.03.2018).

¹² Мониторинг энергоёмкости. Реализация политики повышения энергоэффективности на базе анализа энергоёмкости продукции, произведенной на промышленных предприятиях Нижегородской области за 2015–2016 годы. URL: http://nnov.tpprf.ru/ru/business/energ/otchety.php?clear_cache=Y (дата обращения: 26.03.2018).

¹³ Потребление топливно-энергетических ресурсов на одного занятого в экономике страны. URL: <https://fedstat.ru/indicator/50164> (дата обращения: 26.03.2018).

Ввиду отсутствия информации, характеризующей потребление энергетических ресурсов по видам экономической деятельности, возникают трудности при оценке энергоёмкости отдельных секторов промышленности в регионах. В этой связи анализ эффективности использования ресурсов был выполнен только для электроэнергетической отрасли одного из приграничных регионов – Забайкальского края.

Наиболее крупными объектами генерации электрической и тепловой энергии в приграничном регионе являются: Харанорская ГРЭС, Читинская ТЭЦ-1 и ТЭЦ ОАО «Приаргунское производственное горно-химическое объединение» (ППГХО) (рис. 5). Незначительный объём выработки (2,4%) приходится на прочие объекты генерации, в число которых входят Читинская ТЭЦ-2, Шерловогорская, Приаргунская и Первомайская ТЭЦ. В период с 2009 по 2017 г. структура производства электроэнергии в регионе заметно изменилась. В общем объёме выработки существенно увеличилась доля Харанорской ГРЭС, которая в 2017 г. обеспечила почти половину всего произведенного объёма электрической энергии.

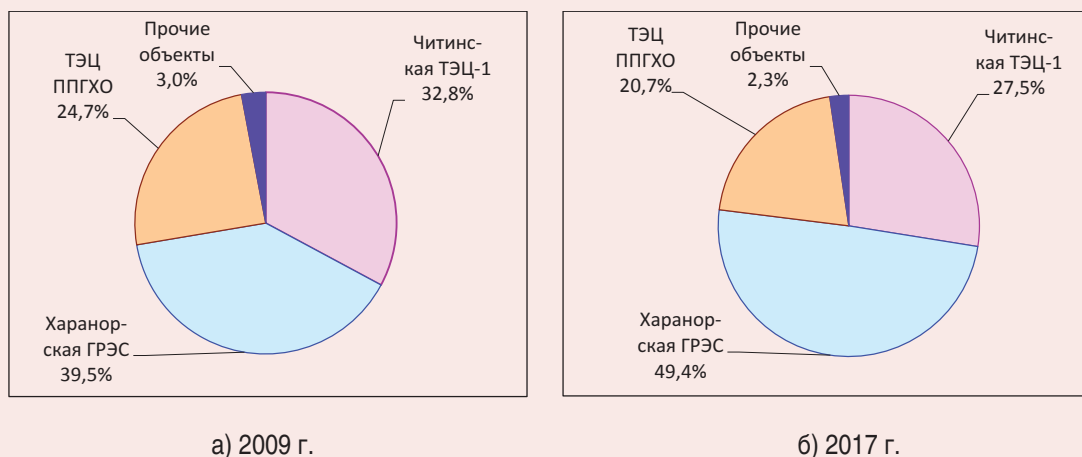
Все рассматриваемые объекты генерации Забайкальской энергетической системы используют в качестве топлива уголь местных бу-

роугольных месторождений и мазут, доля которого в топливном балансе незначительна¹⁴. Энергоёмкость была рассчитана как отношение объёма используемых в процессе производства энергетических ресурсов (угля, мазута и электроэнергии в пересчете на условное топливо) к объёму произведенной электрической и тепловой энергии (в пересчете на кВт·ч). Применение в качестве экономического результата натуральных величин позволило исключить влияние инфляционного фактора на динамику анализируемого индикатора.

Предприятия энергетической отрасли Забайкальского края характеризуются разным уровнем потребления энергоресурсов в расчете на произведенный объём конечной продукции (рис. 6). В 2017 году значение показателя изменялось в диапазоне от 163 кг (Читинская ТЭЦ-2) до 350 кг (Харанорская ГРЭС) условного топлива в расчете на тысячу кВт·ч. произведенной тепловой и электрической энергии.

В работе [23] отмечается, что использование первичных энергоресурсов на электростанциях с технологией когенерации энергии, т.е. совместного производства электрической и тепловой энергии, является наиболее эффективным. Это подтверждают результаты расчетов, в соответствии с которыми наибольшее значение

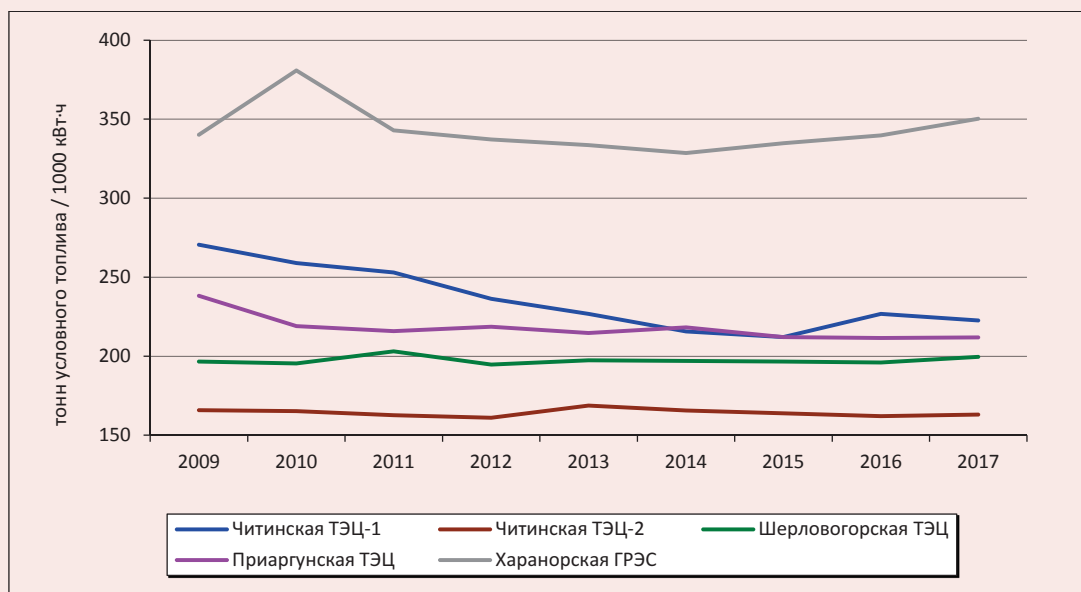
Рис. 5. Структура производства электрической энергии, Забайкальский край



Источник: данные ПАО «ТГК-14», АО «Интер РАО–Электрогенерация» и Филиала АО «СО ЕЭС» Забайкальское РДУ.

¹⁴ Топливообеспечение // Официальный сайт ПАО «ТГК-14». URL: <http://www.tgk-14.com/production/fuel-supply.php> (дата обращения: 30.08.2017).

Рис. 6. Динамика показателей энергоёмкости производства электрической и тепловой энергии по объектам генерации Забайкальского края, 2009–2017 гг.



Рассчитано по: данные ПАО «ТГК-14», АО «Интер ПАО-Электрогенерация» и Филиала АО «СО ЕЭС» Забайкальское РДУ.

показателя имеет крупнейшая электростанция региона – Харанорская ГРЭС, которая производит преимущественно электрическую энергию. За рассматриваемый временной интервал позитивные изменения были отмечены на двух объектах генерации: Читинской ТЭЦ-1 и Приаргунской ТЭЦ. Энергоёмкость производства на этих станциях снизилась на 18 и 11% соответственно.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что во всех рассматриваемых регионах трансграничного взаимодействия с КНР эффект декарбонизации проявляется в отношении сброса загрязненных сточных вод. Однако такая относительно благополучная ситуация может быть обусловлена недостаточно высоким качеством мониторинга сбросов сточных вод в водные объекты и неадекватным отражением последствий нарушения природоохранного законодательства в статистической отчетности, а не реальным снижением уровня данного вида экологической нагрузки.

По выбросам загрязняющих веществ от стационарных источников в большинстве случаев был выявлен эффект декарбонизации, т.е. расхождение тенденций экономического развития и загрязнения атмосферного воздуха. Вместе с тем в некоторых регионах проявление данного эффекта отсутствует, что наиболее очевидно при анализе ситуации в разрезе наиболее распространенных загрязняющих веществ и основных видов экономической деятельности. При этом активное развитие в последние годы приграничных взаимоотношений с Китаем существенно не меняет данную ситуацию в восточных регионах. В работе [22] отмечается, что преимущества приграничного положения, с которыми на Востоке страны были связаны особые ожидания в силу близости быстрорастущей экономики Китая, не дали существенного импульса для социально-экономического развития и повышения благосостояния, важным компонентом которого является благополучная экологическая обстановка.

Представленные в данной статье исследования направлены на решение научной задачи оценки эколого-экономического развития восточных регионов — участников трансграничного взаимодействия, что определяет их вклад в развитие теоретической и прикладной науки. Результаты проведенного анализа могут быть использованы при выработке управленческих решений в сфере эколого-экономических взаимодействий, а также в процессе подготовки документов стратегического планирования. Сопоставление темпов экономического развития и загрязнения окружающей

среды в разрезе основных видов экономической деятельности может быть полезным при рассмотрении планируемых к реализации в регионе инвестиционных проектов, в том числе инициатив с привлечением иностранных инвестиций. Для достижения эффекта декарпинга по отдельным видам негативного воздействия на окружающую среду необходим комплекс мер, направленных на совершенствование природоохранного механизма (увеличение ставок платежей за негативное воздействие, восстановление целевого характера их использования и т.д.).

Литература

1. Навстречу «зеленой экономике»: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности. ЮНЕП, 2011. 45 с. URL: http://old.ecocongress.info/5_congr/docs/doklad.pdf (дата обращения: 26.03.2016).
2. «Зеленая» экономика: перезагрузка / под ред. А.В. Шевчука. М.: Зимородок, 2017. 448 с.
3. Bobylev S.N., Kudryavtseva O.V., Yakovleva Ye.Yu. Regional priorities of green economy. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 2015, no. 2 (42), pp. 148-159. DOI: 0.17059/2015-2-12
4. Glazyrina, I.P., Faleichik, L.M., Yakovleva, K.A. Socioeconomic effectiveness and «green» growth of regional forest use. *Geography and Natural Resources*, 2015, vol. 36, no. 4, pp. 327-334. DOI: 10.1134/S1875372815040022
5. Shang Y., Si Y., Zeng G. Black or green? Economic growth patterns in China under Low Carbon Economy Targets. *Journal of Resources and Ecology*, 2015, vol. 6 (5), pp. 310-317. DOI:10.5814/j.issn.1674-764x.2015.05.004
6. Victor P. The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014: Ecological economics: A personal journey. *Ecological Economics*, 2015, vol. 109, pp. 93–100. doi.org/10.1016/j.ecolecon.2014.11.009
7. Бобылев С.Н., Горячева А.А., Немова В.И. «Зеленая» экономика: проектный подход // Государственное управление: электронный вестник. 2017. № 64. С. 34-44.
8. Пыжев А.И., Пыжева Ю.И. Оценка регионального социо-эколого-экономического благополучия Красноярского края: новый подход // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 34 (409). С. 30-40.
9. Бобылев С.Н., Захаров В.М. «Зеленая» экономика и модернизация. Эколого-экономические основы устойчивого развития // На пути к устойчивому развитию России: бюллетень. 2012. № 60. 89 с.
10. *Decoupling natural resource use and environmental impacts from economic growth. UNEP, 2011.* Available at: http://www.gci.org.uk/Documents/Decoupling_Report_English.pdf
11. Guevaraab Z., Domingos T. Three-level decoupling of energy use in Portugal 1995–2010. *Energy Policy*, 2017, vol. 108, pp. 134-142. doi.org/10.1016/j.enpol.2017.05.050
12. Nagvi A., Zwickl K. Fifty shades of green: Revisiting decoupling by economic sector and air pollutants. *Ecological Economics*, 2017, vol. 133, pp. 111-126. doi.org/10.1016/j.ecolecon.2016.09.017
13. Акуллов А.О. Эффект декарпинга в индустриальном регионе (на примере Кемеровской области) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 4 (28) С. 177-185.
14. Кириллов С.Н., Пакина А.А., Тульская Н.И. Оценка устойчивости развития на региональном уровне: пример Республики Татарстан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2017. № 4 (41). С. 127-137. DOI: 10.15688/jvolsu3.2017.4.14
15. Шкиперова Г.Т. Анализ и моделирование взаимосвязи между экономическим ростом и качеством окружающей среды (на примере Республики Карелия) // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 43 (394). С. 41-49.

16. Яшалова Н.Н. Анализ проявления эффекта декарпинга в эколого-экономической деятельности региона // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 39. С. 54-61.
17. Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А. Экологическая составляющая экономического развития: приграничные регионы России и Китая // ЭКО. 2014. № 6 (480). С. 5-24.
18. Глазырина И.П., Забелина И.А. Перспективы «зеленого» роста на Востоке России и Новый Шелковый путь // ЭКО. 2016. № 7 (505). С. 5-20.
19. De Haan M. *Accounting for Goods and Bads*. Voorburg: Statistics Netherlands, 2004. 216 p.
20. Li X, Chalvatzis K.J., Pappas D. China's electricity emission intensity in 2020 – an analysis at provincial level. *Energy Procedia*, 2017, vol. 142, pp. 2779-2785. doi.org/10.1016/j.egypro.2017.12.421
21. Мазнева М.А. Эко-интенсивность // Экологические индикаторы качества роста региональной экономики / под ред. И.П. Глазыриной, И.М. Потравного. М.: НИИ-Природа, 2006. Гл. 5. С. 126-147.
22. Glazyrina I.P, Zabelina I.A. Spatial Heterogeneity of Russia in the Light of the Concept of a Green Economy: The Social Context. *Geography and Natural Resources*, 2018, vol. 39, no. 2, pp. 14-22. DOI: 10.1134/S1875372818020026
23. Гулбрандсен Т.Х., Падалко Л.П., Червинский В.Л. Энергоэффективность и энергетический менеджмент. Минск: БГАТУ, 2010. 240 с.
24. Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 43-56. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.3
25. Рюмина Е.В., Аникина А.М. Анализ влияния фактора природных ресурсов на уровень экономического развития регионов России // Проблемы прогнозирования. 2007. № 5. С. 106-125.
26. Энергоэффективность и устойчивое развитие / С.Н. Бобылев [и др.]. М.: Институт устойчивого развития, 2010. 148 с.

Сведения об авторе

Ирина Александровна Забелина – кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (672002, Российская Федерация, г. Чита, а/я 1032; e-mail: i_zabelina@mail.ru)

Zabelina I.A.

Decoupling in Environmental and Economic Development of Regions-Participants of Cross-Border Cooperation

Abstract. Moving towards “green” economy is currently a priority direction for the development of many countries, including Russia. One of the key aspects of the concept of green economy is achieving decoupling or misalignment of economic growth rates, resource consumption and negative environmental impact. The purpose of the article is to analyze the decoupling of negative environmental impact and resource consumption in economic activity in border regions of the Russian East and the entities of the Baikal region with cross-border economic relations with China. The research novelty lies in identifying the possible impact of cross-border position on environmental and economic development of the areas under review. Long-term experience of cooperation with the neighboring state demonstrates that prospects are followed by environmental problems since the economy of Siberian and Far Eastern regions is consistently focused on raw materials. The decoupling coefficient is calculated to identify the misalignment between economic growth rates and environmental pollution. The use of natural values as an economic result in calculations distinguishes this study from similar works focusing mainly on analyzing cost indicators. The results of eco-economic analysis show that in regions of cross-border cooperation, decoupling is manifested in discharge of contaminated wastewater. Decoupling was also revealed in most cases due to the negative impact on the atmosphere. However, economic development in some regions is accompanied by

increasing air pollution, which is most evident when considering the situation in terms of most common pollutants and main economic activities. It has been established that rapid development of cross-border relations with China does not significantly change the situation in the Eastern regions. Further research prospects are related to detailed study of the aspects of eco-economic development of basic industries in Russia and the regions of cross-border cooperation.

Key words: economic development, negative environmental impact, natural resources, environmental capacity, decoupling, regions of cross-border cooperation.

Information about the Author

Irina A. Zabelina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Researcher, Institute of Natural Resources, Environment and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (P.O.Box 1032, Chita, 672002, Russian Federation; e-mail: i_zabelina@mail.ru)

Статья поступила 23.07.2018.

VIII Международная научно-практическая конференция «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект»

Одними из вызовов экономической безопасности страны согласно «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» являются неравномерность её пространственного развития и усиление дифференциации регионов и муниципальных образований по уровню и темпам социально-экономического развития. Для преодоления вызовов необходимы более полное раскрытие потенциала каждого региона, формирование благоприятного социального климата с учетом их преимуществ и специализации.

Поиску возможностей и механизмов для создания таких условий была посвящена VIII Международная научно-практическая конференция «Стратегия и тактика социально-экономических реформ: региональный аспект», проходившая в Вологде 12–14 декабря 2018 года на базе Вологодского научного центра РАН. Основной акцент организаторы конференции сделали на поиске путей и эффективных инструментов реализации социально-экономических преобразований, которые обеспечат России достижение целей устойчивого развития. По их мнению, многое в этом развитии зависит именно от российских регионов.

Формат конференции предусматривал работу 4 секций, проведение пленарного заседания и XVIII Международной научно-практической конференции «Молодые ученые – экономике региона». Всего на конференции выступило с научными докладами 111 человек из 13 регионов страны, Республики Беларусь, Республики Армения и Донецкой Народной Республики.

Ключевым событием конференции стало пленарное заседание, в котором приняло участие 300 человек – ведущие российские ученые, представители вузовской и академической науки, руководители и специалисты федеральных, региональных и местных органов управления, преподаватели, студенты, аспиранты. В большом зале здания Правительства Вологодской области выступили известные экономисты и социологи России, среди них академик РАН В.М. Полтерович, чл.-кор. РАН В.Н. Лаженцев, д-р экон. наук Д.Б. Кувалин, д-р социол. наук В.В. Локосов, д-р социол. наук В.В. Маркин. Научное мероприятие прошло при поддержке Правительства Вологодской области, Администрации г. Вологды, Министерства науки и высшего образования, Российской академии наук.

Для цитирования: VIII Международная научно-практическая конференция «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект» / Л.В. Бабич, Т.В. Ускова, О.Н. Калачикова, К.А. Задумкин, Е.А. Мазиллов, С.Л. Неустроева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 256–263. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.16

For citation: Babich L.V., Uskova T.V., Kalachikova O.N., Zadumkin K.A., Mazilov E.A., Neustroeva S.L. VIII international research-to-practice conference “Strategy and Techniques of Socio-Economic Reforms: Regional Aspect”. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 256–263. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.16

Заместитель губернатора области *Тушинов Виталий Валерьевич* на открытии пленарного заседания отметил, что создание и развитие прикладной науки невозможно без развития фундаментальной, а без развития прикладной науки невозможен прорыв в экономике. Он подчеркнул, что конференция может стать площадкой для выгодного сотрудничества органов государственной власти и научного сообщества.

В первой части пленарного заседания обсуждались проблемы устойчивого развития регионов и повышения качества государственного управления. Академик РАН заместитель директора МШЭ МГУ им. М.В. Ломоносова *Полтерович Виктор Меерович* выступил с докладом на тему «Институты догоняющего развития и проблемы модернизации экономики региона». По его мнению, цель стратегии долгосрочного развития России – встать в один ряд с западноевропейскими государствами по уровню благосостояния, технологий и человеческого капитала, развитости гражданского общества, достичь уровня ВВП (ВРП) на душу населения с учетом паритета покупательной способности не менее 50% душевого ВВП США. Как подчеркнул академик, немногие развивающиеся страны добились такого успеха. Среди них страны так называемого «экономического чуда», опыт которых он советует брать на вооружение, но с учетом того, что прямое заимствование западных институтов не всегда полезно, а нужды развивающихся и развитых стран могут сильно отличаться друг от друга.

По словам В.М. Полтеровича, ни одно «экономическое чудо» не обошлось без индикативного планирования и создания специального агентства по стратегическому планированию. Ключом к реформе, по его мнению, может стать создание подобного федерального агентства по развитию во главе с талантливым руководителем. Он пояснил роль институтов догоняющего развития в стимулировании развития региона на примере одного из самых передовых регионов России – Республики Татарстан.

Член-корреспондент РАН *Лаженцев Виталий Николаевич* (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН) рассказал о природно-ресурсной экономике и ее роли в стратегическом развитии северных регионов. Он под-

черкнул, что проблемы в природопользовании заключаются не в вопросе «добывать или не добывать», а в разнообразии способов оценки ресурсных потенциалов и их правильного использования. Как считает В.Н. Лаженцев, ведущее место, особенно в регионах Арктики и Севера, должно быть отведено биоресурсной экономике, и прежде всего земельному фонду. Он выделил несколько первостепенных задач в этом направлении: распределение всего земельного фонда и всех земель сельскохозяйственного назначения по формам собственности и видам пользования, повышение роли муниципалитетов в управлении землепользованием, организация лесного хозяйства в соответствии с международным регламентом и восстановление лесхозов как организаторов воспроизводства лесных ресурсов.

Основные проблемы пространственного развития России и их возможные решения были рассмотрены в докладе доктора экономических наук заместителя директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН *Кувалина Дмитрия Борисовича*. Он выделил сильную неравномерность в уровнях развития регионов и связанный с этим отток трудоспособного и квалифицированного населения в наиболее развитые экономические центры. По его мнению, нехватка источников у регионов определяется в т. ч. спорными пропорциями перераспределения налогового дохода в пользу федерального центра. Д.Б. Кувалин предложил оставлять регионам больше ресурсов, ослабить бюрократическое давление в части регламента использования финансовых средств и создать ведомство, которое отвечало бы за развитие региональной политики.

Вторая часть пленарного заседания была посвящена современным проблемам социально-экономического развития российских регионов. Доктор экономических наук директор Вологодского научного центра РАН *Шабунова Александра Анатольевна*, представившая доклад «Социально-демографические вызовы регионального развития», отметила, что к демографическим вызовам относится трансформация демографической структуры населения, в частности старение населения мира. Кроме того, происходит трансформация основных социальных институтов семьи и брака: повышается

неустойчивость семейных отношений, всё более широкое распространение получают одно- и двухдетные семьи. Усиливаются проблемы расселения — сжатие освоенного пространства сельских территорий России, концентрация сельского населения в определённых зонах.

Важным аспектом современного развития является и трансформация информационно-коммуникативного пространства. Развитие телекоммуникаций может способствовать повышению связанности пространства, а также доступности услуг (в том числе образования и здравоохранения) как на личном уровне, так и с точки зрения общественного развития, что особенно важно для России с её огромными территориями. В то же время её отставание от ведущих мировых держав по развитию цифровых технологий, увеличение разрыва между городом и деревней в охвате современными технологиями усиливают существующие проблемы. Внедрение новых цифровых технологий влечет за собой изменение профессий и наборов профессиональных знаний и навыков. Это предопределяет необходимость совершенствования системы профессионального образования.

Завершая выступление, А.А. Шабунова подчеркнула, что для формирования гармоничного общества важно, чтобы учитывались и социальные, и технологические вызовы, иначе нарушается баланс в функционировании элементов системы, а это в свою очередь ведет к ее деформации и дестабилизации, росту социальной напряженности.

Доктор социологических наук директор ИСЭПН РАН *Локосов Вячеслав Вениаминович* рассказал о возможностях применения метода предельно критических показателей в реализации национальных приоритетов. Как он отметил, слабое научное обоснование целевых стратегических приоритетов приводит к проблемам в их исполнении. В качестве примера ученый привел ситуацию с рядом целевых показателей, которые установлены Указом Президента РФ от 7 мая 2012 года, согласно которым продолжительность труда к 2018 году должна была вырасти в полтора раза, однако фактически этот параметр увеличился лишь на 6%. Причина «застоя» в социальной сфере, на его взгляд, кроется в нескольких факторах: это стагнация заработной платы во всем мире при сохраняющемся

росте доходов корпоративного сектора; сокращение доли экономически активного населения; уменьшение числа новых рабочих мест и увеличение длительности безработицы; быстро растущее неравенство и поляризация; увеличение частичной занятости; снижение доходов и рост безработицы среди выпускников колледжей. В.В. Локосов кратко описал метод использования предельно критических показателей, который, по его мнению, можно применять в региональных стратегиях социально-экономического развития.

Доктор экономических наук заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН *Бобков Вячеслав Николаевич* заострил внимание слушателей на результатах реализации пилотного проекта по усилению адресности социальной поддержки и экономической устойчивости малоимущих семей с детьми. Совместно с Департаментом социальной защиты Вологодской области в проекте отработывалась новая модель поддержки малоимущих семей, позволяющая повышать их доход до более высокого уровня по сравнению с уровнем действующей системы социальной поддержки. Как считает ученый, опыт Вологодской области по социальной защите населения позволяет ей претендовать на включение в число пилотных регионов Минтруда РФ с продолжением наработок по усилению адресной социальной поддержки и экономической устойчивости данной категории семей.

Кандидат экономических наук директор Высшей школы экономики, управления и права САФУ им. М.В. Ломоносова *Силуанова Людмила Сергеевна*, выступившая с докладом на тему «Вовлечение молодежи в стратегическое управление регионом как ответ на миграционные риски северных территорий», сконцентрировалась на перспективах повышения миграционной привлекательности северных территорий России, особенно для молодого поколения. По её мнению, необходимо предоставлять молодежи возможности для самореализации — участия в общественно значимых волонтерских проектах и ключевых проектах региона, получения современного образования, востребованного на рынке труда. Л.С. Силуанова рассказала об опыте Северного (Арктического) федераль-

ного университета в реализации сетевых программ для предоставления образования мирового уровня, об образовательных программах по модели «завод—вуз» и практико-ориентированной подготовке студентов, а также о примерах вовлечения молодежи в процессы управления изменениями на региональном и муниципальном уровне.

Доктор социологических наук, профессор *Маркин Валерий Васильевич* (Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН) проанализировал стратегии и политико-управленческие практики пространственного развития России. Он полагает, что после жесткой критики проекта Стратегии пространственного развития Российской Федерации содержание данного документа было значительно улучшено, но работать он может при условии, если на основе его концептуальных положений будут разработаны региональные стратегии. Однако анализ нынешних региональных практик, по мнению ученого, показывает инерционное, редуционно-административное понимание проблемы пространственного развития России. Механизмами для решения данной задачи могут стать государственно-муниципально-частное партнерство на высокотехнологической основе, малый и средний бизнес, межрегиональное и межмуниципальное сотрудничество, социальный капитал, комфортная среда и др.

Кандидат экономических наук заведующий лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления Вологодского научного центра РАН *Морев Михаил Владимирович* в докладе «Региональные тенденции институционального доверия» остановился на возрастающей роли фактора доверия в современном мире. Как он отметил, Россия не отличается высоким уровнем институционального и межличностного доверия. По его мнению, проблема низкого доверия обусловлена факторами, связанными с исторической, социокультурной спецификой нашей страны, с происходившей в последние десятилетия трансформацией и с современными проблемами эффективности государственного управления. На фоне обострения отношений общества и власти уровень доверия может послужить индикатором того, насколько этот кризис будет долгосрочным и системным.

В докладе кандидата экономических наук заведующего лабораторией пространственного развития и размещения производительных сил Вологодского научного центра РАН *Кожеев-никова Сергея Александровича* были затронуты перспективы участия регионов Европейского Севера в развитии Арктической зоны РФ. Исследователь считает, что огромный природно-ресурсный потенциал Европейского Севера и Арктики (ЕСР) используется не в полной мере, т.к. постсоветские трансформации привели к нарушению экономических связей с другими регионами и разрушению инфраструктурного и человеческого капитала ЕСР. Среди проблем данных территорий были выделены сокращение численности постоянного населения, «примитивизация» их экономики и преобладание производства продукции невысоких переделов, кризисные явления в сельском хозяйстве, снижение объемов грузооборота и др. Сделан вывод о необходимости проведения технологической модернизации северных и арктических территорий, а также грамотной организации в сфере развития транспортно-логистической инфраструктуры.

В рамках конференции была организована работа четырех секций.

Проблематика *секции №1 «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий»* включала весьма широкий спектр вопросов, в числе которых наиболее острые проблемы экономического роста, экономической безопасности и пространственного развития регионов в посттрансформационный период; потенциал российских территорий; различные аспекты устойчивого развития; методология и инструментарий управления социально-экономическими процессами на территориальном уровне и др.

Участниками заседания стали представители двенадцати учреждений науки и высшей школы из различных российских регионов и ближнего зарубежья. Был заслушан 21 доклад. Заместитель директора по научной работе ВолНЦ РАН д.э.н. Ускова Тамара Витальевна осветила ключевые вызовы экономической безопасности России. Старший научный сотрудник, зав. лабораторией ВолНЦ РАН к.э.н. Печенская Мария Александровна остановилась на вопросах развития бюджетного потенциала российских территорий в контексте

обеспечения экономической безопасности государства. Вопросам пространственного развития были посвящены доклады директора Института экономики УрО РАН д.э.н. Лавриковой Юлии Георгиевны, старшего научного сотрудника отдела геоурбанистики и пространственного развития Института социально-политических исследований РАН к.полит.н. Фомина Максима Витальевича, научного сотрудника Института экономики Карельского научного центра РАН к.э.н. Морошкиной Марины Валерьевны, зав. кафедрой финансов и кредита Вологодского государственного университета д.э.н., профессора Губановой Елены Сергеевны.

Различные аспекты экономического роста и обуславливающие его факторы были представлены в докладах старшего научного сотрудника Института экономики ФИЦ Карельского научного центра РАН к.э.н., доцента Розановой Людмилы Ивановны, доцента кафедры социологии и политологии Курского государственного университета, к.соц.н. Пасовец Юлии Михайловны. Об инструментарии оценки среднего положения российских регионов в цепочках добавленной стоимости рассказал зам. зав. отделом ВолНЦ РАН, ведущий научный сотрудник к.э.н. Лукин Евгений Владимирович.

Экономические проблемы регионального развития рассмотрены в выступлениях научного сотрудника ВолНЦ РАН Поваровой Анны Ивановны и младшего научного сотрудника ВолНЦ РАН Мельникова Алексея Евгеньевича.

На вопросах устойчивого развития территорий, различных факторах, препятствующих этому процессу, заострили внимание слушателей доцент кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета, к.соц.н. Довейко Александр Борисович, начальник международного отдела Института социально-экономических проблем народонаселения РАН к.и.н. Егоров Валерий Кузьмич, профессор кафедры управления производством Вологодской государственной молочнохозяйственной академии имени Н.В. Верещагина, д.э.н. Советов Павел Михайлович, зав. лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения РАН к.э.н., доцент Шнейдерман Инна Михайловна и старший научный сотрудник этого института Гузанова Алла

Константиновна, доцент Вологодского государственного университета к.э.н. Орлова Эльвира Олеговна.

В ходе работы *секции №2 «Социально-демографическое развитие регионов: проблемы и перспективы»* обсуждались темы: цивилизационный потенциал развития локальных территорий Северо-Запада России; демографические аспекты пространственного развития России; региональные особенности процесса демографического старения в России; трансформация института семьи и его роль в формировании человеческого потенциала детей; уровень жизни пенсионеров в России; качество трудовой жизни населения; экономические приоритеты молодой семьи; индексный подход к изучению социального потенциала России и др.

К числу особо значимых результатов работы секции можно отнести предложенный директором Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук д.филос.н. Козловским Владимиром Вячеславовичем новый взгляд на развитие локальных территорий и его цивилизационный потенциал. Заместитель директора ИСПИ РАН по стратегическому развитию, руководитель отдела геоурбанистики и пространственного развития к.э.н., доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД РФ (г. Москва) Безвербный Вадим Александрович актуализировал вопрос взаимосвязи демографического и территориального развития регионов России, особенно в контексте разрабатываемой Концепции пространственного развития страны. В части развития теории исследования динамики возрастной структуры населения научным сотрудником ФГБУН ВолНЦ РАН В.Н. Барсуковым предложено понимание старения населения как целостного, единого, структурного и системного «явления», обусловленного совокупностью процессов изменения демографического, экономического и социального пространства. Определение старения населения как «увеличение доли пожилых людей» сужает восприятие его сущности до причины без учета последствий. Ведущий научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН к.филос.н. Т.А. Гужавина представила методику и результаты оценки социального капитала, согласно

которым треть населения обладает социальным капиталом выше среднего уровня. В ходе обсуждения было рекомендовано рассматривать его в контексте концепции качества населения. Проблеме гендерных различий социального положения, в частности в здоровье и оплате труда, сохраняющей актуальность в мире и в России, был посвящен доклад ведущего научного сотрудника лаборатории гендерных проблем ФГБУН ИСЭПН РАН (г. Москва) к.э.н. З.А. Хоткиной. По её словам, заметно более худшее состояние здоровья мужчин по сравнению с женщинами – важнейший вызов социально-экономическому развитию страны. О необходимости учета системой обучения перемен на рынке труда в эпоху роботизации, об ориентации на развитие надпрофессиональных soft skills (мягких навыков) рассказал доцент кафедры экономики и менеджмента экономического факультета Государственного социально-гуманитарного университета (г. Коломна) С.В. Крошилин. Непростая ситуация складывается и в школьном образовании. Старший научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН к.э.н. М.А. Головчин, представляя результаты исследования реформ, отметил дивергенцию, существующую в социально-профессиональной общности учителей, проявляющуюся в разной степени адаптированности к происходящим в школе трансформациям, неодинаковом отношении к изменению характера образования, низкой активности в профессиональных объединениях. В ходе заседания обсуждались также вопросы состояния психического и социального здоровья, тенденции образовательной миграции, проблемы развития социальной инфраструктуры, качества жизни, развития гражданского общества. Одним из общих выводов работы секции стало признание необходимости улучшения статистического учета и системы мониторинга социально-экономического развития, создания доступных баз данных по результатам региональных исследований, проводимых на единой методологической основе.

Главная цель секции №3 «Научно-технологическое развитие территорий: региональные тенденции и практики» заключалась в поиске и обосновании путей развития научно-технологического пространства, активизации инновационных процессов в регионах для повышения конкурентоспособности национальной эконо-

мики и создания условий, способствующих повышению качества жизни населения и развитие человеческого потенциала.

Всего на секции было представлено 15 докладов. В её работе приняли участие к.э.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова М.С. Соколов, к.э.н. в.н.с. Центрального экономико-математического института РАН А.А. Кобылко, к.э.н. ученый секретарь ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» В.Н. Маковеев, к.э.н., доцент кафедры экономической теории, учета и анализа ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» А.И. Метляхин, к.э.н., доцент кафедры «Экономика транспорта» ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I» И.М. Гулый, к.э.н. заведующий лабораторией Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН С.Н. Мищук, к.э.н. с.н.с. лаборатории инновационной экономики Вологодского научного центра Российской академии наук В.С. Усков.

Практическую ориентированность секционного заседания подтверждает интерес со стороны реального сектора экономики. Так, выступивший гендиректор ЗАО «Мезон» С.Е. Елгаев рассказал об опыте создания в регионе высокотехнологичного машиностроительного производства, а также о сложностях и перспективах его развития.

Участники мероприятия высоко оценили его, отметив, что получили здесь возможность обобщить собственный научный опыт, ознакомиться с результатами изысканий коллег и представителей реального сектора экономики.

Тематика новой секции №4 «Аграрная наука и ее роль в обеспечении социально-экономического развития региона» включала в себя обсуждение следующих вопросов: влияние отрасли сельского хозяйства на экономическое развитие Вологодской области; подходы к управлению развитием сельских территорий РФ; роль кооперативных форм хозяйствования Агропромышленного комплекса региона; развитие кормопроизводства на основе современных технологий; современные способы отбора проб кормов; развитие племенного молочного скотоводства на Европейском Севере РФ; обеспечение продовольственной безопасности

регионов, развитие сельскохозяйственных производств; проблемы и предпосылки развития биотехнологий в Вологодской области. В программу заседания секции вошло обсуждение проблем продвижения новых научных достижений и поиска путей развития отрасли молочного животноводства и кормопроизводства.

В работе этой секции, организованной СЗНИИМЛПХ – обособленным подразделением ВолНЦ РАН, приняли участие 45 ученых и специалистов из десяти организаций: это СЗНИИМЛПХ, Ярославский НИИЖК – филиал ФНЦ «ВИК им. В.Р. Вильямса», Департамент сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области, БУ ВО «Вологодский информационно-консультационный центр агропромышленного комплекса», Вологодская ГМХА им. Н.В. Верещагина, ВоГУ, Вологодский аграрно-экономический колледж, племпредприятия Вологодского и Череповецкого районов.

В ходе секции было представлено 17 докладов. От СЗНИИМЛПХ с докладами выступили: его директор к.э.н. К.А. Задумкин (доклад «О необходимости пересмотра подходов к управлению развитием сельских территорий Российской Федерации»), зав. отделом растениеводства Н.Ю. Коновалова («Развитие кормопроизводства на основе современных технологий выращивания кормовых культур в условиях Европейского Севера России»), ст. н.с. отдела кормов и кормления сельскохозяйственных животных П.А. Фоменко («Химический состав кормов, заготовленных в Вологодской области»), лаборант-исследователь отдела разведения сельскохозяйственных животных

М.О. Селимян («Влияние экстерьерных признаков коров первого отела айрширской породы на молочную продуктивность»), зав. отделом кормов и кормления сельскохозяйственных животных к.б.н. И.В. Гусаров («Основные аргументы в пользу сохранения зубров»), зав. отделом разведения сельскохозяйственных животных к.с.-х.н. Н.И. Абрамова («Развитие племенного молочного скотоводства на Европейском Севере Российской Федерации»).

Активное участие в обсуждении представленных материалов приняли доцент, профессор кафедры растениеводства, земледелия и агрохимии ФГБОУ ВО Вологодская ГМХА д.э.н. А.Н. Налиухин, консультант отдела животноводства и племенного дела Управления агропромышленного производства ДСХиПР ВО Е.В. Балагурова, главный зоотехник ОАО «Племпредприятие «Вологодское» Л.Л. Шабанова, зав. отделом растениеводства СЗНИИМЛПХ Н.Ю. Коновалова, и.о. директора Института управления, экономики и юриспруденции ФГБОУ ВО «ВоГУ» д.э.н. Маклахов Алексей Васильевич.

На протяжении всей работы конференции представители академической науки говорили о значимости темы социально-экономических реформ в условиях, когда экономика России находится в трудном положении вследствие тяжелой политической обстановки и исчерпания прежних возможностей роста. Ученые подчеркивали, что необходимы реформы, направленные прежде всего на консолидацию общественности, администрации, бизнеса, гражданского общества и науки. Мероприятия, проводимые в рамках подобных масштабных конференций,



Пленарное заседание.
А.А. Шабунова и В.М. Полтерович



На пленарном заседании



Участники заседания секции
«Социально-демографическое развитие регионов: проблемы и перспективы»

помогают в разработке новых идей для осуществления перспективных исследований. В целях достижения устойчивого развития страны участники конференции выразили готовность делиться результатами научных работ не только друг с другом, но и с руководством регионов, предпринимателями и обществом.

* * *

В таблице приведены результаты опроса участников VIII Международной научно-практической конференции по оценке удовлетворенности её ходом и итогами, а также уровнем организации пленарного и секционных заседаний.

Результаты экспресс-опроса (в баллах по десятибалльной шкале:
1 балл – низкая степень ... 10 – высокая степень)

Участники конференции	Кол-во анкет	Удовлетворенность ходом и итогами	Общая организация
Секция №1	19	9,8	9,8
Секция №2	19	9,8	9,9
Секция №3	19	9,6	9,6
Секция №4	38	8,7	9,1
В целом по всем секциям	95	9,5	9,6
Пленарное заседание	64	9,2	9,3
В целом по конференции	159	9,4	9,5

Материал подготовили сотрудники ВолНЦ РАН:
зам. директора по научной работе к.э.н. Л.В. Бабич,
зам. директора по научной работе д.э.н. Т.В. Ускова,
зам. директора по научной работе к.э.н. О.Н. Калачикова,
директор СЗНИИМЛПХ к.э.н. К.А. Задумкин,
зав. отделом к.э.н. Е.А. Мазиллов
младший научный сотрудник С.Л. Неустроева.

VIII international research-to-practice conference “Strategy and Techniques of Socio-Economic Reforms: Regional Aspect”

The material was prepared by the VoIRC RAS staff:
Deputy Director for Science, Candidate of Sciences (Economics) Lubov' V. Babich
Deputy Director for Science, Doctor of Economics Tamara V. Uskova
Deputy Director for Science, Candidate of Sciences (Economics) Olga N. Kalachikova
Director of NWDFGMRI, Candidate of Sciences (Economics) Konstantin A. Zadumkin
Department head, Candidate of Sciences (Economics) Evgenii A. Mazilov
Junior Researcher Svetlana L. Neustroeva

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg / .jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscs.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи.

1. Поля.

Правое – 1 см., остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 250 до 300 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Источники в списке литературы располагаются строго в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, расположенные по алфавиту, затем – иностранные, также расположенные по алфавиту).

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. **Лицензиар** и **Лицензиат** несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

**АКТ
приёма-передачи произведения**

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____

_____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____

_____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», составили настоящий акт о том, что Лицензиар предоставил Лицензиату Произведение _____

_____ в печатной/электронной **версии** для использования в соответствии с подписанным сторонами Лицензионным договором № _____ от « ____ » _____ 20__ года.

Передал
Лицензиар:

Принял
От Лицензиата:

_____ / _____
подпись

_____ / _____
ф. и. о. полностью

_____ / _____ / _____
подпись

М. П.

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);

2) на сайте <http://www.akc.ru>;

3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-10 (доб. 387), адрес электронной почты: bushmanova@vscc.ac.ru).

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 27.02.2019.
Дата выхода в свет 28.02.2019.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 31,6. Тираж 500 экз. Заказ № 58.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscs.ac.ru